

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НИИ

М. А. КУМАХОВ

МОРФОЛОГИЯ АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ

СИНХРОННО-ДИАХРОННАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА

I

ВВЕДЕНИЕ, СТРУКТУРА СЛОВА,
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАЛЬЧИК 1964

не-
ов
не
об-
их
во-
об-
га-
пе
ы-
ко
во-
су-
ого
их
ни
ди-
аб-
ее
о с
ки
им
—
гся
ко-
и
на-
зы-
ми
кой.
не
ми.
го-
ль-
на-
ом

Морфология адыгских языков, часть I представляет собой первую попытку монографического исследования структуры слова и словообразования в адыгских языках. Во «Введении» на материале описываемых языков рассматриваются некоторые общие вопросы морфологии и теории слова.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Абхазско-адыгские языки стали предметом пристального научного изучения в нашей стране. Исключительное своеобразие структуры этих языков привлекает также внимание зарубежных лингвистов.

В области изучения абхазско-адыгских языков достигнуты значительные успехи. Описаны основные фонетические и грамматические особенности абхазско-адыгских языков, монографическим путем исследовано большинство их диалектов, в сравнительно-историческом аспекте разработаны отдельные вопросы фонетики и грамматики.

Вместе с тем следует признать, что предстоит еще многое сделать в области изучения абхазско-адыгских языков. До сих пор не получили достаточного освещения вопросы составления научной грамматики по данной группе языков. Предмет научной грамматики и соотношение единиц различных языковых уровней исследователями абхазско-адыгских языков — да и не только абхазско-адыгских — определяются различно. Остается нерешенным также вопрос о принципах построения морфологии и синтаксиса этих языков. В существующих грамматиках абхазско-адыгских языков методика синхронного описания языковых фактов является во многом несовершенной.

Что же касается сравнительно-исторического изучения абхазско-адыгских языков, то оно сопряжено с рядом объективных трудностей. При отсутствии письменных памятников, на которых преимущественно основывается традиционное сравнительно-историческое языкознание, сравнительное изучение абхазско-адыгских языков осложняется тем, что эти языки составляют более замкнутую и изолированную лингвистическую группировку по сравнению с другими иберийско-кавказскими языками. Адыгейский и кабардинский языки очень близки друг к другу, но эти языки не так тесно сближаются с абхазским и абазинским. Расхождения между этими двумя основными подгруппами — адыгской и абхазской — настолько значительны, что до сих пор не удается установить необходимых для сравнительного анализа закономерных звуко-соответствий этих языков. Резкие различия между двумя подгруппами, как и слишком близкое родство диалектов, входящих в каждую подгруппу, одинаково затрудняют сравнительно-историческое изучение абхазско-адыгских языков. Убыхский язык, занимающий среднее место между абхазско-адыгскими языками, мог бы помочь объяснить многие специфические явления каждой подгруппы. Но язык убыхов, полностью вышедших во второй половине XIX столетия в Турцию, еще недостаточно изучен советскими кавказоведами. Поэтому естественно, что абхазско-адыгские языки находятся в менее благоприятных условиях для диахронического изучения, чем, например, картвельские или дагестанские языки. Изучение истории картвельских языков в значительной мере облегчается наличием письменных памятников на грузинском

языке с V в. н. э., хотя в эту группу входит всего три языка. Отсутствие письменных памятников на дагестанских языках во многом компенсируется многочисленностью данной группы языков, которые обнаруживают между собой различную степень родства.

Таким образом, абхазско-адыгские языки не только не располагают древними памятниками письменности, но и образуют лишь небольшую группу языков, довольно изолированных друг от друга в их синхронном состоянии. Естественно, что все эти трудности не могут не повлиять отрицательно и на результаты предлагаемой работы.

В первой части «Морфологии» рассматриваются строение слова и словообразование частей речи: имени, глагола, местоимения, числительного, наречия, служебных слов, междометий и мимео-образительных слов.

Автор сознает, что в данной работе не разрешены все проблемы строения слова и словообразования частей речи в адыгских языках. В работе дается характеристика общеадыгских словообразовательных моделей и словообразовательных морфем, а также выявляются расхождения, имеющиеся между адыгскими языками в области словообразования. На основании сравнительного анализа словообразовательных явлений делаются отдельные выводы исторического характера. Однако состояние исследовательской работы по абхазско-адыгской группе языков еще не позволяет проследить генезис всех словообразовательных морфем и сделать все необходимые выводы об эволюционных процессах словообразовательной системы адыгских языков.

Во вводной части рассматривается ряд общих проблем — предмет морфологии и принципы ее построения, место словообразования в морфологии, соотношение развития словообразовательных и формообразовательных морфем, взаимосвязь между словообразованием и формообразованием, взаимоотношение морфемного и словообразовательного строения слова в связи с вопросом о границах применения дескриптивного метода непосредственно составляющих, границы между словообразовательными и смежными языковыми единицами, понятие сложного слова, некоторые вопросы морфологической типологии и др. Здесь же дается история изучения словообразования адыгских языков.

Автор предлагаемой работы стоит на точке зрения, что для всестороннего исследования взаимоотношений между элементами языковой структуры необходимо сочетать традиционные и структурные методы лингвистического анализа. Между традиционной и структурной морфологией, по мнению автора, нет глубокой пропасти.

Работа выполнена в Институте языкознания АН СССР.

При разработке вопросов морфологии автор постоянно пользовался советами докторов филологических наук Е. А. Бокарева и Ю. Д. Дешериева, которым он приносит искреннюю благодарность.

Автор считает своим долгом выразить признательность доцентам Ю. К. Намитокову (Адыгейский государственный педагогический институт) и М. Л. Абитову (Кабардино-Балкарский государственный университет), сделавшим ряд ценных замечаний по тексту рукописи.

О ТРАНСКРИПЦИИ

В применяемой нами транскрипции используются все буквы адыгейского и кабардинского алфавитов, за исключением щ, щ'. Стремясь к максимальной унификации, мы используем буквы этих алфавитов со следующими особенностями: лабиализация согласного везде обозначается знаком у; мягкость адыгейских шипящих спирантов обозначается знаком ь: жь, шь; вместо жь, шь, щ' кабардинского алфавита для обозначения адыгских шипяще-свистящих спирантов используются буквы жь, шь, ш', взятые из адыгейского алфавита. Твердая абруптивная шипящая аффриката обозначается буквой ч', а твердая шипящая аффриката — буквой ч'ь, буквами кь, к'у обозначаются кабардинские фарингальные абруптивы и адыгейские фарингальные полуабруптивы. В ряде случаев для адыгских слов параллельно с транслитерацией дается транскрипция источника.

СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

абадз.	— абадзехский диалект
абаз.	— абазинский язык
абх.	— абхазский язык
адыг.	— адыгейский язык
бесл.	— бесленеевский диалект
бжед.	— бжедугский диалект
бакс.	— баксанский диалект
груз.	— грузинский язык
каб.	— кабардинский язык
куб.	— кубанский диалект
мозд.	— моздокский диалект
лит. адыг.	— литературный адыгейский язык
лит. каб.	— литературный кабардинский язык
нем.	— немецкий язык
русск.	— русский язык
темирг.	— темиргоевский диалект
убых.	— убыхский язык
шапс.	— шапсугский язык
чанск.	— чанский язык

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- || — параллельные адыгские (адыгейская и кабардинская) формы;
- < — развилось из ...; возникло из ...;
- > — превратилось в ...; перешло в ...;
- = — равняется; соответствует по значению.

Раздел I

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИИ И ТЕОРИИ СЛОВА

I. ПРЕДМЕТ МОРФОЛОГИИ И ПРИНЦИПЫ ЕЕ ПОСТРОЕНИЯ

§ 1. Вопрос о предмете морфологии в современном языкознании. В науке о языке до сих пор нет общепринятой точки зрения по вопросу о предмете морфологии и принципах ее построения.

Различают приемы словообразования и приемы формообразования. Вопрос о том, должны ли быть приемы формообразования объектом изучения морфологии, никогда не вызывал споров в советском языкознании. Предметом споров и дискуссий является вопрос о том, следует ли отнести к морфологии учение о словообразовании наряду с учением о формообразовании.

Существуют различные точки зрения по вопросу о месте словообразования в кругу других лингвистических дисциплин.

Многие советские лингвисты включают словообразование в грамматику. Так, акад. В. В. Виноградов вводит словообразование русского языка в грамматическое учение о слове¹. По мнению В. В. Виноградова, в русском и родственных языках словообразование также тесно связано с лексикологией. В. В. Виноградов по этому поводу пишет: «В сфере изучения закономерностей и процессов морфологического и синтаксико-морфологического образования слов словообразование тесно сближается с морфологией, иногда как бы сплетается с ней. В кругу вопросов, связанных с изучением процессов лексикализации словосочетаний,

---

¹ См.: В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947.

а также процессов лексико-семантического образования слов, словообразование неотрывно от лексикологии»².

В академической грамматике русского языка словообразование рассматривается в разделе морфологии. Во «Введении» к этой грамматике мы читаем: «Предметом морфологии в настоящей Грамматике будет морфология в широком смысле, т. е. учение не только о способах образования форм слова, иначе учение о формообразовании (включая сюда и словоизменение), но и учение о словообразовании, т. е. учение о способах образования слов»³.

В описательных грамматиках словообразование иногда излагается в конце морфологии, т. е. после описания форм образования частей речи⁴.

Некоторые лингвисты различают два основных типа словообразования: грамматический и неграмматический. Понимая под грамматическим словообразованием синтетическое, т. е. аффиксальное, и аналитическое образование слов, одни ученые считают необходимым включение данного типа словообразования в морфологию⁵. Относя к грамматическому словообразованию также словосложение и категориальный переход слов из одного разряда в другой (явления субстантивации, адъективации и адвербиализации), другие ученые выносят этот тип словообразования из морфологии⁶.

Словообразование в целом нередко выделяется в особый раздел грамматики наряду с морфологией и синтаксисом⁷.

Учение о словообразовании часто выводится за пределы грамматики и включается в лексикологию⁸.

При синхронном описании языка отдельные лингвисты дают характеристику основных способов словообразования в лексикологии, а словообразование частей речи рассматривают в морфологии⁹.

Существует также мнение о целесообразности выделения учения о словообразовании в самостоятельный раздел науки о языке наравне с грамматикой, лексикологией и т. д.¹⁰

² В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). Сборник «Вопросы теории и истории языка». М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 152.

³ «Грамматика русского языка», т. 1. М., Изд. АН СССР, 1960, стр. 15.

⁴ См.: «Грамматика финского языка». М., 1958.

⁵ См.: Э. В. Севортян. Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском языке. Автореферат докторской диссертации, 1957.

⁶ См. К. Е. Майтинская. Венгерский язык, II. Грамматическое словообразование. Изд. АН СССР.

⁷ См.: В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.

⁸ См.: А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956; Лексикология современного английского языка. М., 1959.

⁹ См.: Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, А. М. Шанский. Современный русский язык. М., 1957.

¹⁰ См.: М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, стр. 53—54.

Вопрос о предмете морфологии решается различно не только специалистами различных языков, но также специалистами одного и того же языка.

Так, например, А. В. Исаченко категорически возражает против включения словообразования русского языка в морфологию¹¹. Рассматривая приемы образования слов в чисто лексическом плане, А. В. Исаченко относит словообразование полностью к лексикологии¹².

Словообразование немецкого языка О. И. Москальская включает в морфологию¹³, а К. А. Левковская — в лексику¹⁴.

В. И. Абаев выносит словообразование осетинского языка из морфологии¹⁵, а авторы последней грамматики осетинского языка излагают его в разделе морфологии по схеме академической грамматики русского языка¹⁶.

В картвелистике морфология охватывает также словообразование, хотя некоторые исследователи (Н. Я. Марр, И. Кипшидзе и др.) выделяли словообразование в целом в самостоятельный раздел грамматики.

В описательных грамматиках горских иберийско-кавказских языков в центре морфологии всегда находились категории формообразования. Что же касается словообразования, то оно отодвигалось на задний план или вовсе выводилось за пределы грамматики. Кроме того, некоторые исследователи этих языков максимально сузили объем морфологии, подчинив ее полностью синтаксису¹⁷. Понятия словообразования и формообразования у этих исследователей весьма сбивчивы и противоречивы. В результате явления словообразования, если они затрагивались при описании языка, рассматривались в самых различных разделах грамматики¹⁸.

Таким образом, существуют различные точки зрения по вопросу о месте словообразования в науке о языке. Однако в настоящее время в советском языкознании становится уже господствующей точка зрения, согласно которой словообразование рассматривается в морфологии по соответствующим частям речи. Эта точка зрения, наиболее четко сформулированная в академической грамматике русского языка, в последнее время без-

¹¹ См.: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. 1. Братислава, 1954.

¹² Там же, стр. 21—29.

¹³ См.: О. И. Москальская. Грамматика немецкого языка. М., 1956.

¹⁴ См.: К. А. Левковская. Немецкий язык, ч. 1. М., 1960.

¹⁵ См.: В. И. Абаев. Указанное соч.

¹⁶ См.: «Грамматика осетинского языка», т. 1. Орджоникидзе, 1963.

¹⁷ См., например: Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамф. Грамматика литературного адыгейского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941; Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948.

¹⁸ Подробнее об этом см. ниже, в главе «Из истории изучения словообразования адыгских языков».

оговорочно принимается в большинстве описательных грамматик языков народов СССР. Тем самым намечается общая схема построения морфологии различных языков в советском языкознании. По этому образцу построена также морфология в последней описательной грамматике кабардинского языка¹⁹.

В современном зарубежном языкознании вопрос о месте словообразования решается по-разному. Представители дескриптивной лингвистики рассматривают словообразовательные явления на морфемном уровне. Однако границы конститутивных единиц морфемного уровня в дескриптивной лингвистике остаются не вполне ясными и определенными. Достаточно сказать, что в понимании некоторых дескриптивистов морфология охватывает не только описание морфем, но также более крупных соединений, т. е. синтаксических единиц. Кроме того, в дескриптивной лингвистике при описании морфемного состава языка далеко не всегда проводится разграничение словообразовательных и словоизменяемых морфем.

В этом отношении показательным также исследование голландского лингвиста Э. Куйперса «Phoneme and morpheme in kabardian», который впервые сделал удачную попытку дать формальный анализ фонемных и морфемных единиц кабардинского языка в терминах структурной лингвистики²⁰. Э. Куйперс рассматривает не морфемный состав языка в целом, а природу морфемы вообще, причем автор не разграничивает корневых, словообразовательных и словоизменяемых морфем. В конце раздела, посвященного морфемным единицам (the morphemic units), Э. Куйперс приходит к заключению о том, что с формальной точки зрения в кабардинском языке морфема является открытым сегментом (согласный + открытость).

Анализ морфемного состава у дескриптивистов ставит основной целью не выявление словообразовательных типов, а определение простейших значимых единиц, их дистрибуцию и иерархическую организацию. Правда, анализ морфемных единиц по методу непосредственно составляющих способствует выявлению словообразовательных моделей многоморфемных слов. Однако границы применения метода непосредственно составляющих на морфемном уровне ограничены определенными типами основ и слов (см. § 8).

§ 2. Вопрос о месте словообразования в кругу других лингвистических дисциплин. Прежде всего следует подчеркнуть, что этот вопрос не может быть решен независимо от своеобразия структуры конкретного языка или группы родственных языков. Разумеется, нельзя считать правомерным, когда при синхронном

¹⁹ См.: «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». М.—Л., Изд. АН СССР, 1957.

²⁰ Aert H. Kuipers. Phoneme and morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe). (Janua Linguarum, no. VIII), 1960.

описании одного и того же языка у различных авторов вопрос о месте словообразования получает диаметрально противоположные решения. Но место словообразования не может быть постоянным, стандартным при описании любого языка. В одних языках словообразование теснее связано с грамматикой, чем с лексикологией, а в других — оно по своему содержанию выступает более автономно среди других разделов науки о языке. Так, например, одним из продуктивных способов словообразования в английском языке является безаффиксальное словообразование (конверсия), в русском — аффиксальное, в абхазско-адыгских — словосложение. Совершенно естественно, что характер словообразовательной связи с грамматикой и лексикой в этих языках будет различным. Поэтому те, кто предлагает схему при решении данного вопроса, игнорируют многообразие языковой действительности.

В адыгских языках словообразование тесно связано с грамматикой. Правда, отдельные типы образования слов, например, лексикализация синтаксических единиц, образование слов путем распада значения слова (возникновение омонимов), относятся к сфере лексикологии, хотя они также обнаруживают связь с грамматикой. Но основные типы словообразования, в том числе словосложение и основосложение, в адыгских языках невозможно рассматривать вне связи с категориями формообразования. Поэтому включение словообразования в грамматику, в частности в морфологию, обусловлено прежде всего соотношением словообразовательных и формообразовательных категорий.

Мы здесь не будем останавливаться на вопросе об отношении словообразования к формообразованию²¹. Но в этой связи отметим следующее. Если вынести словообразование за пределы морфологии, то, будучи последовательным, необходимо исключить из морфологии так называемые неизменяемые части речи, т. е. слова, не имеющие форм словоизменения, а обладающие лишь словообразовательной структурой. К таким словам относятся во многих языках наречия, союзы, предлоги, частицы, междометия. Если стать на эту точку зрения, то при описании морфологии адыгских языков следует оставить в стороне наречия, большинство послелогов, все союзы, частицы и междометия, а при изложении числительных и местоимений ограничиться рассмотрением одной грамматической категории, а именно категории склонения. Поэтому те лингвисты, которые считают объектом изучения морфологии лишь формообразование, практически не могут реализовать эту точку зрения при построении морфологии.

Мы исходим из того, что на морфемном уровне единицей анализа является морфема. Принятие морфемы за единицу анализа

²¹ Подробнее об этом см. ниже, в главе «Взаимосвязанность словообразовательных и формообразовательных категорий».

означает признание словообразования объектом изучения морфологии, поскольку под морфемой понимаются простейшие значимые единицы языка.

Однако словообразование и формообразование являются различными, хотя тесно связанными, компонентами морфологии. Каждый из них имеет свои функциональные и структурные особенности.

Существующая система описания различных языковых уровней содержит одно противоречие. Описание языка чаще всего строится по принципу: от низших единиц к высшим, от низших уровней к высшим. Но на морфемном уровне делается отступление от этого принципа: сначала анализируются словоформы (формы числа, падежа, лица, времени, наклонения и т. д.), а затем — основы, точнее — образование основ частей речи. Между тем не требует пояснений то, что основа является только ядром словоформы. Словоформа *шлэныгъэ-р* «знание» (им. п. ед. ч.) по отношению к основе *шлэныгъэ* относится к более высшим конститутивным единицам морфемного уровня. Иначе говоря, словоформы (парадигматика) представляют собой своеобразный трансформ основы, которая фонетически совпадает с нулевой формой слова. В этом смысле образование основ и слов находится на переднем плане морфологического уровня.

Особенно важно указать на то, что сфера действия словообразования и формообразования различна. Разрозненное описание словообразования в разделе морфологии под соответствующими частями речи, как это делается за последние годы в большинстве описательных грамматик языков народов СССР, не всегда оказывается удобным и приемлемым. При таком построении морфологии вне поля зрения остаются явления, которые не ограничены рамками определенного парадигматического класса слов, а совмещают признаки различных парадигматических классов слов. Так, например, в адыгских языках не существует четкой и последовательной морфологической дифференциации именных и глагольных основ. В этих языках от целого ряда нейтральных основ без помощи именных и глагольных основообразующих формантов в зависимости от окружения свободно образуются парадигмы имен и глаголов. (Ср.: каб. *джэгу* «игра», *джэгу* «играй», *со-джэгу* «я играю», *пхъашлэ* «плотник», *пхъашлэ* «плотничай», *со-пхъашлэ* «я плотничая».)

Нетрудно заметить, что в адыгских языках вопрос о безаффиксальном словообразовании неотделим от проблемы частей речи. Критерием разграничения существительных и глаголов, образованных от основ типа *джэгу*, *псалъэ*, *пхъашлэ* и подобные, служат их парадигматика и сочетаемость. В синхронном плане эти основы характеризуются морфологической недифференцированностью по отношению их принадлежности к именным и глагольным основам, хотя диахронически между существительным и глаголом, которые соотносительны по конверсии, установли-

вается отношение производности и непроизводности. Следует в скобках заметить, что этот важнейший критерий разграничения существительных и глаголов как частей речи до сих пор остается вне поля зрения как авторов специальных работ по вопросу о частях речи в адыгских языках, так и описательных грамматик этих языков (подробнее см. § 30).

Образование слов от основ данного типа неправомерно рассматривать отдельно в морфологии под формообразованием одного класса слов, поскольку они функционируют в парадигмах двух различных классов слов (существительных и глаголов). Нельзя считать целесообразным также дублирование языкового материала, т. е. рассмотрение словообразовательных моделей слов с нейтральными основами дважды — сначала в рамках словообразования существительных, а затем — глаголов. Не случайно, что ни в одной из существующих школьных и научных грамматик адыгских языков не рассматривается безаффиксное образование слов от основ, выступающих в парадигмах имен и глаголов. Структура этих грамматик не позволяет охватить словообразовательные явления, которые не могут быть втиснуты в рамки одного класса слов.

При таком положении представляется целесообразным выделить словообразование в особый раздел морфологии наравне с разделом, посвященным формообразованию. Расположение морфологического материала по двум разделам (частям) дает возможность при описании словообразования выйти за пределы одного класса слов и рассмотреть то общее, что объединяет разные классы слов. Само собой разумеется, что эти два раздела морфологии зависимы друг от друга и между ними не всегда удается провести четкую грань.

В тесной связи с рассматриваемой проблемой находится также вопрос о порядке следования двух частей морфологии. Укоренившееся представление о структуре грамматики, т. е. о порядке размещения ее разделов, зиждется на индоевропейской грамматической традиции, которая в свою очередь восходит к античной грамматике. Между тем вопрос о порядке размещения языкового материала, в том числе морфологического, должен быть решен также с учетом реальных соотношений категории словообразования и формообразования описываемого языка. А соотношения этих категорий в различных языках различны.

В школьных и научных грамматиках рассмотрение понятия основы, как правило, ограничивается тем, что термину **основа** дается краткое и наиболее общепринятое определение. Между тем не представляется возможным более или менее полное освещение основных морфологических категорий без предварительной характеристики структуры и специфики основы, ее отношения к слову, без выяснения взаимосвязи, с одной стороны, между основообразованием и словообразованием, а с другой, — между морфемной структурой основы и словообразовательным

строением слова. Говоря о порядке размещения двух частей морфологии, следует подчеркнуть, что во многих случаях вообще необходимо заранее иметь представление о морфемной структуре и моделях основ для того, чтобы разобраться в системе формообразования того или иного класса слов. Исследователи абхазско-адыгских языков давно обратили внимание на то, что в этих языках морфемное строение основы влияет на систему форм слова. Так, в непереходных глаголах третье лицо субъекта выражается разными способами — в одних случаях аффиксом **ма-** (ср.: каб. *ма-жэ* «он бежит»), а в других — нулевым аффиксом (ср.: каб. *бло-ж* «он бежит мимо»). Эта особенность спряжения адыгского глагола обусловлена морфемной структурой основы.

Сложный порядок расположения (аранжировка) личных аффиксов определяется не только переходностью и непереходностью глагола, но и морфемным строением основы. Например, аффикс субъекта в двухличных переходных глаголах с простой основой префигурируется (ср.: адыг. *уз-сэ-хьы* «я несу тебя»). Но тот же аффикс включается во внутрь основы, если последняя осложнена каким-нибудь словообразовательным элементом (ср.: адыг. *уы-кьэ-сэ-хьы* «я тебя несу сюда»). Во внутрь основы включаются не все глагольные словообразовательные префиксы. В этом отношении индифферентен, например, словообразовательный префикс **гь-**, который занимает место впереди производной основы. Ср.: адыг. *уз-сэ-гьэ-хьы* «я заставляю тебя нести что-то». Но префикс **гь-** оказывает существенное влияние на парадигму имен и местоимений, оформляя их в эргативном падеже. Ср.: каб. *Ар матхэ* «Он пишет», *Абы егъатхэ* «Он заставляет его писать».

То же самое нужно сказать о других частях речи. Так, например, одним из существенных недостатков традиционного описания именного словоизменения адыгских языков — и не только адыгских — является то, что грамматические категории рассматриваются как универсальное, всеобъемлющее явление, в результате чего остаются невыясненными важнейшие структурные особенности языка. Анализ, например, категорий склонения существительных считается исчерпанным, если дается более или менее полная характеристика всех падежных форм. Что касается специфики склонения, связанной с морфемной или словообразовательной структурой существительных, то она, как правило, не рассматривается при описании морфологии данного класса слов. Между тем разные слова внутри класса существительных в зависимости от их строения имеют разные грамматические формы. Достаточно сослаться хотя бы на слова типа адыг. *пцэжъышэ*, каб. *бдзэжъышэ* «рыбалка», адыг. *шаклуэ*, каб. *шъаклуэ* «охота», каб. *шлэнэчлалэ* «объект насмешек». То, что слова этого типа не имеют полной парадигмы склонения, объясняется их словообразовательной структурой.

Из сказанного вытекает вывод: строение слова определяет парадигматику, т. е. формы слова. В связи с этим, естественно, возникает вопрос, правомерно ли при описании морфологии забегать вперед, т. е. сначала исследовать способы образования форм слов, и лишь затем выявлять способы образования основ и слов? В соответствии с вышеизложенным представляется целесообразным рассмотреть в первой части морфологии способы образования основ и слов, а во второй — способы образования форм слов. Разумеется, при исследовании словообразования невозможно полностью отвлечься от формообразовательных категорий. Попытка провести резкую черту между словообразованием и формообразованием неизбежно привела бы к предельному упрощению морфологической системы.

Структура других языков, возможно, требует иного порядка размещения языкового материала в рамках морфологии. Однако следует признать, что характеристика способов образования основ и слов позволяет глубже разобраться также в морфологической системе тех языков, в которых многие явления формообразования вскрываются только путем анализа морфемной и словообразовательной структуры слова. Так, например, в отличие от адыгских языков в русском языке четкая морфологическая дифференциация именных и глагольных основ делает возможным изложение словообразования существительных и глаголов независимо друг от друга — в главах, посвященных этим классам слов. Но в словообразовании существительных и глаголов в русском языке раскрываются отдельные стороны системы формообразования этих частей речи. Поэтому не случайно, что В. В. Виноградов в своей обстоятельной работе «Русский язык» до того, как будут исследованы категории числа, падежа, лица, вида, времени, наклонения и залога, рассматривает основные словообразовательные явления существительных и глаголов и их связь с системой формообразования соответствующих частей речи²². К сожалению, этот принцип не соблюдается в академической грамматике русского языка. Ю. Д. Дешериев в своей монографии «Бацбийский язык» прежде чем перейти к характеристике формообразования существительных и глаголов дает также описание способов образования этих частей речи²³.

Таким образом, порядок расположения языкового материала имеет важное значение для выяснения реальных соотношений в системе языка. При решении вопроса о построении морфологии различных языков следует установить последовательные ступени анализа языкового материала с тем, чтобы раскрыть связь парадигматики с морфемной структурой слова.

²² См.: В. В. Виноградов. Русский язык. Учпедгиз, 1947.

²³ См.: Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. Изд. АН СССР, 1953.

II. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

§ 3. Замечания о морфологической классификации языков.

Основным недостатком существующих морфологических классификаций, в том числе более совершенной классификации Э. Сепира, считается то, что они не отражают реальной картины морфологической структуры языков. Почти стали общим местом высказывания, утверждающие, что этот недостаток связан с природой самого языка, который сочетает в себе различные типологические черты. В этом отношении очень показательна классификация Гринберга²⁴, который сделал попытку определить количественное соотношение элементов различных типологических признаков в пределах конкретных языков. Однако, на наш взгляд, не в этом заключается основной недостаток морфологических классификаций. Классификация, построенная с точки зрения того, какие признаки морфологического строения слова преобладают в данном языке, представляла бы значительный интерес для изучения типологии языков. Но принципы морфологических классификаций остаются до сих пор несовершенными. Дело в том, что в основе морфологических классификаций лежат конститутивные единицы различных языковых уровней, хотя морфологические типы языков следует выделять с точки зрения морфемного строения слова. В результате само понятие морфологического типа оказывается в научной литературе неустойчивым. Отчасти (если не в основном) это объясняется тем, что вопрос о границах слова, структура которого должна лечь в основу морфологической классификации, как в традиционном, так и в современном языкознании не получил удовлетворительного решения. Например, в этой связи можно сказать, что бесконечные дискуссии о природе сложного предложения в иберийско-кавказском языкознании в сущности сводятся к вопросу о том, образуется ли путем сочетания морфем придаточное предложение. Аффиксальные образования типа каб. *клуэмэ* «если он идет» одни ученые считают формой слова, точнее формой склонения, а другие рассматривают их как придаточное предложение. Вопросы разграничения слов, форм слов, словосочетаний и предложений остаются нерешенными во многих языках, в том числе индоевропейских, которые являются наиболее изученными. К решению этих кардинальных общих вопросов лингвисты подходили и все еще подходят не со структурной, а с логико-семантической точки зрения. Отсюда в сущности и проистекает постоянное смещение слова и словосочетания, слова и предложения. Естественно, что это обстоятельство не могло не отразиться на существующих морфологических классификациях. Не трудно заметить, что в основу этих классификаций наряду с морфемной структурой слова ока-

²⁴ J. H. Greenberg. A quantitative approach to the morphological typology of languages. — International Journal of American linguistics. vol. XXVI, 1960, № 3.

зывается структура синтаксических единиц, в частности, словосочетания и предложения, которые отождествляются со словом при выделении последнего с семантической точки зрения. Так, выделение так называемых инкорпорирующих языков в особый тип основывается в ряде случаев на структуре не морфологических, а синтаксических единиц. Само понятие инкорпорации в литературе является крайне расплывчатым. Например, если В. Гумбольдт считал инкорпорацию не морфологическим, а синтаксическим типом, т. е. типом предложения, и не отграничивал ее резко от агглютинации²⁵, то Н. Ф. Яковлев и В. Скаличка подводят под понятие инкорпорации словосложение²⁶.

Советские лингвисты по-разному решают вопрос об инкорпорации палеоазиатских языков. В силу того, что советские палеоазиатоведы с различных точек зрения подходят к определению границ слова, инкорпоративный комплекс считается то словосочетанием, то словом, то промежуточным явлением между словом и словосочетанием.

Не может считаться также обоснованным безоговорочное включение в морфологическую классификацию языков так называемого аналитического строя. Вопрос об аналитической форме в различных языках до сих пор в языкознании не получил однозначного решения, хотя о сущности этого явления уже имеется большая литература. Среди лингвистов все еще нет единства по вопросу о том, является ли аналитическая форма формой одного слова или сочетанием слов. Между тем не требует особых пояснений тот факт, что противопоставление языкам аналитического строя языкам синтетического строя в пределах морфологической классификации с теоретической точки зрения правомерно лишь в том случае, если аналитическая форма представляет собой парадигматическую модификацию одного и того же слова.

В противном случае, т. е. если эти единицы с формальной, структурной точки зрения являются словосочетаниями или сочетаниями словоформ, то вполне оправдан термин «морфосинтаксис», против которого возражают некоторые лингвисты.

Критический анализ литературы по рассматриваемой проблеме показывает, что основной спор между лингвистами по вопросу об аналитических формах упирается в дифференциальные признаки слова и смежных языковых единиц. При определении сущности крайне разнородных языковых единиц, относимых к аналитическим формам, редко учитываются их структурные, формальные признаки. Эти единицы рассматриваются в основном с семантической точки зрения, что приводит к отождествле-

²⁵ См.: Т. С. Шараденидзе. Классификация языков и их принципы. Тбилиси, Изд. АН Груз. СССР, 1958 (на груз. яз.).

²⁶ См.: Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М., Изд. АН СССР, 1948, стр. 243—244; В. Скаличка. О типологии языка банту. Сборник «Африканское языкознание». М., 1963, стр. 148.

нию их с отдельными словами. Отсюда неизбежно делается вывод, что аналитическая форма является формой одного и того же слова.

На наш взгляд, «классические» аналитические формы типа русск. *буду делать*, англ. (I) *have done*, входящие в соотносительный парадигматический ряд синтетических форм (ср.: русск. *сделаю*, англ. *I do*) с структурной точки зрения представляют собой сочетание слов, точнее — словоформ. В пользу этого говорит то, что члены этих аналитических форм, подобно членам свободного словосочетания, обладают своей словоизменительной парадигмой. Одним из важнейших дифференциальных признаков слова является компактность составляющих его частей (морфем). С грамматической точки зрения важно учесть, что компоненты разбираемых языковых единиц, в отличие от компонентов слов, являются дистантными. Кроме того, можно указать на то, что во многих языках порядок следования компонентов аналитических форм является свободным. Все эти структурные признаки либо отодвигаются на задний план, либо вовсе не учитываются при решении вопроса об аналитической форме. С грамматической точки зрения оправдано выделение только тех аналитических форм (и аналитических конструкций), которые могут быть определены на основе грамматических признаков.

Аналитические формы данного типа лишь функционально эквивалентны одной словоформе. Разумеется, в языках различных морфологических типов аналитические формы по своей грамматической природе могут быть различными. Но при всем разнообразии единиц, относимых к аналитическим формам, для построения классификации, основывающейся на морфемном строении слова, функциональный критерий не может быть признан решающим.

Но если даже аналитические формы, входящие в парадигматический ряд синтетических форм данного класса слов, рассматривать как явление морфологическое, аналитический строй языка в общепринятом смысле этого термина не является понятием чисто морфологическим. Дело в том, что наряду с образованиями типа русск. *буду делать*, англ. (I) *have done* к явлениям аналитизма относят чисто синтаксические средства выражения грамматических значений (порядок слов в предложении, употребление предлогов и послелогов вместо падежных флексий, использование наречий для выражения степеней сравнения).

Понятие аналитической конструкции в лингвистической литературе остается крайне расплывчатым. Одни лингвисты понимают под аналитической конструкцией только аналитические формы, входящие в парадигму словоизменения, другие отождествляют ее с синтаксическими единицами. Как будет отмечено ниже (см. § 13), термины «аналитическая конструкция», «аналитическая форма» многие лингвисты необоснованно переносят в область словообразования.

Таким образом, рамки морфологической классификации, которая базируется на структуре слова, оказываются тесными для языков, относимых к аналитическому типу. Об этом свидетельствует и появление в советской и зарубежной лингвистике таких понятий, как «морфология словосочетаний», «функциональная морфология», «морфосинтаксис» и др.

Наконец, следует обратить внимание на терминологическую путаницу в специальной литературе, посвященной проблеме морфологической классификации языков. Достаточно указать на то, что без четкой дифференциации используются разными авторами термины «корневой», «аморфный», «изолирующий», «аналитический». Например, для типологической характеристики китайского языка, выражающего отношения между словами в речевой цепи синтаксическими средствами, в литературе используются все указанные термины. Так, в отличие от Гумбольдта, в общих руководствах по языкознанию китайский язык называется то корневым, то аморфным, то изолирующим. В последнее время Н. В. Солнцева и В. М. Солнцев, рассматривая аналитичность языка как явление синтаксическое, а аналитическую форму как явление морфологическое, считают китайский язык как последовательно изолирующий язык последовательно аналитическим языком²⁷.

Изложенное имело целью показать, что традиционные типологические классификации, хотя и называются морфологическими, на самом деле основываются на конститутивных единицах различных уровней. В основу этих классификаций кладется не только слово, но и единицы синтаксического уровня.

В заключение следует сказать, что строгостью методики не отличаются и новейшие классификации, несмотря на их перспективные результаты в области статистической морфологической классификации. Работа Дж. Гринберга, о которой говорилось выше, несомненно представляет собой шаг вперед по сравнению даже с классификацией Сепира. Однако статистическая морфологическая типология Дж. Гринберга страдает непоследовательностью в выборе критериев, на основании которых определяется соотношение типологических признаков. Так, например, один из основных параметров у Дж. Гринберга включает критерии не только морфологического, но и синтаксического порядка, в частности значимый порядок слов в предложении, согласование и т. д.

§ 4. Слово как типологическая единица в полисинтетических языках. Понятие полисинтетизма. По вопросу о том, какая языковая единица является важнейшей при построении типологии,

²⁷ См.: Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев. Анализ и аналитизм. Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР 23—26 января 1963 г.

существуют различные мнения среди лингвистов. Авторы традиционных классификаций в качестве основной типологической единицы рассматривают слово, хотя они, как уже отмечалось, в выборе такой единицы не были до конца последовательными. Существует также мнение, согласно которому основной единицей при построении типологии является предложение. На этой точке зрения стоят некоторые советские лингвисты (Н. А. Баскаков и др.).

Всестороннее типологическое исследование языка предполагает типологический анализ различных уровней. Но при построении классификационной типологии представляется целесообразным выбрать основную единицу, на базе которой можно было бы выявить изоморфные явления конкретного языка или группы языков.

Недостаток традиционных классификаций заключается не только в том, что в их основе лежат разные языковые единицы, но также в том, что исходя из структуры типологически разных единиц — слова, словосочетания, предложения — выясняется лишь преобладающая в том или ином языке типологическая черта, что условно называется и морфологическим типом. При этом то, что у одного автора является основной типологической чертой, у другого нередко оказывается второстепенной. В результате одни и те же языки причисляются к разным типам.

Однако непоследовательность существующих классификаций не снимает вопроса о том, является ли слово той единицей, по которой можно судить о важнейших структурных признаках языка. Но следует подчеркнуть, что разбираемый вопрос нельзя ставить независимо от своеобразия структуры языка. Дело в том, что в настоящее время при построении типологии может идти речь прежде всего об определении соотношения различных типологических признаков, на основании которых характеризуются языковые типы. С этой точки зрения слово как типологическая единица, например, в изолирующих и полисинтетических языках, представляющих собой два полюса, отнюдь неравнозначно.

Проблема систематической морфологической типологии, собственно, снимается, если в языке индекс синтеза равен нулю, или крайне незначителен. Но чем выше степень синтеза, тем больше возрастает роль слова в построении типологии. Структура слова определяет важнейшие типологические особенности в полисинтетических языках.

Полисинтетичность языка есть явление морфологическое. Полисинтетическая форма — эта строгая последовательность морфем (или алломорф) в пределах парадигмы слова. В полисинтетических языках морфемы, используемые в пределах слова, выражают субъектно-объектные отношения, соединительные, подчинительные и другие грамматические связи, выражающиеся синтаксическими средствами в других языках; типы сложения и

деривации в этих языках разнообразны. Полисинтетическая форма лишь функционально эквивалентна предложению. Ср. в каб.: *у-а-кзы-ды-д-е-з-гъэ-шы-жы-ф-а-тэ-кзым* «я тогда не смог заставить его обратно вывести оттуда вместе с ними». Это единое слово состоит из корневой морфемы *-шэ-* «вести, возить» и тринадцати аффиксальных морфем: *у-* префикс объекта 2-го л. ед. ч., *а-* префикс субъекта 3-го лица мн. ч., *кзы-* направительный префикс «сюда», *ды-* префикс союзности действия, *д-* локальный префикс, *е-* префикс объекта 3-го л. ед. ч., *з-* префикс субъекта 1-го л. ед. ч., *гъэ-* каузативный префикс, *-жы* возвратный суффикс, *-ф* суффикс возможности действия, *-а* суффикс прошедшего времени, *-тэ* суффикс «тогда», *-кзым* отрицательный суффикс.

Полисинтетизм сам по себе не является отдельной типологической чертой. В полисинтетическом образовании перекрещиваются различные типологические признаки. Типологический анализ структуры слова в полисинтетических языках дает ответ на многовопросную (многопризначную) анкету. Вопреки распространенному мнению, полисинтетическая форма может быть образована различными способами: агглютинативным, агглютинативно-инкорпоративным, агглютинативно-флективным. Ср. агглютинативное образование в абазинском языке: *сы-гъ-ца-ры-мы-з-т!* «я не пошел бы», агглютинативно-инкорпоративное образование в адыгейском языке: *сы-кзы-дэ-плъы-чы* «я смотрю оттуда сюда» (*сы-* префикс «я», *кзы-* префикс «сюда», *-дэ-...-чы-* прерываемая основа, *-плъы-* основа глагола *е-плъы-н* «смотреть»); агглютинативно-флективные образования в кабардинском языке: *фы-хы-зо-ш-э-р* «я вас ввожу туда», *фы-хы-зо-ш-ы-р* «я вас вывожу оттуда»; полисинтетизм может проводиться также путем сложения и аффиксации. Ср. в кабардинском: *у-е-шъхъэ-фэ-уэ-ну-т* «ты хотел бы ударить ему по голове». Поэтому нет оснований утверждать, как это делают некоторые исследователи, что синтетизм в пределах слова тождествен агглютинации.

§ 5. К понятию агглютинации в абхазско-адыгских языках. Абхазско-адыгские языки характеризуются чрезвычайно высокой степенью синтетизма. Причем синтетизм в этих языках относится к сложнейшему классу слов — глаголу, который находится в центре морфологии. В понимании сущности синтетизма в абхазско-адыгских языках нет единства среди исследователей. Так, рассматривая синтетизм в различных языках, в том числе абхазско-адыгских, акад. И. И. Мещанинов относит к этому явлению лишь словоизменительные формы, т. е. производящую основу в сочетании с аффиксами, выражающими синтаксические отношения. В качестве синтетического построения И. И. Мещанинов приводит из кабардинского языка глагольную форму *саруашъ* в предложении *Сэ фочхэм бажэм с-а-р-е-уашъ* «Я ружьями лисицу бил». Под синтетизмом И. И. Мещанинов понимает исключительно синтаксический прием, используемый для

передачи синтаксических отношений между словами в предложении. (См.: И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., Изд. АН СССР, 1945, стр. 33—42.) Как можно было видеть из предыдущего изложения, мы не ограничиваем синтетизм сферой словоизменения. Термин полисинтетизм мы применяем к абхазско-адыгским языкам, принимая во внимание тот факт, что в этих языках высокая степень синтетизма характерна для форм как словоизменения, так и словообразования. Но в отличие от тех исследователей, которые выделяют эти языки в особый полисинтетический тип языков и противопоставляют их языкам агглютинативного типа, мы стоим на точке зрения, что полисинтетизм (по крайней мере, в данной группе языков) не является отдельной типологической чертой и не может быть резко противопоставлен языкам агглютинативного строя.

Глагольный комплекс, рассматриваемый в качестве основного признака, характеризующего структурный тип этих языков, чаще всего образуется способом прилеп, т. е. путем агглютинации. Совокупность признаков, которые считают типичными для агглютинативного типа языков (стандартность структуры, моносемантизм морфем, четкая граница между ними и др.), свойственна значащим элементам, входящим в состав полисинтетического глагольного комплекса. Иначе говоря, в интересующих нас языках агглютинация четко проявляется в рамках полисинтетизма глагола. Нельзя, однако, забывать, что отношения между элементами многоморфемного глагола не являются отнюдь только агглютинативными. В зависимости от морфологического типа производящей основы бывают, как это было показано выше, гибридные (агглютинативно-флективные, агглютинативно-инкорпоративные) способы образования слов. Вообще флексия в абхазско-адыгских языках нередко приобретает основообразующее значение, как это имеет место во флективных языках.

Но в данной группе языков флексия в системе глагола органически переплетается с агглютинацией, так как основообразующую роль чередование гласных играет в аффиксальных основах, элементы которых связаны агглютинацией. В адыгских языках это положение не имеет даже исключений в пределах глагола. Иными словами, в глаголе флексия всегда предполагает наличие агглютинации. Но обратное положение не имеет места: агглютинация проявляется в глаголе без флексии. Ср.: абх. *алагара* «начинать», *алгара* «кончать», адыг., каб. *хэдзэ-н* «бросить во что-либо», *хэдзы-н* «выбросить из чего-либо».

В других классах слов флексия проявляется и самостоятельно. Ср.: адыг. *шбы*, каб. *шбы* «три», адыг. *шэз*, каб. *шэз* «трижды» и т. д.

III. К ПРОБЛЕМЕ УСТОЙЧИВОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА

§ 6. К постановке проблемы. Когда говорят об устойчивости морфологического строя, в частности словоизменительной системы, не всегда различают два аспекта этой проблемы. При решении данной проблемы наблюдается отождествление факта непроницаемости словоизменительной системы и темпов развития этой системы за счет внутренних ресурсов языка. Никто не может оспорить того очевидного факта, что словоизменение обнаруживает исключительную (но не абсолютную!) непроницаемость. Причины такой непроницаемости словоизменительной системы заложены в самом значении аффиксов словоизменения. Б. А. Серебренников, рассматривая проблему устойчивости морфологического строя с точки зрения непроницаемости словоизменительной системы, невозможность, или почти невозможность изменения парадигматики под влиянием внешних факторов, по нашему мнению, правильно объясняет тем, что «словоизменительные аффиксы, в отличие от корневых морфем и производящих основ, не могут быть нейтральными по своему значению»²⁸.

Многие исследователи не делают разграничения вопроса о непроницаемости словоизменительной системы и вопроса о темпах внутреннего, спонтанного развития аффиксов словоизменения. Распространено мнение, что словообразовательные категории по сравнению с словоизменительными категориями являются менее стабильными. Сторонники этой точки зрения рассуждают примерно так: по сравнению с словообразовательными аффиксами словоизменительные аффиксы по своему значению представляют собой высшую ступень абстракции; наибольшей стабильностью обладают наиболее абстрактные, отвлеченные (словоизменительные) категории, а менее отвлеченные (словообразовательные) категории оказываются более подвижными²⁹. «Различная относительная абстрактность категорий словообразования и категорий формообразования, в частности словоизменения, — пишет К. А. Левковская — очевидно, связана с неодинаковыми темпами развития этих категорий. Словообразовательные, в общем менее абстрактные, категории характеризуются большими изменениями в форме их выражения... Высшая форма абстракции, которая заключается в категориях словоизменения, связана с замедленными темпами развития, с гораздо большей устойчивостью»³⁰. Следует подчеркнуть, что при всей кажущейся убе-

²⁸ Б. А. Серебренников. Об устойчивости морфологического строя языка. Сборник «Вопросы теории и истории языка». М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 209.

²⁹ См.: В. А. Звегинцев. Основные задачи советского языкознания. Ж. «Иностранные языки в школе», 1951, № 2; К. А. Левковская. О словообразовании и его отношении к грамматике. Сборник «Вопросы теории и истории языка». М., Изд. АН СССР, 1952.

³⁰ К. А. Левковская. Указ. соч., стр. 174.

дительности эту точку зрения нельзя абсолютизировать, как это делается в нашей лингвистической литературе.

§ 7. Соотношение развития аффиксов словоизменения и словообразования. Чтобы убедиться в уязвимости разбираемой точки зрения, достаточно сделать беглый сравнительный анализ категории словообразования и словоизменения в абхазско-адыгских языках. Мы здесь не ставим такой задачи, но в этой связи отметим, что генетическое родство абхазско-адыгских языков прежде всего опирается на материальное тождество корневых и словообразовательных морфем, что отнюдь не свидетельствует об замедленном темпе развития системы словоизменения в этих языках. Так, категория склонения, относящаяся к словоизменению, в этой группе языков принадлежит к инновациям, возникшим после распада языка-основы. Состояние языка-основы ныне сохраняют абхазский и абазинский, а убыхский, адыгейский и кабардинский приобрели систему падежей. Личное спряжение в этих языках возникло на базе классного спряжения, которое удерживается в абхазском и абазинском. Аффиксы, выражающие формы времен и наклонения, за редкими исключениями, также представляют собой нововведение в абхазско-адыгских языках. В то же время в этой группе языков представлено небольшое количество словообразовательных морфем, входящих в общий материальный фонд. Исключение среди аффиксов словоизменения по своей устойчивости составляют некоторые личные и притяжательные аффиксы. Но их устойчивость объясняется только тем, что генетически они восходят к соответствующим личным или классно-личным местоимениям, которые также сохранились в абхазско-адыгских языках. Подвижность словоизменительных форм при относительной стабильности форм словообразования наблюдается при сопоставлении двух близкородственных адыгских языков. Между адыгскими языками расхождения в системе словоизменительных морфем являются наиболее значительными по сравнению с расхождениями, которые имеются между ними в системе словообразовательных морфем. Так, между адыгскими языками обнаруживаются существенные различия в системе глагольного словоизменения, в частности в грамматических способах выражения форм времени, наклонения, числа и отчасти лица. Например, различия, существующие между адыгскими языками в выражении форм времени и наклонения, настолько значительны, что не всегда удается объяснить их фонетическими изменениями общего материала. Ср.: адыг. *кӀуэ-шьт*, каб. *кӀуэ-н-шь* «(он) пойдет», адыг. *кӀуэ-рэ-н*, каб. *кӀуэ-р-кэ-м* «(он) не идет», адыг. *кӀуэ-рэ-ба?*, каб. *кӀуэ-р-кэ?* «(он) идет же?», адыг. *кӀуэ-шьты-гэ*, каб. *кӀуэ-н-т* «(он) пошел бы, если бы...». Между адыгскими языками в выражении форм времени и наклонений имеется также существенная разница в количественном отношении. Так, в кабардинском языке форм времен значительно больше, чем в адыгейском языке.

Между тем глагольные словообразовательные категории в этих языках характеризуются относительным однообразием, что связано с замедленными темпами их развития.

При наличии существенных различий в фонетике, словоизменении и лексике адыгских языков основные словообразовательные категории оказываются общими в этих языках. Те расхождения, которые отмечаются между адыгскими языками в словообразовательных элементах, обусловлены в основном фонетическими изменениями, имевшими место после дифференциации единого общеадыгского языка-основы. Эти различия укладываются в рамки закономерных звукосоответствий в адыгских языках и диалектах. Разумеется, между адыгейскими и кабардинскими диалектами в области словообразования имеются различия, которые касаются семантики, а также продуктивности и непродуктивности словообразовательных морфем. Но произведенный словообразовательный анализ позволяет нам сделать вывод, что в основе дифференциации единого общеадыгского языка-основы лежит совокупность фонетических, грамматических и лексических изменений. Что касается словообразовательных категорий, то в адыгских языках мы обнаруживаем относительную устойчивость форм их выражения. Более того, в адыгских языках, как мы отметили выше, наряду с древнейшими корневыми морфемами представлено небольшое количество словообразовательных морфем, относящихся к общеабхазско-адыгскому единству, что лишнее свидетельствует об устойчивости категорий словообразования.

IV. СООТНОШЕНИЕ МОРФЕМНОГО И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТРОЕНИЯ

§ 8. Словообразовательная модель и морфемное строение слова. Границы применения метода непосредственно составляющих. За последние годы в советском языкознании в связи с возросшим интересом к изучению структуры слова в различных языках внимание исследователей начинает привлекать вопрос о соотношении морфемного и словообразовательного строения слова. В зарубежном языкознании этот вопрос затрагивается в работах дескриптивистов при анализе морфемных единиц по методу непосредственно составляющих (*immediate constituents*). Как известно, метод непосредственно составляющих применяется при анализе языковых единиц, относящихся к различным уровням³¹. Членение морфемного состава слова по непосредственно составляющим имеет преимущества перед традиционным анализом морфемной структуры слова. Как справедливо отмечают дескриптивисты, анализ по непосредственно составляющим выявля-

³¹ Подробно об этом методе см.: R. Wells. *Immediate constituents*. «Language», vol. 23, 1947.

ет не только простейшие значимые единицы, но и стремится различить модели, конструкции. При членении производного слова по непосредственно составляющим устанавливается связь между морфемами внутри основы, что дает возможность выделить несколько слоев непосредственно составляющих. Это в свою очередь выявляет действующие модели, т. е. типы создания более сложных единиц на базе менее сложных. Иначе говоря, в отличие от обычного анализа морфемной структуры слова анализ по непосредственно составляющим дает не только линейную картину морфемного состава слова, но выясняет нормы словообразования, расчленяет целое и одновременно устанавливает принципы синтеза и моделирования. Метод анализа по непосредственно составляющим может дать положительные результаты при разработке проблем словообразования тех языков, которые характеризуются многоморфемностью структуры слова. Так, в адыгских языках при неподвижности порядка расположения морфем внутри слова вполне возможной оказывается перегруппировка морфем в процессе членения слова. Членение можно начать с различных точек — с начальной или конечной морфемы, поскольку внутри слова одна морфема в сочетании как с последующим, так и с предшествующим отрезком составляет самостоятельную, функционально значимую и бинарную по своей структуре единицу. Например, в кабардинском языке слово *зэныбжээгъуыгъэ* «взаимная дружба» имеет довольно прозрачную морфемную структуру. При синхронном морфемном анализе четко выделяются границы между морфемами этого слова. Можно предложить различные способы членения данного многоморфемного слова. Ср.: 1) *зэныбжээгъуыгъэ* — *зэ* + *ныбжээгъуыгъэ* «взаимная дружба», *ныбжээгъуы* + *гъэ* «дружба», *ныбжээ* + *гъу* «друг, товарищ», *ныбжэ* (*ы*) «возраст»; 2) *зэныбжээгъуыгъэ* — *зэныбжээгъуы* + *гъэ* «взаимная дружба», *зэныбжээ* + *гъу* «друзья», *зэ* + *ныбжэ* «сверстники», *ныбжэ* (*ы*) «возраст».

Как видно, два способа членения четырехморфемной основы дают несколько (всего шесть) самостоятельных и бинарных по своей структуре единиц, причем каждая из них образована по определенной модели и выступает как основа производного существительного. Тем не менее ни один из этих двух способов «интуитивной» сегментации не отражает последовательности многоступенчатого словообразовательного процесса. Дело в том, что конструкция, т. е. словообразовательное строение многоморфемных слов данного типа, определяется сочетаемостью отдельных морфем. Анализируемое слово следует разложить следующим образом: *зэныбжээгъуыгъэ* — *зэныбжээгъу* + *гъэ* «взаимная дружба», *зэ* + *ныбжээгъу* «друзья», *ныбжээ* + *гъу* «друг, товарищ». Синхронное членение на этом заканчивается, хотя в диахронном плане выявляется еще четвертая модель *ны* + *бжэ* (*ы*). Но модель *ны* + *бжэ* (*ы*) не имеет ценности при анализе по непосредственно составляющим.

Такая последовательность членения слова *зэныбжээгъуыгъэ* обусловлена сочетаемостью одной из составляющих его морфем, в частности морфемы *зэ*. Последняя образует модель обычно в сочетании с единицами типа *ныбжээгъуыгъэ* «дружба, товарищество». Ср.: *зэ* + *мэлъхъэгъу* «свояки, мужья сестер», *зэ* + *нысэгъу* «невестки, жены братьев», *зэ* + *гъуынгъу* «соседи».

Метод анализа по непосредственно составляющим помогает выявить словообразовательное и морфемное строение и других типов многоморфемных слов.

Так, вопреки последней описательной грамматики литературного кабардино-черкесского языка («Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 55), слово *гъуэгунэллэлъуыдз* «спорыш» (бот.) образовано не одновременным соединением существительных *гъуэгу* «дорога», *наллэлъ* «обочина», *уыдз* «травя», хотя в морфемный состав данного слова входят основы этих существительных. Разбираемое слово состоит не из трех слов, а из двух непосредственно составляющих: а) *гъуэгунэллэлъ* + *уыдз* (букв.: обочина дороги + трава); б) *гъуэгу* + *наллэлъ* (букв.: дорога + обочина). Правда, в отношении к абхазско-адыгским языкам, в которых сложение основ нередко сопровождается не только аффиксацией, но и другими явлениями, затемняющими синхронные взаимоотношения между элементами основы, для всестороннего исследования структуры слова и словообразования необходимо на морфемном уровне сочетать метод анализа по непосредственно составляющим с методом трансформационного анализа. Если анализ слова *гъуэгунэллэлъуыдз* методом непосредственно составляющих ясно показывает соотношение его морфемного и словообразовательного строения, то при анализе слов других типов наиболее эффективным оказывается трансформационный метод.

Здесь не место останавливаться на вопросе о границах применения трансформационного метода на морфемном уровне. В этой связи только отметим, что трансформационный метод не только способствует выяснению синхронных взаимоотношений между морфемами, входящими в состав слова, но и выявляет факты, относящиеся к диахронии. Так, например, адыг. *гъуэгуырыкълу* «путник» и *гуырыт* «средний» относятся к модели основа существительного + элемент *ры* + основа глагола. Трансформационный анализ этих слов показывает, что элемент *ры* в слове *гъуэгуырыкълу*, в отличие от элемента *ры* в слове *гуырыт*, восходит к глагольному словоизменительному префиксу *ры*.

Итак, скептическое отношение к методу непосредственно составляющих со стороны многих лингвистов является необоснованным. Метод непосредственно составляющих, как и другие структурные методы лингвистического анализа, дает возможность с большей полнотой выявить взаимосвязь между элемен-

тами, составляющими морфемную структуру слова. Прав Блумфильд, когда говорит, что принцип непосредственно составляющих позволяет разграничить разные способы создания слов (например, сложение и сложно-аффиксальный и др.)³². Нужно признать, что при синхронном анализе языка часто смешиваются различные словообразовательные модели. В скобках заметим, что во многих описательных грамматиках языков народов СССР, например, в разделе «Словосложение» рассматривается не словосложение как способ словообразования, а морфемный состав сложных слов, образованных различными словообразовательными способами.

Однако не следует преувеличивать значение метода непосредственно составляющих при решении вопроса о синхронном соотношении словообразовательного и морфемного строения слова. Метод непосредственно составляющих как один из способов членения языковых единиц на морфемном уровне применим только к определенным типам производных слов³³.

Анализ морфемного строения слова ставит основной целью выявление всех простейших значимых элементов основы. Словообразовательный анализ направлен прежде всего на выяснение модели, по образцу которой создано слово. Морфемное строение слова не всегда соответствует его словообразовательной модели. Как будет показано ниже, не всякое слово, имеющее сложную основу, образуется способом сложения, точно также слово, включающее в свой состав словообразовательный формант, по типу образования может не быть морфологическим (аффиксальным). Однако границы между морфемами (или алломорфами) слова и их регулярные, повторяющиеся связи, создающие словообразовательную модель, также могут быть тождественными. Иначе говоря, морфемное и словообразовательное строение слова нередко совпадает. Этим, собственно, и объясняется отождествление морфемного и словообразовательного строения слова во многих работах по словообразованию и в описательных грамматиках.

Так, в адыгских языках слово *тхэчлэ* «манера писать» состоит из двух морфем — корня *тхэ* (*тхэ-н* «писать») и суффикса *-члэ*. Синхронный анализ морфемного состава слова *тхэчлэ* выявляет его словообразовательное строение. В кабардинском языке сложное слово *шлынлэ* «местность» образовано путем сложения двух

самостоятельных корневых морфем — *шлы* «земля» и *нлэ* «место». Морфемное строение этого слова отражает его словообразовательную модель. Отсюда естественно сделать следующий вывод: когда все значимые элементы слова (корневые и аффиксальные морфемы) непосредственно участвуют в его образовании, принципы анализа морфемного и словообразовательного строения слова оказываются тождественными.

В этом смысле представляется несколько категоричным вывод Г. Марчанда о том, что «...дескриптивный анализ слов и релевантность в системе деривации не одно и то же»³⁴. Это мнение разделяет Н. Д. Арутюнова, которая в своей в целом очень интересной работе по испанскому словообразованию пишет, что изучение словообразования и анализ морфемной структуры слова всегда опираются на разный языковой материал и основываются на различных принципах³⁵. На наш взгляд, между синхронным изучением образования и морфемного строения слов типа *тхэчлэ* || *тхэчлэ* «манера писать», *члэ/шлынлэ* || *шлынлэ* «местность» не существует принципиальной разницы. Анализ морфемного строения этих слов приводит к выяснению словообразовательной конструкции, и, наоборот, словообразовательный анализ устанавливает их морфемный состав. В этой связи отметим, что общепринятые определения содержания терминов *приставка*, *суффикс*, *основосложение*, *словосложение* и пр. основываются именно на тождестве словообразовательных и морфологических категорий и не учитывают случаев, когда эти явления отличаются друг от друга. Например, в школьных и нередко научных грамматиках приставка определяется как «часть основы, которая стоит перед корнем и служит для образования слов»³⁶ (разрядка.— М. К.). Не говоря уже о том, что с помощью приставки образуется не только новое слово, но и форма слова, такое определение применимо только к словам типа русского *выходить* и кабардинского *хэдыч/ын* «вышивать». Но данное определение не охватывает слов типа русского *выход* и кабардинского *хэдыч/* «вышивка», включающих в свой состав словообразовательную приставку, но образованных без помощи этой приставки.

Метод непосредственно составляющих при анализе слов, обнаруживающих тождество морфемного и словообразовательного строения, ничем существенно не отличается от традиционного синхронного анализа морфемной структуры слова. Но не в этом заключается недостаток метода непосредственно составляющих. Основной недостаток данного метода состоит в том, что он ока-

³² L. Bloomfield. Language. N. Y. 1933, стр. 209—210.

³³ В статье Н. Д. Арутюновой и Е. С. Кубряковой «Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов», опубликованной в сборнике «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике» (М., Изд. АН СССР, 1961), кратко рассматривается метод непосредственно составляющих в той части, в какой он вводится в анализ слова. Однако авторы из-за недостатка места в статье, посвященной всем проблемам морфологии (или, возможно, из-за отсутствия нового языкового материала) ограничиваются общими замечаниями относительно анализа морфемной структуры слова по методу непосредственно составляющих.

³⁴ H. Marchand. Synchronic analysis and word-formation. «Cahiers Ferdinand de Saussure», 1955, N 13, p. 12.

³⁵ См.: Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., Изд. АН СССР, 1961, стр. 41—42.

³⁶ Елберд Хь., ТIа жь Ш. Адыгэбзэ учебник. Налшык, 1954, стр. 18.

зывается непригодным для выявления словообразовательных моделей многочисленных слов с сложными и аффиксальными основами. А по мнению дескриптивистов, анализ структуры слова по методу непосредственно составляющих в первую очередь принимает во внимание модели и словообразовательные нормы языка.

Различия между морфемным и словообразовательным строением слова определяются прежде всего отношением словообразования и словообразования. Если морфемный анализ слов типа каб. *шыпнэ* «местность» устанавливает словообразовательную модель этих слов, то иначе обстоит дело со словами типа каб. *гыпсысэ-н* «думать». Слово *гыпсысэн* включает в свой состав две корневые морфемы, функционирующие в языке самостоятельно, в выделенном виде: *гы* «сердце» + *псысэ* «сказка». Членимость этого слова на две корневые морфемы, казалось бы, отражает его словообразовательную модель. На самом деле слово *гыпсысэн*, имеющее сложную основу, образовано не путем сложения. С помощью сложения образована лишь производящая основа глагола *гыпсысэн*, которая в иных синтаксических условиях функционирует также в парадигме имен существительных. Ср.: *мэ-гыпсысэ* «он размышляет»; *Абы йы гыпсысэ-м сехь* «Меня угнетает мысль о нем». Как видим, словообразовательная модель глагола *гыпсысэн* создается не морфемной структурой основы глагола, а грамматической парадигмой и сочетаемостью основы глагола. Основа *гыпсысэ* в синхронном плане принадлежит к двум парадигматическим классам, хотя исторически субстантивная парадигма предшествует глагольной парадигме. Иными словами, из двух именных основ образована сложная полиморфная основа, которая без словообразовательных аффиксов может быть использована в различных парадигмах.

Метод непосредственно составляющих не может выявить отношения морфемной структуры и словообразовательной модели слов типа *гыпсысэ* «мысль», *гыпсысэ-н* «думать, мыслить». То же самое нужно сказать о существительных типа адыг.-каб. *теплэ* «вид, внешность». Существительные типа *теплэ* по своей морфемной структуре состоят из двух компонентов: глагольная приставка + основа настоящего времени. Ср.: адыг., каб. *теплэ* «вид, внешность», *т(е)* — преверб (указывает на поверхность предмета) + *плэ* основа глагола *плэн* «смотреть». Однако приставочные существительные рассматриваемого типа образованы не префиксальным способом. В данном случае префиксальным способом образованы лишь глагольная основа, которая включается также в полную парадигму существительного. Ср.: *теплэ-н* «смотреть, взглянуть на поверхность чего-либо», *теплэ* «вид, внешность».

При определении моделей и норм словообразования следует учесть, что структурно, т. е. морфологически однотипные основы,

далеко не всегда дают одинаковые типы производных слов. Так, в кабардинском языке в паре слов *мэкъуауэ* «косарь» — *мэкъуэуэ-н* «косить сено» вторичность глагола по отношению к имени очевидна. Но этого нельзя сказать о глаголах *лэкъуэуэ-н* «бить ногами» (*ар мэ-лэкъуауэ* «оно бьет ногами»), *бжэкъуэуэ-н* «бить рогами» (*мэ-бжэкъуауэ* «оно бьет рогами»), *джэбэуэ-н* «бить по бокам» (*йоджэбауэ* «он бьет по бокам»). Ср. также однотипные основы: каб. *еджаклуэ* «ученик, учащийся», *хъуэ-клуэн* «пасть», *шъаклуэ* «охота».

Основы глаголов *дэплъычлы-н* «смотреть откуда-либо», *дэчлы-йычлы-н* «кричать откуда-либо» с точки зрения морфемной структуры относятся к однотипным основам. Однако основа глагола *дэплъычлы-н* в синхронном плане принадлежит к модели приставочная глагольная основа + морфема *-члы*, а основа глагола *дэчлы-йычлы-н* не может быть отнесена к этой модели. Но приставочная глагольная основа *дэ + плъы-* также является моделью, которая по своему значению выступает как синоним модели *дэплъы + члы-*. В основе *дэчлы-йычлы-* морфема *-члы* обладает выделительностью, но ни *дэчлы-йычлы-*, ни *дэ + члы-* не является моделью. Это объясняется тем, что основа *дэчлы-*, в отличие от основы *дэплъы-*, не имеет свободной сочетаемости, а связана с морфемой *-члы*. В основе *дэплъычлы-* сосуществуют две синонимичные модели (*дэплъы + члы = дэ + плъы*). Причины, обусловившие синонимичность этих моделей — и соответственно различие в образовании однотипных основ, — вызваны утратой морфемой *-члы* своего значения в сочетании с основами типа *дэплъы-*, *дэдзы-*. Морфема *-члы* утрачивает свою функцию в сочетании с основами типа *дэплъы-*, но сохраняет ее в сочетании с основами типа *дэчлы-*. Ср.: *дэплъы + члы-н* — *дэплъы-н* «смотреть откуда-либо», *дэдзы + члы-н* — *дэдзы-н* «выбросить», *дэлы + члы-н* — *дэлы-н* «выпрыгнуть», *дэуы + члы-н* — *дэуы-н* «бить, ударить откуда-либо», но только *дэчлы-йычлы-н*, *дэгуэуычлы-н* «кричать откуда-либо», *дэплычлы-н* «торчать откуда-либо», *дэтлы + члы-н* «вырыть», «рыть между чем-либо», *дэлуы + члы-н* «звучать откуда-либо».

Модели типа *дэплъы-н* «смотреть откуда-либо», *дэплъэ-н* «смотреть во внутрь чего-то»; *дэдзы-н* «выбросить», *дэдзэ-н* «бросить во внутрь чего-то», *дэуы-н* «бить откуда-либо», *дэуэ-н* «бить между чем-либо», очевидно, относятся к инновациям. Синхронная словообразовательная модель этих глаголов с производными основами связана с чередованием гласных основ *ы-э*. Но исходными для них следует считать модели типа *дэпшы + члы-н* «выползти», *дэпшы(ы) + хъэ-н* «вползти». Исторически мы здесь имеем дело с прерывистыми основами *дэ... члы(н)* «выйти», *дэ... хъэ(н)* «войти», которые включают в свой состав другие корневые морфемы. При этом морфемы *-члы*, *-хъэ* являются корневыми элементами, которые в сочетании с превербами образуют множество прерывистых основ.

То, что с точки зрения словообразования является целым и неделимым, с морфологической точки зрения оказывается членимым, составным. Различие это определяется не соотношением синхронии и диахронии (что, впрочем, всегда остается в стороне при анализе языковых единиц методом непосредственно составляющих), а дистрибуцией морфем, на которой зиждется рассматриваемый метод. Так, например, различие между синхронным словообразовательным строением слова и его морфемной структурой нередко обуславливается тем, что словообразовательная модель создается посредством аффиксальной морфемы, состоящей из двух и более простых продуктивных морфем. При синхронном словообразовательном анализе типа кабардинских глаголов *члэлъы-клуэн* «идти вслед за кем-, чем-либо», *члэлъы-гуэуын* «кричать вслед за кем-, чем-либо», *члэлъы-дзын* «бросить вслед за кем-, чем-либо» выделяется словообразовательный элемент *члэлъы-*. Выделение сложного аффикса *члэлъы-* как словообразующего элемента основывается на том, что составляющие его компоненты *члэ-* и *лъы-* в отдельности не сочетаются с основами глаголов типа *клуэн* «идти», *гуэуын* «кричать», *дзын* «бросить». Но с морфологической точки зрения членение *члэлъы-* на *члэ-* и *лъы-* вполне оправдано, поскольку в языке имеются продуктивные модели типа *члэрыхын* «снять, счистить что-либо», *лъыхын* «снять с ноги», образованные при помощи этих простых морфем. Морфемы *члэ* и *лъы* встречаются в тех окружениях, в которых не используется производная морфема *члэлъы-*, состоящая из этих же простых морфем.

Таким образом, если дескриптивный анализ слова указанного типа ставит целью выявление простейших значимых единиц, остается в тени их словообразовательная модель. Напротив, когда анализ данных слов направлен на выделение их словообразовательной модели, выявляются не все простейшие значимые единицы, входящие в состав этих слов.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что метод непосредственно составляющих совершенно непригоден для анализа структуры слов, основы которых не поддаются дихотомическому членению, несмотря на их морфологическую членимость и прозрачность. Ведь рассматриваемый метод исходит из предположения, что производное слово, как и синтаксический отрезок, является по своей структуре бинарным и имеет определенный порядок напластования. Между тем в языках, где корневая морфема способна сочетаться с целым комплексом основообразующих аффиксов, выражающих пространственные и местные отношения, побудительность, союзность, совместность, возвратность, возможность действия, дихотомическое членение морфемной структуры слова оказывается невозможным. Это можно показать на примере адыгейского глагола *кэз-гэз-клуэ-жьбы-шъуы-н*, букв.: «суметь заставить идти обратно сюда»

(*кэз-* преверб в значении «сюда», *гэз-* префикс побудительности, *-клуэ-* основа глагола «идти», *-жьбы* суффикс возвратности, *-шъуы* суффикс возможности, *-н* суффикс инфинитива). В отличие от вышеприведенного имени *зэныбжэзэгуыгэзэ* «взаимная дружба», основа глагола *кэз-гэз-клуэ-жьбы-шъуы-н* не образована в виде пластов, хотя и состоит из пяти морфем (*-н* не входит в состав основы). Из структуры основы глагола *кэз-гэз-клуэ-жьбы-шъуы-н* свободно выключается любая аффиксальная морфема, а корневая морфема *-клуэ-* регулярно соединяется с любой из четырех морфем, входящих в состав этого глагола. Ср.: *кэз-клуэ-жьбы-шъуы-н* «сюда идти обратно суметь», *кэз-гэз-клуэ-жьбы-н* «сюда заставить идти обратно», *гэз-клуэ-шъуы-н* «заставить идти суметь», *кэз-клуэ-жьбы-н* «сюда идти обратно», *кэз-клуэ-н* «сюда идти», *гэз-клуэ-н* «заставить идти», *клуэ-жьбы-н* «идти обратно», *клуэ-шъуы-н* «идти суметь» и т. д.

В связи с этим отрицательно решается также вопрос о полезности и целесообразности использования метода непосредственно составляющих при анализе личных форм многоморфемных глаголов, функционально эквивалентных предложению.

Не представляется возможным расчленить на непосредственно составляющие слова типа каб. *нэпэлэлъэш* «полотенце», хотя они совершенно прозрачны с морфологической точки зрения. Слова этого типа можно разложить на две части — именную и глагольную: *нэпэ* (< *напэ*) «лицо», *лэ* «рука» + основа глагола *лээшлын* «вытирать». Но именная часть этого слова не составляет единого целого, а представляет собой специальное объединение различных слов в этом единичном многокомпонентном слове.

То же самое нужно сказать о моделях, образованных комбинированными способами. Не может быть речи о последовательном дихотомическом членении, например, производной основы общеадыгского глагола *зэ-плэз-члы-н* «оглядываться», поскольку с корневой морфемой *-плэз-* (ср.: *маплэз* «он смотрит») отдельно не сочетается ни префикс *зэ-*, ни суффикс *-члы-* (невозможны образования *зэплэз*, *плэзчлы*). Не поддается дихотомическому членению также модель, образованная сложением с одновременной аффиксацией основы. Ср.: русск. *плодородие*, англ. *black-eye-d*, адыг. *цлыклу-цлыклуызэ* «постепенно», каб. *машлэ-машлэу* «понемногу».

Итак, основываясь на принципе дихотомического членения языковых единиц и принимая во внимание действующие модели языка, метод непосредственно составляющих дает возможность отграничить синхронные типы образования слов от их морфемного строения. Однако, как в этом убеждают приведенные выше примеры, на морфемном уровне применение этого метода ограничено определенными типами производных слов.

V. О РАЗГРАНИЧЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И СМЕЖНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ. О ГРАНИЦАХ СЛОЖНОГО СЛОВА

§ 9. Существует ли универсальный лингвистический критерий выделения слова вообще и сложного слова — в частности? Вопрос о границах слова входит в общую проблему структуры слова. Наибольшие трудности при решении данного вопроса, естественно, возникают в определении границ производного (в том числе сложного) слова. В адыгских языках словосложение является одним из важнейших способов словообразования. В существующих описательных грамматиках по адыгским языкам затрагиваются отдельные вопросы словосложения. Однако понятие «сложное слово» не имеет еще определенного содержания в адыгском языкознании. В научной литературе, с одной стороны, различные синтаксические единицы рассматриваются как сложные слова, а с другой — сложные слова относятся к словосочетаниям. В результате смещения лексических и синтаксических единиц то расширяются, то суживаются границы сложного слова в адыгских языках. Поэтому прежде всего следует отграничить сложные слова от смежных синтаксических единиц.

Вопрос о границах между сложным словом и словосочетанием до сих пор в языкознании остается спорным, несмотря на многочисленные попытки определить критерии, дифференцирующие эти языковые единицы в общелингвистическом плане. В советском языкознании проблеме отдельности слова много внимания уделял проф. А. И. Смирницкий. В его работах вопрос о разграничении сложных слов и словосочетаний получил наиболее полное освещение³⁷. Однако попытки А. И. Смирницкого установить критерий, отграничивающий сложные слова от словосочетаний в любом языке, нельзя считать обоснованными. Прав был акад. Л. В. Щерба, когда подчеркнул необходимость учета особенностей конкретного языка или группы родственных языков при определении слова. Л. В. Щерба писал: «В самом деле, что такое «слово»? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному»³⁸. А. И. Смирницкий в таком понимании понятия слова усматривал скептицизм³⁹. Однако несостоятельность рассуждений об общелингвистическом определении слова совершенно очевидна, поскольку границы слова определяются спецификой грамматического строя языка.

Тот неопровержимый факт, что словообразовательные категории по характеру связи с лексикой и грамматикой в разных

языках могут быть различными, свидетельствует о невозможности существования универсальных лингвистических критериев выделения слова вообще и сложного слова — в частности. А существующие определения слова, которые претендуют на общелингвистическое, универсальное применение, делаются на материале нескольких (преимущественно родственных) языков. Между тем даже в одном и том же языке связь словообразования разных частей речи с грамматикой и лексикой не одинакова, что обуславливает невозможность определения слова, особенно производного слова, в любом случае на основе какого-нибудь одного признака. В адыгских языках основообразующие аффиксы, с помощью которых от непроизводных имен существительных образуются производные существительные, являются носителями только лексического значения. Но совсем иначе обстоит дело с глагольным словообразованием, которое органически связано с грамматическими категориями. Так, едва ли одинаково подойдут под понятие «производное слово» адыг.-каб. *гъэ-кӀуэн* «заставить идти» и *лӀыгъэ* «мужество». Первое слово образовано посредством аффикса, совмещающего в себе словообразовательное и грамматическое значения. Аффикс *гъэ* образует не только новое слово от непроизводной основы глагола *кӀуэн* «идти», но и влияет на грамматическое значение основы, так как переводит непереходную основу в переходную и тем самым изменяет всю синтаксическую конструкцию предложения. Напротив, аффикс *-гъэ*, с помощью которого образовано слово *лӀыгъэ* «мужество», имеет лишь лексическое, словообразовательное значение. Сложение основ *нэ* «глаз» и *лэ*- «рука» дает лишь слово с новым лексическим значением: *нэлэ* «внимание, забота, надзор». Но в результате сложения основ *дахэ* «красивый» и *шӀэн* «делать» образуется не только новое слово *е-дэхэшӀэн* «ласкать кого, что», но и изменяется грамматическое значение глагольного компонента. Ср.: каб. *абы ешӀ* «он делает» (эргативная конструкция), *ар йо-дэхашӀэ* «он ласкает» (номинативная конструкция). Нет необходимости увеличивать количество примеров, иллюстрирующих разнообразие форм и содержания словообразовательных явлений адыгских языков. Приведенные производные слова — приставочный глагол *гъэ-кӀуэн* и сложный глагол *едэхэшӀэн* — нельзя ставить в один ряд с теми производными словами, которые отличаются от производящих основ лишь новым лексическим значением. А этот факт свидетельствует о том, что к решению вопроса о границах производных (в том числе сложных) слов следует подходить конкретно, с учетом специфики языка и его словообразующих категорий.

§ 10. Недостатки предложенных критериев выделения сложного слова. Критерий морфологической цельюформленности (О. Есперсен, Н. Ф. Яковлев, А. И. Смирницкий). Семантический критерий (Г. Пауль и др.)

³⁷ См.: А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»). Сборник «Вопросы теории и истории языка». М., 1952; Его же. Лексикология английского языка. М., 1956.

³⁸ Л. В. Щерба. Очередные проблемы языкознания. «Известия АН СССР», Отд. литературы и языка, 1945, № 4—5, стр. 175.

³⁹ См.: А. И. Смирницкий. К вопросу о слове, стр. 183.

Во многих работах, вышедших за последние годы, в качестве критерия, отграничивающего сложное слово от словосочетания, выдвигается признак грамматической цельнооформленности. Некоторые исследователи склонны — без всяких на то оснований — рассматривать грамматическую цельнооформленность как универсальный критерий, пригодный для разграничения сложных слов и словосочетаний чуть ли не во всех языках. В этой связи нелишним будет отметить, что критерий грамматической цельнооформленности для разграничения сложных слов и словосочетаний не является новым. Новым и, на наш взгляд, удачным в данном случае является лишь термин «грамматическая цельнооформленность», введенный в научный обиход А. И. Смирничкиным.

Что же касается самого критерия, то им пользуется ряд индоевропейцев. Так, например, исходя из этого грамматического критерия О. Есперсен пишет: «В нижеприведенных случаях чисто лингвистические критерии показывают, что сочетание двух отдельных слов превратилось в одно целое. Нем. *Großmacht* и дат. *stormagt* отличаются в этом отношении от англ. *great power* („великая держава“), что подтверждают и их флексии: *die europäischen Großmächte*, *de europoeske stormagter* „европейские великие державы“, но в английском языке это сочетание встречается с иным порядком слов: *the great European Powers*... Франц. *république*, англ. *republic* „республика“ являются одним целым, чего нельзя сказать о лат. *res publica*, так как они склоняются отдельно (подчеркнуто нами. — М. К.): *res publicam*»⁴⁰. Как мы видим, признаком сложного слова О. Есперсен считает грамматическую цельнооформленность составляющих его компонентов.

Грамматическая цельнооформленность, естественно, не может быть универсальным критерием, дифференцирующим сложные слова и словосочетания. В тех языках, в которых между лексическими и синтаксическими единицами отсутствуют четкие фонетические и грамматические различия, критерий цельнооформленности оказывается недостаточным или вовсе непригодным для отграничения сложных слов от словосочетаний. Под понятие грамматической цельнооформленности в абхазско-адыгских языках подводятся самые разнообразные языковые явления. Например, в этих языках различные синтаксические единицы, в том числе все типы атрибутивных образований, являются грамматически цельнооформленными. Ср.: в адыгейском языке формы сложного слова *мэшлуэкуымчлэ* «поездом», *мэшлуэкухэр* «поезда» и формы разных синтаксических комплексов — *кьуэджачлэ-мчлэ* «новым селом», *кьуэджэ дахэхэр* «красивые села», *мэшлуэкуитлу-мчлэ* «двумя поездами», *унэчлшььы-*

мчлэ «тремя новыми домами». Как сложное слово *мэшлуэку* «поезд» (букв.: «огнёвая арба»), так и различные типы синтаксических единиц — *кьуэджачлэ* «новое село», *кьуэджэ дах* «красивое село», *мэшлуэкуитлу* «два поезда», *унэчлшььы* «три новых дома» выступают как цельнооформленные единицы и имеют одинаковую систему словоизменения.

Характерной особенностью адыгских языков является то, что различные языковые единицы не всегда четко отграничиваются друг от друга по своим фонетическим и грамматическим формам. Например, сложные образования *шьшлэ* «жеребенок» и *унэшлэ* «новый дом» в кабардинском языке (как и в адыгейском) образуются на базе однотипных именных групп (определяемое + определение): *шьшлэ* состоит из *шьы* «лошадь» + *шлэ* «молодой», «новый», образование *унэшлэ* состоит из *унэ* «дом» + *шлэ* «новый»; *шьшлэ* и *унэшлэ* имеют одинаковую систему формообразования, ср.: *шьшлэр*, *унэшлэр* — форма именительного падежа, *шьшлэм*, *унэшлэм* — форма эргативного падежа, *шьшлэхэмчлэ*, *унэшлэхэмчлэ* — форма орудного падежа множественного числа. Общими между этими сложными образованиями являются и их внешние фонетические признаки — неразрывная слитность компонентов, входящих в их состав, а также наличие объединяющего ударения, ср.: *шьшлэ*, *унэшлэ*.

Из этих двух сложных образований одно — *шьшлэ* «жеребенок» — является типичным сложным словом, образованным с помощью сложения слов. По своим фонетическим и грамматическим (словоизменительным) формам с этим сложным словом совпадает сложное образование *унэшлэ* «новый дом», которое представляет собой именной комплекс, выражающий атрибутивное содержание. Отсюда можно сделать вывод: если в определении сложных слов исходить из фонетических и грамматических (словоизменительных) признаков, то мы должны, будучи последовательными, признать именные комплексы типа *унэшлэ* сложными словами в адыгских языках. Именно так и поступают те исследователи, которые рассматривают в адыгских языках сложные языковые единицы типа *унэшлэ* как сложные слова. «В кабардино-черкесском языке, — пишет проф. Н. Ф. Яковлев, — нередко можно встретить сложные слова, состоящие из трех и даже четырех корней: *лы-жъы-флы-р* «хороший старик» (корни: *лы*, *жъы*, *флы*), *мы-лэ-ры-сэ* — «садовое яблоко» (корни: *мы*, *лэ*, *сэ*), *мэкъу-мэшы-шлэ* «земледелец», «крестьянин» (корни: *мэкъу*, *мэш*, *шлэ*)...»⁴¹. К сложным словам Н. Ф. Яковлев относит и такие сложные образования, как *лыжъыфлы-ышхуэ* «великий, хороший старик», *шытхъуэ* «буланая лошадь», *шыжъыфлытхъуэр* «старая хорошая буланая ло-

⁴⁰ О. Есперсен. *Философия грамматики*. М., 1958, стр. 103—104.

⁴¹ Н. Ф. Яковлев. *Грамматика литературного кабардино-черкесского языка*. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 241.

шадь», *колхозыш* «колхозная лошадь» и т. д.⁴² Как показывают приведенные примеры, Н. Ф. Яковлев расширил объем понятия «сложное слово», понимая под этим термином самые различные языковые единицы. Наряду с действительно сложными словами *мылэрысэ* «яблоко», *мэкъумэшышлэ* «крестьянин» в категорию сложных слов попадают именные комплексы типа *лыжъыфл* «хороший старик», *колхозыш* «колхозная лошадь», которые имеют форму сложного слова. В этом отношении еще дальше пошел А. Н. Боголюбов, который рассматривает синтаксические единицы типа *Iuŋl* «две руки» как сложные слова в кабардинском языке⁴³.

Следует подчеркнуть, что при таком понимании содержания сложного слова полностью стирается грань между различными языковыми единицами. Если стать на эту точку зрения, то внешний признак — слияние компонентов именной группы — оказывается вполне достаточным для выделения сложного имени. Между тем внешнее слияние членов синтаксической группы, которое происходит на основе фонетических изменений, никак не отражается на грамматической функции именованного комплекса. Как слитные именные комплексы, так и отдельные атрибутивные образования одинаково обладают грамматическими (словоизменительными) формами сложного слова. Ср., например: в кабардинском языке *унэшлэ-р* «новый дом», *унэшлэ-хэр* «новые дома» и *кырбыш* *унэ-р* «кирпичный дом», *кырбыш* *унэ-хэр* «кирпичные дома». Если признать слитные именные комплексы сложными словами, то, придерживаясь того же критерия выделения сложного слова, необходимо отнести к лексическим единицам и отдельные именные синтаксические группы типа *кырбыш* *унэ* «кирпичный дом», т. к. между ними нет различий с этой точки зрения.

При разграничении сложных слов и словосочетаний некоторые лингвисты используют критерии формальной и внутренней изоляции синтаксической группы слов. Например, Г. Пауль усматривал причину превращения группы слов в сложное слово в том, что сочетание в целом обособляется по отношению к составным частям⁴⁴. На решающую роль критерия изоляции, выдвинутого Г. Паулем, указывает В. М. Жирмунский в своей статье, посвященной вопросу о границах слова⁴⁵. В процессе создания структурных типов сложных слов явление, которое

⁴² Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 241.

⁴³ См.: А. Н. Боголюбов. Сложные слова в кабардинском и абхазском языках (к вопросу об однотипности построения сложных слов в родственных языках). «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1952, № 2.

⁴⁴ См.: Г. Пауль. Принципы истории языка. (Русский перевод.) М., 1950, стр. 388.

⁴⁵ См.: В. М. Жирмунский. О границах слова. Ж. «Вопросы языкознания», 1961, № 3, стр. 19.

Г. Пауль называет изоляцией, или обособлением, имеет важное значение. Однако следует сказать, что этот критерий позволяет отграничить от синтаксических единиц только отдельные типы сложных слов. Признак изоляции групп слов от составных компонентов в их самостоятельном употреблении, в частности, отграничивает устойчивые сложные слова от структурно соответствующих синтаксических единиц. В адыгейском языке сложные образования *пхэлаш* «плуг» (букв.: «деревянное орудие») и *пхэуын* «деревянный дом», обнаруживая тождество по своей фонетической, грамматической (словоизменительной) и синтаксической структуре, в то же время отличаются друг от друга с точки зрения семантического соотношения значения целого сумме значений его компонентов: значение *пхэлаш* «плуг» только этимологически выводится из суммы значений его компонентов, тогда как значение именованного комплекса *пхэуын* «деревянный дом» полностью мотивировано, т. е. соответствует значению составных частей целого. Отсюда сложное слово *пхэлаш* «плуг» отличается от именованного комплекса *пхэуын* «деревянный дом» не только своими структурными признаками (о чем см. ниже), но невыводимостью своего значения из суммы значений составляющих его частей. Однако такое различие (семантическое) наблюдается между устойчивыми сложными словами и именными комплексами. Что же касается свободных сложных слов, то в этом отношении они не отграничиваются от именных комплексов. Ср., например, в кабардинском языке сложное слово *лыжъ* «старик» и именной комплекс *жыгейыжъ* «старый дуб».

В уязвимости вообще семантического критерия легко можно убедиться, если сопоставить, например, в кабардинском языке сложные слова типа *жэштэклуэн* «идти ночью» (*сожэштэклуэ* «я иду ночью»), *бжэжэкуэуэн* «бодаться», букв.: «бить рогами» (*мэбжэжэкуэуэ* «бодается»), с соотносительными словосочетаниями *жэштэу клуэн* «идти ночью» (*жэштэу соклуэ* «я иду ночью»), *бжэжэкуэчлэуэн* «бодаться», букв.: «бить рогами» (*ар бжэжэкуэчлэ мауэ* «оно бодается»). Критерий смыслового единства не позволяет разграничивать приведенные сложные слова и словосочетания, так как между ними не существует различия с семантической точки зрения.

Между тем для очень многих лингвистов все еще остается неизблемым семантический критерий, предложенный младодограмматиками. Так, среди советских кавказоведов и тюркологов широко распространено мнение, что устойчивые образования типа существительное+основной или вспомогательный глагол являются сложными глаголами. Мы здесь не будем останавливаться на так называемом аналитическом глаголообразовании (об этом подробнее см. § 13). В этой связи только отметим, что точка зрения исследователей, рассматривающих устойчивые аналитические образования указанного типа как

сложные слова, основана на смешении словообразовательных и фразеологических явлений. Ведь многие фразеологические единицы с семантической точки зрения выступают как эквиваленты слов и являются лексическими единицами. Но совершенно очевидно, что понятия слова и лексической единицы неравнозначны.

Итак, ни внешнее строение (слитность компонентов), ни наличие одного объединяющего ударения, ни словоизменительные формы (морфологическая цельноформленность), ни семантические признаки не могут всегда дифференцировать сложные имена и именные комплексы. Напротив, все эти лингвистические признаки могут быть общими между сложным именем и именным комплексом.

§ 11. Функциональные и структурные признаки сложных имен. Рассматривая сложные слова и именные комплексы как идентичные языковые единицы на основании указанных моментов сходства между ними, мы упускаем, однако, из виду очень существенное различие между этими сложными образованиями. В адыгейском языке сложное слово *пхэлаш* «плуг», букв.: «деревянное орудие», которое совпадает по своим фонетическим и словоизменительным формам с именным комплексом *пхэун* «деревянный дом», отличается от последнего не только идиоматичностью своего значения. Образование *пхэлаш* функционирует в языке как сложное слово. Но функцию сложного слова сложное образование *пхэлаш* приобретает не только после того, как его значение становится немотивированным, т. е. невыводимым из этимологического состава данной сложной единицы. Рассматриваемое сложное образование функционировало в языке как сложное слово также со значением «деревянное орудие для вспашки земли». То, что *пхэлаш* обозначает в современном адыгейском языке другой предмет действительности, связано только с появлением у адыгов железных плугов. Устойчивое образование *пхэлаш* «железный плуг» восходит к *пхэлаш* «деревянное орудие». Но образование *пхэлаш*, являясь названием определенного орудия труда, независимо от мотивированности и немотивированности его значения, обозначает и обозначало предметность и имело номинативную функцию. Иначе говоря, причины превращения сочетания слов в сложное слово заложены уже в первичной номинации. Обладая значением предметности и номинативной функции, т. е. являясь названием определенного орудия труда для языкового коллектива, образование *пхэлаш* полностью подводится под категорию имен существительных. Как имя существительное, сложное образование *пхэлаш* выступает в роли определенной части речи, т. е. функционирует в языке не как именной комплекс, выражающий только атрибутивное содержание, а как сложное слово. Отсюда сложное образование *пхэлаш* не только обладает грамматическими и фонетическими признаками слова, но — что

еще важно — по своему номинативному значению эквивалентно существительному. В отличие от этого сложного слова именной комплекс *пхэун* «деревянный дом» в целом не имеет значения предметности, а содержит характеристику атрибутивных отношений между двумя членами предложения. Что в кабардинском языке *лыжэ* нельзя ставить в один ряд с *жыгейыжэ* «старый дуб» с точки зрения номинативной значимости для языкового коллектива, не требует особых пояснений, хотя эти образования по своим конститутивным элементам относятся к однотипным единицам. Образование *пхэлаш* || *пхэлашэ* || *пхэлашэ* «плуг», *лыжэ* «старик», *шычлэ* || *шышлэ* «жеребенок», в отличие от структурно однотипных образований *пхэуын* || *пхэуынэ* «деревянный дом», *чыгайыжэ* || *жыгейыжэ* «старый дуб», *уыначл* || *уынэшлэ* «новый дом», представляют собой готовые словарные единицы. Точнее говоря, *пхэлаш* || *пхэлашэ*, *лыжэ*, *шычлэ* || *шышлэ* являются лексическим материалом в отличие от *пхэуын* || *пхэуынэ*, *чыгайыжэ* || *жыгейыжэ*, которые относятся к сфере синтаксиса.

Лексические единицы *пхэлаш* || *пхэлашэ*, *лыжэ*, *шычлэ* || *шышлэ* и структурно соответствующие синтаксические единицы *пхэуын* || *пхэуынэ*, *чыгайыжэ* || *жыгейыжэ*, *уыначл* || *уынэшлэ* различаются также в плане их сочетаемости и разложимости. Так, например, первый компонент *пхэлаш* || *пхэлашэ* в отличие от первого компонента *пхэуын* || *пхэуынэ* не является определением. Ср., например: каб. *гэуышл* *пхэлашэ* «железный плуг». От вторых членов именных комплексов типа *уыначл* || *уынэшлэ* «новый дом» образуется сравнительная степень с помощью частицы *нахь* || *нэхь*. Ср., например: каб. *нэхь уынэшлэ* «более новый дом», *нэхь уынэфл* — *уынэ нэхьыфл* «лучший дом». В отличие от этих именных комплексов сложные слова типа *шычлэ* || *шышлэ* «жеребенок» не могут сочетаться с частицей *нэхь* не теряя функции части речи и характера наименования. Формы *нэхь уынэфл* и *уынэ нэхьыфл* «лучший дом» (букв.: «более хороший дом») предполагают функциональное тождество форм *нэхь лыжэ* и *лы нэхьыжэ* «более старый мужчина», несмотря на кажущееся различие между последними. Это означает, что *лыжэ* в окружении ...*мэпсалэ* («...говорит») и *лыжэ* в окружении *нэхь... мэпсалэ* («более... говорит») не являются функционально эквивалентными, хотя они материально тождественны.

В первом окружении *лыжэ* выполняет функцию части речи, т. е. выступает как сложное слово, а во втором — *лыжэ* относится к сфере синтаксиса. Для выяснения соотношения между ними полезно сопоставить слово *шалэцлыкы* «мальчик» и синтаксическую группу *нэхь шалэцлыкы* (*шалэ нэхь цлыкы*), где *нэхь* вступает в связь не со сложным словом, а со вторым компонентом именного комплекса, т. е. выделяет качество субстантивированного слова *шалэ* «парень», как и в однотипных

формах *нэхъ шIалэфи* (*шIалэ нэхъыфи* «лучший парень»), *нэхъ шIалэ хахуэ* (*шIалэ нэхъ хахуэ*) «более храбрый парень», *нэхъ шIалэ жан* (*шIалэ нэхъ жан*) «более расторопный парень».

Хотя в данном случае мы имеем дело не с простым смещением значения синтаксической группы слов по сходству, в этой связи представляется целесообразным обратиться также к явлениям лексикализации именных комплексов. В адыгских языках слабое развитие аффиксального именного словообразования компенсируется действием других способов пополнения лексики новыми словами. В образовании сложных слов важную роль играет, в частности, лексикализация синтаксических единиц. В этих языках, например, распространены многозначные по своему содержанию сложные образования типа адыг. *тхьаклуым чIыхь*, каб. *тхьэклуымэ чIыхь*. Но следует сразу же оговориться, что понятие многозначности здесь нельзя рассматривать в плане обычной полисемии. В своем первичном, исходном значении сложные образования типа адыг. *тхьаклуым чIыхь*, каб. *тхьэклуымэ чIыхь* используются как синтаксические единицы, т. е. являются именными комплексами. Ср.: адыг. *тхьаклуым чIыхь*, каб. *тхьэклуымэ чIыхь*, букв.: «длинные уши». Когда же сложное образование, относящееся к этому типу на основе выделения какого-нибудь одного признака становится средством обозначения определенного конкретного предмета, то оно в силу фонетического и грамматического единства составных частей из области синтаксиса перемещается в область лексики. Как наименования предметов или явлений эти сложные образования функционируют в языке уже не как синтаксические единицы, выражающие только атрибутивное содержание, а как лексические единицы, т. е. как сложные слова. Ср.: каб. *тхьэклуымэчIыхь* «заяц», каб. *шыд тхьэклуымэчIыхь* «длинноухий осел».

С аналогичным явлением мы имеем дело и тогда, когда синтаксические единицы типа адыг. *зы мафэ*, каб. *зы-махуэ* «один день» в результате лексикализации приобретают адвербиальное значение. Ср.: каб. *Зы махуэ кыбыхуэнэжыашэ* «У меня остался еще один день», *Зымахуэ абы сышгылашэ* «Я был там на днях».

Как видно из сказанного, в результате слияния слов образуются различные языковые явления: сложные слова (лексические единицы) и именные комплексы (синтаксические единицы); более того, одно и то же сложное образование может быть использовано в одних случаях в функции части речи, а в других — как синтаксическая единица. Приведенные примеры свидетельствуют также о подвижности границ между различными языковыми уровнями, в частности между синтаксическим и лексическим в адыгских языках. Всё это является следствием того, что функция звукового комплекса (в широком смысле этого выражения) проявляется и развивается в речи

в сочетании с другими конститутивными элементами системы языка.

§ 12. Устойчивые сложные слова. Отождествление именных комплексов и образованных по их модели сложных слов ведёт к смешению синтаксических и лексических единиц. В результате такого смешения разных языковых единиц непомерно расширяются границы сложного слова. Но при решении рассматриваемой проблемы наблюдается и обратное явление — стремление к сужению понятия сложного слова.

Своеобразие словосложения как основного способа образования слов в адыгских языках обусловлено особенностями системы словоизменения данных языков. Так, в кабардинском языке *гьушIгьуэгу* «железная дорога» образовано с помощью слияния тех слов, которые составляют устойчивое сочетание *железная дорога* в русском языке. В кабардинском языке образование *гьушIгьуэгу* не только «материально», но и функционально эквивалентно устойчивому сочетанию *железная дорога*. При наличии этих моментов схождения одно и то же понятие в двух языках выражается различными языковыми единицами: в кабардинском языке сложным словом, а в русском — словосочетанием. Такое различие обусловлено тем, что устойчивые единицы *гьушIгьуэгу* и *железная дорога*, которые функционально эквивалентны слову, ярко отличаются друг от друга по своим грамматическим формам. Грамматические различия между ними заключаются в том, что в кабардинском языке сложное образование *гьушIгьуэгу* обладает грамматическими формами слова, тогда как устойчивое образование *железная дорога* в русском языке характеризуется грамматическими формами словосочетания. Отсюда *гьушIгьуэгу* выступает как устойчивое сложное слово, а *железная дорога* — как устойчивое словосочетание.

Все двучленные устойчивые именные образования типа кабард. *гьушIгьуэгу* «железная дорога», *кIэтIийнэф* «слепая кишка», *тхьэклуэмIупс* «барабанная перепонка» в адыгских языках подводятся под категорию сложного слова. От именных комплексов устойчивые слова данного типа существенно отличаются по своим функциональным и структурным признакам. Устойчивые сложные слова не только выражают семантическое единство, но, что еще важнее, характеризуются структурной целостностью (принадлежностью к одному парадигматическому классу, синтаксической неразложимостью и т. д.).

Отсюда становится ясным, почему в адыгских языках при обилии и разнообразии устойчивых сложных слов и устойчивых глагольных словосочетаний относительно бедно представлены именные устойчивые (фразеологические) словосочетания. Эта специфическая черта лексики адыгских языков, которая кажется на первый взгляд даже парадоксальной, обусловлена своеобразием грамматического строя данных языков. Выяснение

этой особенности словообразования позволяет сделать вывод, имеющий важное значение для теории и практики адыгской лексикографии. Многочисленные устойчивые образования типа *гъушлгъуэгу* «железная дорога», *к1эт1ийнэф* «слепа́я кишка», *тхък1уымэлунс* «барабанная перепонка», *лъэдикъуыпшхъ* «берцовая кость», которые составляют значительный процент в лексике адыгских языков, отвечают всем лингвистическим признакам сложного слова. Эти устойчивые образования, являющиеся лексическими единицами, следует давать в словарях (толковых и национально-русских) как знаменательные слова.

Следует отметить, что этот вывод, который теоретически трудно оспаривать, далеко недостаточно реализуется в практике лексикографической работы. От смешения разных языковых единиц больше всего страдает практика лексикографической работы. Синтаксические единицы (именные комплексы), имеющие форму слова, в словарях даются как сложные слова. Так, в новом кабардинско-русском словаре как сложные слова вошли именные комплексы типа *нашхъуэ* «серые глаза», *шъхъ-цыгъуэ* «рыжие волосы» и т. д. В то же время огромное количество устойчивых сложных слов, которые неправильно рассматриваются как словосочетания, не вошли в этот словарь на правах знаменательных слов. Попутно заметим, что в этом отношении плохую услугу оказывает лексикографам орфография, которая не отражает лексического и грамматического единства устойчивых сложных слов.

§ 13. О так называемом аналитическом словообразовании. Говоря о границах между словообразовательными и смежными языковыми единицами, нельзя обойти молчанием проблему так называемого аналитического словообразования. Как уже отмечалось выше, в лингвистической литературе, в особенности в кавказоведческой и тюркологической, широко распространено мнение, что сложные образования типа дополнение или обстоятельство + полнозначный или вспомогательный глагол относятся к сфере глагольного словообразования (см., например, работы Л. И. Жиркова, С. Н. Абдуллаева, А. Н. Кононова, В. Н. Насилова, У. А. Мейлановой, А. А. Юлдашева и др.).

Основанием для отнесения различных типов аналитических групп к явлениям словообразования служит их семантическая цельность. Не вызывает никакого сомнения, что устойчивые аналитические группы с семантической точки зрения выступают как эквиваленты слов и являются лексическими единицами (см. работы В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого). Однако следует подчеркнуть, что одного семантического единства далеко недостаточно для отнесения их к определенному классу слов. С методологической точки зрения неправильно выделение слова по одному семантическому признаку. Это видно хотя бы из того, что в одном и том же языке, не говоря уже о различных языках, для обозначения одного и того же предмета исполь-

зуются разные языковые единицы, в частности, сложное слово и соотносительное по модели словосочетание.

Выше отмечалось, что с помощью одного семантического критерия невозможно дифференцировать даже устойчивые сложные имена и именные комплексы. Ведь сложные образования *пхъэлаш* (адыг.), *пхъэлэшъэ* (каб.) «плуг»; *гъуышл-гъуэгу* «железная дорога» (каб.) подводятся под категорию сложного слова не потому, что они функционально эквивалентны словам. Основным критерием, позволяющим рассматривать эти образования как сложные слова, является их структурная целостность. Семантический критерий вообще не позволяет дифференцировать слова и устойчивые словосочетания. С точки зрения семантики эквивалентны отдельному слову, например, русск. *одержать победу* (*победить*), англ. *win a victory*, нем. *den Sieg erringen*. Однако никто из индоевропейцев не усомнится, что подобные образования являются словосочетаниями, а не сложными словами.

Понятия слова и лексической единицы не покрывают друг друга, точно так же неравнозначны понятия словосложения и лексикализации синтаксической группы слов. Между тем именно на смешении этих различных языковых явлений основана точка зрения, согласно которой аналитические группы, семантически эквивалентные слову, рассматриваются как глаголы. Если встать на эту точку зрения, необходимо также отказаться от понятия фразеологической единицы, т. к. оно отождествляется с понятием сложного слова. По своему значению в адыгских языках образование *напэ техын* «опозорить», букв.: «лицо снять» представляет собой лексическую единицу, поскольку оно, как и сложные слова, выражает лексическое единство. Но это не дает оснований считать аналогичные образования сложными словами.

Для того чтобы определить природу интересующих нас сложных образований, необходимо прежде всего решить вопрос, к какой части речи относятся первые компоненты этих образований.

Отнесение первых компонентов к определенной части речи должно основываться только на их грамматических формах и сочетаемости с другими словами, а не на лексическом значении, которое они выражают вместе с глагольными компонентами.

В адыгских языках *напэ* «лицо», как именной компонент аналитического образования *напэ техын* «опозорить», букв.: «лицо снять», обладает грамматической формой притяжательности, характерной только для имен существительных. Ср.: адыг. *ынапэр тырихыгъ* «(он) опозорил его». Оставляя в стороне сочетаемость первого компонента с другими словами, что также подтверждает его принадлежность к именам существительным, можно сказать, что одного этого признака — наличие формы притяжательности — вполне достаточно, чтобы отка-

заться от точки зрения, согласно которой образования типа адыг., каб. *напэ тыхын* «опозорить», адыг. *гуы хэчлын*, каб. *гуы хэшлын* «опечалиться, огорчиться» (адыг.-каб. *гуы* «сердце», адыг. *хэчлын*, каб. *хэшлын* «уменьшаться»), адыг. *нэ теггэфэн*, каб. *нэ теггэхуэн* «сглазить» (адыг., каб. *нэ* «глаз», адыг. *теггэфэн*, каб. *теггэхуэн* «попасть на что-нибудь») являются сложными глаголами. В противном случае самое выделение парадигматических классов (существительных, глаголов и т. д.) становится совершенно невозможным, поскольку в один класс попадают члены (не основы) разных парадигматических классов.

О превращении сочетания в сложное слово может идти речь лишь тогда, когда составляющие его компоненты выступают как основы слова. Звуковое (фоническое) совпадение основы и слова не означает, что эти единицы функционально идентичны. В образовании *гуы лытэн* «заметить», «обратить внимание» первый компонент *гуы* «сердце» обычно не сочетается с положительными аффиксами. Но компонент *гуы* в составе *гуы лытэн* не является частью слова, т. е. основой слова, а представляет собой отдельное существительное с нулевой морфемой. В аналогичных образованиях с этим же компонентом сочетаются положительные аффиксальные морфемы. Ср.: каб. *гуыр кьуйтэн* «огорчить», букв.: «сердце разбить», *гуым хэхьэн* «огорчиться», букв.: «в сердце проникнуть». К сказанному следует добавить, что анализируемые образования, как и свободные словосочетания, допускают включение других слов и морфем между составляющими их компонентами. Так, в кабардинском языке вполне возможны образования: *сигуыр лейуэ ыкьтуйташгъ* «(он) меня сильно огорчил», букв.: «(он) мое сердце сильно разбил», *йыгуым заншлэу хэхьашгъ* «он сразу опечалился», букв.: «в его сердце сразу вошло».

То же касается сложных образований типа абх. *ашуа хьуара*, адыг. *орэд кьэлон*, каб. *уэрэд жылэн*, лезг. *мани лугьуз*, лак. *балей учин* «петь», букв.: «песню говорить»; ср.: абх. *ашуа бзиа ахьуара*, адыг. *орэд дахэ кьэлон*, каб. *уэрэд дахэ жылэн*, лезг. *хьсан мани лугьуз*, лак. *хьинсса балей учин* «хорошую песню петь», букв.: «хорошую песню говорить».

Следует также отметить, что в некоторых устойчивых аналитических образованиях, в отличие от устойчивых сложных слов, один из компонентов оказывается стержневым, т. е. фразеологически обусловленным, а другой — свободным в смысле его сочетаемости. Ср.: каб. *фыз кьэшэн* «жениться», букв.: «женщину привезти», *хьыджэбз дэгьуэ кьэшэн* «на хорошей девушке жениться», букв.: «хорошую девушку привезти», *фызабэ кьэшэн* «на вдове жениться», букв.: «вдову привезти», *лы дэ-кьлуэн* «выйти замуж», букв.: «вместе с мужчиной идти», *шлалэ дьдэм дэ-кьлуэн* «за очень молодого парня выйти замуж», букв.: «вместе с очень молодым парнем идти».

Сторонники аналитического словообразования по непонятным причинам молчаливо обходят многокомпонентные (точнее — многосоставные) аналитические образования, семантически эквивалентные слову. Между тем не требует пояснений следующее положение: если считать двухкомпонентные аналитические образования сложными словами, придется признать таковыми и многокомпонентные аналитические образования, выражающие семантическую цельность. В самом деле, если верно, что адыг. *гуы хэчлын* «обидеться», букв.: «сердце + уменьшаться», *штъуыз кьэшьэн* «жениться», букв.: «жену/привезти», *тутын ештъуэн* «курить», букв.: «табак сосать», *шлу лъагьуын* «любить», букв.: «хорошо видеть», *бзэгу хьын* «доносить», букв.: «язык носить», являются сложными глаголами, т. е. словами, то мы не вправе исключать из разряда слов и такие образования, как адыг. *гуы цанэчлэ йыгьын* «опасаться, бояться», букв.: «сердце кончиком зуба держать», *лэнэ тхьапэ тесын* «быть нахлебником», букв.: «сидеть на краю стола», поскольку все эти образования (двухкомпонентные и трехкомпонентные) одинаково идиоматичны и выражают семантическую цельность. Однако с отнесением многокомпонентных аналитических образований к сложным словам не согласятся, по-видимому, и сами сторонники рассматриваемой точки зрения.

То же самое нужно сказать об аналитических образованиях с различными вспомогательными глаголами. Так, в дагестанских языках (да и не только в дагестанских) образования типа дарг. *кумек барес* «помогать», букв.: «помощь делать», *цлуб барес* «побелить», букв.: «белым делать», считаются сложными глаголами. Однако эти аналитические образования не обладают структурной целостностью, характерной для слова вообще и сложного слова — в частности. Достаточно указать на то, что первый член образований типа *кумек барес* свободно определяется прилагательным, а образования типа *цлуб барес* синтаксически разложимы, как и свободные словосочетания. Ср.: дарг. *Нуни халаси кумек барра*, букв.: «Я большую помощь сделал» (ср., также: *Нуни кумек кьалли халаси барра*, букв.: «Я, оказывается, большую помощь сделал»), *Нуни цлуб кьалли кьалабали барра*, букв.: «Я белым, оказывается, быстро сделал».

Сказанное относится также к сложным образованиям типа адыг., каб. *агитировать шлын*, *агитация шлын* «агитировать», *акцентировать шлын* «акцентировать», адыг. *механизировать шлын*, каб. *механизация шлын* «механизировать». Аналогичные образования, характерные обычно для младописьменных языков, рассматриваются многими исследователями как сложные глаголы, хотя они также не имеют структурных признаков сложного слова. Ср.: адыг. *агитировать дэгьуэу шлын* «хорошо агитировать», каб. *механизация псыншлэу шлын* «быстро механизировать», букв.: «быстро механизацию делать».

Само собой разумеется, что не все именные компоненты устойчивых аналитических образований имеют все грамматические формы, свойственные им в условиях свободной сочетаемости. Однако отсутствие той или иной формы у именного компонента, которое характерно вообще для устойчивых словосочетаний, не дает оснований считать его составной частью члена другого парадигматического класса. Не может считаться критерием перехода аналитического образования в сложное слово и отсутствие свободной сочетаемости у одного из его компонентов в других синтаксических условиях. Так, например, не имеют самостоятельного употребления первые компоненты адыг. *хъуафэ ршшыхьагэ* «(он) уничтожил», *ышгэ ычлыгэ* «(он) разошелся», адыг.-каб. *яггэ ечлын*, каб. *яггэ ечлын*, «повредить», адыг. *тумы хъуын* «исчезнуть», адыг.-каб. *пхгэтэ пыхьыггэп* «(он) не признал»; не имеют самостоятельного употребления вторые компоненты адыг. *нэф штын*, каб. *нэху штын* «рассветать», адыг. *уэшьхы къешьхьын*, каб. *уэшх къешхын* «идти, выпасть (о дожде)», адыг.-каб. *уэс къесын* «идти, выпасть (о снеге)» и др. Ср. русск.: *бить баклуши, попасть впросак, точить ляды, точить балясы* и др.

Итак, сложное образование не может считаться словом (сложным или составным — это не меняет положения), если составляющие его компоненты остаются членами разных парадигматических классов и не обладают структурной целостностью.

Грамматический анализ так называемых аналитических глаголов показывает, что по своей природе они представляют собой различные типы устойчивых и — реже — свободных словосочетаний.

§ 14. Проблема инкорпорации в адыгских языках в связи с определением границ сложного слова: а) «Глагольные инкорпоративные комплексы»; б) «Именные инкорпоративные комплексы». Особо следует остановиться на так называемой инкорпорации в адыгских языках. Принято считать, что в адыгских языках сохранились особые языковые явления, относящиеся к пережиткам инкорпорации. Под термином «инкорпорация» исследователи адыгских языков понимают самые различные языковые явления. Одни ученые подводят под инкорпорацию словообразовательные явления, а другие отождествляют с инкорпорацией лексические и синтаксические единицы.

Характеризуя сложные основы в кабардино-черкесском языке, Н. Ф. Яковлев пишет: «Большое развитие многосоставных основ в кабардино-черкесском языке в отдельных сохранившихся в нем случаях, когда слово представляет собой как бы слившееся воедино целое предложение, с несомненностью доказывает, что современный строй кабардино-черкесского языка

развился непосредственно из языка инкорпорирующего строя, т. е. из языка, включающего в состав одного слова — сказуемого несколько самостоятельных слов — понятий»⁴⁶. В качестве примеров, иллюстрирующих пережитки инкорпорации в этом языке, приводятся сложные образования *жэшьэклуэн* «идти ночью», *ежэхын* «бегать вниз», *мэшэс* «(он) садится на коня», *мэкъуэуэн* «косить сено», *жээхэхьэн* «подойти вплотную», *гуызэвэн* «тревожиться, беспокоиться», *пыдлэн* «говорить» и др. «Эти сложные многосоставные основы, — отмечает Н. Ф. Яковлев, — в то же время доказывают, что в современном кабардино-черкесском языке инкорпорация уже отмирает и сохраняется лишь в отдельных случаях»⁴⁷.

Большинство примеров, приводимых Н. Ф. Яковлевым в качестве пережитков инкорпорации, образовано способом основосложения. Так, например, основа глагола *жээхэхьэн* «подойти вплотную к кому-, чему-нибудь» состоит из имени *жэ* «рот» и производной основы глагола *хэхьэн* «входить во внутрь чего-нибудь»; основа *гуызэвэн* «беспокоиться» образована сложением *гу* «сердце» и *зэв* «узкий»; основа *мэкъуэуэн* «сенокос» членится на *мэкъу* «сено» и *уэ — уэн* «бить, косить»; основа *жэшьэклуэн* «идти ночью» < *жэш* «ночь» + *клуэ — клуэн* «идти».

Что же касается образований типа адыг.-каб. *мэ-шэ-с* «он садится на коня», то отнесение их к явлениям инкорпорации является результатом смешения словообразовательных и словоизменительных форм. Основа *мэ-шэ-с* образована сложением двух компонентов: *шы* «лошадь» и *с(ы)* — несамостоятельный глагольный корень в значении «сидеть», «сесть». Последний встречается лишь в сочетании с превербами или с корневыми морфемами (ср.: адыг.-каб. *шэсын* «садиться на коня» и *хэсын* «сидеть внутри чего-то»). Так как элемент *мэ-* в этом глаголе является словоизменительным формантом (аффикс 3 л. ед. ч. в непереходных глаголах) и не входит в основу, то не может быть речи о включении корневой морфемы во внутрь основы.

Другие исследователи, рассматривая сложные образования типа адыг.-каб. *лэкъуэ-уэн* «бить ногами» как «инкорпоративные глагольные комплексы», относят их к синтаксическим единицам⁴⁸. В действительности же нет никаких оснований для того, чтобы квалифицировать образования типа *лэкъуэуэн* «бить ногами» как синтаксические единицы. Образования рассматриваемого типа по своей морфологической структуре ничем не отличаются от многочисленной группы слов, основы которых состоят из именного и глагольного компонентов. Ср., например: адыг.-каб. *лэкъуэуэн* «бить ногами» (*лэкъуауэ* < *лэкъуэ*

⁴⁶ Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 243.

⁴⁷ Там же, стр. 244.

⁴⁸ См.: М. Абитов. Инкорпорация в кабардино-черкесском языке. «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. VIII, вып. 3. М.—Л., 1949, стр. 262—270.

«нога» + *уэ* — основа глагола *уэн* «бить»), *пхъэшлэн* «столярничать», «плотничать» (*пхъашлэ* < *пхъэ* «дерево» + *шлэ* — основа глагола *шлэн* «делать»), адыг. *бжъэхъуэн*, каб. *бжъэхъуэн* «заниматься пчеловодством» (*бжъэхъуэ* || *бжъэхъуэ* < *бжъэ* || *бжъэ* «пчела» + *хъуэ* — основа глагола *гъэхъун* «пасти»), адыг. *пцэжъыешэн*, каб. *бдзэжъейешэн* «ловить рыбу» (*пцэжъыешэ* || *бдзэжъейешэ* < *пцэжъый* || *бдзэжъей* «рыба» + *ешэ* || *ешэ* — основа глагола *ешэн* || *ешэн* «охотиться за кем-, чем-нибудь»). Как видно из приведенных примеров, между образованиями *лэкъуэуэн* «бить ногами» и *пхъэшлэн* «столярничать» по своему морфологическому строению нет никаких расхождений. Различие между этими структурно однотипными сложными основами заключается в том, что с исторической точки зрения в одних случаях исходным является субстантивное значение, а в других — глагольное. Ср.: каб. *мэкъуауэ* «косарь», *со-мэкъуауэ* «я кошу сено», *лэкъуэуэ-н* «бить ногой», *лэкъуауэ* «бьющий ногой». Между тем образования типа адыг.-каб. *лэкъуэуэн* «бить ногами» в отличие от идентичных образований, как адыг.-каб. *пхъэшлэн* «столярничать», адыг. *бжъэхъуэн*, каб. *бжъэхъуэн* «заниматься пчеловодством» и т. д., считаются синтаксическими единицами. Но анализ структуры их основ показывает, что все они относятся к одному и тому же типу языковых единиц. Образования данного типа резко отличаются от соотносительных словосочетаний прежде всего по своим формам словоизменения. Образование *лэкъуэуэн* «бить ногами» отличается от словосочетания *лэкъуэклэ уэн* «бить ногами» тем, что морфологически оно изменяется как слово. Ср.: каб. *мэлъэкъуауэ* «он бьет ногами» и *ар лэкъуаклэ мауэ* «он бьет ногами».

Как структурно целая единица образование *лэкъуэуэн* «бить ногами» синтаксически не разложимо. Напротив, соотносительных словосочетания допускают включение между своими компонентами слов, относящихся к другим частям речи. Ср. каб. *ар лъэшъыу мэлъэкъуауэ* «он сильно бьет ногами» и *ар лэкъуэклэ лъэшъыу мауэ* «он ногами сильно бьет». Правда, в ряде случаев образования данного типа отличаются от соотносительных словосочетаний также идиоматичностью. Например, значение *пхъэшлэн* «столярничать» не есть сумма значений его компонентов «дерево делать». Но признак идиоматичности не является основным критерием отграничения образования анализируемого типа от соотносительных словосочетаний. Главным признаком, отграничивающим эти образования от словосочетаний, остается их способность грамматически изменяться как слово. Образования *лэкъуэуэн* «бить ногами», *пхъэшлэн* «столярничать», проходя через всю систему глагольного формообразования, выступают как глаголы, т. е. как лексические единицы языка.

Следует остановиться также на так называемых именных

инкорпоративных комплексах. По мнению некоторых ученых (И. И. Мещанинова, М. Л. Абитова), в адыгских языках, помимо глагольных инкорпоративных комплексов, сохранились и именные инкорпоративные комплексы. Под именными инкорпоративными комплексами понимаются слитные атрибутивные образования типа адыг. *уначл*, каб. *унэшлэ* «новый дом», которые имеют форму сложного слова. Ср., например: в адыгейском языке *уначлэ-р* «новый дом» (в определенной форме), *лыжъы-р* «старик»; букв.: «старый мужчина» (в определенной форме), *уначлэхэр* «новые дома», *лыжъ-хэр* «старики» и т. д.

Итак, как именные инкорпоративные комплексы рассматриваются те же именные комплексы, которые Н. Ф. Яковлев отождествлял с сложными словами. Отграничивая слитные атрибутивные образования от внешне отдельных атрибутивных образований, эти исследователи приходят к выводу, что в адыгских языках одни и те же синтаксические связи (атрибутивность) выражаются двумя одновременно существующими способами, т. е. путем инкорпоративного комплекса и путем сочетания при примыкании. «Инкорпоративное аморфное слияние» (слитное атрибутивное образование типа *уначл* «новый дом») рассматривается в целом как часть предложения, «аморфное сочетание» (раздельное атрибутивное образование типа *унэ ин* «большой дом») — как синтаксическое сочетание, состоящее из членов предложения. При этом — что очень важно для сторонников теории инкорпорации — слитное атрибутивное образование как инкорпоративное явление оказывается наиболее архаичным, древним способом выражения синтаксических отношений по сравнению с словосочетанием. Иначе говоря, словослияние (*уначл* «новый дом»), которое считается инкорпоративным комплексом, еще не расчлененным на члены предложения, предшествует образованию членов предложения (определяемого и определяющего).

Разграничение слитных и раздельных атрибутивных образований как различных языковых единиц в адыгских языках представляется недостаточно аргументированным. Как правильно заметил М. Л. Абитов, в основе деления атрибутивных образований на инкорпоративные комплексы и словосочетания лежит внешний (звуковой) признак — слияние членов синтаксической группы⁴⁹. Но имеется ли у нас основание рассматривать внешнее слияние слов как особое языковое явление, относящееся к пережиткам инкорпорации в адыгских языках?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует кратко остановиться на тех фонетических изменениях, которые обуславливают слияние компонентов атрибутивного образования.

⁴⁹ См.: М. Л. Абитов. Сложные слова (composita) в кабардино-черкесском языке. Кандидатская диссертация. М., 1948.

В адыгских языках односложные слова открытого типа как постпозитивный член именной синтаксической группы под действием объединяющего ударения фонетически сливаются с предшествующим словом. Слияние членов синтаксической группы в единый комплекс сопровождается фонетическими изменениями.

а) В кабардинском языке, как правило, односложное слово открытого типа в постпозиции теряет иррациональный гласный *ы*, а согласный корневой элемент сливается с предшествующим определяемым или определяющим словом. Ср.: каб. *адыгэ + шы* > *адыгэш* «адыгская лошадь»; *шы + фты* > *шыфты* «хорошая лошадь».

б) При слиянии членов именной синтаксической группы этот фонетический закон также действует в адыгейском языке, но не так регулярно и последовательно, как в кабардинском языке. Ср.: адыг. *унэ + жы* > *унэжы* «старый дом», *шэчты + жы* > *шэчтыжы* «старая материя».

в) В адыгейском языке в отличие от кабардинского языка в односложных и двусложных словах открытого типа в постпозиции обычно отпадает конечный гласный *э*. Ср.: адыг. *уэначт*, каб. *уэнэштэ* «новое седло», адыг. *кьэлэ дах*, каб. *кьэлэ дахэ* «красивый город», адыг. *цтыф дэгту*, каб. *цтыху дэгтуэ* «хороший человек».

г) Как в адыгейском, так и в кабардинском языке при слиянии членов именной синтаксической группы фонетическим изменениям подвергается и препозитивный член. Ср.: адыг. *мышэ + шгуэ* «кожа» > *мышэашгуэ* «медвежья шкура»; каб. *мышэ + фэ* > *мышэфэ* «медвежья шкура»; адыг. *тамэ + шхуэ* «большой» > *тэмашхуэ* «большое крыло», каб. *дамэ + шхуэ* > *дэмэшхуэ* «большое крыло».

д) На стыке сложного комплекса восстанавливается исходный гласный, утраченный самостоятельным словом. Ср.: адыг. *хьамы* «ток (площадка для молотбы)», каб. *хьэм* «ток», каб. *хьэмышхуэ* «большой ток»; адыг. *члахы* «длинный», каб. *члыхь* «длинный», каб. *члыхьышхуэ* «очень длинный».

Как мы видим, под действием объединяющего ударения члены именной синтаксической группы сливаются в едином комплексе. При этом определяющее и определяемое подвергаются определенным фонетическим изменениям. Отсюда становится совершенно очевидным тот факт, что слитные атрибутивные образования не являются архаичными по сравнению с раздельными атрибутивными образованиями. Напротив, здесь слияние членов именной группы — явление вторичное, восходящее к синтаксическому сочетанию слов. Тем самым окончательно решается вопрос об архаичности слитных атрибутивных образований. Внешнее слияние членов синтаксической группы несколько не отражается на лексическом значении и грамматической функции именного комплекса. Характерной чертой

адыгских языков является то, что все типы атрибутивных образований, независимо от слитности и раздельности компонентов, грамматически изменяются одинаково. Ср.: адыг. *уначтэ-р* «новый дом», *уначтэ-хэр* «новые дома», *унэ ины-р* «большой дом», *унэ ин-хэр* «большие дома». О несостоятельности принципа, лежащего в основе деления атрибутивных единиц на инкорпоративные комплексы и словосочетания, свидетельствует и следующее обстоятельство. Если признать внешнее слияние членов именной синтаксической группы инкорпоративным комплексом, т. е. особой синтаксической единицей, то одно и то же атрибутивное образование в двух адыгских языках мы должны рассматривать как разные синтаксические единицы. Например, исходя из такого принципа разграничения атрибутивных образований, *пхэун* «деревянный дом» в адыгейском языке мы должны отнести к архаичным, инкорпоративным явлениям, а то же самое образование (*пхэ унэ*) в кабардинском языке — к другим синтаксическим единицам. Между тем здесь мы имеем дело с одной и той же синтаксической единицей: то, что данное атрибутивное образование в адыгейском языке представляет собой внешне целое, в отличие от той же синтаксической единицы в кабардинском языке, является результатом неравномерного действия рассмотренного выше звукового закона в двух адыгских языках.

Из сказанного видно, что утверждение о наличии в адыгских языках особых именных комплексов, относящихся к пережиткам инкорпорации, лишено доказательной силы. Мнение о том, что способ выражения атрибутивности слиянием двух и более имен представляет архаичное, пережиточное явление в адыгских языках, не подтверждается фактами данных языков.

В данном случае совершенно очевидно, что словослияние происходило на базе сочетания слов. Этот бесспорный и самоочевидный факт опровергает теорию о том, что именованными атрибутивными образованиями, состоящим из членов предложения, предшествовали именные инкорпоративные комплексы. Нет оснований рассматривать слитные атрибутивные образования как инкорпоративное явление. Внешнее слияние именной синтаксической группы — явление вторичное и не влияет на ее лексико-грамматическое значение.

Акад. И. И. Мещанинов на материале палеоазиатских языков выдвинул положение о том, что в инкорпорированном комплексе, в том числе в сложных атрибутивных единицах типа чукотского *тан'клявол* «хороший мужчина», не выделяются определение и определяемое как самостоятельные члены предложения. По этому поводу И. И. Мещанинов писал: «Пример для иллюстрации этого положения возьмем из чукотского языка: *тан'кляволя кора нмыркынен* «хороший мужчина (охотник) оленя убивает». Тут определение *тан* «хороший», слившись с

определяемым *клявол* «мужчина», выступает в предложении одним его членом, в данном контексте подлежащим. Все это слившееся словосочетание получает единое оформление. Оно все целиком стоит в творительном падеже (*клявол-я*), являющимся в языках чукотской группы не только падежом орудия действия, но и падежом активного субъекта. Определение и определяемое воспринимаются в данном синтаксическом построении предложения как одно целое». Несколько ниже читаем: «Следовательно, в обоих привлеченных нами языках, в чукотском и гилацком, определение не воспринимается как член предложения и в нем поэтому не выделяется»⁵⁰.

Как видно, это положение основано на морфологической цельнооформленности синтаксической единицы. Иначе говоря, то, что является признаком сложного слова для одних исследователей, оказывается признаком отсутствия самостоятельных членов предложения для других.

Положение о том, что в слитной атрибутивной единице не выделяются определение и определяемое, не может считаться правильным применительно к материалу адыгских языков. Отсутствие структурной целостности атрибутивного комплекса (синтаксическая разложимость последнего, способность определительного члена сочетаться с морфемами, выражающими степень сравнения) свидетельствует о том, что сохраняются грамматические связи определения и определяемого, входящих в слитный атрибутивный комплекс.

Кроме того, в отличие от палеоазиатских языков в адыгских языках определение, выраженное качественным прилагательным, в атрибутивной единице имеет полную парадигму прилагательного.

Итак, «глагольные инкорпоративные комплексы» мы относим к явлениям словообразования, считая их сложными словами, а «именные инкорпоративные комплексы» — к атрибутивным единицам. В качестве инкорпорированных образований мы рассматриваем лишь слова типа *дэ-плъы-чы-н* «смотреть откуда-либо», которые образованы путем включения глагольных основ в состав прерывистых основ (подробнее об инкорпорировании как способе словообразования см. ниже, § 116).

§ 15. Критерии разграничения словосложения и аффиксации. Так как границы между словосложением и словоизменной аффиксацией являются довольно очерченными, проблема разграничения словосложения и аффиксации в сущности сводится к выяснению различий между корневыми и деривационными морфемами.

⁵⁰ И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., Изд. АН СССР, 1945, стр. 27—31.

Согласно распространенному мнению, морфема считается деривационной, если она не имеет коррелятивной формы в виде самостоятельно функционирующей основы в данном языке. В соответствии с этим положением слово рассматривается как аффиксальное образование, когда в его состав входит элемент, не имеющий соответствия в самостоятельной единице или имеющий коррелят в виде служебного слова, но оно считается сложным, когда в качестве его компонентов выступают самостоятельно существующие в этом языке основы знаменательных слов. Эта точка зрения наиболее четко выражена в работе А. Мартине «Основы общей лингвистики» (сб. «Новое в лингвистике», т. III. М., 1963).

Следует, однако, заметить, что указанные критерии не всегда могут дифференцировать словосложение и деривационную аффиксацию. В отношении к абхазско-адыгским классам эти критерии применимы только к определенным классам слов, в частности к именам. Но необходимо заметить, что при разграничении именного словосложения и именной аффиксации на основании указанных критериев в стороне остаются многочисленные переходные явления, находящиеся на грани аффиксации и словосложения. Что же касается других классов слов, в частности глаголов, то здесь отмеченные признаки не могут быть дифференциальными ни в синхронном, ни в диахронном плане.

Наличие или отсутствие коррелята в виде автономной единицы, по сути дела, является признаком этимологическим, а не структурным. Между тем при разграничении словосложения и аффиксации важно не столько наличие или отсутствие коррелята в самостоятельном употреблении, сколько взаимоотношения между морфемами в слове. Так, в качестве дифференциальных признаков словообразовательной аффиксации и словосложения глаголов в абхазско-адыгских языках выступает поведение, вернее, дистрибуция морфемы в слове. Морфема приобретает статус префикса или суффикса, если она ведет себя в глагольном слове как аффиксальная морфема. А в последовательности морфем, составляющих производную основу глагола, дистрибуция аффиксальной морфемы резко отличается от дистрибуции корневой морфемы, входящей в состав сложной основы глагола. При этом для преобразования корневой морфемы в аффиксальную существенного значения не имеет наличие или отсутствие коррелята в виде полнозначной основы. Одни аффиксальные морфемы имеют подобный коррелят, а другие — его не имеют. Это положение можно пояснить на противопоставлении, с одной стороны, простых и отыменных префиксов, а с другой — отыменных префиксов и их коррелятов — именных основ.

Важнейшим критерием разграничения корневой и деривационной морфем в системе абхазско-адыгского глагола явля-

ется то, что аффиксальные основы в отличие от основ сложных допускают дистантное положение своих составных частей. Основы, образованные с помощью деривационных морфем, разрываются другими морфемами, в частности личными показателями субъекта переходного глагола. Так, деривационный префикс *дэ-* в переходном глаголе оказывается в препозиции по отношению к аффиксу субъекта, который инкорпорируется в основу. Ср.: каб. *сы-дэ-т-а-шь* «я стоял между ними», но *дэ-с-хь-а-шь* «я заносил что-то между ними».

Точно такую же дистрибуцию имеет и морфема *ч/шэ-||ш/э-*, ср.: каб. *сы-ш/э-т-а-шь* «я стоял под ним», *ш/э-с-хь-а-шь* «я заносил что-то под ним». Морфемы *дэ-*, *ч/шэ-||ш/э-* относятся к однопорядковым единицам, т. е. в сочетании с другими морфемами они ведут себя одинаково. Эти морфемы занимают место основообразующих префиксов, составляющих третий порядок (см. ниже, § 121). Между тем аффиксальная морфема *ч/шэ-||ш/э-*, в отличие от аффиксальной морфемы *дэ-*, имеет корреляты в виде автономной единицы. Ср.: *ч/шэ||ш/э* «дно». Еще более наглядные модели можно привести из абхазского языка, демонстрирующего своеобразную систему взаимоотношений корневых и аффиксальных морфем. Так, локальные превербы в абхазском языке имеют корреляты в виде глагольных корневых морфем. Морфема *та-* в словоформе *д-та-ynl* «он (человек) внутри находится» выступает как корневая морфема. Генетически та же самая морфема в слове *а-та-ла-ра* «входить» по своей дистрибуции попадает в число аффиксальных морфем.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что преобразование структур, т. е. создание деривационных морфем на базе полнозначных основ, может достигаться изменением дистрибуции исходной морфемы. Отсюда нельзя не прийти к выводу, что критерии разграничения словосложения и аффиксации зависят от морфемной структуры языка. В пределах одного языка для различных классов слов существуют различные критерии разграничения словосложения и аффиксации. Отсутствие коррелята в самостоятельном употреблении, фоно-морфологическая изоляция и процессы семантического опрощения искомого элемента не всегда оказываются существенными для преобразования корневой морфемы в морфему деривационную.

§ 16. Необходимость учета соотношения синхронии и диахронии при выделении сложного слова. В заключение следует сказать, что при определении границ сложного слова необходимо учитывать соотношение синхронии и диахронии. Важность историзма для объяснения современной системы языка совершенно бесспорна. Но не менее бесспорно и то, что проблему структуры слова, в том числе и сложного слова, невозможно решить независимо от того, о каком историческом периоде существования языка идет речь. Ведь такие распространенные явления,

как грамматикализация одного из компонентов сложной основы, лексикализация словосочетаний и другие, требуют конкретного подхода к разработке интересующей нас проблемы. Так, в адыгских языках имеется целый ряд морфем, которые в составе сложной основы обнаруживают склонность к переосмыслению и грамматическому обобщению, образуя определенные, стандартные типы производных основ. К ним относятся, например, вторые компоненты слов типа адыг. *чылпхъ*, каб. *жылапхъэ* «семена», адыг. *бзыпхъ*, каб. *бзыпхъэ* «выкройка», адыг. *мэрчэпылъ*, каб. *шакъалъэ* «чернильница», адыг. *мыжъуалъэ*, каб. *мывалъэ* «каменистый». Хотя вторые элементы этих слов функционируют в современных адыгских языках как самостоятельные единицы, при строгом синхронном анализе неправомерно относить их к сложным словам, так как *-пхъ(э)*, *-лъэ* как составные части основ выступают как словообразовательные элементы с абстрактным, обобщенным значением, свойственным основообразующим аффиксам. В историческом словообразовании адыгских языков, разумеется, образования данного типа займут свое этимологическое место — в разделе словосложения. Такой дифференцированный подход к выяснению границ сложного слова вытекает из признания языка как непрерывно развивающегося явления. Однако из этого общепринятого положения не всегда делаются соответствующие выводы, касающиеся проблемы сложного слова. Несовершенство методики, сложившейся в описательных грамматиках адыгских языков (да и не только адыгских), служит главной причиной смешения синхронии и диахронии при выделении типов сложных слов и отграничении их от других языковых единиц. Например, в грамматике Г. Турчанинова и М. Цагова вторые компоненты сложных слов *гуы* «сердце, середина» (каб. *Іэгу* «ладонь», букв.: «сердце руки»), *фэ* «внешность, вид» (каб. *ш/э-лафэ* «моложавый», букв.: «внешность молодого»), *гъуэ* «время» (каб. *бэдзэуэгъуэ* «жаркий сезон лета») рассматриваются как именные словообразовательные суффиксы⁵¹.

В последней описательной грамматике кабардинского языка, составленной коллективом авторов, сложные слова типа *бжъахъуэ* «пчеловод», *шыхъуэ* «табунщик», состоящие синхронно из двух самостоятельных и полнозначных основ (именная основа + глагольная основа), отнесены к суффиксальным словам, а вторая корневая морфема *-хъуэ* — к именным словообразовательным суффиксам. В этой же грамматике морфема *-жъей* (ср. *джэджъей* «цыпленок»), исторически восходящая к самостоятельной основе, но синхронно функционирующая в языке как суффиксальный элемент, ставится в один ряд с такими вторыми элементами сложных образований, как *-жъ*

⁵¹ Г. Турчанинов, М. Цагов. Грамматика кабардинского языка. М., Изд. АН СССР, 1940, стр. 45—46.

(*Лыжъ* «старик», букв.: *лы* «мужчина» + *жъы* «старый», *фызыжъ* «старуха», букв.: *фыз* «женщина» + *жъы* «старая»), *Гъуэ* (*лэжъэгъуэ*, букв.: «время работы», *къухъэгъуэ*, букв.: «время захода») и другие⁵².

Подобные недостатки указанных работ в решении вопроса о соотношении сложного слова и других языковых единиц обусловлены отсутствием твердых принципов построения описательных грамматик иберийско-кавказских языков.

Итак, при определении границ сложного слова необходимо учитывать как своеобразие грамматического строя языка, так и соотношение диахронии и синхронии. В языках разного грамматического строя и на разных этапах развития одного языка признаки, характеризующие сложные слова, могут быть совершенно различными. Более того, в синхронном срезе в одном и том же языке разные типы сложных слов имеют разные критерии, ограничивающие их от смежных языковых единиц. Отсюда, естественно, вытекает вывод, что попытки отыскать универсальный критерий выделения сложного слова приводят только к отрицанию факта многообразия языковой действительности.

VI. ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ФОРМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

§ 17. Вопрос о разграничении словообразовательных и формообразовательных категорий. Исследователи самых различных языков подчеркивают сложность проблемы разграничения словообразовательных и формообразовательных категорий. Вокруг этой проблемы часто возникают разногласия. Достаточно вспомнить, что в русском языкознании по этому вопросу не было единства во взглядах таких крупнейших лингвистов, как А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба и др. За последние годы в советской лингвистической литературе появилось немало работ, посвященных вопросу о разграничении словообразовательных и формообразовательных (включая сюда и словоизменительные) категорий языка. Во многих работах, выполненных на материале различных языков, характеризуется различие и сходство между явлениями словообразования и формообразования, а также выдвигаются определенные критерии для разграничения этих языковых единиц.

На материале русского и других родственных языков акад. В. В. Виноградов дает четкое определение грамматической формы слова: «Формами слова,— пишет В. В. Виноградов,— являются те видоизменения одного и того же слова, которые,

⁵² См.: «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 58—59.

обозначая одно и то же понятие, одно и то же лексическое содержание, либо выражают разные отношения одного и того же предмета мысли к другим предметам мысли, либо различаются некоторыми дополнительными грамматическими оттенками, не создающими нового слова»⁵³.

Исходя из фактов тюркских языков, Э. В. Севортян отмечает: «Словообразование грамматического типа сближается со словоизменением своим обобщенным содержанием и воспроизводимостью в речи. Словообразовательные формы, образуя новое слово, в то же время создают новую единицу в составе данной части речи»⁵⁴. Указывая признаки сходства между словообразованием и словоизменением (формообразованием), Э. В. Севортян в то же время отмечает, что словообразовательные формы отличаются от грамматических категорий как областью своих значений, так и областью своей абстракции. По его мнению, словообразовательные формы, обозначая вещи, явления, процессы, признаки, имеют ограниченное употребление, а словоизменительные формы, выражая отношения и связи между явлениями и вещами, охватывают своим действием все слова данной части речи⁵⁵.

На материале немецкого и отчасти русского языка К. А. Левковская делает вывод, что формообразовательные средства «вообще не создают новых слов, так как не отрывают новую форму от лексико-семантического стержня данного слова, не нарушают семантической связи между этой формой и остальными формами данного слова»⁵⁶. Определение, которое дается К. А. Левковской формообразовательным средствам, представляется несколько односторонним, поскольку в языках нередко наблюдаются случаи, когда один и тот же аффикс совмещает функцию выражения формообразования и функцию выражения словообразования (см. § 19).

В словообразовательном процессе, несомненно, проявляются признаки, характерные для разносистемных языков. Но в то же время совершенно очевидно, что в словообразовании обнаруживаются особенности, присущие конкретному языку или группе родственных языков.

⁵³ В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. Сборник «Вопросы теории и истории языка». М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 107.

⁵⁴ Э. В. Севортян. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. Сборник «Вопросы узбекского языкознания». Ташкент, 1954, стр. 69—70.

⁵⁵ См.: Его же: Словообразование в тюркских языках. Сборник «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. II. М., 1956, стр. 314.

⁵⁶ К. А. Левковская. О словообразовании и его отношении к грамматике. Сборник «Вопросы теории и истории языка». М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 162.

§ 18. Связь словообразования с другими грамматическими категориями в адыгских языках. Различные взгляды на природу префиксальных образований. Анализ словообразования в адыгских языках показывает, что словообразовательные категории по своему содержанию и по характеру связи с грамматикой и лексикой очень разнородны. В адыгских языках аффиксальное словообразование тесно связано с грамматикой. Взаимодействие словообразования и грамматики очень ярко проявляется в аффиксальной системе глагола, который обладает исключительным разнообразием производных форм. Особенно развита в адыгских языках префиксальная система глагола. Префиксация, выражающая грамматическое лицо в глаголе, полностью относится к области словоизменения. Поэтому отношение форм глагола к словарю, как это делают некоторые исследователи абхазско-адыгских языков, нельзя считать оправданным. Наряду с субъектно-объектными префиксами основа глагола в адыгских языках принимает местные и направительные префиксы, т. е. превербы. Последние выступают в роли словообразовательных элементов.

Однако в адыгских языках в системе приставочного образования глагола не удается резко отграничить словообразование от формообразовательных категорий. Дело в том, что глагольные префиксы, выступая в роли словообразовательных элементов, в то же время влияют на формообразовательную систему глагола. Так, превербы не только вносят в глагол словообразовательное значение, но и изменяют количество грамматических лиц в глаголе. Ср.: адыг. *Ар шьыс* «Он сидит», *Ар ятэ бгъуэдэс* «Он сидит с отцом», каб. *Абы йытхашъ* «Он написал», *Абы тыритхашъ* «Он написал на чем-то». Как видно из примеров, с превербом одноличный статический глагол (*шьысын* «сидеть») становится двухличным (*бгъуэдус* «сидит с ним»), а двухличный динамический глагол (*йытхашъ* «он написал») — трехличным (*тыритхашъ* «он написал на чем-то»). Не менее важным фактором, свидетельствующим о связи префиксального словообразования глагола с формообразованием, является то, что присоединение того или иного преверба к основе глагола обуславливает изменение формы спряжения глагола. Как отмечалось выше, в беспревербных непереходных динамических глаголах в настоящем времени третье лицо субъекта единственного числа выражается префиксом *м-*, а в приставочных, производных глаголах — нулевым аффиксом. Осложнение глагольной основы словообразовательным префиксом существенно изменяет и порядок расположения личных аффиксов в глаголе. Показатель субъекта в простых глаголах присоединяется непосредственно к основе, а в приставочных глаголах включается во внутрь основы.

Связь словообразования с другими грамматическими кате-

гориями еще ярче проявляется в префиксальных образованиях, которые выражают:

- 1) побудительность (адыг.-каб. *гъэклуэн* «заставить идти»),
- 2) соучастие (адыг.-каб. *дэклуэн* «идти вместе с кем-либо»),
- 3) взаимность (адыг. *зэлуычлэн*, каб. *зэлуышлэн* «встретиться»),
- 4) возвратность (адыг. *зытхачлын*, каб. *зытхэшлын* «умыться»),
- 5) версию (адыг. *шлуэклуэн*, каб. *флэклуэн* «идти против желания кого-либо», адыг. *фэклуэн*, каб. *хуэкуэн* «идти для кого-либо»).

Эти глагольные образования характерны для всей группы абхазско-адыгских языков. Однако в определении указанных деривативных форм глагола нет единства среди исследователей. Формы побудительности, соучастия (союзности), возвратности и версии в абхазском языке П. К. Услар рассматривал как залоговые образования⁵⁷.

Л. Г. Лопатинский вслед за П. К. Усларом формы взаимности и возвратного действия выделял как залоговые, а побудительные глаголы и глаголы с направительным превербом *к-* он считал видовыми формами⁵⁸.

Г. Ф. Турчанинов и М. Цагов формы побудительности и возвратности относят к залогам, а формы соучастия, версии, взаимности и потенциалиса — к видам глагола⁵⁹.

Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф формы версии и соучастия рассматривают как формы словообразования. Формам побудительности эти авторы дают очень противоречивое определение: в морфологии характеризуются побудительные глаголы как залоговые образования, а в синтаксисе — как побудительные обороты⁶⁰.

С другой стороны, рассматривая анализируемые образования глагола как чисто грамматические формы, исследователи относят их не к словообразовательным явлениям, а квалифицируют как видоизменения одного и того же слова.

Таким образом, здесь речь идет о границах между словообразованием и формообразованием, точнее, о границах между производным словом и грамматической формой слова. Но, утверждая, что указанные образования являются лишь грамматическими формами, а поэтому и не относятся к области словообразования, мы тем самым заранее снимаем этот вопрос,

⁵⁷ См.: П. К. Услар. Этнография Кавказа. Абхазский язык. Тифлис, 1887, стр. 61—66.

⁵⁸ См.: Л. Г. Лопатинский. Краткая грамматика кабардинского языка. СМОМПК, вып. XII, отдел II. Тифлис, 1891, стр. 26—31.

⁵⁹ См.: Г. Турчанинов, М. Цагов. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941.

⁶⁰ См.: Проф. Н. Ф. Яковлев, доц. Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941.

имеющий теоретическое и в то же время практическое значение⁶¹.

Между тем эта точка зрения, хотя имеет широкое распространение в абхазско-адыгском языкознании, недостаточно аргументирована. Важно сразу же подчеркнуть, что далеко не все префиксальные образования, относимые к грамматическим формам, обладают широкой сферой действия. Так, формы префиксального потенциалиса (адыг. *сфэшлышьт*, каб. *схуэшылушьт* «я могу оделать») охватывают только основы переходных глаголов, а формы взаимности (адыг. *зэлуычэн*, каб. *зэлуышэн* «встретиться») образуются лишь от небольшой группы переходных глаголов. Нам представляется, что любая развитая грамматическая форма, в отличие от словообразовательных форм, характеризуется широкой сферой действия. Эту сторону рассматриваемого вопроса следует учесть при выделении грамматических форм. Но если тот или иной аффикс имеет широкое применение, охватывая все слова данной части речи, то и этого, как нам кажется, недостаточно для того, чтобы рассматривать его как средство выражения особой грамматической категории. На наш взгляд, формы побудительности, соучастия, взаимности, возвратности, версии и потенциалиса в адыгских языках по своей структуре относятся к формам словообразования. Основным доводом в пользу этого положения является то, что аффиксальные элементы, с помощью которых образуются эти производные формы, выполняют основообразующую роль. Производные основы, содержащие эти аффиксы, как и соотносительные непроизводные, обладают всей словоизменительной парадигмой глагола. Тем самым эти основообразующие аффиксы противопоставляются аффиксам глагольного словоизменения, которые не образуют основ. Но специфика этих словообразовательных форм глагола состоит в том, что они неразрывно связаны с категориями грамматики.

§ 19. Синкретизм префиксальных образований. Синкретизм разбираемых морфем можно показать на примере форм взаимности.

Основа глагола *зэрылбагыуын* «видеть друг друга» в адыгских языках образована с помощью префикса взаимного значения *зэр-* от непроизводной основы *лбагы-* (*лбагыуын* «видеть»). Простая, непроизводная основа *лбагы-*, которая бывает только переходной и создает стабильную (эргативную) конструкцию предложения, в производной форме, т. е. со словообразовательным аффиксом *зэр-*, становится непереходной, что изменяет всю синтаксическую конструкцию предложения.

Ср.: каб. *Абы елбагы* «Он видит что-то» (эргативная конструкция); *Ахэр зэрлбагы* «Они видят друг друга» (номи-

⁶¹ Как известно, префиксальные (производные) формы глагола, которые принято считать грамматическими формами одного и того же слова, обходят или почти обходят при составлении словарей.

нативная конструкция). Аффиксальный элемент, посредством которого образуется производная основа глагола *зэрылбагыуын* «видеть друг друга», в данном случае совмещает в себе две функции: словообразовательную (лексическую) и грамматическую. Основы глаголов *лбагыуын* «видеть» и *зэрылбагыуын* «видеть друг друга» различаются не только по своей словообразовательной структуре, но и по своему грамматическому содержанию, поскольку обуславливают различные синтаксические конструкции предложения.

Такое синкретическое образование слов и форм слов — одно из характерных черт адыгских языков. Словообразовательные и грамматические значения органически перекрещиваются в глаголе. Поэтому описание основных продуктивных типов аффиксального словообразования глагола в чисто лексикологическом плане представляется невозможным.

Глагольные префиксы, выражающие формы побудительности, возвратности, взаимности, соучастия, версии и потенциалиса, выступая в роли словообразовательных элементов, вместе с тем влияют на грамматическое значение глагола.

§ 20. Словосложение и грамматика. Взаимосвязь между словообразованием и грамматикой обнаруживается не только в аффиксальной системе глагола, но и в словосложении, которое занимает важное место в словообразовании адыгских языков. Так, основа глагола *шлэн* «делать» в адыгских языках в непроизводной форме является переходной и связана с эргативом. Но в составе сложной основы глагола *пхээшлэн* «плотничать» основа *шлэ* теряет свое переходное значение. Ср.: адыг. *Лыжжым ешлы* «Старик делает что-то», *Лыжжыр мэхэшлэ* «Старик плотничает». Образование новой лексической единицы путем сложения основ в этом случае сопровождается утратой глагольной основой грамматического значения переходности. Напротив, непереходная основа глагола *ежэ-н* || *ежэ-н* «пойти, отправиться в путь» в качестве компонента сложной глагольной основы приобретает переходное значение. Ср.: каб. *Ар ежэашь* «Он отправился в путь», *Абы тхылбыр ырихэ-жэашь* «Он унес с собой книгу». Как видно, сложение основы переходного глагола *хы-н* «нести» и основы непереходного глагола *е-жэ-н* «пойти, отправиться» дает переходную основу *е-хэ-жэ-н* «унести с собой». Связь словосложения с грамматикой проявляется еще в том, что при слабом развитии суффиксального словообразования в адыгских языках сложение слов может играть роль классифицирующих формантов, образующих новый парадигматический класс слов. Так, в результате сложения двух слов, относящихся к одному классу, иногда образуются основы слов, принадлежащих другому классу. Например, путем сложения *гуы* «сердце» и *зэжэу* || *зэв* «узкий» вместо ожидаемой сложной именной основы образуется основа глагола *гуызэжэуэ-н* «беспокоиться, торопиться, спешить»

(адыг.), *гуызвэ-н* «беспокоиться» (каб.). Ср. также каб. *гуыфлэ-н* «радоваться» (*гуы* «сердце» + *флы* «хороший»).

Итак, все вышеизложенное свидетельствует о том, что в адыгских языках словообразовательные явления обнаруживают тесную связь с грамматическими категориями. Отсюда, естественно, вытекает вывод о том, что словообразование является неотъемлемой частью грамматики адыгских языков.

Раздел 2

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 21. Разработка вопросов словообразования в описательных грамматиках и специальных исследованиях советских и зарубежных лингвистов. Как отмечалось выше, в существующих научных грамматиках горских иберийско-кавказских языков основное место в морфологии занимают категории формообразования. Словообразовательные явления либо остаются за пределами этих грамматик, либо растворяются в синтаксисе, лексике и семантике.

П. К. Услар в своих описательных грамматиках на фоне грамматического анализа рассматривал и некоторые вопросы словообразования. Так, в первой монографии П. К. Услара по абхазскому языку дается характеристика ряда именных и глагольных словообразовательных элементов. В своих последующих монографиях, посвященных горским иберийско-кавказским языкам, П. К. Услар более подробно останавливается на словообразовании частей речи⁶². Правда, в монографиях П. К. Услара имеет место смещение явлений словообразования и формообразования. Например, в абхазском языке П. К. Услар считал именную словообразовательный элемент -*да* словоизменительным аффиксом, т. е. средством выражения «каритивно-падежа», а глагольные префиксы побудительности, версии, союзности, совместности и возвратности он относил к залоговым аффиксам.

Взгляды П. К. Услара оказали сильное влияние на дальнейшее развитие науки о горских иберийско-кавказских языках. Многие дореволюционные и отчасти советские исследователи этих языков опирались на грамматическую концепцию П. К. Услара и на его понимание основных грамматических категорий горских иберийско-кавказских языков. Однако следует отметить, что в разработке вопросов словообразования некоторые

⁶² См.: П. К. Услар. Этнография Кавказа. «Языкознание». Вып. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887; вып. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888; вып. III. Аварский язык. Тифлис, 1889; вып. IV. Лакский язык. Тифлис, 1890; вып. V. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892; вып. VI. Кюринский язык. Тифлис, 1896.

работы последующих грамматистов значительно уступают монографиям П. К. Услара. Например, очень скудны сведения о словообразовании в грамматике кабардинского языка Л. Г. Лопатинского, написанной под сильным влиянием грамматических взглядов П. К. Услара⁶³. В работе Л. Г. Лопатинского вопросы словообразования остались вне поля зрения автора, если не считать указания на некоторые производные формы глагола, в частности побудительности, взаимности, союзности и возвратности.

В грамматиках Н. Ф. Яковлева, Д. А. Ашхамафа, Т. М. Борукаева, Г. Ф. Турчанинова, М. И. Цагова делаются первые попытки описать основные грамматические явления младописьменных адыгских языков. В этом состоит заслуга названных грамматистов⁶⁴. Работы этих грамматистов составляют начальный этап в изучении адыгских языков в послереволюционное время. Поэтому совершенно естественно, что на первом этапе развития адыгского языкознания в описательных грамматиках методика исследования языковых фактов остается несовершенной. Признавая заслуги первых грамматистов, в то же время справедливости ради следует отметить, что их серьезной ошибкой являлась попытка приложить к адыгским языкам привычную схему, построенную по образцу индоевропейских языков. Понимание объема и содержания грамматики, соотношения ее разделов и частей у первых грамматистов является крайне расплывчатым и противоречивым. К важнейшим недостаткам грамматических исследований рассматриваемого периода относится смешение различных языковых категорий, что связано с отсутствием четких критериев разграничения морфологических, синтаксических и лексических единиц.

Так, в грамматиках Н. Ф. Яковлева и Д. А. Ашхамафа на долю проблемы словообразования приходится очень небольшая по объему часть. Но у авторов понимание содержания словообразования и его места в пределах грамматики весьма противоречиво. Вопросы словообразования рассматриваются Н. Ф. Яковлевым и Д. А. Ашхамафом в различных разделах грамматики. Например, в последней грамматике адыгейского языка в морфологии описываются некоторые глагольные словообразовательные префиксы, в лексике затрагиваются отдель-

⁶³ См.: Л. Г. Лопатинский. Краткая кабардинская грамматика. СМОМПК, вып. XII, отд. II. Тифлис, 1891.

⁶⁴ См.: Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Краткая грамматика адыгейского (кяхского) языка. Краснодар, 1930; Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941; Н. Ф. Яковлев. Краткая грамматика кабардинского языка. Ворошиловск, 1938; Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948; Т. М. Борукаев. Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1932; Г. Турчанинов, М. Цагов. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940.

ные вопросы словосложения, а в разделе под названием «Семантика» дается краткий перечень словообразовательных (и формообразовательных) префиксов⁶⁵. Характерным для грамматик Н. Ф. Яковлева является смешение словообразовательных и смежных языковых единиц. Так, в грамматике кабардинского языка Н. Ф. Яковлева в разделе «Семантика» сложным словам отводится небольшая глава, но в этой главе неравномерно объединены действительно сложные слова и именные комплексы (словосочетания), имеющие форму сложного слова⁶⁶.

В грамматиках Н. Ф. Яковлева и Д. А. Ашхамафа также делались попытки установить происхождение отдельных словообразовательных морфем. Однако следует отметить, что эти попытки очень редко сопровождались необходимой аргументацией и их выводы о генезисе словообразовательных морфем остаются неуверительными, а подчас произвольными и явно ошибочными. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести несколько примеров. Так, о генезисе первичных словообразовательных превербов Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф пишут: «Несомненно, что теперешние кяхские (адыгейские) префиксы места в глаголе представляют собой результат смыслового развития существовавших некогда самостоятельных слов. Так, префикс *и-* «внутри, в полном пространстве» происходит от глагола «обмазывать глиной» и первоначально обозначал «в сапете, обмазанной глиной», префикс *хэ-* происходит от слова *хы* «море», первоначально «вода» и буквально обозначал «в воде», префикс *дэ-* происходит от глагольного корня «сшивай, скрепляй», откуда и развилось его значение формальной частицы «вместе, рядом, между, внутри изгороди»⁶⁷. По мнению Н. Ф. Яковлева и Д. А. Ашхамафа, словообразовательный элемент *-гъ* (адыг. *кӀуэныгъ* «хождение»), суффикс прошедшего времени *-гъэ* (адыг. *кӀуагъэ* «пошел») и основы *гъуэ* «пора, сезон», *гъэ* «год, лето», *гъуы-н* «сохнуть, засыхать» обнаруживают генетическое тождество. «Суффиксы *-гъэ*, *-ны-гъэ* и *гъо* от двух первичных имен: *гъэ* «лето, год», «суффикс прошедшего времени» и *гъуэ* «пора, сезон, время, срок». Оба имени стоят в исторической связи со словом *гъуы* «сушиться». Отсюда происходят суффиксы для образования отвлеченных отглагольных имен, обозначающих процесс действия и суффикс прошедших времен»⁶⁸. Непродуктивный именной префикс в таких словах, как адыг. *мышъуэ*, каб. *мывэ* «камень», адыг.-каб. *мышъэ* «мед-

⁶⁵ См.: Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Грамматика литературного адыгейского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941.

⁶⁶ См.: Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 241.

⁶⁷ См.: Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Краткая грамматика адыгейского (кахского) языка. Краснодар, 1930, стр. 80.

⁶⁸ См.: Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 258.

ведь», Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф связывают с отрицательным суффиксом⁶⁹, а словообразовательный суффикс *-чӀэ* (адыг. *шыӀэчӀэ* «жизнь», «образ жизни») с общеадыгской основой *чӀэ* «хвост, конец, ручка»⁷⁰.

Все эти рассуждения, которые не являются итогом конкретных разысканий, повторяются в работах Н. Ф. Яковлева, посвященных кабардинскому языку⁷¹. Поэтому приходится сожалеть, что Н. Ф. Яковлев, который внес значительный вклад в разработку фонетики адыгских языков, не только предельно упростил морфологию, растворив ее в синтаксисе и других разделах грамматики, но и пользовался крайне несовершенной методикой исследования грамматических категорий адыгских языков.

С точки зрения методики, на таком же уровне находится и грамматика Г. Ф. Турчанинова и М. И. Цагова. Так, преверб *шъы-* (*шъы-ты-н* «стоять», *шъы-Ӏэ-н* «быть») Г. Ф. Турчанинов и М. И. Цагов возводят к слову *шӀы* «земля»⁷². Между тем достаточно было бы обратиться к данным адыгских диалектов, чтобы отказаться от этой этимологии. Ни в одном диалекте не засвидетельствован переход абруптивного спиранта *шӀ* в глухой предыхательный спирант *шъ*. Подобный звуковой процесс (как, впрочем, и обратный переход) не характерен для звуковой системы адыгских языков. Не менее произвольными являются этимологии и других словообразовательных морфем. Г. Ф. Турчанинов и М. И. Цагов возводят префикс *хэ-* (*хэ-хъэ-н* «войти») к слову *хы* «море», префикс *хуэ-* (*хуэ-кӀуэ-н* «идти для него») — к *хуы(жъ)* «белый», префикс *фӀэ-* (*фӀэ-кӀуэ-н* «идти вопреки кому-либо») — к слову *фӀыцӀэ* «черный», префикс *къэ-* (*къэ-кӀуэ-н* «идти сюда») — к слову *Ӏэ* «рука», префикс *н-* (*нэ-кӀуэ-н* «идти туда») — к слову *нэ* «глаз», префикс *дэ-* (*дэ-кӀуэ-н* «идти вместе с кем-то») — к слову *дэ* «мы»⁷³. Нетрудно заметить, что здесь между сравниваемыми единицами, кроме внешнего, случайного сходства, не существует ничего общего.

В грамматике Г. Ф. Турчанинова и М. И. Цагова в разделе, посвященном лексике и семантике, дается небольшая перечень именных словообразовательных суффиксов⁷⁴. Но и в этом небольшом перечне имеет место смешение различных языковых явлений — словосложение, аффиксальное словообразование,

⁶⁹ См.: Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 261.

⁷⁰ Там же, стр. 254.

⁷¹ См.: Н. Ф. Яковлев. Краткая грамматика кабардино-черкесского языка, вып. I. Синтаксис и морфология. Ворошиловск, 1938; Его же. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948.

⁷² См.: Г. Турчанинов, М. Цагов. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940, стр. 88.

⁷³ Там же, стр. 86—88.

⁷⁴ Там же, стр. 44—49.

образование слов без аффиксов. К именным словообразовательным аффиксам авторы ошибочно причисляют вторые компоненты сложных слов *гу* (*Іэгу* «ладонь», *лээгу* + «след ноги», *уэгу* «небосклон», *шыгу* «поверхность земли»), *фэ* (*шлэлаф* «моложавый», *уыдыфэ* «зеленоватый»), *гьуэ* (*лышлэгьуэ* «век», *бэдзэуэгьуэ* «период времени от второй половины июля до второй половины августа») ⁷⁵. Смещение разных типов словообразования в грамматике Г. Турчанинова и М. Цагова привело к смещению именных и глагольных словообразовательных морфем. Например, в качестве именного префикса в этой работе неправильно рассматривается глагольный префикс совместности *дэ-*, представленный в основах типа *дэлъху* «брат». Если считать префикс *дэ-* именным словообразовательным элементом, то к именным префиксам следует отнести и префиксы в словах этого же типа — *тебзэ* «верх», *теплъэ* «вид», *шбылгъх* «рождение, происхождение», *зеклуэ* «путешествие», так как между ними нет никаких структурных различий. Но дело в том, что префиксальный способ в данном случае образуются не имена существительные, а глагольные (исходные) основы, которые впоследствии приобрели также субстантивное значение. Ср.: каб. *теплъэ!* «смотри на поверхность кого-, чего-либо!» и *теплъэ* «верх, внешность, вид». В этом же разделе Г. Турчанинов и М. Цагов основы типа каб. *шъаклуэ* определяют как имена существительные, обозначающие названия деятеля: *шъаклуэ* «охотник» ⁷⁷. Между тем сложные основы этого типа являются нейтральными в отношении их принадлежности к именным и глагольным основам. Сложная основа *шъаклуэ*, состоящая из двух глагольных основ (*е-шъэ-н* «охотиться», *клуэ-н* «идти»), в контексте может иметь и парадигму имени и парадигму глагола. Ср.: каб. *шъаклуэ солъагъу* «вижу охотника», *шъаклуэ со-клуэ* «иду на охоту», *со-шъаклуэ* «занимаюсь охотой», «охотничаю». Нейтральность, вернее, полиморфность основы является и в данном случае явлением вторичного порядка, а исходные формы, т. е. компоненты сложной основы, имеют только глагольное значение.

М. Л. Абитов посвятил свою кандидатскую диссертацию вопросам сложного слова в кабардинском языке ⁷⁸. Очень ценным в этой работе является то, что автор собрал (для кабардинского словаря) большое количество сложных слов и правильно анализировал их словообразовательную структуру. В своей диссертации М. Л. Абитов также предлагает ряд инте-

сных и убедительных этимологий. Правда, некоторые общетеоретические положения, выдвигаемые в работе М. Л. Абитова, являются, на наш взгляд, спорными. Например, едва ли можно согласиться с автором, когда он относит сложные слова типа *лээкъуауэ* и атрибутивные единицы типа *уынэф!* к явлениям инкорпорации. Но следует подчеркнуть, что диссертация М. Л. Абитова, опирающаяся на богатый фактический материал, представляет первую попытку монографического исследования сложных слов в кабардинском языке. В этом и заключается ценность данной работы.

Отдельных вопросов словосложения и аффиксального словообразования адыгских языков касается Г. П. Сердюченко в работе «Основные грамматические особенности языков Западного Кавказа» ⁷⁹.

В грамматике кабардино-черкесского литературного языка, составленной коллективом авторов, в разделе морфологии по-прежнему освещен ряд вопросов словообразования ⁸⁰. Однако многие проблемы словообразования — строение и специфика основы, основосложение и словосложение, глагольное словообразование, безаффиксное словообразование (образование слов с помощью конверсии), словообразование местоимений, числительных и наречий, взаимосвязь словообразования и грамматики, место словообразования в грамматике, границы слова — остались неразработанными или почти неразработанными в последней описательной грамматике кабардинского языка.

В работе Г. В. Рогава, посвященной анализу древнейшей структуры именных основ в адыгских языках, впервые в сравнительно-историческом аспекте рассматриваются древние классные показатели и суффиксы-детерминанты, выполнявшие в именах основообразующую роль ⁸¹. В этой работе подробно освещается также словообразовательное значение, которое приобрели в более позднюю эпоху древние суффиксы-детерминанты в адыгских языках. Работа Г. В. Рогава, в которой выражена новая точка зрения на древнейшую структуру именных основ в адыгских языках, представляет значительный интерес для широкого круга кавказоведов. (Подробнее об этой работе см. § 32).

З. И. Керашева в статье «Проблема превербов в адыгских языках» предлагает свою классификацию превербов ⁸². В этой

⁷⁹ См.: Г. П. Сердюченко. Основные грамматические особенности языков Западного Кавказа. М., Изд. Академии педагогических наук РСФСР, 1955.

⁸⁰ См.: «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». М.—Л., Изд. АН СССР, 1957.

⁸¹ См.: Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.

⁸² См.: З. И. Керашева. Проблема превербов в адыгских языках. «Ученые записки Адыгейского государственного педагогического института», т. I. Майкоп, 1957.

⁷⁵ См.: Г. Турчанинов, М. Цагов. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940, стр. 45—46.

⁷⁶ Там же, стр. 47.

⁷⁷ Там же, стр. 49.

⁷⁸ См.: М. Л. Абитов. Сложные слова (composita) в кабардинском языке. Кандидатская диссертация. М., 1948.

статье отмечается, что функционально близкие друг к другу превербы х-, д-, и- требуют разные группы имен существительных. Выражая несогласие с тем, что морфемы х-, д-, и-, т-, йу- и другие являются превербами места, автор выделяет три группы превербов: 1) превербы направления (кы-, на-), 2) преверб места шы||шь и 3) пространственные экспоненты, являющиеся морфологическими представителями имен в глаголе (х-, д-, и-, т-, йу-, гу-, бгы- и др.).

Некоторые словообразовательные морфемы кабардинского языка в структуральном аспекте анализируются в упоминавшейся выше работе голландского кавказоведа Э. Куйперса.

Небольшое место отводит словообразованию французский кавказовед Ж. Дюмезиль в своих этюдах по абхазско-адыгским языкам⁸³. В этюдах Ж. Дюмезиля, собственно, словообразованию (derivation) адыгских языков посвящена лишь одна страничка. Но при сравнительной характеристике морфологических явлений абхазско-адыгских языков Ж. Дюмезиль останавливается на некоторых словообразовательных элементах.

Таким образом, вопросы словообразования рассматривались в описательных грамматиках и ряде специальных работ. Однако словообразование в целом недостаточно изучено в адыгском языкознании. До сих пор не выявлены основные словообразовательные модели адыгских языков. Как можно было видеть из вышеизложенного, в адыгском языкознании термин «словообразование» не имеет четкого содержания, а в существующих грамматиках место словообразования остается неопределенным.

⁸³ G. Dumézil. Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (Morphologie). Paris, 1932.

СТРУКТУРА СЛОВА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Глава первая

ОСНОВА, ЕЕ СТРУКТУРА И СПЕЦИФИКА

1. ПОНЯТИЕ ОСНОВЫ

§ 22. Хотя термин «основа» относится к числу важнейших терминов языкознания, он не имеет еще общепринятого определения.

В индоевропеистике под основой обычно понимается сочетание корня с какой-либо основообразующей морфемой⁸⁴. Это определение предполагает существование только морфологически членимых, производных основ. Но отграничивая понятие основы от понятия корня, это определение основывается только на диахроническом состоянии языка и не учитывает изменений в морфологической структуре слова.

В русском и советском языкознании чаще всего основой считается та часть слова, которая остается, если отнять у него флексию и формообразующие аффиксы⁸⁵. При таком более широком определении основа может совпадать также с корнем слова (термины «простая основа» и «корень» оказываются синонимами). Только при таком понимании основы имеют право на существование термины «непроизводная (простая) основа» и «производная основа», содержание которых определяется уровнем словообразовательного (или этимологического) анализа структуры слова. Следует, однако, указать на то, что подобная трактовка основы, хотя и получила широкое распро-

⁸⁴ См.: Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.

⁸⁵ См.: «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд. АН СССР, 1960.

странение в советском языкознании, является крайне упрощенной. Основа в данном случае рассматривается как статичный звуковой комплекс, лишенный структурных вариантных форм обусловленных фоно-морфологическими условиями ее окружения.

В советской лингвистической литературе встречаются и другие определения основы, отражающие не только ее морфологические, но и другие признаки. Так, один из крупнейших советских тюркологов Н. К. Дмитриев дает следующее определение основы: «Основа представляет собой устойчивый фонетически звуковой комплекс, который характеризуется определенным семантическим единством и функционирует самостоятельно, как обозначение предмета, признака предмета, действия или грамматического отношения»⁸⁶. Определение Н. К. Дмитриева охватывает фонетические, семантические и грамматические признаки основы. Вместе с тем это определение не применимо ко многим языкам. Во-первых, не во всех языках основа является устойчивой в фонетическом отношении. Как увидим ниже, фонетическая структура основы одного и того же слова изменяется в зависимости от конкретной формы парадигмы. Во-вторых, далеко не всякая основа функционирует в языке самостоятельно. Кроме основ, функционирующих самостоятельно, в выделенном виде имеются несамостоятельные, связанные основы, которые функционируют лишь в сочетании с другими морфемами.

На материале индоевропейских языков очень тонкие замечания о природе основы делает Е. Курилович. По мнению Е. Куриловича, мы получаем основу, «...выделяя элементы, общие для всех падежных форм (если речь идет о склонении)»⁸⁷. Но было бы неправильно думать, что таким путем можно выделить основу в любом языке.

Дело в том, что понятие основы, хотя им широко оперируют при исследовании языковой системы, в фонетическом отношении является своеобразной абстракцией. Нельзя сказать, что в кабардинском языке в слове *жэм* «корова» основой является элемент *жэм-*, хотя он остается как общий элемент для всех членов парадигмы: *жэм* (им. п.), *жэмым* (эрг. п.), *жэмчIэ* (тв. п.), *жэму* (превр. п.). Приняв элемент *жэм-* как основу этого слова, необходимо отнести элемент *ы* в форме *жэмым* к окончанию. Между тем в приведенных формах парадигмы так называемого неопределенного склонения только в эргативе сохраняется вокалическая (этимологическая) основа. В других формах гласный *ы* редуцируется до нуля. Однако отсюда нельзя делать обратный вывод о том, что основой разбираемого слова является элемент *жэмы-*. Это означало бы смешение

⁸⁶ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М., 1948, стр. 48.

⁸⁷ Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 94.

диахронии и синхронии. То, что основой этого слова мы привыкли считать элемент *жэм-*, основано на укоренившемся мнении, что основа имени в синхронном плане фонетически совпадает с нулевой формой именительного падежа. Этот же элемент по традиции считается словарной формой имени. Нельзя в этой связи не вспомнить Ш. Балли, который справедливо заметил, что форма именительного падежа совершенно случайно оказалась словарной формой⁸⁸. Элемент *жэм-* является лишь одной из алломорф корневой морфемы анализируемого слова. Точка зрения, что в каб. *жэм* основой является только элемент *жэм-*, почти равносильна утверждению, что три фонетически обусловленных варианта морфемы множественного числа существительных в английском языке составляют одну алломорфу. Ср.: каб. *жэм*, *жэмыр*, англ. *books*, *peps*, *faces*. Выделение только одного варианта основы слова приводит к отрицанию существования корневых алломорф. Нетрудно, однако, заметить, что между аффиксальными и корневыми морфемами имеется своеобразный изоморфизм, выражающийся в том, что те и другие единицы одинаково имеют вариантные формы, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции. В адыгейском языке две алломорфы *сы-*, *с-* аффикса органической принадлежности первого лица единственного числа фонологически строго обусловлены: ср. *сыгу* «мое сердце», *спхъуы* «моя дочь». То же самое нужно сказать о корневых морфемах (простых основах), которые в зависимости от их фонетической структуры также имеют свои алломорфы: ср. *спхъуы* «моя дочь», *ыпхъу* «его дочь». Сказанное относится также к производным основам, имеющим фонологически обусловленные вариантные формы.

Итак, правомерно говорить (по крайней мере в отношении к абхазско-адыгским языкам) о вариантных формах основы одного и того же слова. Эти вариантные формы структурно обусловлены, т. е. их появление в контексте можно предсказать.

Что же касается основной формы основы, то, по сути дела, деление вариантных форм основы на основные и неосновные является необоснованным. Но для удобства описания морфемной системы можно выбрать одну вариантную форму основы. Например, основа глагола *шбы-ты-н||шбы-ты-н* «сидеть» имеет две вариантные формы: *ты-*, *т-*. Ср.: каб. *ар шбы-ты-нушь* «он будет стоять», *ар шбы-т-шь* «он стоит». В зависимости от типа исследования как «основную» форму основы можно взять любую из этих форм. Поскольку данная работа не лишена элементов историзма, в качестве основной формы основы этого глагола (как и других) мы берем тот вариант, который оправдан исторически, т. е. форму с этимологическим гласным. (Подробнее об исходной форме основы глагола см. § 23).

⁸⁸ См.: Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языкознания. М., 1960, стр. 316.

II. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОСНОВЫ

§ 23. Вопрос об исходной основе глагольных форм в адыгских языках. При определении непроеизводных основ с фонетической точки зрения в качестве начальной формы именных основ берется неопределенная форма имени, т. е. форма чистой основы, которая является исходной для всей системы имен. Но труднее обстоит дело с определением глагольной основы, которая может быть сопоставлена в фонетическом отношении с неопределенной формой имени.

Исторически начальной, исходной для всей системы глагола является, по-видимому, основа настоящего времени. Но при определении типов основ по фонетическому принципу мы ориентируемся на основу неопределенной формы (масдара), исходя из следующих соображений.

Открытые односложные основы с исходным гласным **ы** в адыгейском языке сохраняют исходную, начальную форму во всех временах. Ср.: адыг. *е-шы* «он делает», *ы-шы-шьт* «он сделает», *ы-шы-гъ* «он сделал». Если бы в адыгских языках все типы непроеизводных основ обладали такой устойчивостью, то как основную форму основы глагола не только в историческом, но и в синхронном плане следовало бы рассматривать основу настоящего времени изъявительного наклонения, от которой образуются другие формы времен. Однако в фонетическом отношении основа настоящего времени с точки зрения современного состояния адыгских языков не всегда может быть квалифицирована как исходная форма основы адыгского глагола.

Для адыгских языков исторически характерна гласная основа, т. е. основа, оканчивающаяся на гласный. Из гласных в исходе основы может быть либо **э**, либо **ы**. В отличие от адыгейских диалектов, во всех диалектах кабардинского языка, в том числе и диалекте, ставшем опорным для литературного языка, в настоящем времени этимологический конечный гласный **ы** в глагольных основах последовательно подвергается полной редукции. Ср.: адыг. *е-шы* > каб. *е-ш* «он делает», адыг. *е-тхы* > каб. *е-тх* «он пишет», адыг. *е-лъагъуы* > каб. *е-лъагъу* «он видит», адыг. *мэ-гъуэгы* > каб. *мэ-гъуэг* «он ревет». Иначе говоря, синхронной консонантной основе настоящего времени исторически соответствует вокалическая основа. Кроме того, как в адыгейских, так и в кабардинских диалектах в двусложных основах типа адыг. *лэжьэ-н*, каб. *лэжьэ-н* «работать» в настоящем времени в первом слоге гласный **э** изменяется в гласный **а**. Ср.: адыг. *сэ-лажьэ*, каб. *с-о-лажьэ* «я работаю». Этот звуковой закон (как и предыдущий в кабардинском языке) универсален.

Как исходная форма глагольной основы нередко рассматривается основа положительной формы повелительного накло-

нения (второго лица ед. числа), которая исторически совпадает с основой настоящего времени изъявительного наклонения. Ср.: адыг.-каб. *клуэ* «иди», адыг. *сэ-клуэ*, каб. *с-о-клуэ* «я иду».

Основа повелительного наклонения по своей звуковой форме по сравнению с основой настоящего времени изъявительного наклонения обладает большей сохранностью. Например, односложные основы открытого типа во всех адыгских диалектах сохраняют этимологический гласный **ы**, который исчез в кабардинском языке в форме настоящего времени изъявительного наклонения. Ср.: адыг.-каб. *хьы* «неси», каб. *с-о-хь* (<*с-о-хьы*) «я несу», *тхы* «пиши», *с-о-тх* (<*с-о-тхы*) «я пишу». Но другие типы основ в повелительном наклонении, как и в настоящем времени, в кабардинском языке утеряли этимологический гласный **ы**. Ср.: каб. *шьэху* (<*шьэхуы*) «купи», *с-о-шьэху* (<*с-о-шьэхуы*) «я покупаю», *пльыт* (<*пльыты*) «дави», *с-о-пльыт* (<*с-о-пльыты*) «я давлю». В основах типа адыг. *лэжьэ-н*, каб. *лэжьэ-н* «работать» во всех адыгских диалектах в повелительном наклонении, как и в настоящем времени изъявительного наклонения, в первом слоге гласный **э** изменяется в гласный **а**. Ср.: адыг. *лажьэ*, каб. *лажьэ* «работай», адыг. *сэ-лажьэ*, каб. *с-о-лажьэ* «я работаю». Таким образом, основа положительной формы повелительного наклонения 2-го лица единственного числа, хотя и менее динамична в звуковом отношении по сравнению с основой настоящего времени изъявительного наклонения, не может быть сопоставлена во всех случаях с начальной основой глагола.

С фонетической точки зрения также не показательна производящая глагольная основа в прошедшем совершенном времени. В адыгских языках в прошедшем совершенном в производящей основе не сохраняется этимологический гласный **э**. Ср.: адыг.-каб. *ма-клуэ* «он идет», адыг. *клуагъэ*, каб. *клуашъ* «он ходил», адыг. *е-луэ* «он говорит», *ы-луагъ* «он сказал». В кабардинском языке в прошедшем совершенном не удерживается и этимологический гласный **ы**. Ср.: каб. *ехъ* < адыг. *е-хьы* «он несет», каб. *йы-хьашъ*, адыг. *ы-хьыгъ* «он носил».

В фонетическом отношении более консервативна производящая основа в давнопрошедшем совершенном и в будущих временах. В этих временах основа глагола стоит ближе к исходной, этимологической форме. Производящая основа этих времен фонетически совпадает с основой неопределенной формы глагола, которая исторически связана с будущим на **-н**. Ср., например:

Адыг. яз.	Каб. яз.	
<i>сы-клуэ-гъагъ</i>	<i>сы-клуэ-гъашъ</i>	«я давно ходил»
<i>сы-клуэ-шьт</i>	<i>сы-клуэ-нушъ</i>	«я пойду»
<i>сы-клуэ-н</i>	<i>сы-клуэ-нишъ</i>	«я пойду»

<i>кIуэ-н</i>	<i>кIуэ-н</i>	«идти»
<i>с-шIы-гъагъэ</i>	<i>с-шIы-гъашъ</i>	«я давно сделал»
<i>с-шIы-шьт</i>	<i>с-шIы-нушъ</i>	«я сделаю»
<i>с-шIы-н</i>	<i>с-шIы-ншъ</i>	«я сделаю»
<i>шIы-н</i>	<i>шIы-н</i>	«делать»

В этих глагольных формах производящие основы совпадают независимо от звукового типа. Ср.: адыг. *сы-лэжьэ-гъагъэ*, каб. *с-ы-лэжьэ-гъашъ* «я работал давно», адыг. *сы-лэжьэ-шьт*, *сы-лэжьэ-н*, каб. *сы-лэжьэ-нушъ*, *сы-лэжьэ-ншъ* «я буду работать», адыг. *лэжьэ-н*, каб. *лэжьэ-н* «работать», адыг. *с-лъытэ-гъагъэ*, каб. *с-лъытэ-гъашъ* «я давно считал», адыг. *с-лъытэ-шьт*, *с-лъытэ-н*, каб. *с-лъытэ-нушъ*, *с-лъытэ-ншъ* «я буду считать», адыг.-каб. *лъытэ-н* «считать».

Из сказанного мы видим, что основа настоящего времени, хотя и является исторически исходной формой, уцелела во всех случаях только как производящая основа в давнопрошедшем совершенном, будущем первом, будущем втором, а также в неопределенной форме глагола. Поэтому как начальную, исходную форму в принципе можно рассматривать любую производящую основу этих форм. Но при анализе глагола, естественно, более целесообразно и практически удобно исходить из основы неопределенной формы глагола.

Здесь же следует отметить, что сама неопределенная форма глагола (исходная основа с суффиксом -н) оказывается более подходящей в качестве словарной формы глагола. Помимо соображений исторического и практического характера в этом отношении очень важно учесть, что неопределенная форма глагола как словарная единица в адыгских языках обладает универсальной словообразовательной возможностью. Прежде всего неопределенная форма глагола образуется от всех глагольных (динамических и статических) основ. Другое дело — значение отглагольного имени, которое характерно не для всех основ с суффиксом -н (особенно в кабардинском языке). Во вторых, неопределенную форму имеют все производные словообразовательные категории глагола (категории понудительности, версии, совместности, союзности, возможности, основы с превербами и т. д.). Из этого следует, что, хотя в адыгских языках неопределенная форма глагола по своей природе значительно отличается от так называемого инфинитива в индоевропейских языках, в сравнительных и исторических словарях глагол должен быть представлен в неопределенной форме.

§ 24. Типы звуковых основ, представленных в адыгских языках. По своему звуковому составу производные основы с точки зрения современного состояния адыгских языков делятся на несколько типов.

Для краткости обозначим условно: С — согласный, Г — гласный э, Г₁ — гласный ы, Г₂ — гласный а.

Наиболее характерны для адыгских языков следующие типы непронизводных основ:

1) Тип основы СГ, например: адыг.-каб. *нэ* «глаз», адыг.-каб. *Iэ* «рука», адыг. *чIэ*, каб. *шIэ* «новый», адыг.-каб. *сэ* «я», адыг.-каб. *кIуэ-н*, адыг. *чъэ-н*, каб. *жэ-н* «бежать», адыг.-каб. *дэ-н* «шить».

2) Тип основы СГ₁, например: адыг.-каб. *гуы* «сердце», адыг.-каб. *лъы* «кровь», адыг.-каб. *лIы* «мужчина», адыг.-каб. *жъы* «старый», адыг.-каб. *зы* «один», адыг.-каб. *шIы-н* «делать», адыг.-каб. *хъы-н* «нести».

3) Тип основы ССГ, например: адыг.-каб. *шъхъэ* «голова», адыг.-каб. *пшъэ* «шея», адыг. *шхъуэ*, каб. *шъхъуэ* «зеленый», адыг.-каб. *плъэ-н* «смотреть», адыг. *лъфэ-н*, каб. *лъхуэ-н* «рожать», адыг.-каб. *пхэ-н* «связать».

4) Тип основы ССГ₁, например: адыг.-каб. *тхы* «спина», адыг.-каб. *бгы* «талия», адыг.-каб. *пхъуы* «дочь», адыг.-каб. *псы* «вода», адыг.-каб. *блы* «семья», адыг.-каб. *бзы-н* «резать, кроить», адыг.-каб. *пхы-н* «связать».

5) Тип основы СГ₁СГ, например: адыг. *тыгъэ*, каб. *дыгъэ* «солнце», адыг.-каб. *уынэ* «дом», адыг.-каб. *мышъэ* «медведь», адыг.-каб. *лъытэ-н* «считать», адыг. *гычIэ-н*, каб. *жъышIэ-н* «стирать», адыг.-каб. *лъыхъуэ-н* «искать».

6) Тип основы СГСГ, например: каб. *хъэшIэ* «гость», *хъэрэ* «буйвол», *хъэдэ* «покойник», *Iэнэ* «национальный столик», *Iэ-шъэ* «оружие», адыг. *лэжьэ-н*, каб. *лэжьэ-н* «работать».

7) Тип основы СГ₂СГ, например: адыг. *хъачIэ* «гость», *хъарэ* «буйвол», *хъадэ* «покойник», *Iанэ* «национальный столик», *Iашэ* «оружие», адыг.-каб. *дахэ* «красивый», адыг. *фабэ*, каб. *хуабэ* «теплый».

8) Тип основы СГСГ₁, например: адыг. *шъэфы* «тайна», *лъэ-шы* «сильный», адыг.-каб. *джэгуы-н* «играть», *гъуэгы-н* «реветь», адыг. *шъэфы-н*, каб. *шъэхуы-н* «покупать».

9) Тип основы СГС, например: каб. *шъэху* «тайна», *лъэшъ* «сильный», *джэгу* «игра», *хъэку* «печь».

10) Тип основы СГ₁СГ₁, например: адыг. *цIыфы* «человек», *шъуызы* «женщина», *мылы* «лед», *шъыгъуы* «соль», *нышьы* «убойный скот в честь кого-то, чего-либо», адыг.-каб. *пIытIы-н* «давить».

11) Тип основы СГ₁С, например: каб. *цIыху* «человек», *фыз* «женщина», *мыл* «лед», *шыгъу* «соль», *ныш* «убойный скот в честь кого-то, чего-либо».

12) Тип основы СГ₂С, например: адыг. *уан* «седло», *мат* «корзина», *мацI* «саранча», *дакъ* «последняя пара запряженных волов или лошадей».

§ 25. Типы общеадыгских простых основ. Как видим, фонетическая структура производной основы в адыгских языках очень разнообразна, хотя нужно подчеркнуть, что приведен-

ные типы далеко не исчерпывают всего многообразия звукового облика основы.

Но такая пестрота звукового облика основы возможна только в синхронном плане.

К собственно общеадыгским типам, охватывающим именныи и глагольные основы, можно отнести лишь пять типов основ: СГ (адыг.-каб. *нэ* «глаз», *дэ-н* «шить»), СГ₁ (адыг.-каб. *лэбы* «кровь», *хы-н* «нести»), ССГ (адыг.-каб. *шэхэ* «голова», *плэ-н* «смотреть»), ССГ₁ (адыг.-каб. *тхы* «спина», *бзы-н* «резать»), СГ₁СГ (адыг. *тыгэ*, каб. *дыгэ* «солнце», адыг.-каб. *лэйтэ-н* «считать»).

Односложные открытые основы ССГ, ССГ₁, в которых имеет место стечение согласных, восходят к двусложным открытым основам, т. е. односложность является результатом полной редукции первого гласного основы.

Односложные закрытые основы СГС, СГ₁С, которые свойственны кабардинскому языку, возводятся к двусложным открытым основам адыгейского языка. Ср.: адыг. *лэшы* > каб. *лэшт* «сильный», адыг. *цыфы* > каб. *цыху* «человек».

Односложные закрытые основы типа СГ₂С, характерные для адыгейского языка, восходят к кабардинским двусложным открытым основам типа СГ₂СГ. Ср.: каб. *уанэ* > адыг. *уан* «седло», каб. *дакэ* > адыг. *дак* «последняя пара запряженных лошадей или волов», каб. *мацлэ* > *мацл* «саранча». Этимологический гласный восстанавливается синхронически и в адыгейском языке. Ср.: адыг. *уанэ дах* «красивое седло», *мацлэм фэд* «подобно саранче».

Основы типа СГ₂СГ исторически также явление вторичное, вызванное передвижением ударения с последнего слога на первый: адыг. *мэчлэ* > *мачлэ* «малый, незначительный». Ср.: каб. *хэдэ* > адыг. *хадэ* «покойник», каб. *лэнэ* > адыг. *ланэ* «стол».

Из всех приведенных типов основ исторически корневыми являются только основы первого и второго типов. Все остальные типы основ представляют собой либо сочетание корня с омертвелыми основообразующими аффиксами, либо сложение корней, происхождение которых стало неясным. Поэтому моноконсонантизм корней, который отмечается и в других иберийско-кавказских языках, также характерен для истории адыгских языков.

Таким образом, корневыми гласными исторически могут быть только два: *э* и *ы*. Из согласных фонем в качестве корневого элемента в исконных адыгских словах не выступает сонорный *р*, который встречается в звуковом составе аффиксов.

§ 26. Звуковые комплексы в простых основах. Комплексы согласных количественно ограничены в современных адыгских языках, не говоря уже о раннем периоде развития этих языков, который характеризуется отсутствием сочетаний согласных.

В комплексах типа согласный+согласный в адыгских языках в качестве начальных элементов обычно не выступают следующие согласные: *в, г, гу, гь, гьу, д, дж, джь, дз, дзу, ж, жь, жь, жьу, з, к, ку, кь, кI, кIу, кIь, кь, кьу, кхь, кхьу, л, лI, лIу, ф, фI, х, ху, хь, ц, цу, шьу, шI, шIу, чI, чIь, цI, I, Iу*.

Как видим, большинство согласных звуков не выступает в качестве начальных элементов сочетаний типа согласный+согласный. Звуковые типы сочетаний согласных в этих языках не отличаются большим разнообразием. Как начальные элементы звуковых комплексов типа согласный+согласный чаще всего выступают губно-губные *б, п, пI*. Каждый из этой тройки сочетается лишь с определенными согласными, образуя соответствующую группу комплексов. Так, в адыгских языках в звуковом составе корня звонкий согласный *б* встречается в позиции перед звонкими *г, гь, гьу, з, л* (ср.: адыг., каб. *бгы* «спина», *бгэ* «грудь», *бгьуы* «девять», *бзэ* «язык», *блы* «семь»). Однако перед звонкими согласными *г, гь, гьу, з, л* в корневой морфеме не встречается звонкий согласный *д*, хотя с фонетической точки зрения комплексы *дг, дгь, дгьу, дл* вполне возможны. Глухой согласный *п* встречается в позиции перед глухими *л, с, х, хь, шь, шь, ш* (ср.: адыг., каб. *плэы* «красный», *псы* «вода», *пхэн* «связать», *пхьын* «сеять», адыг. *пшэ*, каб. *пшэ* «облако», адыг., каб. *пшэ* «шея»), но не встречается в позиции перед глухими *ку, т, ф, хь*.

Ниже приводятся группы согласных, наиболее характерные для корневой морфемы.

Группа *б*: *бг, бгь, бгьу, бдз, бжь, бж, бжь, бз, бл*;

Группа *п*: *пх, пхь, пхьу, пц, пшь, пш, пшь, пс, плэ*;

Группа *пI*: *пIкь, пIлI, пIцI, пIшI, пIчI*;

Группа *т*: *тх, тху, тхь, тхьу, тхь, тф*;

Группа *ш*: *шх, шху, шхь, шхьу, шкI, шкIу, шку, шт, шчI*;

Группа *шь*: *шьь, шььу, шьт, шьчI, шькI, шькIу*.

Исключительно редко встречаются комплексы *лэ+согласный, с+согласный, хь+согласный* (ср.: адыг. *лэфэ-н*, каб. *лэхуэ-н* «рожать», каб. *кээсчIэ-н* «содрогаться», *махэлэ* «зять» диал.).

Комплексы *м+согласный, н+согласный, р+согласный* как в производных, так и непроемных основах чаще всего оказываются результатом фонетического наращивания *м, н, р* (ср.: адыг. *тхьанэ*, каб. *тхьэмпэ* «лист», адыг. *пшэанI*, каб. *пшэампIэ* «воротник», каб. *шэнт, шэт* «стул», адыг. *шэхьант*, каб. *шэхьэнтэ* «подушка», адыг. *уарза*, каб. *хьэуазэ* «солома»).

Наличие в словоформе звуковых комплексов, противоречащих отмеченным закономерностям, свидетельствует о существовании морфемного шва. Ср.: комплекс *пхь* в словоформе *пхьашь* «ты носил».

III. MORFOЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОСНОВ

§ 27. Основные типы основ. В традиционных грамматиках основы слов обычно подразделяются на простые, производные и сложные. При этом под производными основами понимаются лишь морфологически членимые основы. В этом смысле противопоставление производные основы : сложные основы нельзя считать оправданным, поскольку сложные основы также являются производными, т. е. членимыми.

В адыгских языках основы слов с морфологической точки зрения делятся на следующие типы: а) членимые : нечленимые, б) производные : непроизводные, в) свободные : несвободные, г) прерывистые : непрерывистые, д) нейтральные : «нейтральные», е) образующие : необразующие.

а) Членимые и нечленимые основы

Основа считается членимой, если она состоит из двух или более морфологических элементов. Так, к членимым относятся основы слов адыг., каб. *лЫи-гъэ* «мужество» (корень *лЫи* + суффикс *-гъэ*), адыг. *дэ-кIуэ-жьы-н*, каб. *дэ-кIуэ-жьы-н* «возвращаться вместе с кем-либо» (префикс *дэ-* + корень *кIуэ* + суффикс *-жьы||-жьы*). Членимыми являются также сложные основы. Ср.: адыг. *псэмах||псэмахэ* «слабый, тщедушный» (корень *псэ* + корень *махэ*). В приведенных словах — *лЫи-гъэ*, *дэ-кIуэ-жьы-н||дэ-кIуэ-жьы-н*, *псэмах||псэмахэ* — выделяются морфемы *лЫи* «мужчина», *кIуэ* «идти», *псэ* «душа», *махэ* «непрочный», которые являются корневыми, т. е. нечленимыми основами в синхронном плане.

Это не значит, однако, что понятия корневой морфемы и нечленимой основы идентичны. Как увидим ниже, эти понятия не совпадают. Членимые основы с течением времени могут быть нечленимыми вследствие деэтимологизации.

б) Производные и непроизводные основы

Как уже отмечалось, понятие производности основы нередко подменяется понятием членимости основы. Между тем эти понятия, как и соответствующие им термины, нельзя считать однозначными. Членимая основа всегда является производной. Но это положение необратимо: не всякая производная основа является членимой на значимые составные части. Так, слово *пскэ||псчэ* «кашель» имеет производную основу, поскольку оно образовано способом конверсии. Ср. *пскэ-н||псчэ-н* «кашлять». Иначе говоря, для образования существительного *пскэ||псчэ* «кашель» использована готовая, уже имеющаяся в языке основа глагола *пскэн||псчэн* «кашлять». Но основа существительного *пскэ||псчэ* «кашель» не может быть включена в число основ, обладающих признаком морфологического членения. Следовательно, понятие производности основы шире понятия членимости

основы, хотя в традиционной лингвистической литературе под термином «производные основы» понимаются только членимые основы. Отсюда вытекает следующее: слово имеет непроизводную основу лишь в том случае, если оно не обладает морфологической членимостью и не соотносится по конверсии с исходным словом. Основа существительного *пхъэ* «дерево», как и основа существительного *пскэ||псчэ* «кашель», относится к нечленимым основам. Но основа существительного *пхъэ* «дерево» в отличие от основы существительного *пскэ||псчэ* «кашель» является непроизводной, поскольку *пхъэ* «дерево» не является конвертированным словом.

Итак, понятие производной основы шире понятия нечленимой основы, в то время как понятие непроизводной основы уже понятия нечленимой основы. Нечленимые, непроизводные и производные, но нечленимые основы всегда выступают как корневые морфемы. Иначе говоря, понятие корневой морфемы более емкое, чем понятия нечленимой основы и непроизводной основы. Разграничение этих понятий и соответствующих им терминов крайне важно для описания структуры слова и словообразования различных классов слов.

в) Свободные и несвободные основы

Основа слов в адыгских языках делятся на свободные и несвободные (связанные). Свободные основы включаются в словоизменительную парадигму как в сочетании с другими корневыми и основообразующими морфемами, так и вне сочетания с ними. Ср.: адыг. *йыны*, каб. *йын* «большой», адыг. *йынышьэ*, каб. *йынышьэ* «чрезмерно большой», адыг., каб. *хьы* «неси», адыг. *хьы-жьы*, каб. *хьы-ж* «неси обратно». Несвободные основы в дистрибутивном плане всегда связаны с другими основообразующими или корневыми морфемами. Так, основа *-сы* в значении «сидеть» в последовательности морфем, составляющих слово, всегда связана с локальным превербом. Ср.: адыг., каб. *йы-сы-н* «сидеть внутри», адыг., каб. *т-е-сы-н* «сидеть на чем-либо». (Анализ несвободных основ дается ниже, см. § 28, 29.)

г) Прерывистые и непрерывистые основы

В адыгских языках членимые основы по своей морфемной структуре могут быть аффиксальными (префиксальными, суффиксальными, префиксально-суффиксальными) и сложными. Компоненты членимых аффиксальных основ имен компакты, т. е. между ними невозможно включение других морфем. Напротив, компоненты членимых аффиксальных основ глаголов могут быть дистантными. С точки зрения дистантности компонентов различаются два типа основ.

Основы первого типа допускают включение в свой состав лишь аффиксов словоизменения. Так, в основы переходных гла-

голов типа локальный или направительный префикс + корневая морфема включаются личные (словоизменительные) аффиксы. Ср.: адыг., каб. *кӕэ-хьы-н* «нести сюда», адыг. *кӕэ-с-хьы-гъ*, каб. *кӕэ-э-с-хь-а-шъ* «я принес сюда». (Это правило не имеет места, если глагол является переходным: адыг., каб. *кӕэ-кӕуэ-н* «идти сюда», адыг. *сы-кӕэ-кӕу-агъ*, каб. *сы-кӕэ-кӕу-а-шъ* «я пришел сюда».)

Основы второго типа допускают включение в свой состав других самостоятельных основ. Так, в состав членимой основы *зэхуэ-сын* «собраться» (каб.) инкорпорируется основа глагола *дзы-н* «бросить»: *зэхуэ-дзы-сын* «бросить в кучу». Основы типа *зэхуэ-сын* мы называем прерывистыми. (Подробнее о прерывистых основах см. § 116.) В этой связи следует отметить, что в адыгских языках прерывистыми могут быть и аффиксальные морфемы. Так, отдавая известную дань традиции, глаголы *дэ-кӕуэ-йэ-н* || *дэ-кӕуэ-йы-н* «идти снизу вверх» мы рассматриваем как префиксально-суффиксальные образования. Но элементы *дэ-*, *-йэ* || *-йы* не только одновременно сочетаются с основой глагола, но и имеют также общее значение, поскольку в современных адыгских языках не представляется возможным установить значение каждого из них в разбираемом глаголе. Поэтому морфемные элементы *дэ-*, *-йэ* || *-йы* можно рассматривать как дистантный, прерывистый аффикс *дэ...йэ* || *йы*. Но заметим, что прерывистые аффиксы, компоненты которых сохраняют свое значение лишь этимологически, в адыгских языках единичны.

д) Нейтральные основы и основы определенного класса слов

Слова *джэгуын* «играть», *джэгу* «игра» образованы от одной и той же основы без применения каких-либо словообразовательных морфем. Основа *джэгу(ы)* с синхронной точки зрения нейтральна в отношении ее принадлежности к именным или глагольным основам. Нейтральные основы полиморфны, т. е. они свободно включаются в словоизменительные парадигмы различных классов слов. В адыгских языках встречаются разные типы нейтральных основ. По своей структуре нейтральные основы могут быть аффиксальными и сложными (см. § 31).

Слова *тхылъ* «книга», *дахэ* «красивый», *шӕы-н* «делать», в отличие от слова *джэгу* «игра», не соотносимы по конверсии с словами, принадлежащими другим классам. Основа каждого из приведенных слов закреплена за словом, входящим в определенный класс слов. Разумеется, в данном случае мы не принимаем во внимание то обстоятельство, что от именных и глагольных основ без словообразовательных аффиксов образуются отдельные формы статического глагола. Ср.: каб. *мыр тхылъшъ* «это есть книга», *мыр дахшъ* «этот есть красивый» по модели *мыр*

шъысшъ «этот сидит»; но невозможны формы *мыр тхылъынушъ*, *мыр дэхэнушъ* по модели *мыр шъысыншъ* «этот будет сидеть».

В соответствии со сказанным с синхронной точки зрения основа считается нейтральной в отношении ее принадлежности к именным и глагольным основам, если от нее образуются словоизменительные парадигмы существительных и динамических глаголов.

е) Образующие и необразующие основы

В лингвистической литературе термин «образующие основы» употребляется как синоним термина «производящая основа». Производящей считается исходная основа производного слова. Так, производящей основой производного слова *лыы-гъэ* «мужество» будет морфема *лыы*. Термин «образующая основа»: как и его антоним «необразующая основа», мы употребляем в другом значении. Под образующей основой мы понимаем основу слова, которая независимо от ее морфемной структуры способна быть базой для образования новых основ. Не от всякого слова образуется новое слово. Например, нефлектирующие части речи редко выступают в качестве производящих слов. Правда, вопрос о том, имеют ли нефлектирующие слова основу, является дискуссионным. Здесь не место на нем останавливаться. Однако с точки зрения словообразовательных возможностей основы слов строго ограничены независимо от наличия или отсутствия флексии. Иначе говоря, процесс деривации в пределах одного словообразовательного гнезда небесконечен. Поэтому термин «необразующая основа» мы применяем не только к простым, но и к членимым основам, если от них не производятся новые основы.

IV. СВЯЗАННЫЕ (НЕСВОБОДНЫЕ) ОСНОВЫ

§ 28. **Связанные основы первичных статических глаголов.** Как уже отмечалось, кроме непрямых и производных основ, существующих самостоятельно, в выделенном виде, имеются несамостоятельные, связанные основы, которые употребляются лишь в сочетании с аффиксами или как компоненты сложных основ. Исследование связанных основ, анализ их строения и словообразовательных возможностей представляет большой интерес для понимания системы глагольного словообразования в адыгских языках. На данном этапе развития адыгских языков связанные основы значительно отошли от тех самостоятельных основ, с которыми они генетически связаны. Но в ряде случаев удается установить их связь с соответствующими именными и глагольными основами.

В отличие от абхазского и абазинского языков, в которых связанные глагольные основы выполняют также роль словообразовательных аффиксальных морфем (глагольных суффиксов

и превербов), в адыгских языках связанные основы, за редкими исключениями, выступают лишь как корневые морфемы.

Связанными являются основы так называемых первичных статических глаголов. Основы первичных статических глаголов не очень многочисленны в адыгских языках. Но в сочетании с превербами и другими словообразовательными элементами глагола от них образуется множество самостоятельных основ. Основные связанные основы первичных статических глаголов следующие:

Адыг.-каб. **-л̄(ы)**: *те-л̄ы-н* «лежать на поверхности чего-либо», *дэ-л̄ы-н* «лежать между чем-либо», адыг. *чл̄э-л̄ы-н*, каб. *шл̄э-л̄ы-н* «лежать внутри чего-либо».

Данная основа имеется также в убыхском языке.

Ср.: убых. *бг̄эа-л̄э*, адыг. *те-л̄э*, каб. *те-л̄э-ш̄э* «лежит на поверхности чего-либо»; убых. *фа-л̄э*, адыг. *пыл̄э*, каб. *пы-л̄э-ш̄э* «лежит, находится на передней части». Следует думать, что рассматриваемая основа отыменного происхождения. По семантике и по звуковому облику адыгско-убыхская основа **-л̄(ы)** сближается с именем существительным *л̄э* «нога», «нижняя часть чего-то», которая является общим для данных языков. Однако такого сходства еще недостаточно для того, чтобы установить генетическое тождество этих корневых морфем.

Адыг.-каб. **-т(ы)**: адыг., каб. *и-ты-н* «стоять внутри чего-либо», адыг. *бг̄эуэ-дэ-ты-н*, каб. *бг̄ээ-дэ-ты-н* «стоять возле, рядом», адыг. *ш̄х̄ьа-ш̄ьы-тын*, каб. *ш̄х̄ьэ-ш̄ьы-тын* «стоять на верху чего-то».

В этом же значении основа **-т(ы)** встречается в убыхском языке. Ср.: убых. *ги-т*, адыг. *дэ-т*, каб. *дэ-т-ш̄э* «он стоит внутри чего-либо».

Адыг.-каб. **-с(ы)**: адыг. *ш̄ьы-сы-н*, каб. *ш̄ьы-сы-н* «сидеть», *дэ-сы-н* «сидеть внутри чего-нибудь», адыг.-каб. *чл̄э-ры-сы-н* «сидеть подле чего-то».

Основа **-с(ы)** представлена в убыхском языке. Ср.: убых. *бг̄эас*, *ги-с*, адыг. *те-с*, каб. *те-с-ш̄э* «сидит, находится на поверхности чего-то», убых. *бла-с*, адыг. *и-с*, каб. *йы-с-ш̄э* «сидит, находится внутри чего-то».

Адыг.-каб. **-г̄ь(ы)**: *йы-г̄ьы-н* «держать» (*йы < л̄э* «рука»), *гуы-г̄э-н* «надеяться, думать» (*гуы* «сердце»), каб. *ш̄х̄ьэ-ры-г̄ьы-н* «быть надетым на голову» (*ш̄х̄ьа* || *ш̄х̄ьэ* «голова»), *л̄ьы-г̄ьы-н* «быть надетым на ноги» (*л̄ьы < л̄э* «нога»).

Рассматриваемая основа встречается в других абхазско-адыгских языках. Ср.: абх. *агуг̄эра* «надежда, надеяться», абаз. *агуг̄эара* «думать», «надежда», убых. *г̄эагаг̄э* «надеяться».

В сочетании с элементом *тл̄э*- основа статического глагола **-г̄ь(э)** образует сложную основу динамического глагола *-тл̄эг̄ьэ*. Ср.: каб. *л̄э-ры-тл̄э-г̄ьэ-н* «надевать на руку», *ш̄х̄ьэ-ры-тл̄э-г̄ьэ-н* «надевать на голову», *л̄ьы-тл̄э-г̄ьэ-н* «надевать на ноги», *ш̄ьы-тл̄э-г̄ьэ-н* «надевать на себя».

По мнению Г. В. Рогава, этимологическим значением основы **-г̄ь(э)** является «иметь»⁸⁹.

Адыг.-каб. **-з(ы)**: *хи-зы-н* || *хэ-зы-н* «быть наполненным внутри чего-либо», *ди-зы-н* || *дэ-зы-н* «быть наполненным между чем-либо». Ср.: каб. *чей из фо* «полная кадка меду». Основа **-з(ы)** имеется в родственных языках. Ср.: убых. *г̄ээза* «полный», абх.-абаз. *азна* «полный», абаз. *астакан азна дзы* «полный стакан воды».

Адыг.-каб. **-л̄э**: *йы-л̄э-н* «иметь», адыг. *ш̄ьы-л̄э-н* «быть», «есть», «существовать». Обращает на себя внимание звуковая близость общеадыгской основы *-л̄э* (*ш̄ьы-л̄э-н* || *ш̄ьы-л̄э-н* «быть, существовать») к абхазско-абазинской основе **-к̄ьа**, **-ла** в том же значении. Ср.: абх. *ды-к̄ьа-н*, абаз. *ды-ла-н*, адыг. *ш̄ьы-ла-г̄э*, каб. *ш̄ьы-ла-ш̄э* «он был». По мнению К. В. Ломтатидзе, абхазско-абазинская основа статического глагола **-к̄ьа**, **-ла** восходит к имени *а-к̄ьа* в значении «место»⁹⁰.

Можно сделать предположение, что основы первичных статических глаголов в адыгских языках, за редкими исключениями, именного происхождения. На эту мысль наталкивают следующие обстоятельства. Во-первых, некоторые основы первичных статических глаголов в адыгских языках по своим фонетическим и семантическим признакам связываются с именными основами. Во-вторых, — и это главное — в адыгских языках основы статических глаголов имеют парадигму, отличную от парадигмы основ динамических глаголов. Ср., например: каб. *со-к̄луэ-р* «иду», *ма-к̄луэр* «идет» и *сы-ш̄ьы-с-ш̄э* «сизу», *ш̄ьы-с-ш̄э* «сидит». При этом в отличие от динамических глаголов возможности образования статических глаголов от имен не ограничены определенными типами основ: любое имя может принимать парадигму статического глагола. Это означает, что предикативные формы имен в адыгских языках выступают как статические глаголы. Ср.: адыг. *ар чл̄ыфы*, каб. *ар чл̄ыху-ш̄э* «он человек есть», адыг. *ар дэг̄эуэ*, каб. *ар дэг̄эуэ-ш̄э* «тот хороший есть». В пользу именно этого происхождения основ первичных статических глаголов говорит еще тот факт, что в абхазском и абазинском языках превербы типа *ла-*, *на-*, *та-* используются как основы статических глаголов. А эти превербы, вне сомнения, исторически восходят к именам локального значения⁹¹.

⁸⁹ См.: Г. В. Рогава. Динамические и статические глаголы в адыгских языках. Сборник «Иберийско-кавказское языкознание», т. VIII. Тбилиси, 1958, стр. 466.

⁹⁰ См.: К. В. Ломтатидзе. К вопросу о генезисе основы **-к̄ьа** «быть», «существовать» в абхазском языке. «Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», т. XXVII, 1956, стр. 226.

⁹¹ См.: К. В. Ломтатидзе. К структуре сложно-составных глагольных основ в абхазском языке. Сборник «Иберийско-кавказское языкознание», т. IV, 1953.

§ 29. Связанные основы динамических глаголов. В адыгских языках не имеют самостоятельного употребления и многие основы динамических глаголов. К ним относятся:

Адыг.-каб. **-кӀы** > **-чы**: *хэ-кӀы-н* > *хэ-чы-н* «выйти, выйти (из помещения)», *те-кӀы-н* > *те-чы-н* «пройти, проходить по поверхности чего-то», *блэ-кӀы-н* > *блэ-чы-н* «пройти, проходить мимо чего-то». Исходной формой основы **-кӀы** > **-чы** является **-кӀы** (*кӀы* > *кӀы* > *чы*).

Адыг.-каб. **-кӀэ** > **-чӀэ**: *дэ-кӀэ-н* > *дэ-чӀэ-н* «залить, заливать что-нибудь чем-либо», *ы-кӀэ-н* > *ы-чӀэ-н* «вливать, налить что-либо во что-либо». Семантические расхождения между основами **-кӀы** > **-чы** «идти» и **-кӀэ** > **-чӀэ** «лечь» слишком значительны, чтобы возвести их к одному источнику.

Адыг.-каб. **-хьэ**: *ы-хьэ-н* «войти, входить (в помещение)», *гуэ-хьэ-н* «присоединиться к чему-либо», адыг. *шӀуэ-хьэ-н*, каб. *фӀэ-хьэ-н* «насадить». Ср.: каб. *ы-хьэ-н* «войти» и *ы-хьэ-н* «внести».

Адыг.-каб. **-сы**: *кӀэ-сы-н* «прибыть, приехать», *нэ-сы-н* «дойти, доехать». К производным глагольным основам *кӀэ-сы-(н)*, *нэ-сы-(н)* восходят послелогии *кӀэс*, *кӀэсчӀэ*, *нэс*, *нэсчӀэ*, которые имеют значение «до». Ср.: адыг. *непэ кӀэс*, *непэ кӀэсчӀэ* «до сегодняшнего дня», *Мыекъуапэ нэс*, *Мыекъуапэ нэсчӀэ* «до Майкопа». Ср.: адыг.-каб. *нэ-сы-н* «дойти, доехать» и абх. *а-са-ра* «идти, ходить».

От основы **-сы** образуются глаголы, связанные с именем *уэс* «снег». Например, *кӀэ-сы-н* «выпасть, выпадать снегу», *хэ-сэ-н* «выпасть, выпадать снегу на что-либо». Основа **-сы** и второй компонент имени *уэ-с* «снег» генетически связаны друг с другом (первый компонент *уэ-с* «снег» восходит к имени *уэ* «небесное пространство», которое сохранилось в этом значении в адыгейском языке). Ср. также абх.-абаз. *асы* «снег», абх. *асауейтӀ* «снег идет». Аналогичную структуру в адыгских языках имеют: адыг. *кӀэ-шьхы-н*, каб. *кӀэ-шхы-н* «выпасть, выпадать» (о дожде) и адыг. *уэ-шьхы*, каб. *уэ-шх* «дождь». Основу глагола адыг. *кӀэ-шьхы-н*, каб. *кӀэ-шхы-н* «выпасть» (о дожде) и вторую часть сложной основы адыг. *уэ-шьхы*, каб. *уэ-шх* «дождь» следует ставить в генетическую связь с абх.-абаз. *а-куа* «дождь».

Адыг.-каб. **-хы**: *ы-хы-н* «вынести», «выносить», *блэ-хы-н* «нести мимо чего-либо», адыг.-каб. *пы-хы-н* «отпиливать, отнимать, ампутировать», *гуэ-хы-н* «отнимать, отобрать, отбирать», адыг. *шӀхьа-шьы-хы-н*, каб. *шӀхьэ-шьы-хы-н* «снять, снимать сверху», адыг.-каб. *те-хы-н* «снять, снимать с поверхности чего-то». Ср.: абх. *а-ку-х-ра* «взять, снять лежащее или стоящее на чем-нибудь», *а-шь-х-ра* «снять одетое ниже талии», *а-шы-х-ра* «снять одетое выше талии», *а-кны-х-ра* «снять подвешенное, висящее».

Адыг. *пӀуэ-*, каб. **-пӀэ**: *те-пӀуэ-н* || *те-пӀэ-н* «накрыть, накрывать», *Ӏу-пӀуэ-н* || *Ӏуы-пӀэ-н* «закрывать, закрывать». Основа

пӀуэ || *пӀэ-*, надо думать, восходит к общеадыгскому имени *пӀуэ* || *пӀэ* «место», «постель».

Адыг.-каб. **-кы** > **-чы**: *Ӏы-кы-н* > *Ӏы-чы-н* «вырвать, выдернуть», адыг. *чӀӀэ-кы-н* > *чӀӀэ-чы-н*, каб. *шӀӀэ-кы-н* > *шӀӀэ-чы-н* «выдергивать, выхватить из-под чего-либо». Ср.: адыг.-каб. *кӀӀэ-н* > *чэ-н* «трескаться, лопаться, лопнуть».

Адыг.-каб. **-уы**: адыг.-каб. *ы-уы-н* «вдеть», «вдевать», адыг. *чӀӀэ-уы-н*, каб. *шӀӀэ-уы-н* «продевать, продеть во что-либо».

Адыг.-каб. **-Ӏуы**: адыг.-каб. *хэ-Ӏуы-н* «вонзать, воткнуть, приколоть», *ы-Ӏуы-н* «сунуть, всунуть внутрь чего-то», *дэ-Ӏуы-н* «заткнуть между чем-либо».

Адыг.-каб. **-Ӏуэ**: адыг.-каб. *Ӏы-Ӏуэ-н*, *кӀэ-Ӏуэ-н* «назвать», «называть» (например, по фамилии), *дэ-Ӏуэ-н* «слушать, послушаться», *лӀэ-Ӏуэ-н* «просить, попросить», каб. *жы-Ӏэ-н* < *жы-Ӏуэ-н* «сказать, говорить». Ср. в кабардинских диалектах: *жы-Ӏуэ-н* «сказать, говорить». В адыгейском языке имеет самостоятельное употребление в этом значении: *ашь ыӀуагъ* «он сказал». Рассматриваемая глагольная основа в кабардинском языке самостоятельно употребляется в значении «сказать, говорить» во фразеологическом сочетании *тхьэӀуэ-н* «клясться, давать клятву», букв. «сказать, говорить», *тхьэ* «бог». Ср. также: каб. *ада-кӀэ-р ма-Ӏуэ* «петух поет».

Многозначная глагольная основа *Ӏуэ* восходит к общеадыгскому имени *Ӏуы* «рот».

Адыг. **-жы** > каб. **-жъы**: адыг. *кӀэ-жы-н*, каб. *кӀэ-жъы-н* «рвать, вырвать», адыг. *хэ-жэ-н*, каб. *хэ-жъэ-н* «вырвать во что-либо». Основа **-жы** || **-жъы** восходит к основе *жэ* || *жъэ* «рот».

Адыг.-каб. **-нэ**: *хэ-нэ-н* «увязнуть, застрять где-нибудь», *пы-нэ-н* «повиснуть» (например, на дереве), «загореться, зажечься», *кӀи-нэ-н* «оставить внутри чего-либо». Основа **-нэ**, по-видимому, происходит от общеадыгского **нэ** «отверстие, глаз».

Адыг.-каб. **-тӀэ**: адыг.-каб. *хэ-тӀэ-н* «вкпывать, воткнуть что-либо в землю», *Ӏы-тӀэ-н* «ставить торчком», каб. *шӀӀэ-тӀэ-н*, адыг. *чӀӀэ-тӀэ-н* «закапывать, закопать». Основа **-тӀэ** сближается с именем *Ӏа-тӀэ* «земля, грязь».

Адыг.-каб. **-кӀэ**: каб. *шӀӀэ-кӀэ-н* «опускать, опустить» (*шӀхьэр шӀэкъэн* «опустить голову»), *дэ-кӀэ-Ӏы-н* «поднимать», «задирать» (*Ӏыпэр дырекъэй* «он свой нос задирает»).

Каб. **-шьы**: каб. *хэ-шьы-н* «виднеться откуда-либо», *кӀы-шӀӀэ-шьы-н* «виднеться из-под низу», *кӀы-кӀуэ-чӀышьы-н* «виднеться изнутри чего-то».

Как мы видим, основы данного типа, являясь базой для образования новых слов, сочетаются с различными аффиксами. В адыгских языках имеются связанные основы другого рода, а именно: основы, употребляющиеся с определенными аффиксами.

В особую группу выделяются глагольные основы, связанные с префиксальным элементом **е-** (< **Ӏэ**). Ср., например: адыг.

е-шъуэ-н, каб. *е-фэ-н* «пить», адыг. *е-жьэ-н*, каб. *е-жэ-н* «пойти, отправиться», адыг. *е-жэ-н*, каб. *е-жэ-н* «ждать, дожидаться», адыг.-каб. *е-бэ-н* «наклоняться, крениться», *е-хы-н* «сходить, сойти» и т. д.

V. НЕЙТРАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ. БЕЗАФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 30. Выделение частей речи по парадигматическим признакам. Рассматривая некоторые вопросы соотношения словообразования и словообразования, мы уже затронули вопрос о полиморфности основы. Но на этом вопросе следует остановиться более подробно в связи с безаффиксальным словообразованием.

Когда описывается морфологический строй адыгских языков, указывается на слабое развитие основообразующих аффиксов. При этом обычно отмечается, что недостаточно развитая система аффиксального словообразования в этих языках компенсируется лишь словосложением, которое считается ведущим способом словообразования. Такая укоренившаяся точка зрения на словообразование адыгских языков является неправильной. В адыгских языках, бесспорно, словосложение занимает важное место в словообразовании. Но слабое развитие основообразующих суффиксов в адыгских языках органически связано с отсутствием четкой морфологической дифференциации именных и глагольных основ. В адыгских языках имя и глагол не всегда различаются по морфологической структуре основы. Одна и та же основа без изменения ее морфологического строения может включаться в парадигмы разных частей речи. Морфологическая нейтральность основ создает возможность образования слов без использования каких-либо словообразовательных аффиксов. В адыгских языках в словообразовании важное место занимает безаффиксальное словообразование, или конверсия⁹². Сущность конверсии как словообразовательного типа в адыгских языках определяется в основном соотношением именных и глагольных основ. Сравним следующие два предложения в кабардинском языке:

Абы йы-псалъэр йыгъэпэжашъ «Он оправдал свое слово».

Ар йыныу мэ-псалъэ «Он громко разговаривает».

В первом предложении *псалъэ* выступает как основа имени, а во втором — как основа глагола. При этом образование имени и глагола осуществляется без изменения основы или добавления каких-либо словообразовательных аффиксов. В первом предложении *псалъэ* имеет парадигму имени существительного (*йы-псалъэ-р* «его (свое) слово», *йы* — притяжательный префикс,

псалъэ — основа имени, *р* — формант именительного падежа), а во втором — парадигму глагола (*мэ-псалъэ* «он разговаривает», *мэ* — показатель субъекта 3-го лица непереходных глаголов, *псалъэ* — основа глагола).

Мнение о том, что рассматриваемое явление представляет собой употребление одного и того же слова в функциях разных частей речи, не выдерживает критики. Во-первых, это мнение основано на смешении понятий основообразования и словообразования, которые редко дифференцируются в лингвистической литературе. Во-вторых, — это главное — такая точка зрения неизбежно ведет к отрицанию словообразующей роли конверсии. А если отрицать словообразующую роль конверсии, то придется признать возможность отнесения одного и того же слова (не оспривать возможность отнесения одного и того же слова (не оспривать!) одновременно к двум частям речи. Для адыгских языков это означает, что *гуйпшы-сэ* || *гуйпсысэ* «мысль» и *гуйпшысэ-н* || *гуйпсысэ-н* «мыслить, думать» — одно слово, которое принадлежит к разным частям речи. Поэтому вопрос о конверсии связан с проблемой частей речи. А утверждение, что при конверсии мы имеем дело с обычным синтаксическим употреблением одного и того же слова, вносит только путаницу в проблему выделения частей речи. Имя и глагол, соотносительные по конверсии, различаются своей парадигмой. Но грамматическое оформление средствами не всегда служит «наглядным» словообразовательным средством при конверсии. Дело в том, что имя и глагол, образованные способом конверсии, не во всех своих формах отличаются друг от друга. Например, как в окружении существительного, так и в окружении глагола член обеих парадигм может быть выражен нулевым аффиксом. Ср.: каб. *Хуэму псалъэ* «Разговаривай медленно», *Псалъэ птамэ гъэпэж* «Если дал слово, то оправдай его». Нейтральная основа *псалъэ* как в первом окружении, так и во втором выступает в нулевой форме. Но нулевая форма свойственна только данным словоформам (второму лицу ед. ч. повелительного наклонения и неопределенной форме существительного), а не окружениям, в которых они находятся. Первое окружение *хуэму...* характерно для любой глагольной формы, в том числе для нулевых, а второе *...птамэ гъэпэж* — для некоторых форм существительного. Иными словами, грамматическая сочетаемость определяет принадлежность основы к тому или иному парадигматическому классу. Но конверсия возможна и внутри одного парадигматического класса слов. Например, в кабардинском языке, как и в адыгейском, в предложении *Ар шъаклуэ маклуэ* «Он на охоту идет» название места действия образуется не путем распада значения основы имени деятеля (*шъаклуэ* «охотник» (*Шъаклуэр маклуэ* «Охотник идет») или употребления самого имени деятеля в функции названия места действия. Слово (название лица или названия места действия) образуется от общей основы, совмещающей принадлежность не только к двум парадигматическим классам (ср.: *Ар мэ-шъаклуэ*

⁹² Для обозначения этого специфического типа словообразования в дальнейшем изложении мы будем пользоваться термином «конверсия», который синонимичен термину «безаффиксальное словообразование».

«Он охотничает»), но и к разным словам в пределах одного парадигматического класса. При этом средством образования названия лица и названия места действия от нейтральной основы *шъаклуэ* служит сочетаемость, вернее, различие в сочетаемости этих слов внутри класса существительных. Если окружение ...-р *маклуэ* характерно для названия лица, то в окружении ...-м *маклуэ* может быть только название места действия. Сама по себе основа *шъаклуэ* в синхронном плане является нейтральной по отношению ее принадлежности к именным и глагольным основам, хотя исторически между словами *шъаклуэ* «охотник», *шъэклуэ-н* «охотничать», *шъаклуэ* «охота» можно установить отношение производности и непроизводности.

Приведенные примеры показывают, что при конверсии не следует приписывать всю словообразующую роль только парадигме. А. И. Смирницкий, который много занимался проблемой конверсии, убедительно доказал ошибочность семантической и синтаксической точек зрения на конверсию. Он определил конверсию как один из способов образования новых слов. Однако А. И. Смирницкий считал, что при конверсии единственным словообразовательным средством является морфологическое оформление, т. е. парадигма. Полемицируя по этому вопросу с А. И. Смирницким, Ю. А. Жлутенко правильно указывает на то, что при конверсии новое слово образуется не в изолированном виде, а в сочетании с другими словами⁹³.

§ 31. Сущность конверсии как способа словообразования в адыгских языках. Основы слов, соотносительных по конверсии. Совершенно естественно, что при конверсии не все явления могут быть равноценными, одинаково продуктивными и устойчивыми. В адыгских языках при конверсии мы часто имеем дело с переходными, незавершенными явлениями, находящимися в развитии. В этих языках одни основы — а их немало — проходят через всю систему грамматических форм существительных и глаголов. Другие основы, обладая всеми грамматическими формами одного класса, имеют ограниченный потенциал сочетаемости и неполную парадигму другого класса. Многие основы нередко образуют словообразовательное гнездо, состоящее из трех членов: названия лица, названия места действия и глагола. Но не все члены словообразовательного гнезда закрепляются во всех морфологических формах имен и глаголов. Некоторые основы начинают только втягиваться в орбиту второго парадигматического класса под давлением системы. Соотношение производности и непроизводности слов, соотносительных по конверсии, оказывается также разнообразным для разных семантических групп. Наконец, действие и результаты конверсии не всегда оди-

наковы в адыгских языках. Ниже приводятся примеры, характеризующие указанные особенности конверсии в адыгских языках.

На первый взгляд может показаться, что глагол *пхъэшлэн* «плотничать» в кабардинском языке образован на базе сложения имени *пхъэ* «дерево» и масдарной формы *шлэн* «делать». В действительности *пхъэшлэн* является лишь масдарной формой от основы *пхъашлэ*, образованной путем сложения именной и глагольной основ. Способом конверсии от основы *пхъашлэ* образуются название лица, название места действия и глагол.

Ср., например:

1. *Пхъашлэ-р къэклуашъ* «Плотник пришел».
2. *Сэ со-пхъашлэ* «Я плотничаю».
3. *Ар пхъашлэ-м маклуэ* «Он идет в плотничную мастерскую».

При строго синхронном анализе словообразовательных явлений основа *пхъашлэ*, которая функционирует в различных парадигмах, является нейтральной. Но в диахроническом плане здесь устанавливается отношение между производящей сложной основой и производными от нее словами.

Для определения диахронического направления можно предложить различные критерии. Например, метод сопоставления структурно (морфологически) однотипных основ и их дистрибуционные признаки позволяют определить основное и производное слово внутри словообразовательного гнезда. Так, наличие в языке структурно однотипных имен, как *хъэкуышлэ* «печник», *уэнашлэ* «седельник», *фашлэ* «шорник», *гъуэлъашлэ* «медник», *луэхуышлэ* «служащий», которые не являются членами соотносительной пары, свидетельствует о производном характере глагола в словообразовательном гнезде *пхъашлэ* «плотник» — *пхъэшлэ-н* «плотничать». В паре слов *пхъашлэ* «плотник» — *пхъашлэ* «место работы плотников» название деятеля является первичным, а название места действия — вторичным, производным. Это легко доказывается морфолого-синтаксическими признаками слова, обозначающего название места действия (слово *пхъашлэ* «место работы плотников» не имеет всех падежных форм, от него не образуются формы притяжательности, формы множественного числа, функционирование его ограничено определенными синтаксическими условиями). Таким образом, в словообразовательном гнезде, в котором слова объединяются общностью основы типа *пхъашлэ*, исторически производящей основой оказывается основа имени действующего лица. Иначе говоря, хотя парадигма имени действующего лица и парадигма глагола базируются на общей основе, исходное значение связано с одной словообразовательной моделью, а вторичное — с другой.

Такая же иерархия словообразовательных отношений наблюдается между словами, которые объединяются общностью осно-

⁹³ См.: Ю. А. Жлутенко. Конверсия в современном английском языке как морфолого-синтаксический способ словообразования. Ж. «Вопросы языкознания», 1958, № 5.

вы *гъуычлэ*, потерявшей морфологическую членимость вследствие опрощения. В словообразовательном гнезде *гъуычлэ* «кузница», *гъуычлэ-н* «заниматься кузнечным ремеслом», *гъуычлэ* «кузница» вторичность последнего члена, по отношению к другому подтверждается его сочетаемостью. Так, *гъуычлэ* «кузница» встречается не во всех окружениях, в которых употребляется его синоним *чышъ*. В предложениях *Чышъым соклуэ* «Я иду кузницу», *Чышъым сышъылашъ* «Я был в кузнице» *чышъ* свободно замещает *гъуычлэ*. Ср.: *Гъуычлэм соклуэ = Чышъым соклуэ*, *Гъуычлэм сышъылашъ = Чышъым сышъылашъ*. Но *гъуычлэ* может выступать в качестве субститута *чышъ* в предложении *Чышъым псы къызыпырож* «Кузница протекает», *Чышъылашъ* «Кузницу построили». С точки зрения языкового анализа, опирающегося только на формальные соотношения языковых единиц, *чышъ* и *гъуычлэ* принадлежат различным единицам, поскольку они не обладают единой дистрибутивной характеристикой. Но хотя *гъуычлэ* имеет ограниченный потенциал сочетаемости, оно может заменить *чышъ* в определенных окружениях, что дает основание рассматривать его как третий член словообразовательного гнезда.

Разумеется, *гъуычлэ* «кузница», как и *пхъашлэ* «место работы плотников», относится к явлениям ocasionальной конверсии, поскольку это слово в известной степени является потенциальным и не окончательно закрепившимся в грамматических формах имен существительных. Но подобные явления характеризуют словообразовательную тенденцию адыгских языков, которые располагают небольшим количеством именных словообразовательных аффиксов. Аналогичные образования нередко переходят в состав употребительной лексики, хотя они не имеют полной парадигмы. Поэтому отнесение слова к тому или иному лексическому разряду не всегда зависит от полноты его парадигмы. Например, адыг. *пцэжъылашэ*, каб. *бдзэжъеяшъэ* состоит из *пцэжъый* || *бдзэжъей* «рыба» + основа глагола *ешэ-н* || *ешъэ-н* «охотиться». От этой сложной основы образуется название лица и название места действия. Ср.: каб. 1) *Бдзэжъеяшъэр псылуыфэм* *луышъ* «Рыбак (рыболов) на берегу реки сидит». 2) *Ахэр бдзэжъеяшъэм къычлэжашъ* «Они с рыбалки пришли».

В отличие от названия лица, обладающего всеми грамматическими формами имен существительных, название места действия имеет неполную парадигму, хотя оно не может быть отнесено к числу искусственных или малоупотребительных слов.

Основа *пцэжъылаш(э)*, *бдзэжъеяшъэ* включается также в парадигму глагола. Ср.: адыг. *мэпцэжъылашэ*, каб. *мэбдзэжъеяшъэ* «он занимается рыбной ловлей». Но в парадигме глагола данная основа еще не закрепились. Ср. параллельные формы: адыг. *пцэжъый сешэ* || *сэ-пцэжъылашэ*, каб. *бдзэжъей сошъэ* || *содбдзэжъешъэ* «я занимаюсь рыбной ловлей». Формы других времен и наклонений образуются обычно аналитическим способом, т. е.

морфологически оформляется только второй компонент. Ср.: адыг. *пцэжъый сешагъ*, каб. *бдзэжъей сешъашъ* «я занимался рыбной ловлей», *бдзэжъей сешъатэмэ* «если бы я занимался рыбной ловлей».

Все члены именной и глагольной парадигмы характерны для типа адыг. *лахъуэ*, каб. *лэхъуэ* «пастух», адыг. *лахъуэ-н*, каб. *лэхъуэ-н* «пасти скот», адыг. *шыхъуэ*, каб. *шыхъуэ* «табунщик», адыг. *шыхъуэ-н*, каб. *шыхъуэ-н* «пасти лошадей», адыг. *мэлахъуэ*, каб. *мэлахъуэ* «чабан», адыг. *мэлахъуэ-н*, каб. *мэлахъуэ-н* «пасти овец». Основы этих слов образованы путем сложения двух основ — именной и глагольной. Ср.: адыг. *шахъуэ*, каб. *шыхъуэ* < *шы* «лошадь» + простая основа глагола *гъэ-хъуы-н* «пасти»⁹⁴. От сложных основ анализируемого типа образуются так же названия места действия. Ср.: адыг. *Ар шахъуэм къычлэжашъ* «Он вернулся с места пастыби лошадей», каб. *Лыжъым жэмыр лэхъуэм дихуашъ* «Старик выгнал крову на пастыбу».

В адыгейском языке от основ типа *лахъуэ*, *шахъуэ*, *мэлахъуэ* с помощью суффикса -гъу образуются слова, обозначающие совокупность (стадо) животных. Например, *лахъуэгъу* «стадо лошадей», *шахъуэгъу* «табун», *мэлахъуэгъу* «отара» и т. д. Этот морфологический (аффиксальный) тип словообразования отсутствует в кабардинском языке. Функцию словообразовательную суффикса -гъу в кабардинском языке начинает выполнять конверсия. Ср.: адыг. *лахъуэгъур къэклуэжыгъ*, каб. *лэхъуэр къэклуэжашъ* «Стадо вернулось». В результате расширения функции конверсии в кабардинском языке возникают омонимичные формы, которые различаются только контекстом. Например, если взять приведенное предложение *лэхъуэр къэклуэжашъ* вне связи с предшествующим контекстом, то слово *лэхъуэр* можно рассматривать по-разному, так как оно обозначает в этом предложении не только совокупность животных, но и название деятеля:

- 1) *лэхъуэр къэклуэжашъ* «Стадо вернулось».
- 2) *лэхъуэр къэклуэжашъ* «Пастух вернулся».

Этот словообразовательный процесс в кабардинском языке постепенно охватывает и другие однотипные основы. Ср.: каб. 1) *Шыхъуэр псылуфэм луышъ* «Табунщик стоит на берегу реки». 2) *Шыхъуэр псылуфэм луышъ* «Табун (стадо лошадей) стоит на берегу реки».

Таким образом, в адыгских языках наблюдается тенденция к образованию словообразовательных гнезд от сложных основ типа адыг.-каб. *пхъашлэ*, адыг. *пцэжъылаш(э)*, каб. *бдзэжъеяшъэ*, адыг. *лахъуэ*, каб. *лэхъуэ*. Эти основы по своей морфемной структуре однотипны (именная основа + глагольная основа).

⁹⁴ В основе *лахъуэ* || *лэхъуэ* первый компонент восходит к слову *лэш* «скот». Ср.: каб. *лэш* «скот», *лэшыхъуэ* «пастух; тот, кто пасет скот».

Исходной производящей основой в приведенных выше словообразовательных гнездах исторически служит основа имени деятеля, которая имеет полную парадигму и нормальный потенциал сочетаемости.

В парадигмы существительных и глаголов включаются также многочисленные основы, которые стали неразложимыми в современных адыгских языках. К ним относятся, например, основы слов адыг., каб. *джэгу* «игра», *мэ-джэгу* «он играет», *гуыгъэ* «надежда», *мэ-гуыгъэ* «он надеется», адыг. *гуыбж*, каб. *гуыбжэ* «гнев», *мэ-гуыбжэ* «он сердится», адыг. *уысэ* «ашуг, поэт», каб. *уысэ* «стих», адыг.-каб. *мэ-уысэ* «он сочиняет», адыг., каб. *уыдж* «удж» (танец), *мэ-уыдж* «он танцует удж» и др. Исторически эти основы были производными, составными. Так, в основах *гуыгъэ* «надежда», *гуыбж*||*гуыбжэ* «гнев» первый компонент возводится к общеадыгскому слову *гуы* «сердце»; второй элемент этих основ встречается в ряде других составных основ. Ср.: адыг. каб. *лыгъы-н* «держат в руках», каб. *лыгъыгъэ-н* «надеть на ноги» и т. д.

Без помощи словообразовательных аффиксов образуются формы имен и глаголов от многих основ, образованных путем частичной редупликации. Например: адыг. *гъуэй-шьай* «нездоровый, человек, которому нездоровится», *ар мэ-гъуэй-шьай* «ему нездоровится» (ср. *гъуэ* «место»), каб. *плей-тей* «беспокойный, тревожный», *уо-плей-тей* «ты беспокоишься, тревожишься» (ср. *плэ* «место, постель»), адыг. *быр-сыр* «шум, суматоха», *ахэр мэ-быр-сырых* «они шумят», адыг. *луэр-жъуэр* «болтун», адыг. *мэ-луэр-жъуэр* «он болтает» (ср. *луэ-н* «говорить, сказать»); каб. *хьэр-пхъуэр* «паника», *фо-хьэр-пхъуэр* «вы поднимаете панику», каб. *лэр-пхъуэр* «торопливый, суетливый», *мэ-лэр-пхъуэр* «он торопится, суетится» (ср.: *елэ-н* «дернуть, тянуть», *епхъуэ-н* «хватать, схватить»).

К явлениям конверсии по своей природе примыкают различные типы безаффиксального словопроизводства, а именно: субстантивация и вербализация основ различных частей речи.

Субстантивация основ прилагательных, приставочных глаголов и причастий является живым процессом безаффиксального словопроизводства в адыгских языках.

Так, основа адыг. *чалэ*, каб. *шалэ* «новый, молодой» без применения словообразовательных аффиксов, указывающих на принадлежность производного слова к классу существительных, изменяется по парадигме существительных. Ср.: адыг. *чалэ*, каб. *шалэ* «юноша», «парень».

Поскольку в адыгских языках категории числа, падежа, определенности и неопределенности также характерны для прилагательных, средством морфологической дифференциации прилагательного *чалэ*||*шалэ* «новый, молодой» и существительного *чалэ*||*шалэ* «юноша, парень» может служить морфологическая форма принадлежности, свойственная только одному из имен-

ных парадигматических классов, а именно: классу существительных. Естественно, что прилагательное *чалэ*||*шалэ* и существительное *чалэ*||*шалэ* различаются также с точки зрения сочетаемости с другими словами. Ср.: каб. *шалэр маклуэ* «парень идет», *нахъ шалэ дьдэр маклуэ* «самый молодой идет».

Особенно легко подвергаются субстантивации производные глагольные основы. Ср., например, адыг. *члабэ*, каб. *шлэбэ* «подкладка», адыг. *тебэ*, каб. *тебэ* «сверх» (шубы, одеяла и т. д.), адыг. *хадэ* «вставка», каб. *шлэт* «подставка», адыг. *дэлъф*, каб. *дэлъху* «брат», каб. *шъылъху* «рождение, происхождение», адыг. *тепхъуэ* «покрывало», адыг., каб. *зеклуэ* «поход, путешествие» и т. д. Все эти слова, которые имеют парадигму имен существительных, возводятся к приставочным глагольным основам. Ср.: адыг. *тепхъуэ* «покрывало», *тепхъуэ-н* «покрыть, накрыть».

В адыгских языках глагольные формы, подвергаясь субстантивации, приобретают все грамматические формы, присущие имени существительному. Например, к основам будущего времени восходят имена существительные типа адыг. *шьыгъын* (<*шьыгъыны*), каб. *шъыгъын* (<*шъыгъыны*) «одежда», адыг.-каб. *шхын* (<*шхыны*) «еда, кушанье», адыг. *тыны* «подарок», каб. *лэлъын* (<*лэлъыны*) «кольцо», *бгъэн* (<*бгъэны*) «кровля», *хъуын* (<*хъуыны*) «корм», адыг. *теплуэн* (<*теплуэны*), *техъуэн* (<*техъуэны*) «одеяло», каб. *теплэн* (<*теплэны*) «постель», адыг. *теплуэн-члэлъын* (<*теплуэны-члэлъыны*), каб. *теплэн-шлэлъын* (<*теплэны-шлэлъыны*) «постельные принадлежности», каб. *шлэсэн* (<*шлэсэнны*) «опора».

Субстантивация аналогичных форм особенно характерна для адыгейского языка.

К основам причастия настоящего времени возводятся существительные адыг.-каб. *пхъэр* (<*пхъэрэ*) «погоня», адыг.-каб. *пхыр* (<*пхырэ*) «сноп», адыг. *чъэр* (<*чъэрэ*), каб. *жэр* (<*жэрэ*) «бегун», «быстрый», адыг.-каб. *плъыр* (<*плъырэ*) «караул», «сторож», адыг.-каб. *гъуыр* (<*гъуырэ*) «сухой», адыг. *стыр* (<*стырэ*), каб. *пшътыр* (<*пшътырэ*) «горячий», адыг. *плъыр-стыр* (<*плъырэ-стырэ*) «тиф», каб. *члыр* (<*члырэ*) «высокий», *сыр* (<*сырэ*) «горечь», *луэр-вэр* (<*луэрэ-вэрэ*), *луэр-бжъэр* (<*луэрэ-бжъэрэ*) «болтливый», «болтун», адыг. *плуыр* (<*плуырэ*) «воспитанник», *блэр* (<*блэрэ*) «связка», каб. *хъар* (<*хъарэ*) «сеть».

По своим словообразовательным средствам с конверсией сближается образование статических глаголов от именных основ. Еще П. К. Услар заметил, что в абхазском языке имена используются как основы глаголов⁹⁵. Другими словами, П. К. Услар

⁹⁵ См.: П. К. Услар. Абхазский язык. «Этнография Кавказа», т. I. Тифлис, 1887, стр. 17; см. также: К. В. Ломтатидзе. Статические и динамические глаголы в абхазском языке. Сборник «Иберийско-кавказское языкознание», т. VI. Тбилиси, 1954, стр. 257.

имел в виду возможность образования статических глаголов от именных основ безаффиксальным способом. Эта особенность словообразования свойственна не только абхазскому, но и всей группе абхазско-адыгских языков.

В адыгских языках именные основы могут быть использованы без глагольных основообразующих аффиксов как основы статических глаголов. Иначе говоря, именные основы способны функционировать в парадигме статических глаголов. Ср. адыг. *сышыт* «я стою»; *сычалэ* «я юноша есть», каб. *сыштыт-шэ* «я стою», *сышалэ-шэ* «я юноша есть», адыг. *сышыт-ышэ* «я буду стоять», *сычалэ-шэ* «я буду юношей», каб. *сыштыты-нушэ* «я буду стоять», *сышалэ-нушэ* «я буду юношей», адыг. *сышыты-гэ* «я стоял», *сычал-агэ* «я был юношей» каб. *сыштыт-а-шэ* «я стоял», *сышал-ашэ* «я был юношей».

Как мы видим, имя *чалэ||шалэ* «юноша» без основообразующих аффиксов включается в парадигму статического глагола *шытыт||штытыт* «стоять». Поэтому нельзя не согласиться с мнением Г. В. Рогава, что с морфологической точки зрения *сычалэ-агэ||сышалашэ* «я был юношей» подводится под категорию статических глаголов. Ср. также: адыг. *Пыгашэм илгэ-пшыкыуых-пшыкыубл нахыбэ ыныбжыгэгэп* «Девушке не было более шестнадцати-семнадцати лет» (К. И. Рац Тембот. *Насытым йыгэуэгу*), каб. *Гэмахуэ мазэт... Махуэр уэмт, мамырыт* «Летний месяц был... День был знойный, тихий» (ШоджэнцЫкЮАлий. *Хьэжыгэгэ пугэуэ*).

В этих предложениях именные основы *ныбжэ* «возраст», *мазэ* «месяц», *уэм* «знойный», *мамыр* «тихий» без добавления глагольных словообразующих аффиксов приняли морфологическую характеристику категории времени: *ыныбжыгэгэп, мазэт, уэмт, мамырт*.

В адыгских языках возможность образования статических глаголов от именных основ способом конверсии не ограничена определенными типами слов: основа любого имени без глагольных основообразующих аффиксов может быть использована как основа статического глагола.

VI. СООТНОШЕНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ И НЕПРОИЗВОДНЫХ ОСНОВ

§ 32. Разграничение синхронии и диахронии при решении вопроса. Два направления в понимании древнейшей структуры основы в адыгских языках. В процессе исторического развития языка изменяется морфологическая структура основы. Поэтому вопрос о производности и непроизводности основы следует решить в двух аспектах: историческом и синхронном.

Отсутствие документированных письменных памятников значительно затрудняет решение данной проблемы в историческом плане. В абхазско-адыгском языкознании существуют две диа-

метральные противоположные точки зрения на древнейшую структуру основы в этих языках.

В лексическом составе адыгских языков представлено довольно большое количество односложных слов открытого исхода, имеющих форму чистой основы. Например: адыг.-каб. *из* «рука», адыг.-каб. *нэ* «глаз», адыг.-каб. *гуы* «сердце», адыг.-каб. *жыы*, каб. *жэы* «ветер», адыг. *шыуы*, каб. *фы* «хороший», адыг.-каб. *кгуэ-н* «идти», адыг.-каб. *шэ-н* «делать», адыг.-каб. *хы-н* «нести» и подобные. По мнению ряда исследователей, односложные слова этого типа представляют собой реликтовое явление, характеризующее древнейший тип структуры основы в адыгских языках. Все многосложные основы рассматриваются ими как производные, вторичные основы, образованные на базе первичных односложных основ, восходящих к древнему периоду развития адыгских языков. Теорию о первичности односложных основ открытого типа в адыгских языках впервые выдвинул Н. Ф. Яковлев в работе «Материалы для кабардинского словаря»⁹⁶. В этом труде Н. Ф. Яковлев, не делая особых теоретических выводов, называет односложные основы открытого исхода «словами-корнями первичного типа». Но в последующих работах Н. Ф. Яковлева односложные слова открытого исхода становятся основным материалом, на который опираются его теоретические выводы об историческом развитии грамматического строя и лексического состава адыгских языков. Н. Ф. Яковлев отмечает, что односложные основы открытого исхода «представляют собой уже не развивающийся далее исторический остаток»⁹⁷. Образование производных основ и словообразовательных аффиксов на базе этого древнего слоя лексики Н. Ф. Яковлев относит к более поздней эпохе, «когда на смену аморфного языка возникли агглютинация и полисинтетизм».

Противоположное мнение о древнейшей структуре основы в адыгских языках заключается в том, что основа в прошлом была осложнена, с одной стороны, префиксальным элементом, служившим морфологическим средством выражения грамматической категории класса (человека и вещей), а с другой — детерминативным суффиксом. Эта точка зрения выражена в работе Г. В. Рогава, посвященной вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских языках⁹⁸. По мнению Г. В. Рогава, в процессе длительного исторического развития адыгских языков морфологические элементы — классные показатели и суффиксы-детерминанты — отпали от основ или превратились в мертвый морфологический инвентарь. Отсюда

⁹⁶ См.: Н. Ф. Яковлев. Материалы для кабардинского словаря, вып. I. «Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога». М., 1927.

⁹⁷ Проф. Н. Ф. Яковлев, доц. Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 216.

⁹⁸ См.: Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.

имел в виду возможность образования статических глаголов от именных основ безаффиксальным способом. Эта особенность словообразования свойственна не только абхазскому, но и всей группе абхазско-адыгских языков.

В адыгских языках именные основы могут быть использованы без глагольных основообразующих аффиксов как основы статических глаголов. Иначе говоря, именные основы способны функционировать в парадигме статических глаголов. Ср.: адыг. *сышыт* «я стою», *сы-члалэ* «я юноша есть», каб. *сышытыт-шъ* «я стою», *сышлалэ-шъ* «я юноша есть», адыг. *сы-шытыт-ы-шът* «я буду стоять», *сы-члалэ-шът* «я буду юношей», каб. *сышытыты-нушъ* «я буду стоять», *сы-шлалэ-нушъ* «я буду юношей», адыг. *сы-шытыты-гъ* «я стоял», *сычлал-агъ* «я был юношей», каб. *сы-шытыт-а-шъ* «я стоял», *сышлал-ашъ* «я был юношей».

Как мы видим, имя *члалэ||шлалэ* «юноша» без основообразующих аффиксов включается в парадигму статического глагола *шытыт||шътыт* «стоять». Поэтому нельзя не согласиться с мнением Г. В. Рогава, что с морфологической точки зрения *сы-члалэгъ||сышлалашъ* «я был юношей» подводится под категорию статических глаголов. Ср. также: адыг. *Пыташъэм илъэс пшлыклубых-пшлыклубл нахъыбэ ыныбжьыгъэп* «Девушке не было более шестнадцати-семнадцати лет» (К I э р а щ Т е м б о т. *Насылым ыгъуэгу*), каб. *Гъэмахуэ мазэт... Махуэр уэмт, мамырт* «Летний месяц был... День знойный, тихий» (Щ о д ж э н ц ы к Ю А л и й. *Хъжыгъэ пуг закъуэ*).

В этих предложениях именные основы *ныбжь* «возраст», *мазэ* «месяц», *уэм* «знойный», *мамырт* «тихий» без добавления глагольных словообразующих аффиксов приняли морфологическую характеристику категории времени: *ыныбжьыгъэп, мазэт, уэмт, мамырт*.

В адыгских языках возможность образования статических глаголов от именных основ способом конверсии не ограничена определенными типами слов: основа любого имени без глагольных основообразующих аффиксов может быть использована как основа статического глагола.

VI. СООТНОШЕНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ И НЕПРОИЗВОДНЫХ ОСНОВ

§ 32. Разграничение синхронии и диахронии при решении вопроса. Два направления в понимании древнейшей структуры основы в адыгских языках. В процессе исторического развития языка изменяется морфологическая структура основы. Поэтому вопрос о производности и непроизводности основы следует решить в двух аспектах: историческом и синхронном.

Отсутствие документированных письменных памятников значительно затрудняет решение данной проблемы в историческом плане. В абхазско-адыгском языкознании существуют две диа-

метрально противоположные точки зрения на древнейшую структуру основы в этих языках.

В лексическом составе адыгских языков представлено довольно большое количество односложных слов открытого исхода, имеющих форму чистой основы. Например: адыг.-каб. *лэ* «рука», адыг.-каб. *нэ* «глаз», адыг.-каб. *гуы* «сердце», адыг. *жьы*, каб. *жьы* «ветер», адыг. *шлы*, каб. *флы* «хороший», адыг.-каб. *клуэ-н* «идти», адыг.-каб. *шлэ-н* «делать», адыг.-каб. *хьы-н* «нести» и подобные. По мнению ряда исследователей, односложные слова этого типа представляют собой реликтовое явление, характеризующее древнейший тип структуры основы в адыгских языках. Все многосложные основы рассматриваются ими как производные, вторичные основы, образованные на базе первичных односложных основ, восходящих к древнему периоду развития адыгских языков. Теорию о первичности односложных основ открытого типа в адыгских языках впервые выдвинул Н. Ф. Яковлев в работе «Материалы для кабардинского словаря»⁹⁶. В этом труде Н. Ф. Яковлев, не делая особых теоретических выводов, называет односложные основы открытого исхода «словами-корнями первичного типа». Но в последующих работах Н. Ф. Яковлева односложные слова открытого исхода становятся основным материалом, на который опираются его теоретические выводы об историческом развитии грамматического строя и лексического состава адыгских языков. Н. Ф. Яковлев отмечает, что односложные основы открытого исхода «представляют собой уже не развивающийся далее исторический остаток»⁹⁷. Образование производных основ и словообразовательных аффиксов на базе этого древнего слоя лексики Н. Ф. Яковлев относит к более поздней эпохе, «когда на смену аморфного языка возникли агглютинация и полисинтетизм».

Противоположное мнение о древнейшей структуре основы в адыгских языках заключается в том, что основа в прошлом была осложнена, с одной стороны, префиксальным элементом, служившим морфологическим средством выражения грамматической категории класса (человека и вещей), а с другой — детерминативным суффиксом. Эта точка зрения выражена в работе Г. В. Рогава, посвященной вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских языках⁹⁸. По мнению Г. В. Рогава, в процессе длительного исторического развития адыгских языков морфологические элементы — классные показатели и суффиксы-детерминанты — отпали от основ или превратились в мертвый морфологический инвентарь. Отсюда

⁹⁶ См.: Н. Ф. Яковлев. Материалы для кабардинского словаря, вып. I. «Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога». М., 1927.

⁹⁷ Проф. Н. Ф. Яковлев, доц. Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 216.

⁹⁸ См.: Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.

Г. В. Рогава относительно адыгских односложных основ с открытым исходом делает следующий вывод: «...то, что в этих языках в настоящее время представлено в простом виде, в виде односложных основ типа открытого слога (*нэ* «глаз», *пэ* «нос», *ла* «рука» и т. д.), является результатом сложного процесса развития, приведшего к утрате ряда основных грамматических категорий и вместе с тем сильного изменения фонетического облика языка»⁹⁹.

Таким образом, одни исследователи считают односложные основы с открытым исходом прототипом древнейшей структуры основы в адыгских языках. Напротив, другие исследователи полагают, что в этих языках, как и в других иберийско-кавказских языках, современные односложные основы исторически были осложнены показателями грамматических классов и суффиксами-детерминантами.

Категория грамматических классов относится не к инновациям, а к древнейшим грамматическим явлениям. В современных адыгских языках отсутствует категория классов, но она действует в абхазском и абазинском языках. А генетическое единство абхазско-адыгских языков не подлежит сомнению. Нам представляется, что одного этого факта вполне достаточно для того, чтобы положительно решить вопрос об историческом наличии категории грамматических классов в адыгских языках.

§ 33. Изменения в морфологической структуре основы. Различия между адыгскими языками в синхронном строении основы. При исследовании словообразования следует учесть изменения в морфологической структуре основы и отграничить архаичные, реликтовые типы словопроизводства от живых, продуктивных типов, характеризующих современное состояние языка. С точки зрения современной системы словообразования основы с древними классными показателями являются производными, хотя их членимость подтверждается данными диалектов и родственных языков. Например, в современных адыгских языках слово *мэшьы*||*мэш* «просо» неразложимо на составные части, так как в них не сохранилась соотносительная производная основа. Но производность этого слова доказывается наличием производной основы *а-ча* «хлеб» в абхазском языке. В этом слове, как и в ряде других слов (например: адыг. *мэкъуы*, каб. *мэкъу* «сено», адыг. *мафэ*, каб. *махуэ* «день» и др.), этимологически выделяется префикс *м-*, который в прошлом выполнял роль основообразующего элемента.

Не всегда одинаково решается вопрос о разграничении производных и производных основ в адыгских языках. Многие слова, не поддающиеся членению с точки зрения современных словообразовательных связей кабардинского языка, оказываются прозрачными по своему составу в адыгейском языке.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих неустойчивость границы между отдельными морфемами слова.

Слова *уыжъгъэ* «просорушка», *уыжъгъын* «рушить просо» в современном кабардинском языке потеряли способность делиться на отдельные морфемы в результате изменения фонетического облика производящей основы. Трудно было бы связать корневой элемент этих слов со словом *жъыгъей* «мелочь», если бы в адыгейском языке не было представлено слово *уыжъгъейын* «рушить просо». Данные адыгейского языка свидетельствуют о том, что *уыжъгъэ* «просорушка», *уыжъгъын* «рушить просо» образованы от основы имени *жъыгъей* «мелочь», «мелкий». Элемент *уы* в этих словах представляет собой префикс, образующий от именных основ глаголы со значением «делать так, как указано в именной основе». Ср.: каб. *уыжъгъын* «рушить просо», «делать мелким», *уышъэбын* «крошить», «размолоть», «делать мягким», *уыпэлъын* «заострить», «делать острым».

Фонетические и семантические процессы обусловили изменения словообразовательной структуры кабардинского слова *бжъэхуыц* «хлопок». Путем сравнения с адыгейским языком удается установить, что это слово образовано посредством сложения трех корневых элементов: *бзыу* «птица» + *цы* «шерсть» + *ху* «белый», букв.: «птичья белая шерсть», ср.: адыг. *бзыуцыф* «хлопок». Семантические изменения этого слова настолько сильны, что современное значение не выводится из этимологического состава основы. А фонетические изменения — переход звонкого спиранта *з* в шипящий свистящий спирант *жъ* и перестановка последних двух компонентов — также затемнили первоначальный звуковой облик этого сложного слова.

Каб. *хъэшъхъэрълуэ* «бешеный, бешеная собака» образовано сложением основ *хъэ* «собака» + *шъхъуэ* «яд, отравка» + *луэ* «рот», букв.: «собака, во рту которой находится яд». Ср.: адыг. *хъэшъхъуэрълу* «бешеный, бешеная собака».

Каб. *уыншълыуын*||*уыпшълыуын* «остыть, остывать» восходит к *уы-шълыэ-н*. Это слово образовано с помощью словообразовательного префикса *уы-* от основы имени *шълыэ* «холод»; в слове *уыншълыуын*||*уыпшълыуын* элементы *н*, *п* — наращение. Ср.: адыг. *уцъылыгъэ*, *къэуыцъылыгъэ* (*цъылыэ* «холод»).

Каб. *шъхъэуыкъуэн* «дремать» состоит из *шъхъэ* «голова» и *уыкъын* «раскрыть, открыть».

Ср.: адыг. *шъхъэуыкъуэн* «дремать».

Адыг. *шъуынч* < каб. *чъыф* «темнота»; элемент *шъу*, *ф* генетически связан с основой *шъуыцълэ*||*фъыцълэ* «черный»; перед *ч* согласный *н* — наращение.

Ср.: каб. *уынчъыфъын*, *уыфъынчъын* «гаснуть», «тухнуть». Адыг. *натрыф* «кукуруза» < *нарт* + *фы* «нартовское просо»; ср.: каб. *нартыху*.

В основе изменения каб. *пылэ* «шапка», *уыншълыуын* «остыть», *шъхъэуыкъуэн* «дремать», *чъыф* «темнота», адыг.

⁹⁹ Г. В. Рогава. Там же, стр. 116.

натрыф «кукуруза» лежат фонетические процессы: в слове *пыйэ* имеет место делабиализация ларингального абруптива *ly*; напротив, в словах *уыншылуын*, *шгхъэуыктуэн* абруптивные согласные *l* и *kъ* подверглись лабиализации; в каб. *чыфl*, адыг. *натрыф* произошла перестановка звуков внутри слова.

Из приведенных примеров мы видим, что в результате морфологических, фонетических и семантических процессов разложимое, производное слово превращается в неделимое, неизменяемое. Выяснение структуры слов, потерявших способность делиться на составные части на данном этапе развития языка, очень важно для исследования словообразования. Словообразовательный анализ, при котором учитываются данные живых диалектов и родственных языков, вскрывает непродуктивные, недействующие словообразовательные типы, выявляет морфологическое строение основы в прошлом и, следовательно, устанавливает историю образования и происхождения слова. Анализ словообразовательных процессов с учетом истории языка становится одним из основных принципов этимологического исследования. К установлению производности и непроизводности основы и к анализу ее морфологического строения в сущности сводится одна из основных задач научной этимологии. Нельзя не вспомнить в этой связи слова В. Пизани: «Чтобы дать этимологию слов со стороны формальной, — пишет В. Пизани, — необходимо иметь в виду нормальные способы образования слов и их значение в отдельных языках, а также знать, какие типы словообразования возможны в условиях соответствующего места и времени»¹⁰⁰.

VII. ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОСНОВ

§ 34. Способы образования основ. В адыгских языках существуют следующие основные способы образования производных основ:

а) Сложение, например: *атэшыпхту*, каб. *адэшыпхту* «тетя по линии отца» (адыг. *ты*, каб. *адэ* «отец», адыг.-каб. *шыпхту* «сестра»), адыг. *штбуэушыгыгту*, каб. *фошыгыгту* «сахар» (адыг. *штбуэу*, каб. *фо*, *фэу* «мед», адыг. *шыгыгту*, каб. *шыгыгту* «соль»), адыг. *псыцу* «буйвол» (*псы* «вода», *цуы* «вол»), каб. *хыс* «буйвол» (*хы* «море», *вы* «вол»), адыг. *чэмышь*, каб. *жэмьш* «доярка» (адыг. *чэмы*, каб. *жэм* «корова», адыг. *шыын*, каб. *шын* «дойти»), адыг. *чэткъаз*, каб. *джэдкъаз* «домашняя птица» (адыг. *чэты*, каб. *джэд* «курица», адыг.-каб. *къаз* «гусь»), адыг. *гуышыбылэ* «слово», *гуышыбылэ-н* «говорить», каб. *гушыылэ* «шутка», *гушыылэ-н* «шутить».

б) Сложение с редупликацией, например: адыг. *къыхъ-нихъ*, каб. *къышлхъэ-нышлхъэ* «посетители»

(адыг. *къыхъан*, каб. *къышлэхъэн* «входить сюда», каб. *нихъэн* «входить туда»), адыг. *бзэджэ-надж*, каб. *бзаджэ-наджэ* «скверный, плохой» (адыг., каб. *бзаджэ* «злой»), адыг. *нэку-нэпс* «слезы» (адыг. *нэку* «глазное яблоко»), каб. *зактуэ-тлактуэ* «редкость, редкий» (адыг.-каб. *зактуэ* «одинокий, единственный»), адыг. *лээжэту-лээжэту*, каб. *лээв-лээв* «тесный» (адыг. *зэжэту*, каб. *зэв* «узкий»), адыг. *гуыгту-псыгту*, каб. *гуыгту-сыгту* «трудный, сопряженный с трудностями» (адыг., каб. *гуыгту* «трудный»), адыг. *ныктуэ-тыктуэ*, каб. *ныктуэ-дыктуэ* «инвалид, калека» (адыг.-каб. *ныктуэ* «половина»).

в) Инкорпоративный, т. е. включение самостоятельных глагольных основ в состав производной (прерывистой) основы, например: адыг. *хэ-тлыс-хъа-н*, каб. *хэ-тлыс-хъэ-н* «сесть во что-либо», (ср.: каб. *хэ... хъэ-н* «войти», адыг., каб. *тлысы-н* «сесть, садиться»), адыг.-каб. *кы-хэ-пшы-чы-н* «торчать, выдаваться из чего-либо» (ср.: адыг., каб. *кы-хэ... чы-н* «выходить сюда»), *пшы-н* «торчать», адыг. *зэфэ-шьэ-сы-н*, каб. *зэхуэ-шэ-сы-н* «собирать, свозить в одно место» (адыг. *зэфэ... сы-н*, каб. *зэхуэ... сы-н* «собратся», адыг. *фы-н*, каб. *хуы-н* «гнать»), адыг. *нэ-шьэ-сы-н*, каб. *нэ-шэ-сы-н* «доставить, донести» (адыг., каб. *нэ... сы-н* «дойти», адыг. *шьэ-н*, каб. *шэ-н* «вести, везти»).

г) Префиксальный, например, адыг. *гъэлэжээн*, каб. *гъэлэжээн* «работать заставить» (адыг. *лэжээн*, каб. *лэжээн* «работать»), адыг. *фэшлын*, каб. *хуэшлын* «делать для кого-либо» (адыг.-каб. *шлын* «делать»), адыг.-каб. *дэхьын* «нести вместе с кем-либо» (адыг.-каб. *хьын* «нести»), адыг.-каб. *зэдэклуэн* «идти совместно» (адыг.-каб. *клуэн* «идти»), адыг.-каб. *теплээн* «смотреть на поверхность чего-то» (адыг.-каб. *плээн* «смотреть»), адыг.-каб. *йытын* «стоять внутри» (адыг. *шы-тын*, каб. *шты-тын* «стоять»), адыг. *уышхуэнтлын*, каб. *уышхуэнтлын* «синеть, посинеть» (адыг. *шхуэнтлэ*, каб. *шхуэнтлэ* «синий, зеленый»).

д) Суффиксальный, например, адыг.-каб. *лы-гъэ* «мужество» (адыг.-каб. *лы* «мужчина»), адыг.-каб. *гъуынэгъу* «сосед» (адыг.-каб. *гъуынэ* «край, сторона»), адыг. *уэшьхыл*, каб. *уэшьхылэ* «дождливый» (адыг. *уэшьхы*, каб. *уэшьх* «дождь»), адыг. *члакуэ*, каб. *члагуэ* «короткий, куцый» (адыг.-каб. *члэ* «хвост»), адыг. *тлочлэрэ*, каб. *тлошлэрэ* «двадцать раз» (адыг. *тлочлы*, каб. *тлошл* «двадцать»), адыг.-каб. *дахэу* «красиво» (адыг.-каб. *дахэ* «красивый»).

е) Безаффиксальный, например: адыг. *члалэ*, каб. *шлалэ* «юноша, парень» (адыг. *члалэ*, каб. *шлалэ* «новый, молодой»), каб. *чыкылу* «малыш» (адыг., каб. *чыкылу* «маленький»), адыг. *пскэ*, каб. *псчэ* «кашель» (адыг. *пскэ-н*, каб. *псчэ-н* «кашлять»), адыг. *тыгтуэ*, каб. *дыгтуэ* «воровство, кража», каб. *дыгтуэ* «вор» (адыг. *тыгтуэн*, каб. *дыгтуэн* «воровать, красть»), адыг., каб. *хэбычl* «вышивка» (адыг., каб. *хэбычлы-н* «выши-

¹⁰⁰ В. Пизани. Этимология. М., 1956, стр. 104.

вать»), адыг., каб. *теплэ* «вид, внешность» (адыг., каб. *теплэ-н* «смотреть на что-либо»), адыг. *члэбз*, каб. *шлэбзэ* «подкладка» (каб. *шлэбзэ-н* «подшить, подшивать»).

ж) Фонетический, т. е. осуществляемый с помощью чередования звуков, например: адыг. *тфэ*, каб. *тхуэ* «пять раз» (адыг. *тфы*, каб. *тхуы* «пять»), адыг. *пшлэ*, каб. *пшлэ* «десять раз» (адыг. *пшлы*, каб. *пшлы* «десять»), адыг.-каб. *йыдзы-н* «выбросить», *йыдзэ-н* «бросить внутрь чего-либо» (*дзы-н* «бросить»), адыг. *хэшбы-н*, каб. *хэшы-н* «вывести, вывезти», адыг. *хэшэ-н*, каб. *хэшэ-н* «ввести, ввезти» (адыг. *шэ-н*, каб. *шэ-н* «вести, везти»), адыг., каб. *йылгы-н* «выпрыгнуть», *йылгэ-н* «впрыгнуть» (*лгэ-н* «прыгать»).

Образование новых основ очень часто сопровождается фонетическими изменениями. Так, при образовании именных основ с помощью суффикса *-куэ||-гуэ*, как правило, гласные основы *э* и *ы* изменяются в гласный *а*. Например, адыг. *цакуэ*, каб. *дзагуэ* «тупой, неострый», ср.: адыг. *цэ*, каб. *дзэ* «зуб», адыг. *кэуакуэ*, каб. *бжэакуэ*, каб. *кэуагуэ* «однорогий», ср.: адыг. *бжэ* «рог», каб. *кэуы* «ручка». Фонетические изменения сопутствуют и префиксальному образованию основ. Например: адыг.-каб. *уышэбын* «размягчить, размягчиться», «делать мягким», адыг., каб. *шэбэ* «мягкий», адыг.-каб. *уыкэбзын* «чистить», адыг. *сэ-уыкэбзы*, каб. *со-уыкэбз* «чищу», ср.: адыг.-каб. *кэабзэ* «чистый». Здесь нет надобности подробно останавливаться на всех фонетических изменениях, связанных с аффиксальным образованием производных основ. Но отметим, что подобные фонетические изменения — а они очень характерны для адыгских языков — показывают, что тип образования основ, который традиционно называют аффиксальным, во многих случаях в сущности оказывается морфолого-фонетическим образованием в адыгских языках. Еще более значительны фонетические изменения, которые происходят при сложении основ. Например, каб. *мэлыл* «баранина», ср.: *мэл* «овца», *лы* «мясо», каб. *шэныфлэ* «воспитанный», ср.: *шэ-н* «нрав, характер», *флы* «хороший», адыг. *шыкуау* «кучер, ездовой», ср.: *шыкуы* «телега», *уэ-н* «бить», каб. *лэгуауэ* «аплудисменты», ср.: *лэгу* «ладонь», *уэ-н* «бить», адыг. *лэкэуацл* «фамилия», ср.: *лакэуэ* «род», *цлэ* «имя», адыг. *члэкэуэзехэ* «денщик, слуга», ср.: *члакэуэ* «бурка», *зехэ-н* «носить».

Фонетические изменения при основосложении крайне разнообразны. То, что сказано выше о звуковых явлениях при слиянии именной синтаксической группы, может быть полностью отнесено также к звуковым явлениям при сложении именных основ.

Глава вторая

ИМЯ

(Существительное и прилагательное)

§ 35. Вводные замечания. Как отмечалось выше, в древний период для имен была характерна категория классов, которая выражалась префиксальными элементами. В современных адыгских языках префиксальный способ образования имен (за исключением единичных случаев) отсутствует в системе словообразования. В сфере имен действует суффиксальное словообразование, но оно не получило широкого распространения.

В противовес слабому развитию аффиксального словообразования в системе имен активно действуют другие словообразовательные типы. Например, в адыгских языках нет ни одного продуктивного аффикса, образующего названия лиц. Для образования названия лиц по профессии, по роду занятий применяются конверсия и сложение. Ср.: адыг.-каб. *гэуычлэ* «кузнец» (адыг. *сэ-гэуычлэ*, каб. *со-гэуычлэ* «я занимаюсь кузнечным делом»), адыг. *пшэрыхэ*, каб. *пшэафлэ* «повар» (адыг. *сэпшэрыхэ*, каб. *с-о-пшэафлэ* «я готовлю пишу»), адыг. *шаклуэ*, каб. *шэаклуэ* «охотник» (адыг. *сэ-шаклуэ*, каб. *с-о-шэаклуэ* «я охотничю»), адыг. *члэлэеджаклуэ*, каб. *еджаклуэ* «учитель», адыг. *члэлэеджаклуэ*, каб. *еджаклуэ* «ученик», *мэкэумэшышлэ* «крестьянин». Названия лиц, обозначающие принадлежность их к какой-нибудь народности, происхождение из страны, города и места, образуются также конверсией, основосложением или синтаксическими средствами. Ср.: адыгэ «адыгеец, адыгейка, кабардинец, кабардинка», адыгэ *цлыхуыбз*, «адыгейка», букв.: «адыгская женщина», грузин *цлыхуыбз* «грузинка», букв.: «грузинская женщина», каб. *кэалэдэс* «горожанин», букв.: «в городе сидящий», *кэуажэдэс* «селянин, житель села», букв.: «в селе сидящий». Так как в адыгских языках отсутствует категория рода, способы образования названий лиц женского пола те же, что и способы образования названий лиц мужского пола. Ср.: адыг. *члэлэеджаклуэ*, каб. *еджаклуэ* «ученик, ученица».

Животные имеют общее название, обозначающее самца и самку. Ср.: адыг. *тыгъуыжъ*, каб. *дыгъуыжъ* «волк, волчица», адыг.-каб. *мышъэ* «медведь, медведица». Но для различения самцов и самок животных используется не суффиксация, а словосложение. Посредством сложения общего названия животного и слова *хъуы* «самец» образуются названия животного — самца. Ср.: адыг. *тыгъуыжъыхъу*, каб. *дыгъуыжъыхъу* «волк» (самец), адыг.-каб. *къазыхъу* «гусак». Для обозначения самок животных к общему названию присоединяется слово *ан|анэ* «мать». Ср.: адыг. *тыгъуыжъан*, каб. *дыгъуыжъанэ*, адыг. *къазан*, каб. *къазанэ* «гусыня».

В ряде случаев названия самцов и самок образуются лексическим способом. Ср.: адыг. *ачъэ*, каб. *ажэ* «козел», адыг. *пчэны*, каб. *бжэн* «коза». Для дифференциации самцов и самок животных иногда используются лексические и словообразовательные средства. Ср.: адыг. *алашэ* «мерин», каб. *алашъэ* «конь», *шыбз* «кобыла».

Имена существительные, обозначающие молодых животных, детенышей, образуются путем сложения основ. Ср.: адыг. *хъэшыр*, каб. *хъэшыр* «щенок», адыг. *шычлэ*, каб. *шышлэ* «жеребенок». Исключение составляет слово адыг. *чэтжъый*, каб. *джэджъей* «цыпленок».

В адыгских языках также немногочисленны суффиксы, образующие названия предметов и слова с отвлеченным значением. В образовании имен, относящихся к этой группе, главную роль играют словосложение и другие словообразовательные способы. Ср.: каб. *зытхъэшыллэ* «умывальник», адыг.-каб. *мэлыл* «баранина», адыг. *гуыпшыс*, каб. *гуыпсысэ* «мысль, дума» (адыг. *сэ-гуыпшыс*, каб. *согуыпсысэ* «думаю, мыслю»).

Словообразовательные суффиксы, выражающие так называемую эмоциональную оценку (значение уменьшительности, увеличительности, ласкательности, пренебрежительности), также составляют небольшое количество в адыгских языках. Для выражения эмоциональной оценки широко используется словосложение. Ср.: адыг. *члэлэцлыклу*, каб. *шлэлэцлыклу* «мальчик», адыг. *члэлэжъцлыклу*, каб. *шлэлэжъцлыклу* «мальчишка, парнишка», адыг. *члэлэжъ*, каб. *шлэлэжъ* «парняга».

Для адыгских языков не характерно образование имен путем полной редупликации основы. Но в этих языках, как уже отмечалось, продуктивным способом образования имен является сложение с редупликацией части первого или второго компонента. Ср.: адыг. *къыхъ-нихъ*, каб. *къышыхъэ-нышыхъэ* «посетители», букв.: «входящий — выходящий», адыг., каб. *лэнцлэ-лбанцлэ* «бедно одетый» (адыг., каб. *лбанцлэ* «босой», *лэнцлэ* — не имеет самостоятельного значения).

1. ОБРАЗОВАНИЕ СЛОЖНЫХ ИМЕН

§ 36. Вопрос о классификации сложных слов в советском языкознании. Разграничение словообразовательной модели и морфемной структуры слова, а также выявление границ между сложным словом и смежными с ним языковыми единицами позволяют пересмотреть общепринятое определение сложного слова как непременно следствия основосложения (см. §§ 9—17). В связи с этим встает вопрос о классификации сложных слов.

В лингвистической литературе стало традицией деление сложных слов по синтаксическим признакам. Эта классификация, предложенная немецкими младограмматиками, строится на взаимоотношении компонентов сложных слов. Согласно этой классификации в описательных грамматиках и специальных исследованиях, посвященных словообразованию различных языков, сложные слова обычно разделяют на подчинительные (*Determinativkomposita*) и сочинительные (*Kopulativkomposita*).

Подчинительные, или, как их еще называют, определительные сложные слова, образованы по типу подчинения, т. е. один из компонентов сложного слова уточняет значение другого компонента. Ср., например: адыг. *нэпсы*, каб. *нэпс* «слеза» (адыг., каб. *нэ* «глаз», «глазной» + адыг., каб. *псы* «вода»), адыг., каб. *анэшыпхъу* «тетя по материнской линии» (адыг. *ан*, каб. *анэ* «мать, материнский» + адыг., каб. *шыпхъу* «сестра»).

Сочинительные сложные слова образованы по принципу соположения компонентов. Ср., например: адыг. *лэу-чэцл* «дичь» (*лэу* «поросенок» + *чэцл* «козленок»), каб. *джэд-къаз* «домашняя птица» (*джэд* «курица» + *къаз* «гусь»).

Классификация сложных слов по типу синтаксической связи применяется, хотя и очень непоследовательно, некоторыми адыговедами, в частности Д. А. Ашхамафом, Н. Ф. Яковлевым, Г. Ф. Турчаниновым и М. Цаговым.

Деление сложных слов на подчинительные и сочинительные имена, ставшее в советской лингвистической литературе уже общепринятым, не отражает ни словообразовательной структуры, ни лексико-грамматической природы сложных слов. Кроме того, нужно отметить, что перенесение в лексику чисто синтаксических терминов, в особенности термина «подчинение», не является вполне оправданным. Как было сказано выше (см. § 12), между компонентами сложного слова нарушаются синтаксические связи, характерные для словосочетания.

§ 37. Способы образования сложных слов. Сложные слова прежде всего следует классифицировать по словообразовательным признакам.

а) Согласно общепринятому определению, сложным называется слово, образованное путем сложения (объединения) двух или более основ или слов. Это определение не учитывает того

факта, что сложное слово, т. е. слово со сложной основой, может быть образовано не только путем сложения. Иначе говоря, это определение основано на неразличении (точнее — смешении), с одной стороны, основообразования и словообразования, а с другой — словообразовательной модели и морфемной структуры слова. Кроме того, положение о том, что сложное слово является непременно продуктом основосложения или словосложения, исключает возможность образования сложных слов на базе сочетания различных синтагм. Между тем, как мы увидим ниже, соединение синтагм, в частности двух атрибутивных комплексов, представляет собой один из действующих типов образования сложных слов в адыгских языках. Факт этот никак не согласуется с распространенным мнением о том, что в словообразовании могут участвовать только основы слов. Как известно, это мнение имеет широкое хождение среди советских индоевропеистов (см. работы: К. А. Левковской, Н. В. Раевского, Н. А. Филипповой и др.).

б) Выше уже отмечалось, что глаголы типа *пхэшиэн* «плотничать», хотя имеют сложную основу (ср.: *пхэ* «дерево», *шэ-н* «делать»), образованы не путем сложения, а морфолого-синтаксическим способом словообразования, т. е. способом конверсии. В результате сложения образуется не глагол, т. е. не слово, соотношенное с определенным парадигматическим классом, а основа, которая способна выступать в различных парадигматических классах. Ср.: *пхэшилэ!* «плотничай!», *мэ-пхэшилэ* «он плотничает», *пхэшилэ-р* «плотник» (определенный, известный). Вопрос о конверсии уже освещен, и на нем можно не останавливаться (см. § 9). Очевидно, что слова, образованные от сложных основ, соотносительных по конверсии, отличаются по типу образования от слов, образованных с помощью сложения.

в) Слово *тхэакуымчыхь* || *тхэакуымэчыхь* «заяц», приводившееся выше, с морфологической точки зрения является сложным, т. е. имеет сложную основу (*тхэакуым* || *тхэакуымэ* «ухо», *чыхь* || *чыхь* «длинный»). На этом основании слова типа *тхэакуымчыхь* || *тхэакуымэчыхь* считаются образованными путем сложения. На самом деле такое мнение ошибочно. Сложные слова этого типа созданы не путем сложения, а возникли на базе готовых двухкомпонентных синтаксических единиц. Иначе, с помощью сложения образованы атрибутивные комплексы, а соотносительные сложные слова образованы семантическим способом словообразования, т. е. путем метафорического пересмысления определительного значения и превращения его в наименование определенного понятия. Факт этот нельзя отождествлять с явлением обычной субстантивации, поскольку мы имеем дело не с переходом знаменательных частей речи в разряд существительных, а с образованием слова на базе готовой синтаксической единицы, созданной путем сложения. Но типы

сложных слов, образованных семантическим способом, разнообразны.

г) Слова типа адыг., каб. *пхэшыхь-мышыхь* «фрукты» по своей структуре относятся к сложным словам. Однако эти слова образованы не путем сложения основ. Сложное слово *пхэшыхь-мышыхь* непосредственно состоит из двух синтаксически однотипных и равноправных атрибутивных комплексов: *пхэшыхь*, букв.: *пхэ* «дерево» + *шыхь* «голова», *мышыхь*, букв.: *мы* «яблоко» (дикое) + *шыхь* «голова». При этом сложение атрибутивных комплексов соединяется с редупликацией постпозитивного члена *шыхь* «голова».

По своей морфологической структуре сложные слова, образованные путем сложения с редупликацией, могут быть очень разнообразными. Так, например, в адыгских языках образование подавляющего большинства копулятивных типов сложных слов сопровождается редупликацией части первого или второго компонента сложного слова. В качестве компонентов сложных слов выступают не только основы знаменательных слов, но и различные синтаксические группы, звукоподражательные слова, семантически незначимые элементы и т. д. Ср.: адыг. *Ишэ-шэуаш*, каб. *Ишэ-фашэ*, букв.: «оружие — наряд», адыг., каб. *Иэгъуым-лэгъуым* «толстый», букв.: «толстая рука — толстая нога», адыг. *члахь-лэхь*, каб. *чыхь-лыхь* «длительный, затяжной», адыг. *члахь*, *чыхь*, каб. *чыхь* «длинный», *лэхь* || *лыхь* не имеет самостоятельного значения, каб. *бэлу-тлэлу* «несчастье, неблагополучие» состоит из семантически незначимых элементов, адыг. *чымы-сымы* «безмолвный» состоит из семантически незначимых элементов — двух звукоподражательных слов.

Термины «основосложение», «словосложение» не применимы ко всем словам, входящим в эту группу. Но все эти морфологически неоднородные слова объединяются тем, что они образованы путем сложения с редупликацией части одного из компонентов слова.

д) Слова типа *пхэуэ-рэ-лэф* || *пхэуы-ры-лэху* «племянник, племянница» причисляются к сложным словам, образованным путем сложения основ. Между тем вряд ли имеет смысл обсуждать, представляет ли собой слово *пхэуырылэф* || *пхэуырылэху* «племянник, племянница» чистое сложение двух основ. Элемент *-ры-* в этом слове является значимой единицей, подобно элементам *пхэуы* «дочь» и *-лэф* || *лэху* < *лэфэ-н* || *лэхуэ-н* «родить, рожать». Иначе говоря, *-ры-* является морфемой, а не пустым звуковым комплексом. Слова типа *пхэуырылэф* || *пхэуырылэху* образованы комбинированным путем, т. е. с помощью сложения и соединительной морфемы.

Разумеется, к комбинированному типу образования сложных слов не могут быть отнесены такие слова, как *бэджыхь* «паутина», в которых появление гласного *ы* между основами

обусловлено фонетически. Гласный **ы** в этих словах неправильно также возводить генетически к именному окончанию, поскольку его можно встретить и в сложных словах, компоненты которых относятся к новейшей заимствованной лексике. Ср. также: образования типа *авторитетышхуэ* «большой авторитет», (каб.) *авторыгъэ* «авторство», *аграномышлэ* «новый агроном» и т. д.

е) С точки зрения словообразования от сложных слов комбинированного типа отграничиваются сложные слова, образованные путем чистого сложения основ. Выражение «чистое сложение» не означает, что при образовании сложных слов не происходит каких-либо фонетических изменений слагаемых основ. Напротив, сложение основ, как и другие типы образования сложных слов, нередко сопровождается фонетическими изменениями. Ср.: адыг. *мэзпэс* «лесник» (*мэзы* «лес», *пэсы-н* «сидеть возле кого-, чего-н.»), *гъуэплъашл* || *гъуэплъашлэ* «медник» (адыг., каб. *гъуапльэ* «медь», адыг., каб. *шлы-н* «делать»), адыг. *мэшлуэку*, каб. *мэфлэгу* «поезд» (адыг. *машлуэ*, каб. *мафлэ* «огонь», адыг. *куы*, каб. *гуы* «арба, телега»).

ж) Итак, сложные слова различаются с точки зрения словообразования. В соответствии со сказанным в адыгских языках могут быть выделены следующие способы образования сложных слов:

1. Сложение.
2. Сложение с соединительной морфемой.
3. Сложение с редупликацией.
4. Морфолого-синтаксический способ, т. е. конверсия.
5. Семантический способ.

Разумеется, в других языках существуют и другие способы образования сложных слов и, может быть, отсутствует тот или иной из указанных способов. Однако какие бы типы и способы создания новых слов не существовали в том или ином языке, недопустимо отнесение к явлениям основосложения любого слова со сложной основой, как это делается по традиции в многочисленных научных грамматиках языков народов СССР. Бывают различные способы образования слов вообще и сложных слов, в частности. Основосложение представляет лишь один из способов образования сложных слов. Что же касается структурных типов (морфологического строения) сложных слов, то они в зависимости от структуры языка могут быть крайне разнообразными.

II. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СЛОЖНЫХ ИМЕН

Ниже дается характеристика структурных типов сложных имен, образованных различными словообразовательными способами.

§ 38. Сочетание основ существительного и глагола. Данный тип сложных слов является наиболее продуктивным и распро-

страненным в адыгских языках. По своему значению эти сложные слова разделяются на три основные группы.

1) Названия лиц по профессии, по роду занятий, по социальной принадлежности, по месту жительства и т. д.: адыг. *мэзпэс*, каб. *мэзхъуымэ* «лесник», (адыг.-каб. *мэз* «лес», адыг. *пэсын* «сидеть перед кем-, чем-либо», каб. *хъуымэн* «охранять», «сторожить»), адыг. *чэмышь*, каб. *жэмыш* «дояр», «дойрка» (адыг. *чэмы*, каб. *жэм* «корова», адыг. *шыын*, каб. *шын* «дойти»), адыг.-каб. *сурэттех* «фотограф» (адыг.-каб. *сурэт* «рисунок, картина, снимок», адыг.-каб. *техын* «снять, снимать»), адыг. *пшыынау*, каб. *пшыынауэ* «гармонист, гармонистка» (адыг. *пшыын*, каб. *пшыынэ* «гармонь», «баян», адыг.-каб. *еуэн* «бить», перен. «играть»), адыг. *мэкъу-мэшышл*, каб. *мэкъу-мэшышлэ* «крестьянин, крестьянка» (адыг. *мэкъу-мэшь*, каб. *мэкъу-мэш* «сельское хозяйство», адыг.-каб. *шлэн* «делать»), каб. *луэхуышлэ* «служащий» (каб. *луэху* «дело», *шлэн* «делать»).

В этой группе сложных существительных выделяются следующие продуктивные компоненты, соответствующие по своей функции именным словообразовательным суффиксам:

а) Адыг.-каб. *шл(э) < шлэ-н* «делать». Например: адыг. *уэнашл*, каб. *уэнашлэ* «седельник», «мастер, изготовляющий седла» (адыг. *уан*, каб. *уанэ* «седло»), адыг. *гъуэплъашл*, каб. *гъуэплъашлэ* «медник» (адыг.-каб. *гъуапльэ* «медь»), адыг. *шыазмашлэ*, каб. *шырыкъуышлэ* «сапожник» (адыг. *шыазмэ*, каб. *шырыкъу* «сапог, сапоги»), адыг. *сыхъатышл*, каб. *сыхъэтышлэ*, *сыхъэтышлыж* «часовщик» (адыг. *сыхъат*, каб. *сыхъэт* «часы»), каб. *сурэтышл* «художник, живописец» (*сурэт* «картина, рисунок, снимок»), адыг. *садышл* «садовод», адыг. *шгуашлэ*, каб. *фашлэ* «кожевник» (адыг. *шгуэ*, каб. *фэ* «кожа»), адыг. *сатууышл* «торговец» (*сату* «торговля»).

б) Адыг. *-у(э)*, каб. *-уэ < уэ-н* «бить». Например, адыг. *уэтау*, каб. *уэтауэ* «молотобоец» (адыг. *уатэ*, каб. *уадэ* «молот, молоток»), адыг. *шгуэндырбау*, каб. *бэрэбэнауэ* «барабанщик» (адыг. *шгуэдырбэ*, каб. *бэрэбанэ* «барабан»), адыг. *шыкуау* (каб. *шыгуыху*) «возница, кучер, ездовой» (адыг. *шыку* «телега»), каб. *вауэ*, *вэуэл* «погонщик волов во время пахоты» (каб. *вы* «вол»); ср., также: адыг. *лэгуау* «мяч» (адыг.-каб. *лэгу* «ладонь»), каб. *лэгуауэ* «аплодисменты, рукоплескания, хлопанье в ладоши», «тот, кто хлопает в ладоши во время танца», адыг. *лэгутеу* «аплодисменты, рукоплескания», адыг. *псыхау*, каб. *псыхэуэ* «цапля» (адыг.-каб. *псы* «вода», адыг.-каб. *хэуэ-н* «бить куда-либо, во что-либо»).

в) Адыг. *-зехь(э)*, каб. *-зехьэ < адыг.-каб. зехьэ-н* «носить»; адыг. *-зешь(э) < зешьэ-н* «возить», каб. *-зешэ < зешэ-н* «возить». Например: адыг. *быракъзехь*, каб. *бэракъзехьэ* «знаменосец» (адыг. *быракъ*, каб. *бэракъ* «знамя»), адыг. *кэбарзехь*, каб. *хыбарзехьэ* «вестник» (адыг. *кэбар*, каб. *хыбар* «известие, сообщение»), адыг. *письмэзехь*, каб. *письмозехьэ* «письмо-

носец, почтальон» (адыг. *письмэ*, каб. *письмо* «письмо»), адыг. *члэклузехь*, каб. *шлэклузехь* «денщик, слуга» (адыг. *члаклуэ*, каб. *шлаклуэ*, «бурка»), адыг. *шыфыгъ*, каб. *шызешэ* «конюх» (адыг.-каб. *шы* «лошадь»), каб. *хьэлгъзехь* «грузчик» (*хьэлгъ* «груз, тяжесть»), каб. *уынзехь* «уборщица, уборщик» (*уынэ* «дом»), адыг. *псышь*, каб. *псышэ* «водовоз» (адыг.-каб. *псы* «вода»), каб. *плшлантлэзехь* «дворник» (*плшлантлэ* «двор»).

г) Адыг.-пэс < пэсы-н «сидеть, быть перед кем-, чем-либо», каб. *хъуымэ* < *хъуымэн* «охранять, сторожить». Например: адыг. *садпэс*, каб. *садхъуымэ* «сторож сада», адыг. *мэзпэс*, каб. *мэзхъуымэ* «лесник» (адыг.-каб. *мэз* «лес»), адыг. *хэтэпэс* «сторож огорода» (адыг. *хатэ* «огород»), каб. *хьэсэпэхъуымэ* «сторож, объездчик полей» (*хьэсэпэ* «передняя часть участка»).

д) Адыг.-каб. *-дэс* < *дэсы-н* «сидеть, быть где-либо, между кем-, чем-либо». Например: адыг.-каб. *къэлэдэс* «горожанин» (адыг.-каб. *къалэ* «город»), каб. *къуажэдэс* «селянин, житель селения» (каб. *къуажэ* «село»), адыг. *къуышгъхьэчлэс* «горец» (*къуышгъхьэ* «гора»), каб. *налшыкдэс* «нальчанин, нальчанка», каб. *масквэдэс* «москвич, москвичка»; каб. *плшлантлэдэс* «домосед, домоседка» (*плшлантлэ* «двор»).

2) Названия различных предметов: адыг.-каб. *пхъэх* «пила», «ножовка» (адыг.-каб. *пхъэ* «дерево», адыг.-каб. *пы-хы-н* «отпилить, отпиливать»), адыг. *мэшлуэпэлэб*, каб. *мэфлэпэрылэбэ*, *нэфлэпэрылэбэ* «щипцы для углей» (адыг. *машлуэ*, каб. *мафлэ*, *нафлэ* «огонь», каб. *пэрылэбэ-н* «протянуть руки к кому-, чему-либо», тянуться к чему-либо»), адыг. *жъыф*, каб. *жъыху* — 1) «веер»; 2) «вентилятор» (адыг. *жъы*, каб. *жъы* «ветер», адыг. *фын*, каб. *хуын* «гнать, погнать»), адыг.-каб. *бгъэхэлү* «брошка, брошь» (адыг.-каб. *бгъэ* «грудь», адыг.-каб. *хэлү-н* «вонзить, воткнуть»), адыг.-каб. *луынчлэбзэлүых* «ключ для замка» (адыг. *луынчлэбз*, каб. *луынчлэбзэ* «замок», адыг.-каб. *луыхын* «открыть, открывать»), адыг. *шъайчлэт*, *стэчанчлэт*, каб. *шейшлэт* «блюдец» (адыг. *шъай*, каб. *шей* «чай», адыг. *члэты-н* < *члэты-н*, каб. *шлэты-н* «стоять, быть под кем-либо»), адыг. *пшгъэдадэ*, адыг.-каб. *пшгъэдэлъ* «шарф, кашне» (адыг.-каб. *пшгъэ* «шея», адыг.-каб. *дэлъ-н* «лежать где-либо, между кем-либо, адыг.-каб. *дэдзэ-н* «бросить куда-либо»), адыг. *столгъху*, каб. *столгъхуэ* «скатерть» (адыг. *стол*, каб. *стол* «стол», адыг. *тегъуэ-н*, каб. *тепхъуэ-н* «накрыть, покрыть»).

3) Названия отвлеченных понятий: адыг. *пэуыбл*, каб. *пэуыблэ* «начало, начинание, почин» (адыг.-каб. *пэ* «начало, передняя часть», адыг.-каб. *уыблэ-н* «начинать, начать»), адыг. *къуэгъукъуалгъхь* «секрет» (*къуэгъу* «угол», *къуэлгъхьэ-н* «класть, положить за что-либо»), каб. *пэшыпхэ* «заклинание, заговор, заговаривание» (*пэ* «нос», *шыпхэн* «завязать, перевязать»), адыг. *нэлэлгъэгъу* «встреча, свидание» (*напэ* «лицо», *лгъэгъуы-н* «видеть, увидеть»).

4) По своей структуре к рассматриваемому типу относится большая группа идиоматичных сложных слов, образованных на базе фразеологических сочетаний. Например: адыг.-каб. *нэпэтэх* «факт, позорящий кого-, что-либо»; «бессовестный человек». Ср.: адыг. *сынапэ тепхыгъ*, каб. *си напэр тепхашгъ* «ты меня опозорил», букв.: «ты снял мое лицо», адыг. *плцфыуыс*, каб. *плцфыуыпс* «лгун, лжец». Ср.: адыг. *плцфы еуысы*, каб. *плцфы еуыпс* «он лжет», букв.: «он сочиняет ложь», адыг. *нэфышгъ*, каб. *нэхуышгъ* «рассвет, предрассветная заря», ср.: адыг. *нэф мэшгъы*, каб. *нэху мэшгъ* «рассветает», адыг. *псыфаллэ*, каб. *псыхуэллэ* «жажда, желание пить», ср.: адыг. *псы сыфэллэ*, каб. *псы схуоллэ* «я хочу пить», точнее: «я умираю от жажды».

5) В адыгских языках широко распространены идиоматичные слова, первым компонентом которых является слово *гуы* «сердце». В основе этих сложных слов также лежат фразеологические сочетания, т. е. идиоматичные эквиваленты слов. Продуктивность слова *гуы* «сердце» в идиоматичных сложных лексических единицах объясняется тем, что исторически в представлении адыгов сердце — это хранилище всех душевных сил и переживаний человека. Именно с сердцем связывалось психическое состояние индивида, совокупность его душевных склонностей и привычек, а также испытываемые им впечатления, ощущения и чувства. Поэтому в адыгских языках слово *гуы* «сердце» стало богатейшим источником идиоматизма.

Ниже приводятся наиболее употребительные в адыгских языках идиоматичные сложные слова, образованные путем лексикализации фразеологических сочетаний типа *гуы* «сердце» + глагол.

Адыг. *гуызэгъ*, каб. *гудизагъэ* «удовлетворение, удовлетворенность». Ср.: адыг. *сыгу зэгъыгъэ*, каб. *сигу зэгъашгъ* «я удовлетворен, я доволен», букв.: «мое сердце успокоилось», адыг. *гуымызагъ*, каб. *гуымызагъэ* «беспокойный», ср.: каб. *абы ыгуыр мызагъэшгъ* «у него сердце беспокойное», каб. *гуышмычлэж*, *гуышмыхуыж* «незабываемый», ср.: каб. *сигуым ычлэжыжыркъым* «я не забываю», букв.: «из моего сердца не выходит», *ыгуылым ыхуыжыжыркъым* «он не забывает», букв.: «из его сердца не выпадает», адыг.-каб. *гуышых* «ужас, страх, явление, вызывающее чувство сильного испуга, страха», ср.: адыг. *сыгу рыхыгъ*, каб. *сигуыр ырихашгъ* «он (она, оно) меня сильно испугал», букв.: «он вытащил мое сердце», адыг. *гуыкъан* «огорчение, горе»; каб. *гуыкъанэ* «обида», каб. *гуыкъинэ* «незабываемое, то что навсегда осталось в сердце», ср.: каб. *сигуым къинашгъ* «я не забыл, я навсегда запомнил», букв.: «в моем сердце осталось», адыг.-каб. *гуыкъэчл* «догадка, открытие», каб. *гуыкъэчл* «мысль, догадка, внимание», ср.: адыг. *сыгу къэчлгъэ* «я догадался», каб. *сигу къэчлашгъ* 1. «я открыл, я вспомнил»; 2. «я соскучился», адыг. *гуыкъау*, каб. *гуыкъеу* «горе, печаль», ср.: адыг. *ыгу къеуагъ* «он (она, оно) огорчился, опечалился»,

букв.: «он (она, оно) ударил по его сердцу», каб. *гуйкзыдэж* «бодрость, бодрое настроение», ср.: *абы ыгу кзыдож* «он бодр, он в хорошем настроении», букв.: «его сердце выбегает, выскакивает», адыг. *гуйкзыуит*, каб. *гуйкзыуитэ* «горе, несчастье», ср.: каб. *сигуыр ыкзыуэтайшэ* «он (она, оно) меня сильно огорчил», букв.: «он (она, оно) мое сердце разбил», адыг. *гуйлзыт* «смышленость, понятливость, догадка», каб. *гуйлзытэ* «внимание, смышленость, понятливость», ср.: *ашь гуы лзытагэ* «он понял, догадался, обратил свое внимание»; адыг. *гуйпсэф* «удобный, спокойный», каб. *гуйпсэху* «четкий, ясный», каб. *гуйпыж* «проявление желанья», каб. *гуйпычI* «проявление щедрости», ср.: адыг. *гуэхьы* (*гуахьы*), каб. *гуырыхь* «приятный, привлекательный», ср.: каб. *сигу шырохь* «мне нравится», адыг. *гуйхэчI*, каб. *гуйхэшI* «горе, печаль, несчастье», ср.: адыг. *сыгу хэчIы* «я огорчен», букв.: «мое сердце убавляется, уменьшается», адыг. *гуйхахъу*, каб. *гуйхэхъуэ* «радость», ср.: адыг. *ыгу хэхъуэ* «он (она, оно) радуется», букв.: «его (её) сердце растёт, увеличивается», адыг. *гуйшьт*, каб. *гуйшьтэ* «испуг», «горький урок, поучительный случай», ср.: *уигуыр маштэ* «ты пугаешься», букв.: «твое сердце пугается», адыг. *гуйчIэгъу*, каб. *гуйшIэгъу* «гуманность, сочувствие», ср.: каб. *сигу шлогъу* «я сочувствую ему (ей)», адыг. *гуйшьычI*, каб. *гуйшьычI* «отвращение, неприязнь», ср.: адыг. *ыгу шычIыгэ* «он (она) разочаровался», каб. *гуйшIыхьэ* «глубокое горе», ср.: каб. *ар си гуым шIэхьашэ* «это меня глубоко огорчило», букв.: «это в мое сердце вошло».

§ 39. Сочетание основ существительного и глагола с соединительным элементом **-ры-**. Например: адыг. *гуырыт*, каб. *куырыт* «средний» (адыг. *гуы*, каб. *куы* «середина», адыг.-каб. *йы-ты-н* «стоять, быть внутри чего-то»), адыг. *нэрылзэгъу*, каб. *нэрылзагъу* «очевидный, ясный» (адыг.-каб. *нэ* «глаз»; адыг.-каб. *лзагъуы-н* «видеть, увидеть»), адыг. *лзэрыхь* «богатый, влиятельный, сильный», каб. *лзэрыхь* «сильный, ловкий, ходячий» (адыг.-каб. *лзэ* «нога», адыг.-каб. *хьы-н* «нести, носить»), каб. *бгырыс* «горец» (*бгы* «гора, и-сы-н «сидеть внутри чего-либо»), адыг. *гъуэгуырыкIу*, каб. *гъуэгуырыкIуэ* «путник» (адыг.-каб. *гъуэгу* «дорога, путь», адыг.-каб. *кIуэ-н* «идти»), адыг.-каб. *бгы-ры-пх* «пояс, поясной ремень» (адыг.-каб. *бгы* «поясница, талия», адыг.-каб. *пхэ-н* «завязывать, завязать»), адыг.-каб. *лэрытх* «рукопись» (адыг.-каб. *лэ* «рука», адыг.-каб. *тхы-н* «писать»), адыг. *лзэрычэ*, каб. *лзэрыжэ* «короткие лыжи с выгнутыми поручнями, коньки» (адыг.-каб. *лзэ* «нога», адыг. *чзэ-н*, каб. *жэ-н* «бежать»).

Некоторые сложные слова этого типа, имеющие соотносительные фразеологические сочетания, являются идиоматичными. Например: каб. *шэхэрывэ* «болтун, болтливый», ср.: *абы ышэхэры кзовэ* «он болтает, говорит глупости», букв.: «его голова кипит», каб. *жэрыплзэ* «ротозей, разиня», ср.: *ар жзэ-*

лэ маплзэри шзытшэ «он стоит, разинув рот», каб. *гуырылзэ* «смысль», ср.: *сигуым ыылзшэ* «я помню, я не забыл», букв.: «в моем сердце лежит, находится», каб. *гуырыхь* «приятный, привлекательный», ср.: *сигу йырохь* «мне нравится», каб. *гуырышIэ* «чувство, чутье», ср.: *сигуым ешIэ* «я знаю, чувствую, я догадываюсь», букв.: «мое сердце знает».

Трансформационный анализ слов типа *основа существительного + ры + основа глагола* показывает, что в ряде случаев элемент **-ры-** исторически представляет собой глагольный словоизменительный префикс. Ср. сложные слова и трансформы: каб. *чIэпсэрыкIуэ* «канатоходец», *чIапсэм йырыкIуэн* «идти по канату, по веревке», *гъуэгуырыкIуэ* «путник», *гъуэгуым йырыкIуэн* «идти по дороге». Однако трансформы слов типа адыг. *гуырыт*, каб. *куырыт* «средний», каб. *бгырыс* «горец», *уынэрыс* «домосед» показывают, что в этих словах элемент **-ры-** не возводится к глагольной словоизменительной морфеме **-ры-**. Ср.: каб. *йыкуым йыт* «тот, кто в середине», *бгым йыс* «тот, кто сидит (живет) в горах», *уынэм йыс* «тот, кто сидит дома». Можно предположить, что слова типа *гуырыт*||*куырыт* «средний», *бгырыс* «горец», *уынэрыс* «домосед» образованы по модели *гъуэ-гуырыкIуэ* «путник», *чIэпсэрыкIуэ* «канатоходец», хотя не представляется возможным усматривать во втором компоненте этих слов исходную словоизменительную морфему **ры-**.

§ 40. Сочетание глагольной основы с именной основой. Например: адыг.-каб. *гъыбзэ* «историческая, героическая песня», каб. *гъыбзэ* «плач, обрядные причитания» (адыг.-каб. *гъы-н* «плакать», адыг.-каб. *бзэ* «язык, речь»), адыг.-каб. *гъырнэлу* «заплаканное лицо» (адыг.-каб. *нэлу* «лицо»), адыг. *жзэуку* «горящие, раскаленные угли», каб. *жзэгу* «очаг» (адыг.-каб. *жзэ-н* «жариться, сжариться», адыг. *куы*, каб. *гуы* «середина»), каб. *кзэкIуыхьлзакъуэ* «бродяга» (*кзэкIуыхьын* «ходить, гулять», *лзэкъуэ* «нога»).

Следует выделить две группы сложных слов, относящихся к рассматриваемому типу:

а) Сложные слова, вторым компонентом которых является адыг.-каб. *плэ* «место». Путем сложения глагольной основы и *плэ* «место» образуются сложные слова, обозначающие место действия, выраженного первым компонентом — глагольной основой. Например: адыг.-каб. *шханIэ* «столовая» (адыг.-каб. *шхэ-н* «есть, кушать»), адыг. *шьанIэ*, каб. *шганIэ* «торжище, место торговли» (адыг. *шьэн*, каб. *шгэ-н* «продавать»), адыг.-каб. *хъуыплэ* «пастбище» (адыг.-каб. *гзэ-хъуы-н* «пасти»), адыг.-каб. *еджанIэ* «школа», «учебное заведение, училище» (адыг.-каб. *еджэн* «учиться»), адыг. *лэзIплэ* «лечебница» (*лэ-зэ-н* «заниматься лечебной практикой»), адыг. *лэжьбанIэ*, каб. *лэжьбанIэ* «работа, место работы, служба» (адыг. *лэжьэ-н*, каб. *лэжьэ-н* «работать»), адыг. *тетIысханI*, каб. *тетIысхэпIэ* «сидение, место для сидения» (адыг.-каб. *тетIысхэ-н* «сесть на

что-либо»), адыг.-каб. *дэч/ып/лэ* «проход, проезд» (адыг.-каб. *дэч/ы-н* «проходить между чем-либо»), адыг.-каб. *ехып/лэ* «спуск» (адыг.-каб. *ехы-н* «спускаться вниз»), адыг. *къежъан/лэ* «начало, исходное место» (адыг. *къежъэ-н*, каб. *къежъэ-н* «начинаться, возникнуть»).

б) Сложные слова, вторым компонентом которых является адыг.-каб. *гъуэ* «время». С помощью сложения глагольной основы и *гъуэ* «время» образуются слова, обозначающие время действия, выраженного в первом компоненте—глагольной основе. Например: адыг. *лэжъэгъу*, каб. *лэжъэгъуэ* «время работы» (адыг. *лэжъэ-н*, каб. *лэжъэ-н* «работать»), адыг. *шхэгъу*, каб. *шхэгъуэ* «время еды» (адыг.-каб. *шхэ-н* «кушать»), адыг. *к/уэ-гъу*, каб. *к/уэгъуэ* «время отправления, ухода», (адыг.-каб. *к/уэ-н* «идти»), адыг. *егъэхъыгъу*, каб. *егъэхъыгъуэ* «время отправления» (адыг.-каб. *егъэхъы-н* «отправить»), адыг. *джэгъуы-гъу*, каб. *джэгъуыгъуэ* «время игры» (адыг.-каб. *джэгъуы-н* «играть»), адыг. *еджэгъу*, каб. *еджэгъуэ* «время учебы» (адыг.-каб. *еджэ-н* «учиться»), адыг. *лъфэгъу*, каб. *лъхуэгъуэ* «время родов» (адыг. *лъфэ-н*, каб. *лъхуэ-н* «рожать, родить»), адыг. *мэкъуыуэгъу*, каб. *мэкъуыуэгъуэ* «сенокос», «время косыбы» (адыг.-каб. *мэкъуыуэ-н* «косить сено»).

Тип образования глагольная основа+именная основа, за исключением указанных двух групп, представлен в адыгских языках небольшим количеством сложных слов.

§ 41. Сочетание двух основ существительных. Например: адыг. *атэш*, каб. *адэкъуэш* «дядя по линии отца», букв.: «брат отца», адыг. *анэш*, каб. *анэдэлъху* «дядя по линии матери», букв.: «брат матери», адыг. *атэшыпхъу*, каб. *адэшыпхъу* «тетя по линии отца», букв.: «сестра отца», адыг.-каб. *анэшыпхъу* «тетя по материнской линии», букв.: «сестра матери», адыг. *мэзчэты*, каб. *мэзджэд* «фазан», букв.: «лесная курица», адыг. *псыцу*, каб. *хыв* «буйвол», адыг. *псыцу*, букв.: «водяной вол», каб. *хыв* «буйвол», букв.: «морской вол», адыг. *шъуэушыгыгъу*, каб. *фошыгыгъу* «сахар», букв.: «медовая соль», адыг. *тхъаумаф*, каб. *тхъэмахуэ* «воскресенье», букв.: «божий день», адыг. *л/э-къуац/л*, «фамилия», букв.: «родовое имя», каб. *унэц/лэ* «фамилия», букв.: «домашнее имя».

Сложные слова данного типа образованы на базе атрибутивных именных комплексов, в которых определитель — существительное занимает место препозитивного члена.

По своей семантике сложные слова рассматриваемого типа могут быть идиоматичными и неидиоматичными (свободными). Так, например, значение сложного слова *шъуэушыгыгъу* (адыг.), *фошыгыгъу* (каб.) «сахар» не соответствует сумме значений его компонентов, которые буквально означают «медовая соль». Ср. также: адыг. *псыцу* «буйвол» < «водяной вол», каб. *хыв* «буйвол» < «морской вол», адыг. *тхъаумаф*, каб. *тхъэмахуэ* «воскресенье» < «божий день». Напротив, значение неидиома-

тичного сложного слова соответствует сумме значения составляющих его частей, например: адыг. *атэш*, каб. *адэкъуэш* «дядя по линии отца» < «брат отца», адыг.-каб. *анэшыпхъу* «тетя по матери» < «сестра матери».

§ 42. Сочетание основ существительного и прилагательного. Например: адыг. *атэп/лашъ* «прадедушка» (адыг. *атэ* «отец», адыг.-каб. *п/лашъэ* «большой»), адыг. *анэп/лашъ* «прабабушка» (адыг. *ны*, каб. *анэ* «мать», адыг.-каб. *п/лашъэ* «большой, -ая, -ое»), адыг.-каб. *л/ыжъ* «старик» (адыг.-каб. *л/ы* «мужчина», адыг.-каб. *жъы* «старый, -ая, -ое»), каб. *фызыжъ* «старуха» (каб. *фыз* «женщина», адыг.-каб. *жъы* «старый, -ая, -ое»), адыг. *шыч/лэ*, каб. *шыш/лэ* «жеребенок» (адыг.-каб. *шы* «лошадь» + адыг. *ч/лэ*, каб. *ш/лэ* «молодой, -ая, -ое»), каб. *выш/лэ* «бычок» (каб. *вы* «вол» + *ш/лэ* «молодой, -ая, -ое»), адыг. *л/ыблан* «герой, мужественный» (адыг.-каб. *л/ы* «мужчина» + адыг.-каб. *бланэ* «сильный, -ая, -ое»), адыг. *псыхъуырай* «озеро» (адыг.-каб. *псы* «вода» + адыг. *хъуырай* «круглый, -ая, -ое»), каб. *лэ-нэш/л* «пустой, порожний» (о транспорте), «с пустыми руками» (адыг.-каб. *лэ* «рука» + каб. *нэш/л* «пустой, -ая, -ое»), адыг. *ет/лэф* «мел», каб. *ет/лэху*, *ят/лэху* «белая глина» (адыг.-каб. *ят/лэ* «земля», «грязь», адыг. *фы*, каб. *хуы* «белый, -ая, -ое»), адыг. *гуып/ц/ланэ*, каб. *гуып/ц/ланэ* «добросердечный, открытый, добродушный» (адыг.-каб. *гуы* «сердце», адыг.-каб. *п/ц/ланэ* «голый, -ая, -ое; нагой, -ая, -ое»). Следует отметить, что в качестве компонента сложных слов приведенного типа не все имена качества одинаково продуктивны. Продуктивными компонентами сложных слов данного типа являются слова, обозначающие понятия «старый» и «новый» (адыг.-каб. *жъы* «старый», адыг. *ч/лэ*, каб. *ш/лэ* «новый»). В составе сложных слов в качестве второго компонента довольно продуктивно слово *ш/луы* (адыг.), *ф/лы* (каб.) «хороший», которое создает целую группу семантически однородных сложных лексических единиц. Причем это слово, как второй компонент сложного слова, подвергается фонетическим изменениям: конечный гласный *ы* либо отпадает, либо изменяется в гласный *э*. Ср.: адыг. *насыпшылу*, каб. *насыпыф/лэ* «счастливый», адыг. *нэш/луэгъуыш/лу*, каб. *нэш/хъыф/лэ*, *нэф/лэгъуыф/лэ* «веселый, жизнерадостный», каб. *нэм/ысыф/лэ* «скромный, благопристойный, воспитанный».

Семантический анализ этих сложных слов также показывает, что в ряде случаев в результате утраты вторым компонентом своего самостоятельного значения вся сложная лексическая единица становится идиоматичной. Ср., например: адыг.-каб. *л/ыхъуыжъ* «герой, храбрец», букв.: каб. *л/ыхъу* «умелый, храбрый мужчина», адыг.-каб. *жъ* < *жъы* «старый, -ая, -ое», адыг.-каб. *пхъуыжъ* «женщина, разведенная с мужем», каб. «замужняя родственница» («сестра, дочь, тетка»), букв.: адыг.-каб. *пхъуы* «дочь» + адыг.-каб. *жъ* < *жъы* «старый, -ая, -ое», адыг. *ты-*

гъуыжъ, каб. дыгъуыжъ «волк», букв.: адыг. тыгъуы, каб. дыгъу «вор» + адыг.-каб. жъ < жъы «старый, -ая, -ое», адыг. бгъэжъ «орел», букв.: каб. бгъэ «орел» + адыг.-каб. жъ < жъы «старый, -ая, -ое».

§ 43. Сочетание основ прилагательного и существительного. Например: адыг. шлуылъэгъуыныгъ, каб. флуылъагъуныгъэ «любовь» (адыг. шлуы, каб. флуы «хороший, -ая, -ое», адыг. лъэгъуыныгъ, каб. лъагъуныгъэ «любовь, уважение»), каб. гъуэжъуыз «желтуха», (гъуэжъ «желтый, -ая, -ое», уыз «болезнь»), каб. хуыжъыдзэ ист. «белая армия» (хуыжъ «белый, -ая, -ое» + дзэ «армия»), каб. дэхэкуыпсэ бот. «чернокорень» (дахэ «красивый, -ая, -ое», куыпсэ «стержень, стебелек»), каб. жъышъхъэ «на старости лет» (жъы «старый, -ая, -ое», шъхъэ «голова»).

В современных адыгских языках имя качества в роли определения обычно стоит после определяемого — существительного. Что касается сложных слов рассматриваемого типа, то они созданы на базе именных групп, в которых имя качества как определяемое слово стоит впереди определяемого — существительного.

На базе таких же синтаксических сочетаний «обратной конструкции» образованы некоторые топонимические названия, личные имена, фамилии и т. д. Например: каб. Дахэпсынэ «Дахапсино» (селение) < дахэ «красивый, -ая, -ое» + псынэ «ключ»; букв.: «красивый ключ», адыг. Афыпс «Афипс» (река) < фы «белый, -ая, -ое» + псы «вода», букв.: «белая вода» < адыг. Нэфын «Нафин» (женское имя), каб. Нэхуынэ «Нахуна» (женское имя), букв.: «Светлоглазая», каб. Нэхудыгъэ (параллельно Дыгъэнэху) «Нахдыга» (женская имя) < нэху «светлый, -ая, -ое», перен. «дорогой, -ая, -ое» + дыгъэ «солнце», букв.: «светлое (дорогое) солнце», Хуыжъокъуэ «Хужоков» (фамилия) < хуыжъ «белый, -ая, -ое», «светлый, -ая, -ое», + къуэ «сын», букв.: «белый, светлый сын».

Аналогичную конструкцию сочетания определяющего и определяемого допускает слово шъуэ (адыг.), фэ (каб.) «цвет, вид» с именами, обозначающими цвет предмета. Например, адыг. плъыжъышъу, каб. плъыжъыфэ «красноватый», адыг. фыжъышъу, каб. хуыжъыфэ «светловатый, беловатый», адыг. шъуантлашъу, каб. шъхъуэнтлафэ «зеленоватый», адыг. шлуцлашъу, каб. флуцлафэ «темноватый» и т. д.

§ 44. Сочетание основ двух прилагательных. В сложных словах данного типа в качестве второго компонента чаще всего выступает жъы «старый, -ая, -ое». Например, адыг.-каб. иыныжъ «великан» (адыг.-каб. иын «большой, -ая, -ое», адыг.-каб. жъы «старый, -ая, -ое»), каб. цыклубыжъ «малыш» (цыклубы «маленький, -ая, -ое», жъы «старый, -ая, -ое»). Каб. шъхъуэжъ «матерый», «серый», в знач. «волк» (шъхъуэ «серый, -ая, -ое», жъы «старый, -ая, -ое»).

В составе сложных слов этого типа второй компонент -жъ (< жъы «старый, -ая, -ое»), подвергаясь семантическому осмыслению, приобретает значение усиленной экспрессии. Ср.: адыг. тыгъуыжъыжъ, каб. дыгъуыжъыжъ «старый волк», адыг. тыгъуыжъшыр, каб. дыгъуыжъшыр «волчонок», каб. иыныжъ нэхъышлэр «младший великан».

§ 45. Сочетание основ прилагательного и глагола с соединительным элементом -ры-. Сложные слова данного типа характеризуют лицо или предмет по качеству или свойству, выраженному в первом компоненте — именной основе. В адыгских языках, особенно в адыгейском языке, сложные слова, относящиеся к этому типу, немногочисленны. Как наиболее продуктивный первый компонент следует выделить адыг. псынчлэ, каб. псыншлэ «скорый, быстрый». Например: адыг. псынчлэрыклубу, каб. псыншлэрыклубу, псыншлэрызеклубу «скороходный, скороход», «быстроходный», каб. псыншлэрыпсалъэ «скороговорчивый», каб. псыншлэрылгъатэ «быстрокрылый», букв.: «быстролетающий», каб. псыншлэрыплгъэ «быстроглазый», букв.: «быстросмотрящий», каб. псыншлэрытх «скоропись», «скорописный», каб. псыншлэрыуэ «скорострельный», букв.: «быстростреляющий».

Ср. также: адыг. шъэбэрыклубу, каб. шъэбэрыклубу «мягко ступающий, с легкой походкой», каб. хуабжъырыклубу, хуабжъырызеклубу «сороход, быстроходный», хуабжъырылажъэ «быстро работающий», «скорый в работе», хуабжъырыпсалъэ «скороговорка».

§ 46. Сочетание имени существительного с субстантивированным причастием настоящего времени. Например: адыг. нлэклубэр (шап. лэпклубэр, лэплубэр) «кровать» (нлэ «постель», клубэр — субстантивированное причастие настоящего времени от глагола клубэр-н «идти»), ср.: каб. клубэр «иноходь», «иноходец», каб. шылэхъар «шелковый шарф» (шылэ «шелк», хъар «сеть, сетка», хъы-н «плести, заплести»), адыг. хыуэр «волна» (хы «море», уэр «бурный», уэ-н «бить»), ср.: каб. псыуэр «бурная, быстротекущая река», каб. псалъэхъуэр «острое, колкое слово».

Этот тип охватывает небольшое количество слов в адыгских языках.

§ 47. Сочетание двух простых (непроизводных) основ существительных. Например: адыг. мэкъу-мэшь, каб. мэкъу-мэш «сельское хозяйство», букв.: мэкъу «сено» + мэшь || мэш «просо», адыг. къалэ-сэрай, «дворец, замок», букв.: къалэ «город» + сэрай «сарай», каб. чы-бжэгъу, букв.: чы «прут» + бжэгъу «кол», жэшь-махуэ «сутки», букв.: жэшь «ночь» + махуэ «день», каб. джэд-къаз «домашняя птица» (собр.), букв.: джэд «курица» + къаз «гусь». Как мы видим, значение некоторых сложных слов этого типа не соответствует сумме значений конститутивных элементов, хотя последние в копулятивном со-

четании занимают равноправное положение в семантическом отношении.

§ 48. Сочетание двух производных существительных, образованных одним и тем же словообразовательным суффиксом. Например: адыг. *нэшьэ-гуышь*, каб. *гуышэ-нашэ*, *нэшьэ-гуышь* «кривой», адыг. *Иэшэ-лэшэ*, каб. *Иэшэ-лэшэ* «инвалид», «калека», адыг. *Иэшэ-шэуаш*, каб. *Иэшэ-фашэ*, букв.: «оружие наряд», каб. *члагуэ-лэагуэ* «короткий, низкий, куцый».

§ 49. Сочетание двух основ существительных, содержащих возвратно-взаимный префикс з-. Например: адыг.-каб. *зэш-зэшынхэу* «братья-сестры», каб. *зэдэ-зэкэуэ* «отец-сын», адыг. *зэл-зэшэуыз*, каб. *зэл-зэфыз* «муж-жена».

§ 50. Сочетание двух основ существительных с отрицательным аффиксом. Например: адыг.-каб. *мышэу-мыбз* «гермафродит», букв.: «ни самец ни самка», каб. *мыч-мыбжэгэу* «палка средней толщины», букв.: «ни прут ни кол», *мыфэ-мыц* «неприглядный, безобразный», букв.: «ни кожа ни шерсть».

§ 51. Сочетание двух основ причастий настоящего времени выражающих противоположные направления. Например: адыг. *ктыхэ-нихэ*, каб. *ктышыхэ-нышыхэ* «посетители», букв.: «входящий-выходящий», адыг. *квэгэшэ-нэгэшэ*, каб. *квэгэшэ-нэгэшэ* «зигзаги, повороты», букв.: «сгибающийся сюда — сгибающийся туда», адыг. *квэбэ-наб*, каб. *квэбэ-небэ* «неустойчивое положение, шатание», букв.: «наклоняющийся сюда — наклоняющийся туда», адыг.-каб. *квэдэ-нэдэ* «перебрасывание от одного к другому, пасовка».

§ 52. Сочетание двух субстантивированных причастий настоящего времени. Например: адыг. *плыыр-стыр*, каб. *плыыр-жээр* «горячка» (ср.: адыг.-каб. *плэын* «накаляться, гореть в жару», адыг. *стын* «гореть», каб. *жээн* «жариться»), адыг. *гуэр-жэуэр*, каб. *гуэр-вэр* «болтун» (ср.: адыг. *гуэн* «говорить», каб. *квэ-вэн* «болтать»), каб. *дэр-бээр* «портной, портниха» (ср.: адыг.-каб. *дэн* «шить», *бээн* «кроить»), каб. *Иэр-пхэуэр* «торопливый, суетливый» (ср.: *елэн* «дернуть, тянуть», *пхэуэн* «внезапно протянуть руку»), каб. *гэыр-бжэр* «человек, плаксиво жалующийся, нытик» (*гэын* «плакать», *бжэн* «считать», перен. «причитать»).

§ 53. Сочетание двух субстантивированных причастий будущего времени. Например: адыг. *тепгуэн-чэлэын*, каб. *тепгуэн-шэлэын* «постельные принадлежности» (ср.: адыг. *тепгуэн* «одеяло», каб. *тепгуэн* «постель», адыг. *чэлэын*, каб. *шэлэын* «то, что будет лежать внизу»), адыг. *шхын-шэуэн*, каб. *шхын-фэн* «еда-питье» (ср.: адыг.-каб. *шхын* «еда, питье», адыг. *е-шэуэн*, каб. *е-фэн*, «то, что будет выпито»), каб. *вэн-сэн* «пахота-сев» (ср.: *вэн* «то, что будет вспахано», *сэн* «то, что будет посеяно»).

§ 54. Сочетание двух атрибутивных комплексов с редупликацией определяющего слова. Например: адыг.-каб. *пхэшьхэ-мышэшьхэ* «фрукты» (ср.: адыг.-каб. *пхэшьхэ* < *пхэ* «дере-

во» + *шьхэ* «голова», адыг.-каб. *мышэшьхэ* < адыг.-каб. *мышэ* «дичье яблоко» + адыг.-каб. *шьхэ* «голова»), адыг. *Иэмэчлэ-лэмэчлэ*, каб. *Иэмашлэ-лэмашлэ* «небольшой, хрупкий» (ср.: адыг. *Иэмэчлэ*, каб. *Иэмашлэ* < *Иэ* «рука» + *мэчлэ* || *машлэ* «малый», *лэмэчлэ* || *лэмашлэ* < *лэ* «нога» *мэчлэ* || *машлэ* «малый»), адыг.-каб. *Иэгэуым-лэгэуым* «толстый» (ср.: каб. *Иэгэуым* < *Иэ* «рука» + *гэуым* «толстый», *лэгэуым* < *лэ* «нога» + *гэуым* «толстый»), адыг.-каб. *чланэ-лэанэ* «обрывок, кончик» (ср.: адыг.-каб. *чланэ* < *члэ* «конец» + *нэ* «начало», адыг.-каб. *лэанэ* < *лэ* «нога» + *нэ* «начало»).

§ 55. Сочетание двух атрибутивных комплексов с редупликацией определяемого слова. Например: адыг. *нэку-нэпс* «слезы» (ср.: *нэку* < *нэ* «глаз» + *ку* «середина», *нэпс* < *нэ* «глаз» + *псы* «вода»), каб. *нэфл-ней* «несправедливость» (ср.: *нэфл* < *нэ* «глаз» + *флы* «хороший» + *нэй* < *нэ* «глаз» + *ей* «плохой»).

§ 56. Второй компонент состоит из значащих частей и содержит словообразовательный суффикс первого компонента, но не имеет самостоятельного употребления. Например: адыг. *бзэджэ-наджэ*, каб. *бзаджэ-наджэ* «скверный, плохой» (*наджэ* || *наджэ* < *нэ* «глаз» + *джэ* || *джэ* — словообразовательный суффикс, ср.: *бзаджэ* «злой, вредный»), каб. *закэуэ-тлэкуэ* «редкость, редкий» (*тлэкуэ* < *тлы* «два» + *кэуэ* — словообразовательный элемент, ср.: *закэуэ* «единственный, одинокий»).

§ 57. Первый компонент содержит часть второго компонента, но не имеет самостоятельного значения. Например: адыг.-каб. *лэпцлэ-лэанцлэ* «бедно одетый» (адыг.-каб. *лэанцлэ* «босой»), каб. *лэшэ-машлэ* «немногий, незначительный» (*машлэ* «малый»), *хэлу-шылу* «распространенность, гласность» (*шылу* «поверхность, наружность»).

§ 58. Второй компонент содержит часть первого компонента, но не имеет самостоятельного значения. Например: адыг. *ныкэуэ-тыркэуэ*, каб. *ныкэуэ-дыкэуэ* «инвалид, калека» (адыг.-каб. *ныкэуэ* «половина»), адыг. *члахэ-лахэ*, каб. *члыхэ-лзыхэ* «длительный, затяжной» (адыг. *члахэ*, каб. *члыхэ* «длинный»).

§ 59. Сочетание двух незначащих компонентов с редупликацией конечного согласного или конечного слога первого компонента. Например: адыг. *ныкэ-сыкэ*, *ныгэ-сыгэ*, *ныгэы-сыгэы* «нытье», каб. *лэн-куын* «нерешительный, тревожный, беспокойный», адыг. *фэмэ-бжэымэ*, каб. *хуэмэ-бжэымэ* «нечто подобное, наличие какой-то связи», адыг. *члымы-сым* «безмолвный», каб. *бэлу-тлэлу* «несчастье, неблагополучие», каб. *чэхэу-мэхэу* «волокита».

§ 60. Сочетание двух незначащих компонентов с редупликацией начального слога первого компонента. Например: адыг. *мыкэ-мыджэ* «неотесанный», каб. *йыхэу-йыбжэ* «лихачество», «лихач».

§ 61. Сочетание двух звукоподражательных слов с редупликацией конечного согласного или конечного слога. Например:

адыг.-каб. *чыкъ-сыкъ* «шум», адыг.-каб. *чыгъ-сыгъ* «скрип-скрипение», адыг. *пыхъ-сыхъ*, каб. *пыф-сыф*, *пыху-сыху* «на-сморг, грипп», адыг. *пырхъ-сырхъ*, каб. *быргъ-сыргъ*, каб. *баргъ-сыргъ* «трах-трах» (о стрельбе).

III. АФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН

§ 62. Именные словообразовательные аффиксы. Адыг.-каб. -гъэ. Посредством суффикса -гъэ образуются от основ имен и масдарных форм имени существительные с отвлеченным значением. Например: адыг. *чыфыгъэ*, каб. *чыхуыгъэ* «человечность» (адыг. *чыфы*, каб. *чыху* «человек»), адыг.-каб. *лыгъэ* «мужественность» (адыг.-каб. *лы* «мужчина»), адыг.-каб. *дэхагъэ* «красота» (адыг.-каб. *дахэ* «красивый»); адыг. *фыжыгъэ*, каб. *хуыжыгъэ* «белизна» (адыг. *фыжы*, каб. *хуыжъ* «белый»), адыг.-каб. *гъэсныгъэ* «воспитание» (адыг.-каб. *гъэсэн* «воспитать»), адыг.-каб. *бэнныгъэ* «борьба» (адыг.-каб. *бэнн* «бороться»).

Имена существительные, образованные с помощью суффикса -гъэ, не следует смешивать с субстантивированными словами типа адыг.-каб. *тхыгъэ* «письменность» (адыг.-каб. *тхэ-н* «писать»); адыг.-каб. *къэчыгъэ* «растение» (адыг.-каб. *къэчын* «расти»); адыг.-каб. *гъэтлыгъэ* «сбережение» (*гъэтлыгъэ-н* «класть, отложить»), адыг.-каб. *бзыгъэ* «кусок, ломать» (адыг.-каб. *бзы-н* «резать, кроить»), адыг.-каб. *лыгъэ* «пожар, пал» (адыг.-каб. *лын* «гореть»), адыг. *жъуагъэ*, каб. *вагъэ* «пашня» (адыг. *жъуэн*, каб. *вэн* «пахать»), адыг. *хъэджыгъэ*, каб. *хъэжыгъэ* «мука», адыг.-каб. *тыгъэ* «подарок» (*тын* «отдать»), адыг. *пчыгъэ*, каб. *бжыгъэ* «число, цифра», (адыг. *пчын*, каб. *бжын* «считать»).

Приведенные слова, образованные от глагольных основ, обозначают также отвлеченные понятия. Но слова типа адыг.-каб. *тхыгъэ* «письменность», адыг.-каб. *къэчыгъэ* «растение», адыг. *жъуагъэ*, каб. *вагъэ* «пашня» по происхождению представляют собой формы причастия прошедшего времени: *тхыгъэ* «написанное» > «письменность», *къэчыгъэ* «то, что выросло» > «растение», *жъуагъэ* || *вагъэ* «вспаханное, то, что вспахано» > «пашня»; *гъэтлыгъэ* «отложенное» > «сбережение». Некоторые имена существительные отчетливо сохраняют свое этимологическое значение. Ср., например: адыг. *гычыгъэ*, каб. *жъышыгъэ* «то, что постирано», адыг.-каб. *уычыгъэ* «убитый».

О производности субстантивного значения от причастия прошедшего времени ярко свидетельствуют данные адыгейского языка, сохранившего архаичные формы. В отличие от кабардинского языка в адыгейском слова типа *тхыгъэ* «письменность», *къэчыгъэ* «растение», *жъуагъэ* «пашня» совпадают по звуковому облику с формами причастия прошедшего времени.

Ср., например: адыг. *тхыгъэ* — 1) «написанное», «то, что написано»; 2) «письменность», «письмо»; *къэчыгъэ* — 1) «то, что выросло», 2) «растение»; *жъуагъэ* — 1) «вспаханное», 2) «пашня»; *гъэтлыгъэ* — 1) «отложенное», 2) «сбережение»; *хъэджыгъэ* — 1) «смолощенное», 2) «мука», *гычыгъэ* — 1) «постиранное» 2) «постиранное» (существительное).

В кабардинском языке субстантивированные слова данного типа по своему звуковому облику не совпадают с причастными формами, от которых они образованы. Ср.: каб. *тхыгъэ* «письменность», «письмо», но *тха* «написанное», *къэчыгъэ* «растение», но *къэкла* «то, что выросло», *вагъэ* «пашня», но *ва* «вспаханное», *гъэтлыгъэ* «сбережение», но *гъэтлыгъэ* «отложенное», *хъэжыгъэ* «мука», но *хъэжы* «смолощенное», *жъышыгъэ* «постиранное» (существительное), но *жъышла* «постиранное» (причастие). Отсюда видно, что субстантивация причастия прошедшего времени имела место еще до изменения общеадыгского (ныне адыгейского) суффикса прошедшего времени -гъэ в долгий гласный а (адыг. *тхыгъэ* > каб. *тха* «написанное»).

§ 63. Адыг.-каб. -агъ. Суффикс -агъ производит от основ прилагательных существительные, обозначающие признак, отвлеченный от самого предмета. Например: адыг., каб. *лъагъ* «высота» (адыг.-каб. *лъагъ* «высокий»), адыг.-каб. *чы-хъагъ* «длина» (адыг. *чыхъэ*, каб. *чыхъ* «длинный»), адыг.-каб. *йынагъ* «величина» (адыг. *йыны*, каб. *йын* «большой»); адыг. *шъуэмбгъуагъ*, каб. *бгъуагъ* «ширина» (адыг. *шъуамбгъуэ*, каб. *бгъуэ* «широкий»).

Производные существительные этого типа употребляются обычно в сочетании с притяжательными аффиксами.

Суффиксы -гъэ и -агъ, образующие существительные отвлеченного значения, по-видимому, имеют общее происхождение, хотя они не совпадают по значению. Ср.: каб. *плъыжыгъэ* «краснота», *плъыжыагъ* «степень красноты», *хуыжыгъэ* «белизна», *хуыжыагъ* «степень белизны».

§ 64. Адыг.-каб. -члэ (<кльэ <кльэ). Посредством этого суффикса образуются отглагольные существительные с обстоятельственным значением. Ср.: адыг. *клячлэ*, каб. *клячлэ* «манера хождения», адыг. *шылачлэ*, каб. *псыуычлэ* «жизнь, образ жизни», адыг. *гъэсачлэ* «способ воспитания», каб. *тхэчлэ* «манера письма», адыг. *гушылачлэ*, каб. *псэлъэчлэ* «манера разговаривать», адыг. *бзачлэ*, каб. *бзэчлэ* «способ резанья, кройки».

Суффикс -члэ очень продуктивен в адыгских языках.

По происхождению -члэ является словоизменительным аффиксом. Обстоятельное значение отглагольных существительных, образованных посредством суффикса -члэ, связано именно с его первичным (словоизменительным) значением. Суффикс -члэ восходит к форманту обстоятельного падежа -члэ (в диалектах: -джэ, -кльэ, -кльэ). Ср.: адыг. *чернилчлэ* (мэр-

чэпчлэ) сэтхы, каб. шакъэчлэ сотх «я пишу чернилами», адыг. мэзымчлэ сэклуэ, каб. мэзымчлэ соклуэ «в сторону леса иду».

Суффикс **-члэ** производит существительные лишь от глагольных основ. Но в адыгских языках обстоятельственный падеж который выражается этим же аффиксом, обнаруживает склонность к адвербиализации. В адвербиализированных словах в качестве основы выступают имена существительные. Ср.: адыг. мафэрэ луэф сэшлэ, каб. махуэчлэ солажъэ «днем я работаю»; адыг. пчыыхъэрэ седжэ, каб. пшыыхъэшъхъэчлэ соджэ «по вечерам я занимаюсь (учусь)».

§ 65. Адыг.-каб. **-гъу**. С помощью суффикса **-гъу** от глагольных и именных основ образуются имена существительные, обозначающие соучастника, лица, близкого по занятию, деятельности, по условию жизни и т. д. Например, адыг. ныбджэгъу, каб. ныбжъэгъу «товарищ» (от адыг. ныбжъ, каб. ныбжъ «возраст»); адыг. шгъуэгъу «друг» (адыг. шгауэ «парень»), адыг.-каб. гъуынэгъу «сосед» (от адыг.-каб. гъуынэ «край, граница»); адыг.-каб. нысэгъу «невестка, жена брата мужа» (от адыг.-каб. нысэ «сноха, невестка»), адыг. къуэджэгъу, каб. къуэжэгъу «односельчанин, земляк» (от адыг. къуаджэ, каб. къуажэ «село»); каб. хъэрхуэрэгъу «соперник» (от каб. хъэрхуэр «соревнование»), шхэгъу «однокашник» (от адыг.-каб. шхэн «есть»); адыг.-каб. ныкъуэкъуэгъу «противник, соперник в споре, состязании» (от адыг.-каб. ныкъуэкъуэн «спорить»).

В образовании имен существительных, которые обозначают лиц, имеющих взаимосвязь, одинаковое положение, равные условия, суффиксальный способ сочетается с префиксацией, т. е. с префиксальной морфемой возвратно-взаимного значения зэ. Например: адыг. зэмэхъулъэгъу, каб. зэмэлъхъэгъу «свояки мужья сестер», адыг.-каб. зэнысэгъу «невестки, жены братьев»; адыг. зэныбджэгъу, каб. зэныбжъэгъу «друзья, сверстники»; каб. зэгъуэгъу «парный» (составляющий пару), каб. зэпартэгъу «сидящие за одной партией».

Адыг.-каб. суффикс **-гъу**, по-видимому, восходит к именному основе. Ср.: адыг.-каб. гъуысэ «спутник, попутчик, единомышленник».

§ 66. Адыг. **-й**, **-е**. каб. **-й (<йэ)**. С его помощью образуются названия деревьев. Названия плодовых деревьев образуются от названий плодов. Ср.: адыг. дае (дайэ), каб. дей «орешник» (от адыг.-каб. дэ «орех»); адыг. къуыжъай, каб. къуыжъэе «грушевое дерево» (от адыг. къуыжъ, каб. къуыжъ «груша»); адыг. мые, каб. мылэрысей «яблоня» (от адыг.-каб. мы «дикое яблоко», каб. мылэрысэ «яблоко»); адыг. зае, каб. зей «кизил» (дерево), ср.: адыг.-каб. зэ «кизил» (ягода); адыг. зэрджай, каб. зэрыджей «калина» (дерево), ср.: адыг.-каб. зэрыджэ «калина» (плод).

Названия неплодовых деревьев образуются с помощью данного суффикса обычно от названий предметов, которые и

них изготавливаются. Ср.: шапс. д. Іанай, каб. Іэней «клен» (адыг. Іанэ, каб. Іэнэ «круглый столик на трех ножках»), адыг. уэстыгъай, каб. уээдыгъей, (каб. уээдыгъэ «лампа»); адыг. пчей, каб. бжей «чинара», по-видимому, образовано от адыг. пчъэ, каб. бжэ «дверь». Но этот принцип нарушается в образовании названий неплодовых деревьев посредством суффикса **-й**, **-е||-й**. Ср.: например: адыг. чыгай, каб. жыгей «дуб» (от адыг. чыгы, каб. жыг «дерево»), адыг. члай, каб. члей «ясень».

Суффикс **-й**, **-е||-й** используется для образования географических названий. Ср.: каб. Адыгей «Адыгея», адыг. Къэбэрттай, каб. Къэбэрдей «Кабарда», адыг. Уырысый, каб. Уырысей «Россия», адыг. Бэслъыный, каб. Бэслъэней «Бесланея, край бесланов», адыг. Тэхътэмыкъуай «Тахтамукай» (село), адыг. Пэнэжыкъуай «Понежукай» (село), адыг. Едэпсыкъуай «Эдепсукай» (село), каб. Джылахъстэней «Малая Кабарда», каб. Докхушыкъуей «Докшукино» (город).

Посредством суффикса **-й**, **-е||-й** образуются некоторые названия национальной одежды. Ср.: адыг. цый, каб. цей «черкеска» (от адыг.-каб. цы «шерсть»), адыг. сай «бешмет», адыг. лъай, каб. лъей «гамаша» (от адыг.-каб. лъэ «нога»).

Как мы видим, с помощью суффикса **-й**, **-е||-й** образуется несколько разрядов имен существительных: географические названия, названия деревьев и названия одежды. Основное значение данного суффикса — «принадлежащий чему-либо»: адыг.-каб. Адыгей «Адыгея» букв. означает: «принадлежащий к адыгам», адыг. Уырысый, каб. Уырысей «Россия», букв.: «принадлежащий русским», адыг. дае, каб. дей «орешник», «ореховое дерево», букв.: «принадлежащий ореху», адыг. уэстыгъай, каб. уээдыгъей «сосна», букв.: «принадлежащий лампе, свече», т. е. «предназначенный для свечи, лампы», адыг. лъай, каб. лъей «гамаша», букв.: «принадлежащий ноге».

Рассматриваемый именной суффикс возводится к общеадыгскому притяжательному (словоизменительному) аффиксу **-й**. Ср.: адыг. ашь ыуыын, каб. абы ыуыынэ «его дом», адыг. сэсый, каб. сысей «мой», букв.: «принадлежащий мне».

§ 67. Адыг. **-шь** > каб. **-шъ**. Посредством суффикса **-шь||-шъ** от именных основ образуются названия помещений и вместилищ для различных предметов. Например: адыг. хъэчлэшь, каб. хъэшлэшь «гостиная» (от адыг. хъэчлэ, каб. хъэшлэ «гость»), адыг. сымэджэшь, каб. сымэджэшъ «больница» (от адыг.-каб. сымаджэ «больной»); адыг. шэшь, каб. шэшъ «конюшня» (от адыг.-каб. шы «лошадь»), адыг. шклэшь, каб. шчлэшь «телятник» (от адыг. шклэ, каб. шчлэ «теленок»), адыг. куэшь, каб. гуэшь «сарай, навес» (от адыг. куы, каб. гуы «арба»), адыг. мэкъуэшь, каб. мэкъуэшъ «сеновал» (от адыг.-каб. мэкъу «сено»).

С помощью суффикса **-шь||шъ** образованы: адыг. чышь, каб. чышъ «кузница» (ср.: адыг.-каб. гъуычлэ «кузнец»), адыг.

тышь, каб. дышь «родня жены», букв.: «место отца» (адыг. ты, каб. адэ «отец»), адыг. уынэкъуэшь, каб. уынэкъуэшь «родственник по отцу» (уынэкъуэшь < уынэ «дом» + къуэ «сын» + шь < шь).

§ 68. Адыг. -кӀу(э), каб. -кӀуэ. Мы отметили, что первый (именной) компонент сложной глагольной основы теряет свое лексическое содержание и превращается в основообразующий глагольный префикс (преверб). Такое явление характерно также для имен.

Адыг.-каб. -кӀуэ (от основы глагола кӀуэ-н «идти») как второй компонент сложной основы обнаруживает склонность к переходу в словообразовательный элемент. Например: адыг. тхакӀуэ «писарь, секретарь», каб. тхакӀуэ «писатель», букв.: тхэ(тхэн «писать») + кӀуэ(кӀуэн «идти»), адыг.-каб. гъэсакӀуэ «воспитатель», букв.: гъэсэ(гъэсэн «воспитать») + кӀуэ(кӀуэн «идти»), адыг.-каб. еджакӀуэ «учащийся», букв.: еджэ(еджэн «учиться») + кӀуэ(кӀуэн «идти»).

Степень грамматикализации -кӀуэ неодинакова во всех образованиях данного типа. Так, в слове тхакӀуэ «писатель» (каб.), «писарь», «секретарь» (адыг.) морфема -кӀуэ не вызывает представления о лексическом значении, которое она имеет в самостоятельном употреблении (кӀуэн «идти»). В других же образованиях, как, например, адыг. хъуынчӀакӀуэ, каб. хъуыншӀакӀуэ «грабитель», адыг. мэзыкӀуэ, каб. мэзакӀуэ «идуший в лес», морфема -кӀуэ менее грамматикализована, связь ее с этимологическим значением основы глагола кӀуэ-н «идти» более ощутима.

§ 69. Адыг. -лъ(э), каб. -лъэ. От основ имен посредством -лъэ образуются названия вместилищ и сосудов для предметов, обозначенных основой. Например: адыг. шыгъуылъ, каб. шыгъуылъэ «солонка» (адыг. шыгъу, каб. шыгъу «соль»), адыг. шъуэшыгъуылъ, каб. фошыгъуылъэ «сахарница» (адыг. шъуэшыгъу, каб. фошыгъу «сахар»), адыг. шьалъ, каб. шалъэ «патронташ», каб. фалъэ «чаша, сосуд для питья» (адыг. ешъуэн, каб. ефэн «пить»), адыг. псэуалъ, каб. псэуалъэ «хозяйственные постройки» (адыг.-каб. псэу «живой, живущий»), адыг. шьалъ «ведро» (шьэ «молоко»).

От именных основ -лъэ производит слова, со значением лишнего качества чего-нибудь. Например, адыг.-каб. мэзылъэ «лесистый» (адыг. мэзы, каб. мэз «лес»), адыг. мыжъуалъ, каб. мывалъэ «каменистый», (адыг. мыжъуэ, каб. мывэ «камень»), адыг. уыцылъэ, каб. уыдылъэ «травянистый» (адыг. уыцы, каб. уыдэ «трава»), адыг.-каб. псылъэ «водянистый» (адыг.-каб. псы «вода»).

Тип словообразования с помощью -лъ(э)||-лъэ продуктивен.

Словообразовательный элемент -лъ(э)||-лъэ сохраняет лексическую связь с общеадыгской основой -лъэ «место», от которой он происходит. Ср.: адыг. псэуалъ, каб. псэуалъэ «хозяйствен-

ные постройки» < «место для живого», адыг.-каб. мэзылъэ «лесистый» < «место леса».

§ 70. Адыг.-каб. -мэ в окаменелом виде встречается в ряде названий инструментов. Например, каб. бдзумэ «деревянный молоток» (бдзы «долото»), адыг.-каб. уымэ «большой деревянный молот» (уэн «бить»), адыг.-каб. Iэмэ-псым «инструмент». Ср. также: каб. гуимэ «извозчиный экипаж» (каб. гуы «арба»), адыг. пцӀумэ «большой, изрядный кусок».

С помощью суффикса -мэ в кабардинском языке от основ количественных числительных образуются: шӀимэ «треугольник» (шӀы «три»), пӀлимэ «квадрат» (пӀлы «четыре»). Ср.: адыг. шьэнэбзы «треугольник» < шьанэ «третья часть» + бзы (бзын «кроить, резать»), пӀлэнэбзы «четырёхугольник, квадрат» < пӀланэ «четвертая часть» + бзы (бзын «кроить, резать»).

§ 71. Адыг. -тэ, -дэ, каб. -дэ. Суффикс -тэ, -дэ||-дэ выделяется в названиях ручных орудий (адыг. уатэ, каб. уадэ «молот»), адыг.-каб. уэн «бить» (адыг. Iадэ, каб. Iэдэ «щипцы»), адыг.-каб. Iэ «рука», еIэн «дергать, тянуть»), каб. джыдэ «топор», адыг. Iадэ-уад «ручные инструменты».

Окаменелый суффикс -тэ, -дэ содержит адыг. шъуатэ, каб. фадэ «напиток», шапс. шъуатэ «буза» (адыг. е-шъуэн, каб. е-фэ-н «пить»).

Суффиксальный элемент -ды, -д входит в состав адыг. шыдыды, каб. шыд «осел» (шы «лошадь»), адыг.-каб. лъэпэд «чулок, носок» (лъапэ «передняя часть ступни»), адыг.-каб. надэ «пустой, не имеющий ядра» (адыг.-каб. нэ «глаз, отверстие»). Элемент -дэ в слове надэ, возможно, связан с абхазско-абазинским суффиксом отрицания - (абаз. мчыда «без силы, бессильный»).

§ 72. Адыг. -б, -рб, каб. -мб. Единичный суффикс, встречающийся в словах: адыг. куырб, каб. куымб «ухаб, впадина» (куы «середина»), каб. лъэмб «след ноги», «углубление» (лъэ «нога»), куымблэмб «ухабистый» (кумб «ухаб» + лъэмб «углубление»), адыг. гъуырб, каб. гъуэмб «дыра, нора» (гъуэ «нора»). Ср.: адыг. слъэб уыкъымынчӀ! «не наступай на мои пятки!». В этом суффиксе элементы -р, -м — наращение; морфема -б, возможно, возводится к именной основе бы, сохранившейся в адыгейском языке в значении «дыра», «нора», «берлога». Ср.: адыг. Баджэр бым йыс «Лиса сидит в норе».

§ 73. Адыг.-каб. -тэ, -нтэ. Суффикс -тэ, -нтэ в окаменелом виде представлен в словах: адыг. Iат(э), каб. Iэтэ «копна», каб. Iэмбатэ «количество сена, взятое на вилы», адыг. шъхъант, каб. шъхъэнтэ «подушка», каб. шэнт «стул», адыг.-каб. пхъуантэ «сундук». В суффиксе -нтэ согласный н — наращение. Думается, что суффикс -тэ в этих словах генетически связан с превербом т, который указывает на поверхность предмета. Ср.: Iэтэ < Iэты-н «поднять».

§ 74. Адыг.-каб. -у. Непродуктивный суффикс -у входит в основу немногих слов: адыг.-каб. *псэу* «живой» (адыг.-каб. *псэ* «душа, жизнь»), адыг. *пкэу*, каб. *пкэу* «столб» (каб. *пкты* «тело, корпус, остов»), адыг.-каб. *чэу* «плетень, ограда из плетня» (адыг.-каб. *чы* «прут»).

§ 75. Адыг. -ф < каб. -хуз. Посредством этого суффикса образуются отглагольные существительные. Суффикс -ф||-хуз имеет значение «остаток от чего-либо, часть чего-либо». Например, адыг. *уыпсаф*, каб. *уыпсахузэ* «стружка» (адыг.-каб. *уыпсын* «строгать»), адыг. *бзыхьаф*, каб. *бзыхьэхузэ* «лоскут» (адыг.-каб. *бзын* «кроить»), каб. *пыуыдахузэ* «обломок, осколок» (каб. *пыудын* «отломить, обломить»), адыг. *шхаф*, каб. *шхахузэ* «объедки» (адыг.-каб. *шхын* «есть, кушать»).

Более архаичный вариант этого суффикса встречается в родственных языках. Ср.: абаз. *ддзахя* «лоскут», *чвынха*, *цынха* «объедки».

§ 76. Адыг. -рэ, каб. -рей (< рэйэ). Посредством этого суффикса образуются относительные прилагательные от предметно-обстоятельственных наречий: Ср.: адыг. *непэрэ*, каб. *нобэрей* «сегодняшний» (от адыг. *непэ*, каб. *нобэ* «сегодня»), адыг. *тыгъуэсэрэ*, каб. *дыгъуасэрэ* «вчерашний» (от адыг. *тыгъуас*, каб. *дыгъуасэ* «вчера»), адыг. *неуышьырэ*, каб. *пшгэдейрей* «завтрашний» (от адыг. *неуышь*, каб. *пшгэдей* «завтра»), адыг. *адрэ*, каб. *адрей* «другой, иной» (от адыг.-каб. *адэ* «там»), *джырэ*, каб. *ыджырей* «теперешний» (от адыг. *джы*, каб. *ыджы* «теперь, ныне»).

С помощью суффикса -рэ||-рей образуются от именных основ относительные прилагательные типа адыг. *ыжгъырэ*, каб. *ыжгъырей* «старый, прежний» (от адыг.-каб. *жгы* «старый»), адыг. *пэсэрэ*, каб. *пасэрэ* «древний, старый» (адыг. *пас*, каб. *пасэ* «древний, старый»), адыг. *апэрэ*, каб. *япэрэ*, *епэрэ*, *ыпэрэ* «передний, прежний, первый» (от адыг.-каб. *пэ* «передняя часть»), адыг. *ауыжрэ*, каб. *яуыжгъырей*, *ыуыжгъырей* «последний» (от адыг. *уыжы*, каб. *уыжэ* «след»).

В состав этих относительных прилагательных наряду с суффиксом -рэ||-рей входит префиксальный элемент (адыг. *ыжгъырэ*, каб. *ыжгъырей*, адыг. *а-пэрэ*, каб. *я-пэрэ*, *ып-пэрэ*), восходящий к притяжательному префиксу. В сущности префикс -рэ||-рей образует относительные прилагательные от притяжательных форм имен. Ср.: адыг. *а-пэ*, каб. *я-пэ* «передний, прежний, первый», букв.: «их передняя часть», адыг. *а-уыжы*, каб. *я-уыжэ* «последний», букв.: «их задняя часть».

Образование относительных прилагательных суффиксом -рэ||-рей от притяжательных форм — явление вторичное. Суффикс -рэ||-рей в этой функции не получил широкого распространения, так как эти притяжательные формы сами подверглись переосмыслению, т. е. адъективировались. Ср.: адыг. *апэ*, *япэрэ*, каб. *япэрэ* «передний, прежний, первый», адыг. *ауыжы*,

ауыжырэ, каб. *яуыжэ*, *яуыжгъырей* «последний», адыг. *ыжгъы*, *ыжгъырэ*, каб. *ыжгэ*, *ыжгъырей* «старый, прежний». Суффикс -рэ||-рей присоединяется не ко всем адъективированным притяжательным формам. Ср.: адыг. *ышгъэ*, каб. *нышгъэ* «верх, верхний», адыг. *ычгэ*, каб. *йычгэ* «конец, конечный». адыг. *ыхэ* «низ, нижний», адыг. *ыпшэ* «верх, верхний», каб. *ыпшгэ* «верх, верхний, юг, южный».

Суффикс -рэ||-рей входит в состав сложного суффикса -нэрэ-нэрэ, который вместе с префиксом я-(йа-), е-(йэ-) образует порядковые числительные: каб. *езэнэрэ* «первый» (от адыг.-каб. *зы* «один»), адыг. *ятлонэрэ*, каб. *етгуэнэрэ* «второй» (от адыг. *тгу*, каб. *тгу* «два»), адыг. *яшанэрэ*, каб. *ешгэнэрэ* «третий» (от адыг. *шы*, каб. *шгы* «три») ¹⁰¹.

Как мы видим, суффикс -рэ, -рей многозначен. Генетически этот словообразовательный суффикс связан с окончанием именительного падежа -р(э) ¹⁰². В кабардинском языке -рэ осложнен вторым суффиксальным элементом й(йэ), восходящим, очевидно, к притяжательному аффиксу йэ (рэ+йэ>рейэ>рэй>рей). Этот суффикс в отыменных прилагательных в осложненной форме реже встречается в адыгейском языке. Ср.: адыг. *лэсэрэ*, *пэсэрэ* «древний, ранний» и *лэсэрэ дэд* «очень ранний, старый». Более древний вариант -рэ в кабардинском языке сохраняется в ряде слов. Ср.: каб. *ышгъгэрэ* «север, северный», *ыжгъырабгэу* «правая сторона», *сэмэгуырабгэу* «левая сторона», *сытри* (адыг. *сыдри*) «всякий, любой». Без осложнения этот словообразовательный суффикс -рэ встречается также в кабардинском языке в производных словах с обстоятельственным значением. Ср.: *куэдрэ* «часто», *машгэрэ* «реже», «несколько раз».

§ 77. Адыг. -рый(йэ), каб. -рей (< рэйэ). Посредством данного суффикса образуются слова со значением «склонный к чему-либо, к какому-нибудь действию или состоянию». Например: адыг. *гуышьылэрий* «разговорчивый», каб. *псэлгэрэ* «разговорчивый», каб. *жейырей* «сонливый».

Данный суффикс более продуктивен в кабардинском языке. Суффикс -рый||-рей по своему составу сложный: адыг. *рэ+йэ>-рый*, каб. *рэ+йэ>-рей*.

Первая часть этого суффикса -рэ генетически увязывается с аффиксом именительного падежа -р(э). Вторая часть суффикса -рый||-рей, по-видимому, восходит к притяжательному аффиксу йэ.

По происхождению слова типа адыг. *гуышьылэ* «тот, кто

¹⁰¹ Подробнее об этом см. в главе «Словообразование числительных».

¹⁰² См.: Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956, стр. 102—109.

разговаривает», *гуышыблэры* «тот, кто часто разговаривает», являются причастиями. Ср.: каб. *жейр* «тот, кто спит», *жейырей* «тот, кто много спит».

§ 78. Каб. -бз(э). По значению суффикс -бз(э) близок к суффиксу -рый||-рей. Ср.: каб. *дыгъуэрабз*, *дыгъуэрабзэ* «вор», «вороватый» (каб. *дыгъуэн* «воровать, красть»). Суффикс -бз(э) по происхождению словоизменительный аффикс, т. е. является средством выражения формы превосходной степени. Ср.: каб. *плъыжъыбзэ* «очень красный», *къабзабзэ* «очень чистый». Ср.: каб. *дыгъуэрабз*, *дыгъуэрей* «склонный к воровству».

§ 79. Адыг. -л(э), каб. -лэ. Суффикс -л(э)||-лэ выступает как синоним суффикса -рый||-рей. Суффикс -л(э)||-лэ в адыгейском языке имеет более широкое применение, а в кабардинском он малопродуктивен. Данный суффикс присоединяется к именным и глагольным основам. Например: адыг.-каб. *узылэ* «болезненный»; адыг. *уэшьхыл*, *уэжъубэнал*, каб. *уэлбэналэ*, *уэшьхылэ* «дождливый», адыг. *цъыф цэфыл* «весельчак», *гуышыблэл* «разговорчивый», *самыркъэушыл* «шутливый».

Этот же суффикс в окаменелом виде представлен в словах: адыг. *члалэ*, каб. *шлалэ* «парень» (от адыг. *члэ*, каб. *шлэ* «молодой, новый»), адыг. *члэлэгъуал*, каб. *шлэлэгъуалэ* «молодежь»; ср. *дыгъэл* «хорошо просушенное на солнце» (от каб. *дыгъэ* «солнце»).

В адыгейском языке суффикс -л приобретает значение увеличительности. Например, адыг. *нэплал* «с большим веком» (от *наплэ* «веко»).

§ 80. Адыг.-каб. -лы. Непродуктивный суффикс -лы по семантике близок к суффиксу -л(э), -лэ.

Ср.: каб. *гуышлэгъулы* «жалостливый» (каб. *гуышлэгъу* «жалость», адыг. *чъыфэл*, *чъыфэлы*, каб. *шыхуэлы* «тот, кто в постоянных долгах» (адыг. *чъыфэ*, каб. *шыхуэ* «долг, кредит»), каб. *шыхълы* «имеющий большую честь» (*шыхъ* «честь»). Суффикс -лы, который в исконно адыгских словах встречается очень редко, вероятно, иноязычного (тюркского) происхождения. Ср.: каб. *гуэныхълы* «грешный», *насыплы* «счастливым».

§ 81. Адыг. -рыл(э), каб. -рилэ. По своему значению этот суффикс совпадает с синонимичными суффиксами -рый, -рей, -лэ, -л, -лэ. Ср.: адыг. *гуыбжырыл*, *гуыбжыл* «гневный, сердитый», адыг. *сымаджал*, каб. *сымаджэрилэ*, *сымаджэрей*, *узылэ* «болезненный».

Суффикс -рыл(э)||-рилэ в адыгских языках непродуктивен. Сложный суффикс -рыл(э)||-рилэ образовался в результате сращения двух аффиксов: суффикса -рэ, восходящего к окончанию именительного падежа, и суффикса -лэ (адыг.-каб. *узылэ* «болезненный»).

§ 82. Адыг. -рын(э), каб. -рина. По значению суффикс -рын(э)||-рина соответствует синонимичным суффиксам -рый||-рей, -л||-лэ, -рыл(э)||-рилэ. Ср.: адыг. *гъырын*, *гъырыл*, *гъырыл*, каб. *гъыринэ*, *гъырей*, *гъырилэ* «плаксивый, плакса», каб. *хъуэпсэринэ*, *хъуэпсэрей*, *хъуэпсэрилэ*, адыг. *шхъуэгъуал*, *шъуэгъуал* «завистливый».

Суффикс -рын(э)||-ринэ непродуктивен в кабардинском языке.

Первая часть суффикса -рын(э)||-ринэ — тот же -р(э), который представлен в синонимичных суффиксах -рый||-рей (-рэй), -рыл(э)||-рилэ.

§ 83. Адыг. -пх, каб. -х. К синонимичным суффиксам, имеющим значение «склонный к чему-либо», относится также суффикс -пх||-х. Суффикс -пх||-х производит имена от глагольных основ. Например: адыг. *шыгъуыпшапх*, каб. *шыгъуыпшгъэх* «забывчивый», адыг. *уычъытапх*, каб. *уычъытгъэх* «застенчивый», адыг. *шынапх* «боязливый», каб. *гуызэвэх* «беспокойный, быстро поддающийся волнению», каб. *шлшлэлэх*, *плышлэх* «зябкий, мерзляк», каб. *плэшлэх* «торопливый», каб. *пэшгъэшгъэх* «хлопотливый, суетливый», адыг. *гуыбжыпх* «вспыльчивый».

Думается, что суффикс -пх||-х по происхождению связан с общеадыгской основой х(э) в значении «низ, нижняя часть». Семантически связь суффикса -пх||-х, имеющего значение «склонный к чему-либо», с х(э) допустима. Ср. в русском языке «склон» и «склонный к чему-либо».

Таким образом, суффиксы -рый||-рей, -л(э)||-лэ, -рыл(э)||-рилэ, -рын(э)||-рина, -пх||-х имеют значение «склонный к чему-либо, характеризующийся наличием какого-нибудь признака или свойства». Синонимичные суффиксы — -рый||-рей, -рылэ||-рилэ, -рын(э)||-ринэ являются составными. Первая часть этих суффиксов генетически связана с аффиксом именительного падежа -р(э).

§ 84. Адыг. -нчъ(э), каб. -ншэ. Этот суффикс имеет значение «лишенный, не имеющий чего-нибудь». Суффикс -нчъ(э)||-ншэ присоединяется только к именным основам. Например: адыг. *къаруунчъ*, каб. *къарууыншэ* «слабый», букв.: «без силы», адыг. *федэнчъэ*, каб. *федэншэ* «бесполезный», букв.: «без пользы», адыг. *гъуынэнчъэ*, каб. *гъуынэншэ* «бескрайний», букв.: «без края», адыг. *цэфынчъ* «невеселый», букв.: «без веселья», каб. *уызыншэ* «здоровый», букв.: «без болезни». Тип словообразования с помощью суффикса -нчъэ||-ншэ продуктивен.

В суффиксе -нчъ(э)||-ншэ согласный -н — фонетическое наращение. Ср.: адыг. *шэнычъ* «вспыльчивый», букв.: «без характера, без нрава», каб. *шгэныншэ* «невоспитанный, нетактичный», букв.: «без характера, без нрава».

В диалектах этот суффикс представлен в различных фонетических вариантах: шапс. д. -нчэ (*къарууынчэ* «слабый»),

абадз. д. -нш(э), -нычъ (чэфыншэ, чэфынычъ «невеселый»), куб. д. -ншэ, -нчэ (уызыншэ, узынчэ «здоровый»).

Данный суффикс является общим достоянием абхазско-адыгских языков. Ср.: абх. алашу, абаз. алашуы «слепой» (абх.-абаз. ала «глаз»).

Как синоним суффикса -нчъ(э)||-ншэ выступает суффикс -хэ. Ср.: адыг. мэзахэ «темнота», каб. мэээхэ «безлунная ночь» (адыг.-каб. мазэ «луна»), каб. къарууыхэ «слабый, немощный» (каб. къару «сила»), адыг.-каб. гуыхэ «слабый, слабосердечный». Суффикс -хэ представлен в адыг.-каб. махэ «слабый», в каб. дзыхэ «слабый, невыносливый».

§ 85. Адыг. -куэ, каб. -гуэ (<бжед., шапс. д. -ккуэ). Суффикс -куэ||-гуэ по своему значению близок к суффиксу -нчъ(э)||-ншэ: -куэ||-гуэ выражает отсутствие или наличие в недостаточной мере того, что обозначается производной именной основой. Например: адыг. бзакуэ, каб. бзагуэ «немой» (адыг.-каб. бзэ «язык»), адыг. члакуэ, каб. члагуэ «короткий, куцый», перен. «пиджак», (адыг.-каб. члэ «хвост»), адыг. цакуэ, каб. дзагуэ «тупой» (адыг. цэ, каб. дзэ «зуб», «лезвие»), адыг. къуакуэ, каб. къуагуэ «однорогий, безрогий» (каб. къуы > къуэ «ручка», адыг. бжэ, каб. бжъакъуэ «рог»), адыг. пакуэ, каб. пагуэ «тупоносый» (адыг.-каб. нэ «нос»), адыг. лъакуэ, каб. лъагуэ «низкий, невысокий, короткий» (адыг.-каб. лъэ «нога»), каб. лэгъуэ-пагуэ «безрукавка» (каб. лэгъуапэ «рукав»).

Этот суффикс также представлен в слове дэгъуы||дэгъу «глухой».

Данный суффикс встречается в абхазском и абазинском языках. Ср.: абх. апагуа «неотточенный», «тупой», перен. «глухой», адагуа «глухой».

§ 86. Адыг. -дж(э), каб. -джэ (<гъэ < гэ). По своей семантике этот суффикс сближается с суффиксами -нчъ(э)||-ншэ, -куэ||-гуэ. Суффикс -дж(э)||-джэ выражает отсутствие или недостаток какого-нибудь качества. Например: адыг. клуэчлэдж, каб. гуашладжэ «беспомощный, бессильный» (адыг. клуачлэ «сила», каб. гуашлэ «труд», «сила»), каб. лъаджэ «короткий» (лъэ «нога»), цыджэ «безволосый» (цы «волос, шерсть»), лыджэ «худой» (лы «мясо»).

В результате переосмысления этимологического значения суффикс -дж(э)||-джэ стал средством выражения отрицательных качеств. Например: адыг.-каб. бзаджэ «злой» (адыг.-каб. бзэ «язык»), адыг. бзэдженаджэ «плохой», каб. бзадженаджэ «скверный, плохой, негодный» (адыг.-каб. бзэ «язык», нэ «глаз»), адыг. тепладж, каб. тепладжэ (адыг.-каб. теплэ «вид, внешность»), каб. сурэтыджэ (каб. сурэт «вид, облик») «уродливый, безобразный», каб. шъапхъаджэ «возмутительный, безобразный» (каб. шъапхъэ «пример, мера»).

Некоторые слова, образованные посредством суффикса -дж(э)||-джэ, стали непроизводными в результате выпадения

130

из языка соответствующих производящих слов. Ср., например: адыг.-каб. сымадж, каб. сымаджэ «больной», каб. мэхъуанджэ «сквернослов, язвительный».

В значении других слов, содержащих суффикс -дж(э)||-джэ, произошли значительные сдвиги: Ср.: каб. лъэшъыджэ «беременная», «немощная, бессильная» (лъэшъ «мощный, сильный»), каб. гъуэээджэ «превосходный, замечательный» (каб. гъуазэ «цель, ориентир»). Ср.: адыг. гъуээаджэ «не знающий дороги» (адыг. гъуаз «предводитель, путеводитель»).

Данный суффикс представлен и в других абхазско-адыгских языках. Ср.: абаз. алага «глупец», абаз. алагара «сумашествие», абх. ахъага «сумашедший».

Суффикс -дж(э)||-джэ восходит к самостоятельной основе га, которая сохранилась в убыхском языке. Ср.: убых. га «отсутствие, недостаток, дефект, изъян», перен. «дурной, плохой, скверный, злой, сердитый»¹⁰³.

Вероятно, абх. а-га «глупый» возводится к этой основе. С лексической стороны взаимосвязь убых. га «дурной, скверный, плохой» и абх. а-га «глупый» вполне закономерна.

По мнению Г. В. Рогава, рассматриваемый суффикс встречается в мегрельском языке. Например, мегрельск. твин-га «глупец, дурень», ун-га «глухой», бу-га «невежда» и т. д.

Г. В. Рогава высказал мнение, что мегрельский язык усвоил суффикс -га из абхазско-адыгских языков¹⁰⁴.

§ 87. Адыг. -й(э), каб. -й. Посредством суффикса -й от именных основ образуются имена с отрицательным значением. Ср.: адыг. бзэджай, каб. бзэджей «чрезмерно хитрый, вредный» (от адыг. бзаджэ «злой»), адыг. макъай, каб. макъей «хриплый, плохой голос» (от адыг.-каб. макъ «голос»), каб. гъуынэгъуей «злой, вредный сосед» (от гъуынэгъу «сосед»), адыг. жае, каб. жъей «грубый, злоязычный» (от адыг. жэ, каб. жъэ «рот, язык»). Тип непродуктивный. Суффикс -й, очевидно, восходит к основе общеадыгского слова Iай||Iэй «плохой», перен. «очень»; адыг. бзаджэ + Iай > бзаджай, каб. бзаджэ + Iэй > бзаджэй > бзаджей «чрезмерно хитрый», адыг. макъ + Iай > макъай, каб. макъ + Iэй > макъэй > макъей «плохой, охрипший голос». Утрата абруптивного элемента в слове Iай||Iэй на стыке сложного слова, слияние односложного определяющего слова с предшествующим определяемым словом, а также редукция гласной основы — все это закономерно с фонетической стороны.

§ 88. Адыг. -члэй(э), каб. -члей. Этот суффикс образован в результате сращения двух суффиксов: -члэ + й. Значение данного суффикса также соответствует сумме значений этих двух суф-

¹⁰³ См.: Г. В. Рогава. Абхазско-убыхско-адыгейский суффикс privativum ga в мегрельском. «Сообщение АН Груз. ССР», т. III, № 6. Тбилиси, 1942.

¹⁰⁴ См.: Г. В. Рогава, там же.

фиксов. Ср.: адыг. *шъычлай*, каб. *шъычлей* «невоспитанный, бестактный», адыг. *джэгуычлай*, каб. *джэгуычлей* «плохой способ игры», адыг. *шъычлай*, каб. *псэуычлей* «плохой образ жизни, плохой быт». Тип продуктивный.

§ 89. Адыг. -гъай, -гъае, каб. -гъей. Этот суффикс имеет значение чрезмерности и избыточности признака; сочетается лишь с некоторыми глагольными основами, образуя от них слова типа адыг. *ешъуагъай*, черк. *ефагъей* «совершенно пьяный», адыг. *гуыбжыгъай(э)*, черк. *гуыбжъагъей* «очень сердитый», адыг. *гъэшхэкъыгъай(э)* «чрезмерно сытый», *гъэлагъай(э)* «сильно окрашенный». В кабардинском языке разбираемый суффикс употребляется в основном в речи черкесов, т. е. кабардинцев, проживающих в Карачаево-Черкесии.

Суффикс -гъай, -гъае||-гъей состоит из двух частей: -гъа + й (<йэ). Первый элемент, возможно, возводится к окончанию причастия прошедшего времени -гъэ; второй элемент представляет собой именную суффикс -й, -йэ.

§ 90. Адыг.-каб. -е (<иэ). Суффикс -е выражает отрицательное качество. Например: адыг.-каб. *уае* «буря», «плохая погода» (ср. каб. *уэфл* «хорошая, ясная погода»), каб. *фае* «бесцветный, бледный, неяркий» (адыг. *шъуэ*, каб. *фэ* «цвет», «вид»). Элемент -е увязывается со словом *е* «зло», «плохое». Ср.: каб. *Е пшъауэ фъым уышъымыгуыгъэ* «Совершив зло, не жди добра» (посл.); адыг. *Ер зымлгъагъуыгъэм шлуыр ышлэрэп* «Кто не видел зла, тот не знает добра» (посл.).

§ 91. Адыг., каб. -(а)блэ. Малопродуктивный суффикс, имеющий отрицательное значение; сочетается лишь с некоторыми именными основами. Например: адыг., каб. *гъаблэ* «голод» (адыг., каб. *гъэ* «год»), каб. *ныбаблэ* «обжора» (*ныбэ* «живот»), *былымаблэ* «стяжатель, жадный до богатства» (*былым* «скот», «богатство»).

С семантической точки зрения есть основания сблизить суффикс -(а)блэ с абхазско-адыгской глагольной основой *блэ*; ср.: абх. *а-был-ра*, абаз. *был-ра*, адыг., каб. *блэ-н* «гореть». Для семантического развития ср. каб. *къэгъэ-блы-н* «увеличить, увеличивать».

§ 92. Адыг. -ц(э). Малопродуктивный суффикс, близкий по значению к суффиксу -(а)блэ. Ср.: *ныбац* «обжора», *тхъацэ* «скупой».

§ 93. Адыг. -шьэ, каб. -шэ. Суффикс -шьэ||-шэ вносит в основы имен значение «кривой, изогнутый, косой». Например: адыг. *бгъышьэ*, каб. *бгъышэ* (*бгы* «поясница»), адыг. *тхышьэ*, каб. *тхышэ* (адыг.-каб. *тхы* «спинка», «позвоночник»), каб. *пшъашэ* (*пшъэ* «спина», «плечо»), *шъыбышьэ* (*шъыб* «спина»), адыг. *шъхъашэ*, каб. *шъхъэшэ* «кривошей, кривоголовый» (адыг.-каб. *шъхъэ* «голова»), адыг. *пшъашэ* «кривошей» (*пшъэ* «шея»), адыг. *нашьэ*, каб. *нашэ* «косоглазый» (*нэ* «глаз»), адыг. *лъа-*

шьэ, каб. *лъашэ* «хромой» (адыг.-каб. *лъэ* «нога»), адыг. *лъэбышьэ*, каб. *лъэбышэ* «косопалый» (адыг.-каб. *лъэ* «нога»).

Суффикс -шьэ||-шэ характерен только для имен существительных, обозначающих части тела. Думается, что малопродуктивный суффикс -шьэ||-шэ восходит к глагольной основе *шьэн||шэн* «вести, направлять, двигать». Ср. производные глаголы от основы *шьэн||шэн*: адыг. *къэ-шьын*, каб. *къэ-шын* «гнуть-ся, сгибаться, согнуться», адыг. *къэ-гъэ-шьын*, каб. *къэ-гъэ-шын* «гнуть, согнуть, изогнуть», каб. *къэгъэш-нэгъэш* «зигзаги».

Первичное значение глагольной основы сохранилось в адыг. слове *шъхъэшэ* «поклон», букв.: «сгибание головы», перен. «кривоголовый».

Более архаичный вариант анализируемого суффикса представлен в шапсугском диалекте. Например: шапс. д. *лъачэ* «хромой», *начэ* «кривой», *шъхъачэ* «кривошей». Ср.: шапс. д. *чэн*, лит. адыг. яз. *шьэн*, каб. *шэн* «вести». В такой древней форме этот суффикс встречается в абазинском языке в словах, заимствованных из адыгских языков. Ср.: абаз. *алъача* «хромой», *йлачу* «безрукий».

§ 94. Адыг.-каб. -къуэ, -лу(э). Синонимом суффикса -шьэ||-шэ выступает суффикс -къуэ, -лу(э). Ср.: каб. *шлакъуэ* «хромой», *шъыбыкъуэ* «горбатый, сутулый», адыг. *тхыбылу* «горбатый», адыг. *былу-бышь*, каб. *былуэ-бышэ* «кривобокий», «уродливый». Ср.: адыг. *быты* «горбатый»; -луэ является фонетическим вариантом -къуэ (ср.: каб. *дэлэпыкъуын*, адыг. *дэлэпылэн* «помогать», каб. *нэку<нэлу* «лицо»). Более архаичный вариант -къуэ, вероятно, восходит к общеадыгской основе *ныкъуэ* «неполный, половина». Ср.: адыг. *ныкъуэ-тыркъу*, каб. *ныкъуэ-дыкъуэ* «инвалид», «физический недостаток».

§ 95. Адыг.-каб. -зэ. По значению суффикс -зэ близок к суффиксу -шьэ||-шэ. Например: адыг.-каб. *назэ* «косоглазый» (адыг.-каб. *нэ* «глаз»), *луызэ* «кривой», «узкий» (*луы* «рот», «передняя часть»). Суффикс -зэ восходит к глагольной основе -зэ: ср. адыг.-каб. *гъэ-зэ-н* «повернуть, свернуть».

В кабардинском языке суффикс -зэ может выступать как синоним суффикса -шэ. Ср.: каб. *назэ*, *нашэ* «косоглазый», *луызэ*, *луышэ* «кривой».

§ 96. Адыг.-каб. -ндж. Суффикс -ндж, как и суффиксы -шьэ||-шэ, -зэ, имеет значение «кривой, косой». Ср.: адыг.-каб. *бгъуындж* «наклонный, косой» (адыг.-каб. *бгъуы* «бок»), каб. *пхэндж* «неправильный, кривой, перекошенный, косой» (адыг.-каб. *пхэ* «задняя часть»).

§ 97. Адыг. -жъый, каб. -жъей (<жъэйэ). Посредством этого суффикса от именных основ образуются слова со значением уменьшительности. Этот суффикс более характерен для адыгейского языка. В кабардинском языке, за редкими исключениями, значение уменьшительности выражается полнзначным

словом *цлыклу* «маленький». Ср., например: адыг. *чэтжъый*, каб. *джджъей* «цыпленок», адыг. *шъэуэжъый*, каб. *шалэцлыклу* «мальчик», адыг. *пшъэшъэжъый*, каб. *хъыджэбзцлыклу* «девочка», адыг. *дэжъый*, каб. *дэцлыклу* «орешек».

В некоторых словах суффикс *-жъый*||*-жъей* утратил значение уменьшительности. Например: адыг. *пцэжъый*, каб. *бдзэжъей* «рыба». Ср.: каб. *бдзэ* «крупная рыба», каб. *бэрэжъей* «среда».

§ 98. Адыг. *-нау*, каб. *-нитлэ*. Этот суффикс усиливает уменьшительное значение, выраженное производящей основой. Ср.: каб. *цлыклуынитлэ*, адыг. *цлыклуынау* «очень маленький» (адыг.-каб. *цлыклу* «маленький»), каб. *тлэклуынитлэ*, адыг. *тлэклунау* «очень мало» (адыг.-каб. *тлэклу* «мало»). Ср.: каб. *цлыклуынитлэ*, *цлыклуынивэ* «очень маленький». По мнению Г. В. Рогава, в суффиксе *-нитлэ* («ништелэ», «нивэ») элемент *н* исторически является детерминативным суффиксом.

§ 99. Адыг. *-шху(э)*, каб. *-шхуэ*, бжед. *-шхуэ*. С помощью суффикса *-шху(э)*||*-шхуэ* от именных основ образуются существительные со значением увеличительности. Суффикс *-шхуэ* более продуктивен в кабардинском языке. Например: адыг.-каб. *дэшхуэ* «грецкий орех», букв.: «большой орех», адыг.-каб. *сэшхуэ* «сабля», букв.: «большой нож»*, каб. *адэшхуэ* «дедушка», букв.: «большой отец», адыг. *тэтэжъ* «дедушка», букв.: «старый отец», каб. *анэшхуэ* «бабушка», букв.: «большая мать». Ср. адыг. *нэнэжъ* «бабушка», букв.: «старая мать».

В кабардинском языке суффикс *-шхуэ* в сочетании с основой *-жъы* «старый» приобретает значение усиленной экспрессивности. Например: адыг. *макъэшхуэжъ*, каб. *макъыжъышхуэ*, *макъышхуэжъ* «голосище», адыг.-каб. *уынэжъышхуэ*, *уынэшхуэжъ* «домище», *къарыуыжъышхуэ*, *къарууышхуэжъ* «силища». Ср. также: адыг. *макъэжъцлыклу*, каб. *макъыжъцлыклу* «голосишко», адыг.-каб. *уынэжъцлыклу* «домишко», адыг. *цлэлэжъцлыклу*, каб. *шлэлэжъцлыклу* «мальчишка».

§ 100. Адыг.-каб. *-къ(э)*. Суффикс *-къ(э)* имеет значение увеличительности или отрицательного признака. Например: адыг.-каб. *ныбэкъ* «пузатый» (адыг.-каб. *ныбэ* «живот»), каб. *бгъакъэ* «грудастый, широкогрудый» (*бгъэ* «грудь»), *дзэмыкъэ* «зубастый» (*дзэ* «зуб»), адыг.-каб. *пакъэ* «коротконосый, тупоносый» (адыг.-каб. *пэ* «нос»).

§ 101. Каб. *-хъу*. Суффикс *-хъу* близок по значению к суффиксу *-къэ*. Ср.: каб. *нэхъу* «человек с большими, крупными глазами», адыг.-каб. *ныбэхъу* «пузатый, с большим животом» (*ныбэ* «живот»), адыг.-каб. *пэхъу* «широконосый» (*пэ*

* Слово «шашка» в русском языке А. Преображенский считает заимствованным из кабардинского языка (см. его «Этимологический словарь русского языка». М., 1910—1914). Правильнее предположить, что это слово проникло в русский язык из адыгейского языка, а именно: из бжедугского диалекта, в котором суффикс *-шхуэ* представлен в более архаичной форме *-шхуэ*: бжед. диалект *сэшхуэ* «шашка, сабля», букв.: *сэ* «нож»+*шхуэ* «большой».

«нос»), адыг. *жэхъу*, каб. *жъэхъу* «языкастый». Суффикс *-хъу*, возможно, генетически связан с общеадыгской основой *быхъу* «широкий».

§ 102. Адыг. *-тл(э)*, каб. *-тлэ*. Этот непродуктивный суффикс, имеющий увеличительное значение, сочетается с некоторыми основами названия частей тела. Например: адыг. *нэлуытл*, каб. *нэклуытлэ* «широколицый» (адыг., каб. *нэлу*, *нэклу* «лицо»), адыг., каб. *бгъатлэ* «широкогрудый» (адыг., каб. *бгъэ* «грудь»). Очевидно, этот же суффикс представлен в адыг. *нэмытл* «пучеглазый, с большими выпуклыми глазами». От этого слова происходит адыгейская фамилия *Нэмытлэкъу* «Намиток, Намиток», букв. «Пучеглазого сын».

§ 103. Адыг. *-гъуай(э)*, каб. *-гъуей* (<*гъуэйэ*). С помощью этого суффикса от глагольных основ образуются имена прилагательные. Суффикс *-гъуай(э)*||*-гъуей* указывает на то, что действие, выраженное производящей глагольной основой, трудно осуществимо. Например: адыг. *плуыгъуай*, каб. *плыгъуей* «трудновоспитуемый» (от адыг. *плуын*, каб. *плын* «воспитывать»), адыг. *стыгъуай*, каб. *ысыгъуей* «трудносоразмерный» (адыг. *стын*, каб. *ысын* «сгореть»), адыг. *шхыгъуай*, каб. *шхыгъуей* «трудно съедаемый» (от адыг.-каб. *шхын* «есть, кушать»).

Суффикс *-гъуай(э)*||*-гъуей* (<*гъуэйэ*) состоит из двух частей. Происхождение первой части *-гъу(э)* не совсем ясно. Возможно, элемент *-гъу(э)* связан с общеадыгским словом *гъуэ*, которое в составе сложного слова приобретает значение «место». Ср.: каб. *ехыгъуэ*, *егъэзыхыгъуэ* «наклон, покатость», букв.: «место спуска», *ехыгъуей* «трудный», «неудобный для спуска».

§ 104. Адыг. *-гъуашлу(э)*, каб. *-гъуафлэ*. Этот суффикс имеет значение, противоположное значению суффикса *-гъуай*||*-гъуей*. Суффикс *-гъуашлу*||*-гъуафлэ* указывает на то, что действие, выраженное производящей глагольной основой, легко осуществимо. Ср.: адыг. *стыгъуашлу*, каб. *ысыгъуафлэ* «легкосоразмерный», адыг. *шхыгъуашлу*, каб. *шхыгъуафлэ* «легко съедаемый», адыг. *пхырчлыгъуашлу*, каб. *пхырчлыгъуафлэ* «легкопроходимый».

Суффикс *-гъуашлу*||*-гъуафлэ* образован также в результате сращения элемента *-гъу(э)* с основой имени *шлуы*||*флы* «хороший».

Таким образом, суффиксы *-гъуай*||*-гъуей*, *-гъуашлу*||*гъуафлэ*, которые противоположны по значению, объединяются общностью первого компонента *-гъу(э)*.

Некоторые слова, образованные с помощью этих суффиксов, приобрели новое лексическое значение. Например: каб. *лэагъуыгъуей* «неприятный, непривлекательный». Ср.: каб. *лэагъуыгъуей* «трудно видимый», перен. «неприятный», *лэагъуыгъуафлэ* «легко видимый» > «приятный, привлекательный».

§ 105. Адыг. *-жъы* > каб. *-жъ*. Суффикс *-жъы*||*-жъ* встречается в качественных прилагательных, обозначающих цвет пред-

мета. Например: адыг. *плъыжьы*, каб. *плъыжь* «красный», адыг. *фыжьы*, каб. *хуыжь* «белый», адыг. *гъуэжьы*, каб. *гъуэжь* «желтый».

§ 106. Адыг. *-нтI(э)*, каб. *-нтIэ, -тIэ*. Этот суффикс встречается в словах: адыг. *шхъуантIэ*, каб. *шхъуантIэ* «зеленый», каб. *гъуатIэ* «темно-рыжий». Согласный *н* в суффиксе *-нтIэ* — наращение. Ср. шапс. д. *шхъуатIэ* «зеленый».

§ 107. Адыг. *-пчэ*, каб. *-бжэ*. Встречается в одном слове *гъуапчэ||гъуабжэ* «серый». Ср. адыг. *гъуэ* «серый».

§ 108. Адыг.-каб. *-гэ*. Вероятно, этот суффикс имел значение «высокий». Ср.: адыг.-каб. *лзэгэ* «высокий» (от адыг.-каб. *лзэ* «нога»), адыг.-каб. *пагэ*, абх. *а-пагъэ* «гордый», «заносчивый».

§ 109. Адыг.-каб. *-сэ*. Этот суффикс представлен в следующих словах: адыг.-каб. *пасэ* «ранний» (адыг.-каб. *пэ* «начало»), адыг.-каб. *чIасэ* «поздний» (адыг.-каб. *чIэ* «конец»).

§ 110. Адыг. *-пIцIэ*, каб. *-пIцIэ, -мIцIэ*. Ср.: адыг. *лзэпIцIэ*, каб. *лзэпIцIэ, лзэпIцIэ* «босой, босоногий» (адыг.-каб. *лзэ* «нога»), адыг. *шхъэпIцIэ*, каб. *шхъэпIцIэ, шхъэпIцIэ* «с непокрытой головой» (адыг.-каб. *шхъэ* «голова»), адыг. *пэпIцIэ*, каб. *пэпIцIэ* «острый», «остроносый» (адыг.-каб. *пэ* «начало», «нос»). Суффикс *-пIцIэ, -мIцIэ* восходит к именной основе *пIцIа-нэ* «голый», «нагой».

§ 111. Адыг. *-ш* каб. *-шъ*. Суффикс *-ш||шъ* выражает качество, свойство. Например: адыг. *лзэш*, каб. *лзэшъ* «крепкий, мощный» (адыг.-каб. *лзэ* «нога»), адыг. *лүыш*, каб. *лүышъ* «умный, смысленный» (адыг.-каб. *лүы* «рот»).

§ 112. Адыг.-каб. *-лэ* образует от основ количественных числительных слова, обозначающие меру длины. Ср.: адыг. *залэ* «один вершок», каб. *залэ* «в один палец» (от адыг.-каб. *зы* «один»), адыг. *тIуалэ* «два вершка», каб. *тIуалэ, тIалэ* «в два пальца» (от адыг. *тIу*, каб. *тIу* «два»), адыг. *шъалэ* «три вершка», каб. *шъалэ* «в три пальца» (от адыг. *шъы*, каб. *шъы* «три»), адыг. *пIлIалэ* «четыре вершка», каб. *пIлIалэ* «в четыре пальца» (от адыг.-каб. *пIлIы* «четыре»), адыг. *тфалэ* «пять вершков», *тхуалэ* «в пять пальцев» (от адыг. *тфы*, каб. *тхуы* «пять»). Суффикс *-лэ* присоединяется к основам числительных от одного до пяти.

§ 113. Из всего сказанного видно, что в адыгских языках имена существительные и прилагательные морфологически очень слабо дифференцированы. Типы суффиксального образования прилагательных в основном восходят к различным типам словосложения. (Ср.: адыг. *лзашъэ*, каб. *лзашэ* «хромой», адыг.-каб. *назэ* «косоглазый», адыг. *пхычIыгъуай*, каб. *пхычIыгъуей* «труднопроходимый», адыг. *пхычIыгъуашу*, каб. *пхычIыгъуафIэ* «легкопроходимый», адыг.-каб. *пэхъу* «широконосый», адыг. *мыжъуалъ*, каб. *мывалъэ* «каменистый».)

В адыгских языках именные словообразовательные элементы, хотя и не очень многочисленны, но разнообразны по продук-

тивности и происхождению. Наиболее продуктивные именные словообразовательные суффиксы (адыг. *-гъ(э)*, каб. *-гъэ*, адыг.-каб. *-чIэ*, адыг. *-рэ*, каб. *-рей*, адыг. *-гъуай*, каб. *-гъуей*, адыг. *-гъуашу*, каб. *-гъуафI*) возводятся либо к аффиксам словоизменения, либо к однозначным основам. Что же касается малопродуктивных и непродуктивных именных словообразовательных суффиксов, то они представляют собой древние детерминанты или компоненты сложных слов, утратившие свое этимологическое значение.

Для суффиксального словообразования имен характерны переходные явления, характеризующие тенденцию к образованию новых именных суффиксов на базе самостоятельных основ. Предпосылкой для развития новых именных словообразовательных суффиксов служит широкое развитие основосложения. Основосложение возмещает слабое развитие словообразовательной суффиксации и в то же время является основным источником образования новых именных словообразовательных суффиксов. Второй компонент сложных образований типа *тхакIуэ* «писарь, секретарь» (адыг.), «писатель» (каб.), *шъыгъуылъ*, *шъыгъуылъэ* «солонка», *мзылъ*, *мзылъэ* «лесистый» обнаруживает склонность к переходу в словообразовательный элемент в результате утраты им своего конкретного лексического содержания.

Все эти факты свидетельствуют о том, что в адыгских языках суффиксальное образование имен не получило широкого развития.

Некоторые именные словообразовательные суффиксы (адыг. *-дж*, каб. *-джэ*, адыг.-каб. *-гуэ*, адыг.-каб. *-нэ*, адыг. *-ф*, каб. *-хуэ* и др.) являются общими для всей группы абхазско-адыгских языков.

Но подавляющее большинство именных словообразовательных суффиксов должно быть отнесено к новообразованиям, которые сложились на общеадыгской языковой основе.

Глава третья

ГЛАГОЛ

§ 114. Вводные замечания. Из аффиксальных типов словообразования наиболее древним и продуктивным является префиксальный. Широкое развитие в адыгских языках получило префиксальное словообразование глагола, которое тесно связано с грамматическими категориями данной части речи. Напротив, в этих языках слабо развито суффиксальное словообразование глагола. Особенно многочисленны и разнообразны по своему составу глагольные превербы. По происхождению превербы бывают первичные и вторичные. В группу первичных превербов входят превербы древнейшего происхождения. На данном этапе развития адыгских языков первичные превербы утратили связь с самостоятельными основами, от которых они происходят. Вторичные превербы еще продолжают сохранять лексическую связь с самостоятельными основами.

Как отмечалось выше, глагольные префиксы, выражающие формы побудительности, возвратности, взаимности, соучастия, версии и потенциалиса, совмещают лексико-грамматическое значение. Эти префиксы, которые можно было назвать словоформообразовательными, выступая в роли основообразующих элементов, вместе с тем влияют на грамматическое значение глагола.

Следует также подчеркнуть, что глагольный префикс, обладающий лексико-грамматическим значением, с течением времени может становиться средством выражения либо грамматического, либо лексического (словообразовательного) значения. В ряде случаев на базе былых этимологических значений глагольного префикса могут возникнуть новые лексические значения, приводящие к многозначности производного глагола. Более того, изменение семантики глагольного словообразовательного префикса нередко служит причиной возникновения производных глаголов-омонимов (Ср., например: адыг. *фэшлын*, каб. *хуэшлын* «делать для него», адыг. *фэшлын*, каб. *хуэшлын* «су-

меть делать»). Поэтому представляется не лишним разъяснить, что отождествление всех производных форм, содержащих одинаковый аффикс, но имеющих различное лексико-грамматическое содержание, невольно приводит к признанию неизбежности семантики словообразовательного элемента и вместе с тем — к отрицанию факта развития языка. Так, например, относя все производные глагольные формы с префиксом *гъэ-* к побудительным глаголам, как это делается в существующих грамматиках, мы не только ограничиваемся неполной, односторонней характеристикой данного префикса, но и отказываемся от понимания языка как исторического, развивающегося явления. Как увидим ниже, семантика глагольных основообразующих префиксов не всегда является устойчивой и однозначной.

1. СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

В адыгских языках имеются следующие способы образования глагольных основ:

§ 115. Основосложение, например: адыг. *т-е-плъы-хы*, каб. *д-о-плъы-х* «мы смотрим вниз» (адыг.-каб. *е-плъы-н* «смотреть на кого-что»), *-хы*: адыг. *е-хы-н* «спускаться» (ср. адыг. *ы-хэ* «его низ, его конец»), адыг. *е-тэ-дзы-хы*, каб. *йы-д-о-дзы-х* «мы бросаем вниз» (адыг.-каб. *дзы-н* «бросать», *е-хы-н* «спускаться»), адыг. *т-е-чъа-жъэ*, каб. *д-о-жа-жъэ* «мы бежим, катимся куда-то» (адыг. *чъэ-н*, каб. *жэ-н* «бежать», адыг. *е-жъэ-н*, каб. *е-жъэ-н* «отправиться»), адыг. *йэ-тэ-хъэ-жъэ*, каб. *йы-д-о-хъэ-жъэ* «мы несем» (адыг.-каб. *хы-н* «нести», адыг. *е-жъэ-н*, каб. *е-жъэ-н* «отправиться»), адыг.-каб. *е-лъэдэкъэ-уэ-н* «пришпорить» (адыг.-каб. *лъэдэкъэ* «пятка», *уэ-н* «бить»), адыг. *сэ-гуы-шлуэ*, каб. *со-гуы-флэ* «я радуюсь» (адыг.-каб. *гуы* «сердце», адыг. *шлуы*, каб. *флы* «хороший»).

Основосложение в чистом виде не является производительным способом глагольного основообразования. В качестве второго корневого элемента сложной глагольной основы чаще всего выступают адыг.-каб. *-хы* (*е-хы-н* «спускаться»), адыг. *-жъэ*, каб. *-жъэ* (адыг. *е-жъэ-н*, каб. *е-жъэ-н* «отправиться»), адыг.-каб. *-уэ* (*е-уэ-н* «бить»).

Корень *-хы* сочетается с глагольными и реже именными основами: каб. *е-жэ-хын* «бежать вниз», *е-лъэшхъэ-хы-н* «понижаться, понизиться». Корень *-жъэ*||*-жъэ*, как правило, образует сложную основу в сочетании с глагольными основами: адыг. *е-лъэшъуэ-жъэ-н*, каб. *е-лъэфэ-жъэ-н* «волочить, тащить», адыг. *е-фы-жъэ-н*, каб. *е-хуы-жъэ-н* «погнать, угнать». Корень *-уэ* сочетается обычно с именными основами: адыг. *е-штъхъэ-штъуэ-уэ-н*, каб. *е-штъхъэфэ-уэ-н* «бить, ударить по голове», каб. *е-лъэбышъэ-уэ-н* «прихрамывать».

Н. Ф. Яковлев, точку зрения которого разделяют и другие ученые, считает, что основы типа адыг.-каб. *е-плъы-хы-н* «смотрим»,

реть вниз» образованы способом инкорпорирования, т. е. путем включения глагольных основ в состав основы *е-хы-н* «спускаться»¹⁰⁵. Относя основы данного типа к инкорпорированным образованиям, Н. Ф. Яковлев исходит из того, что основа глагола *е-хы-н* «спускаться» является производной, т. е. состоит из двух морфем — основообразующего префикса *е-(йэ-)* и корневого элемента *-хы*, в состав которых включаются другие самостоятельные глагольные основы. При всей кажущейся убедительности эта точка зрения является ошибочной. Основу глагола *е-хы-н* «спускаться» составляет только корневая морфема *-хы*, которая связана с префиксом *е-(йэ-)*. Последний не входит в состав основы этого глагола, а представляет словоизменяющийся аффикс. Отрезок *е-(йэ-)* в глаголах адыг.-каб. *е-хы-н* «сойти, спускаться с чего-то», адыг. *е-жъэ-н*, каб. *е-жъэ-н* «отправиться в путь», как и в глаголах адыг.-каб. *е-уэ-н* «бить, ударить кого-либо по чему-либо», *е-лъэ-н* «перепрыгнуть через что-то», является единой морфемой с определенным значением. Это доказывается расположением этого аффикса в парадигме спряжения глаголов. Ср., например:

адыг. *с-е-хы* «я схожу с чего-то»
у-е-хы «ты сходишь с чего-то»
е-хы «(он) сходит с чего-то»
с-е-уэ «я быю кого-то по чему-либо»
у-е-уэ «ты бьешь кого-то по чему-либо»
е-уэ «(он) бьет кого-то по чему-либо»

Ср. также с превербом направления *къ-*:

<i>сы-къ-е-хы</i>	<i>сы-къ-е-уэ</i>
<i>уы-къ-е-хы</i>	<i>уы-къ-е-уэ</i>
<i>къ-е-хы</i>	<i>къ-е-уэ</i>

Как видим, префикс *е-(йэ-)* в глаголах *е-хы-н*, *е-жъэ-н*||*е-жъэ-н*, как и в глаголах *е-уэ-н*, *е-лъэ-н*, является грамматическим показателем косвенного объекта 3-го лица.

Этот же префикс представлен и в трехличных переходных глаголах типа адыг. *е-шьэ-лэ-н*, каб. *е-шэ-лэ-н* «подвести», «подвести», адыг.-каб. *е-кӀуэ-чы-н* «идти в обход».

В парадигме этих глаголов префикс *е-* последовательно занимает место показателя косвенного объекта. Ср.: каб.

уэ-с-шэ-л-а-шъ «я подвез к тебе»
е-с-шэ-л-а-шъ «я подвез к нему»
фэ-с-шэ-л-а-шъ «я подвез к вам»

Эти примеры убедительно показывают, что префикс *е-* по своей грамматической функции ничем не отличается от личных

¹⁰⁵ См.: Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 243.

префиксов *уэ-*, *фэ-*. Сравнение примеров обнаруживает противопоставление, которое заключается только в том, что *е-* выражает косвенный объект 3-го л. ед. ч., *уэ-* — косвенный объект 2-го л. мн. ч., *фэ-* — косвенный объект 2-го л. мн. ч. Если считать морфему *е-(йы-)* превербом, то в разряд превербов нужно включить префиксы косвенного объекта других лиц *с(э)-*, *у(э)-*, *т(э)-*||*д(э)-*, *шъу(э)-*||*ф(э)-*, *я-*||*а-*. Поэтому должна отпасть существующая точка зрения, согласно которой основы типа *е-шьэ-лэ-н*||*е-шэ-лэ-н*, *е-шьэ-чы-н*||*е-шэ-чы-н* считаются образованными префиксально-суффиксальным способом.

По той же причине следует считать ошибочным и мнение Х. У. Эльбердова, что морфема *е-(йы-)* является превербом. Основанием для отнесения морфемы *е-(йы-)* к превербам для Х. У. Эльбердова служит то обстоятельство, что глаголы как с морфемой *е-(йы-)*, так и с превербами одинаково требуют косвенного дополнения. Ср.: каб. *псым хэхъэ-н* «войти в воду», *уыным бгъэдэ-хъэ-н* «подойти к дому». В том, что глаголы с местными превербами связаны с косвенным объектом, не может быть никакого сомнения. Но дело в том, что местные превербы, увеличивая число лиц в глаголе, остаются превербами — средствами выражения конкретных локальных отношений. Морфема *бгъэд(э)-* подводится под категорию преверба (основообразующего элемента) не потому, что в сочетании с ней глагольная основа оказывается связанной с косвенным объектом, а потому, что она имеет конкретное локальное значение, которое изменяет лексическое значение производящей основы.

В этом легко можно убедиться, если мы обратимся к тем же примерам, которые приводит Х. У. Эльбердов в пояснение своей точки зрения. Наряду с другими примерами Х. У. Эльбердов приводит синонимичные сочетания *екӀуэлашъ жыгым*, *бгъэдэ-хъашъ жыгым* «(он) подошел к дереву». Из этих примеров видно, что морфема *е-* в глаголе *екӀуэ-л-а-шъ* и морфема *бгъэдэ-* в глаголе *бгъэдэ-хъ-а-шъ* не являются функционально эквивалентными. В глаголе *екӀуэ-л-а-шъ* морфема *е-* подобно морфемам *зэ (<сэ)>*, *вэ (<фэ)>* в формах *уы-къы-зэ-кӀуэ-л-а-шъ* «ты ко мне подошел», *сы-вэ-кӀуэ-л-а-шъ* «я к вам подошел» служит лишь средством выражения косвенного объекта, а средством выражения локального (лексического) значения в этом же глаголе является морфема *-л-*. В глаголе *бгъэдэ-хъ-а-шъ* морфема *бгъэдэ-* не только предполагает косвенный объект, но одновременно несет и такую же функцию, какую несет словообразовательный суффикс *-л-* в глаголе *екӀуэ-л-а-шъ*. Точнее говоря, морфема *бгъэдэ-* как бы заменяет морфемы *е-* и *-л-*. Оставляя в стороне вопрос о различиях

¹⁰⁶ См.: Эльберд Х. Г. у. Е. и префксхэм я ӀуэхукӀэ. «Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института», том XII. Нальчик, 1957.

между превербами и личными аффиксами, укажем еще только на то, что преверб в обычном понимании этого термина должен обладать локальным или направительным значением. Что же касается морфемы *е-*, которая рассматривается Х. У. Эльбердовым как преверб, то она не имеет ни локального, ни направительного значения.

Кроме того, и это главное, — локальные превербы и префикс *е-* в парадигме глагола имеют разную дистрибуцию. Теоретически в одной парадигме не может быть двух однопорядковых аффиксов. Так, в парадигме не встречается одновременно двух локальных превербов. Локальные превербы свободно сочетаются в одной парадигме с префиксом *е-*, что опровергает мнение Х. У. Эльбердова.

Реконструируемые Х. У. Эльбердовым формы *кэуэйэ-джашиъ* > *кэоджашъ* «он звал тебя», *кэуэйэплъашиъ* > *кэоплъашиъ* «он смотрел на тебя» нельзя признать обоснованными. В этих формах просто не должно быть места для показателя косвенного объекта 3-го лица *е-(йэ-)*: его место закономерно занимает объект 2-го лица *у-(э-)*, который в кабардинском языке перед гласным изменяется в *о*, а в адыгейском языке сохраняется в этом же положении. Ср.: адыг. *кэы-уэ-дж-а-гъ* «(он) звал тебя», *кэы-сэ-дж-а-гъ* «(он) звал меня», *кэ-е-дж-а-гъ* «(он) звал его».

Итак, если взять глагол во всей совокупности его форм, а не в одной масдарной форме, то рассматриваемая морфема оказывается в ряду других личных показателей косвенного объекта в переходных и переходных глаголах. Но морфемный анализ проводится указанными авторами не путем включения анализируемой морфемы в словоизменительные ряды, а изолированно т. е. вне парадигматической системы.

Вернемся к моделям типа *основа+х(ы)*, *основа+жь(э)-жь(э)*. Последние также связаны с косвенным объектом. По своей парадигме адыг. *е-чъэ-хы-н*, каб. *е-жэ-хы-н* «бежать вниз», адыг. *е-чъэ-жьэ-н*, каб. *е-жэ-жьэ-н* «побежать куда-либо» совпадают с двухличными переходными глаголами *е-уэ-н* «бить, ударять», а адыг.-каб. *е-дзы-хы-н* «бросить вниз», адыг. *е-хьы-жьэ-н*, каб. *е-хьэ-жьэ-н* «унести» — с трехличным глаголом *е-ты-н* «дать, давать». Ср. каб.

с-е-жэ-х-а-шъ «я побежал вниз»
у-е-жэ-х-а-шъ «ты побежал вниз»
е-жэ-х-а-шъ «(он) побежал вниз»
с-е-у-а-шъ «я ударил по чему-либо»
у-е-у-а-шъ «ты ударил по чему-либо»
е-у-а-шъ «(он) ударил по чему-либо»

Разбираемые глаголы, будучи связаны с косвенным объектом, различаются с точки зрения основообразования: основы типа адыг. *е-шьэ-лэ-н*, каб. *е-шэ-лэ-н*, адыг.-каб. *е-клуэ-лэ-н*, адыг.-каб. *е-клуэ-чы-н* образованы суффиксальным способом,

основы типа адыг. *е-чъэ-хы-н*, каб. *е-жэ-хы-н*, адыг. *е-хьы-хы-н*, каб. *е-хьэ-хы-н*, адыг. *е-шьэ-жьэ-н*, каб. *е-шэ-жьэ-н* — способом сложения, а основы типа адыг.-каб. *е-уэ-н*, *е-ты-н* являются простыми.

Адыг.-каб. *-хы*, адыг. *-жьэ*, каб. *-жьэ* исторически являются основами двухличных переходных глаголов, хотя в синхронном плане они воспринимаются как одноличные переходные глаголы вследствие эллипсиса — пропуска подразумеваемого члена предложения, отражением которого служит префикс *е-(йэ-)*. Ср.: каб. *ар джабэм е-х-а-шъ* «он спустился с горы», *ар е-х-а-шъ* «он сошел, спустился с чего-то», *ар гъуэгуанам е-жъ-ашъ* «он отправился в путешествие», *ар е-жъа-шъ* «он отправился (в путь)». Адыг.-каб. *-хы*, адыг. *-жьэ*, каб. *-жьэ* как основы двухличных переходных глаголов всегда связаны с префиксом косвенного объекта *е-*. Основы, связанные с префиксом *е-*, в адыгских языках многочисленны. К ним относятся основы двухличных переходных глаголов адыг. *е-шьэ-н*, каб. *е-фэ-н* «пить», адыг. *е-жэ-н*, каб. *е-жьэ-н* «ждать», адыг. *е-шэ-н*, каб. *е-шэ-н* «охотиться», адыг.-каб. *е-кэуы-н* «тянуть», «потянуть», адыг.-каб. *е-сы-н* «плавать», каб. *егийы-н* «упрекать», «укорять», адыг.-каб. *е-бэ-н* «наклониться», «крениться» и т. д.

В отличие от основ двухличных переходных глаголов, постоянно связанных с префиксом *е-*, основы типа адыг.-каб. *уэ-лээ-* используются как основы одноличных и двухличных переходных глаголов. Ср.: адыг. *ар ма-уэ* «он бьет», *ар е-уэ* «он бьет кого-то по чему-либо», *ар ма-лээ* «он прыгает», *ар е-лээ* «он перепрыгивает через что-то».

Выше отмечалось, что в адыгских языках от некоторых сложных основ без специальных словообразовательных аффиксов образуются глагол и имя существительное. Ср., например: адыг. *ар мэ-ша-клуэ* «он охотничает», *ша-клуэ-р кээклуэ* «охотник идет сюда». Ввиду того, что сложные основы этого типа по своей природе являются нейтральными в отношении их принадлежности к глагольным и именным основам, представляется целесообразным рассматривать их в разделе, посвященном глагольному словообразованию¹⁰⁷.

§ 116. Инкорпорирование, т. е. включение самостоятельных глагольных основ (непроизводных и производных) в состав прерывистых (прерываемых) основ типа *преверб+хь(э)*, *преверб+ч(ы)*, *преверб+с(ы)*, *преверб+х(ы)*, например: адыг. *дэ-тыс-хьа-н*, каб. *дэ-тыс-хьэ-н* «сесть, садиться между кем-, чем-либо», ср.: адыг. *дэ-хьа-н*, каб. *дэ-хьэ-н* «входить между кем-, чем-либо», адыг.-каб. *тысы-н* «сесть, садиться», адыг. *йы-пыш-хьа-н*, каб. *йы-пыш-хьэ-н* «вползти внутрь чего-либо», ср.: адыг. *йы-хьа-н*, каб. *йы-хьэ-н* «входить внутрь че-

¹⁰⁷ Подробнее об этом см. выше, в первой главе.

го-либо», адыг. *пшы-н*, каб. *пшты-н* «ползти», адыг.-каб. *дэ-луы-чы-н* «звучать откуда-либо», адыг.-каб. *дэ-чы-н* «выходить откуда-либо», каб. (*кэз*)-*луы-н* «раздаваться, разноситься» (о звуках), адыг.-каб. *хэ-пльыи-чы-н* «торчат из чего-либо», ср. адыг.-каб. *хэ-чы-н* «выходить из чего-либо», *пльыи-н* «торчат»; адыг. *нэ-хыи-сы-н*, каб. *нэ-хэ-сы-н* «донести туда», ср.: адыг.-каб. *нэ-сы-н* «дойти, доехать туда», *хыи-н* «нести», адыг. *дэ-шьэ-хы-н*, каб. *дэ-шэ-хыи* «отвести в сторону», ср.: адыг.-каб. *дэ-хы-н* «обойти, обогнать», адыг. *шьэ-н*, каб. *шэ-н* «вести».

В качестве корневых морфем прерывистых основ выступают связанные (несамостоятельные) основы **-хь(э)**, **-ч(ы)**, **-с(ы)**, **-х(ы)**. Но по своей сочетаемости эти морфемы разнородны. Корневые морфемы **-хь(э)**, **-ч(ы)** имеют значение «идти» («ходить»). Морфема **-хь(э)** обозначает действие, направленное туда (к предмету), противоположное значение — действие, направленное отсюда (от предмета), имеет морфема **-ч(ы)**. Морфемы **-хь(э)**, **-ч(ы)** сочетаются почти со всеми местными провербами, образуя вместе с ними множество прерывистых основ типа адыг. *хэ-хьа-н*, каб. *хэ-хьэ-н* «войти», адыг.-каб. *хэ-чы-н* «выйти», адыг. *гуэ-хьа-н*, каб. *гуэ-хьэ-н* «присоединиться», адыг.-каб. *гуэ-чы-н* «отделиться», адыг. *бгьуэдэ-чы-н* «отходить». Последние включают в свой состав основы переходных и непереходных глаголов. Ср.: адыг. *хэ-ды-хьа-н*, каб. *хэ-ды-хьы-н* «вшивать» (адыг.-каб. *ды-н* «сшить»), адыг. *те-уышлуэйы-хьа-н*, каб. *те-уы-флэйы-хьы-н* «загрязниться на чем-то», адыг. *те-уышлуэйы-чы-н*, *те-уыфлэйы-чы-н* «загрязниться в верхней части» (адыг. *уышлуэйы-н*, каб. *уыфлэйыи* «загрязниться»), адыг. *дэ-плъы-хьа-н*, каб. *дэ-плъы-хьы-н* «смотреть внутрь», адыг.-каб. *дэ-плъы-чы-н* «смотреть откуда-либо».

По своей лексико-словообразовательной функции корни **-хь(э)**, **-ч(ы)** сближаются с абхазскими суффиксами — корнями **-ла**, **-цл**. Ср.: адыг.-каб. *хэ-хьэ-н*, абх. *а-та-ла-ра* «войти», адыг.-каб. *хэ-чы-н*, абх. *а-ты-цл-ра* «выйти».

В отличие от **-хь(э)**, **-ч(ы)** корневые морфемы **-с(ы)**, **-х(ы)** сочетаются лишь с некоторыми префиксами, что ограничивает их словообразовательные возможности. Так, корневая морфема **-с(ы)** образует прерывистые основы только в сочетании с аффиксами **н(э)**-, **кь(э)**-, **зэху(э)**-||**зэф(э)**-, а корневая морфема **-х(ы)** — в сочетании с **д(э)**-, **шъхьад(э)**-||**шъхьэд(э)**-; ср.: адыг.-каб. *нэ-сы-н* «дойти, доехать туда», *кэз-сы-н* «дойти, доехать сюда», адыг. *зэфэ-сы-н*, каб. *зэхуэ-сы-н* «собраться», адыг.-каб. *дэ-хы-н* «обойти, обогнать», адыг. *шъхьадэ-хы-н*, каб. *шъхьэдэ-хы-н* «перейти через что-то». Кроме того, основа глагола *кэз-сы-н* «дойти, доехать сюда» становится прерываемой обычно в кабардинском языке. Основа глагола *шъхьадэ-хы-н* «перейти через что-то» также редко бывает прерывистой в адыгейском языке. Ср.: адыг. *нэ-шьэ-сы-н*, каб. *нэ-шэ-сы-н* «доставить, доставить туда», адыг. *зэфэ-шьэ-сы-н*, каб. *зэхуэ-шэ-сы-н* «собирать, сво-

дить, свозить в одно место», адыг. *дэ-чэз-хы-н*, каб. *дэ-жэ-хы-н* «обгонять», каб. *шъхьэдэ-дзы-хы-н* «перебросить».

Прерывистые основы префикс+с(ы) допускают включение между их частями только основ переходных глаголов движения. Так, в кабардинском языке в состав прерывистой основы *зэхуэ-сы-н* «собраться» включаются основы переходных глаголов *хьы-н* «нести», *шэ-н* «вести», *дзы-н* «бросить», *лээфы-н* «тащить», *хуы-н* «гнать», *тхъуы-н* «грести»; ср.: *зэхуэ-хьэ-сы-н* «собрать, снести в одно место», *зэхуэ-дзы-сы-н* «сбросить в одно место», *зэхуэ-лээфэ-сы-н* «тащить в одно место», *зэхуэ-тхъуы-сы-н* «грести в одно место», *зэхуэ-хуы-сы-н* «согнать».

Общеадыгская основа **д(э)...** **х(ы)** сочетается только с ограниченным количеством основ глаголов движения. Помимо приведенных выше *шьэ-н*||*шэ-н* «вести, везти», *чэз-н*||*жэ-н* «бежать», к ним относятся основы глаголов *хьы-н* «нести», *фы-н*||*хуы-н* «гнать», *дзы-н* «бросить» и др. Ср.: адыг. *дэ-хьы-хы-н*, каб. *дэ-хьэ-хы-н* «отнести в сторону», перен. «очаровывать, увлечь», адыг. *дэ-фы-хы-н*, каб. *дэ-хуы-хы-н* «отгонять в сторону».

Более продуктивна кабардинская основа **шъхьэд(э)...** **х(ы)**, которая сочетается с основами переходных и непереходных глаголов. Ср.: каб. *шъхьэдэ-хы-н* «перенести через что», *шъхьэдэ-лээфы-хы-н* «перетащить через что-то», *шъхьэдэ-шэхы-н* «перевезти через что-то», *шъхьэдэ-хуы-хы-н* «перегонять через что-то», *шъхьэдэ-лъы-хы-н*, *шъхьэдэ-пч(ы)-хы-н* «перепрыгнуть через что-то», *шъхьэдэ-пшты-хы-н* «перелезть через что-то».

Корневые морфемы **-хь(э)**, **-ч(ы)**, **-с(ы)**, **-х(ы)** в сочетании с провербами образуют основы только непереходных глаголов. Но производные основы, образованные путем включения основы переходных глаголов в состав прерывистых основ, приобретают переходное значение. Ср.: адыг. *ашь ты-ри-ш(ы)-хьа-гъ*, каб. *абы ты-ри-ш(ы)-хьа-шъ* «он построил что-то над чем-то»; адыг. *ашь х-е-ды-ч(ы)*, каб. *абы х-е-ды-ч(ы)* «он вышивает», *абы зэху-е-лээфэ-с* «он собирает в одно место», адыг. *ашь ылэ д-и-шьэйы-чы-гъ*, *абы йылэр д-и-шэйы-ч(ы)-шъ* «он просунул свою руку».

Итак, в адыгских языках производные основы, образованные способом включения, распределяются по следующим четырем моделям:

преверб+основа+хь(э)-
преверб+основа+ч(ы)-
преверб+основа+с(ы)-
преверб+основа+х(ы)-

В результате переразложения моделей *преверб+основа+ч(ы)*, *преверб+основа+хь(э)* появились синонимические пары типа адыг.-каб. *дэ-плъы-чы-н* = *дэ-плъы-н* «выглядывать откуда-либо», адыг. *дэ-плъы-хьа-н*, каб. *дэ-плъы-хьы-н* = *дэ-плъэ-н* «заглядывать куда-либо», адыг. *дэ-шьэйы-чы-н* = *дэ-шьэ-н*, каб. *дэ-шыйы-чы-н* = *дэ-шыйе-н* «просунуть», *дэ-лэбы-*

чы-н=дэ-лэбы-н «просунуть руку откуда-либо». Основы-дублеты возникли, очевидно, вследствие утраты корневыми морфемами *-чI(ы)*, *-хь(э)* своей функции. Функцию *-чI(э)*, *-хь(э)* приобретает чередование гласных *ы-э*. Однако эта новая модель охватывает далеко не все производные основы, образованные путем включения¹⁰⁸. Ср. также: каб. *къы-шъхьэдэ-дзы-хы-н=къы-шъхьэ-дэ-дзы-н* «перебросить сюда через что-то», *къы-шъхьэдэ-лэфы-хы-н=къы-шъхьэдэ-лэфы-н* «перетаскивать сюда через что-то» при отсутствии *къы-шъхьэдэ-бэкъуэ-н* вместо *къы-шъхьэдэ-бэкъуы-хы-н* «перешагнуть сюда через что-то», *къы-шъхьэдэ-уыкIуырие-н* вместо *къы-шъхьэдэ-уыкIуырие-хы-н* «перевалиться сюда через что-то».

§ 117. **Префиксальный**, например: адыг. *сэ-гъа-кIуэ*, каб. *с-о-гъа-кIуэ* «я заставляю его идти» (адыг.-каб. *кIуэ-н* «идти»), адыг. *фэ-сэ-тхы*, каб. *хуы-з-о-тх* «я для него пишу» (адыг.-каб. *тхы-н* «писать»), адыг. *дэ-сэ-хьы*, каб. *ды-з-о-хь* «я несу вместе с ним» (адыг.-каб. *хьы-н* «нести»), *с-фэ-шы*, каб. *с-ху-о-шI* «я умею делать» (адыг.-каб. *шы-н* «делать»), адыг. *зэдэ-лажьэ-х*, каб. *зэд-о-лажьэ* «они работают совместно» (адыг. *лэжьэ-н*, каб. *лэжьэ-н* «работать»), адыг. *сы-те-плэ*, каб. *сы-т-о-плэ* «я смотрю на поверхность кого-, чего-либо» (адыг.-каб. *плэ-н* «смотреть»), адыг. *сы-хэ-сы*, каб. *сы-хэ-сшъ* «я сижу внутри чего-то» (адыг.-каб. *сы-* — основа глагола «сидеть»), адыг. *мэ-уы-шыуыцIы*, каб. *мэ-уы-фIыцI* «он (она, оно) чернеет» (адыг. *шыуыцIэ*, каб. *фIыцIэ* «черный»).

Префиксальный способ является самым древним и производительным среди аффиксальных типов глагольного словообразования. Как увидим ниже, содержание глагольных префиксов не исчерпывается их основообразующей ролью. Поэтому основообразующие глагольные префиксы следует рассматривать в тесной связи с грамматическими категориями, в особенности с категориями лица, переходности и непереходности глагольной основы.

§ 118. **Суффиксальный**, например: адыг. *уэ-лэа-тэ*, каб. *у-о-лэа-та* «ты летаешь» (адыг.-каб. *лэ-н* «прыгать»), адыг. *у-е-кIуа-лэ*, каб. *у-о-кIуа-лэ* «ты подходишь» (адыг.-каб. *кIуэ-н* «идти»), адыг. *у-е-плэ-чы*, каб. *у-о-плэ-чI* «ты оглядываешься» (адыг.-каб. *плэ-н* «смотреть»), адыг. *у-е-пэгэ-чы*, каб. *у-о-пэгэ-чI* «ты относишься высокомерно к нему» (адыг.-каб. *пагэ* «высокомерный, гордый»), адыг. *уэ-шьэ-жьы*, каб. *у-о-шэ-ж* «ты ведешь (везешь) его обратно» (адыг. *шьэ-н*, каб. *шэ-н* «вести, везти»), адыг. *уэ-шы-шъуы*, каб. *уо-шы-ф* «ты в силах делать» (адыг.-каб. *шы-н* «делать»), адыг. *у-е-джа-шьэ*, каб. *у-о-джа-шъэ* «ты слишком много учишься» (адыг.-каб. *е-джэ-н* «учиться»), адыг. *уэ-шха-луэ*, каб. *у-о-шхэ-луэ*, *у-о-шхэ-къуэ* «ты переедаешь» (адыг.-каб. *шхэ-н* «есть»), адыг. *уэ-хьы-пэ*, каб.

¹⁰⁸ См. стр. 31.

у-о-хьы-пэ «ты несешь окончательно» (адыг.-каб. *хьы-н* «нести»).

Способ суффиксального образования глагольных основ в адыгских языках менее развит по сравнению с префиксальным способом. Основообразующие суффиксы по происхождению относятся также к более поздней эпохе. Некоторые из них (*-лэ*, *-чIэ*) по своему значению связаны с косвенным объектом, ср.: адыг.-каб. *е-кIуэ-лэ-н* «подходить», адыг.-каб. *е-плэ-чы-н* «оглянуться». Как уже отмечалось, префикс *е-(йэ-)*, выражающий косвенный объект в глаголе, не входит в основу. Ср.: каб. *е-с-хьэ-лIа-шъ* «я подносил к нему», *уэ-с-хьэ-лIа-шъ* «я подносил к тебе», *е-с-шIэ-чIа-шъ* «я построил вокруг него», *фэ-с-шIэ-чIа-шъ* «я построил вокруг вас» (подробнее см. § 116).

§ 119. **Комбинированный**, т. е. осуществляемый с помощью префиксации и суффиксации производящей основы. Этим способом образуются в адыгских языках глагольные основы, обозначающие разные направления действия и движения. Например: адыг. *сы-дэ-кIуа-е*, каб. *сы-д-о-кIуэ-й* (*сыдокIуей*) «я поднимаюсь вверх», адыг. *уы-дэ-лэа-е*, каб. *уы-д-о-лэ-й* (*уыдолъей*) «ты прыгаешь вверх», адыг. *д-е-хьы-е*, каб. *ды-ре-хьэ-й* (*дыре-хьей*) «он несет вверх, он поднимает», каб. *ды-д-о-шIэ-й* (*дыдо-шлей*) «мы воздвигаем», адыг. *къэ-сэ-кIуы-хьэ*, каб. *къы-з-о-кIуы-хь* «я хожу вокруг», адыг. *къэ-сэ-быбы-хьэ*, каб. *къы-з-о-лэты-хь* «я летаю вокруг», адыг. *уы-зэ-плэ-чы*, каб. *уы-з-о-плэ-чI* «ты оглядываешься», адыг. *зэ-уэ-чы*, каб. *з-о-уэ-чI* «(он) бьет кого-то позади себя».

В способах выражения направления снизу вверх исключение из адыгских диалектов составляет шапсугский диалект, в котором глагольные основы аналогичного значения образуются морфологическим (префиксальным) и морфолого-фонетическим способом. В этом диалекте направление вверх выражается с помощью *чI(э)*, если основа имеет исходный гласный *ы*, а также с помощью преверба *чI(э)* и чередования гласного основы, если основа имеет исходный гласный *э*. Ср.: шапс. *чIидзыгъ*, темирг. *дидзыгъ* «(он) бросил вверх», шапс. *чы-лэтыгъ*, темирг. *дэ-лэтыгъ* «(он) поднялся вверх, взошел»¹⁰⁹.

§ 120. **Фонетический**, т. е. осуществляемый с помощью чередования гласного основы. Сущность этого способа образования глагольных основ заключается в следующем.

Если основа глагола оканчивается на гласный *э*, то в сочетании с превербом она обозначает действие, направленное к предмету. При этом преверб выражает конкретную локализацию (внутри, наверху, сбоку). Ср.: адыг. *шьэ-н*, каб. *шэ-н* «водить» (внутри, наверху, сбоку). Ср.: адыг. *йы-шьэ-н*, каб. *йы-шэ-н* «вводить», «ввозить куда-либо», адыг. *те-шьэ-н*, каб. *те-шэ-н* «водить, возить наверх».

¹⁰⁹ См.: З. И. Керашева. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957, стр. 66.

Противоположное направление действия выражается с помощью чередования **э-ы** в основе. Ср.: адыг. *йы-шы-н*, каб. *йы-шы-н* «выводить», «вывозить откуда-либо», адыг. *те-шы-н*, каб. *те-шы-н* «выводить, вывозить с поверхности».

Если же основа глагола оканчивается на гласный **ы**, то в сочетании с превербом она обозначает действие, направленное от предмета. Ср.: адыг.-каб. *дзы-н* «бросить», *йы-дзы-н* «выбросить», адыг.-каб. *те-дзы-н* «сбросить». Противоположное направление действия выражается чередованием **ы-э** в основе. Ср.: адыг.-каб. *йы-дзэ-н* «бросить внутрь», *те-дзэ-н* «бросить наверх».

Таким образом, основа с гласным **э** выражает действие, направленное к предмету, а основа с гласным **ы** — действие, направленное от предмета. В форме настоящего времени в кабардинском языке исходный гласный **ы** подвергается редукции. Ср.: адыг. *йы-сэ-дзы*, каб. *йы-з-о-дз* «выбрасываю», адыг. *йы-сэ-шы*; каб. *йы-з-о-ш* «вывожу». В форме же прошедшего времени указанное противопоставление фонетических форм выражения различных направлений нейтрализуется полной ассимиляцией гласных **э** и **ы** перед гласным **а** — аффиксом прошедшего времени. Поэтому одна и та же форма прошедшего времени с нулевой огласовкой в разных контекстах может выражать противоположные направления. Ср.: каб. *шэ-с-ш-а-шэ* 1) «я его вел туда», 2) «я его вывел отсюда».

Аналогичные явления — изменение или редукция гласного основы при выражении направления действия — наблюдаются также в абхазском языке. При выражении направления «сюда» (от предмета) в абхазском языке гласный **а** в основе либо подвергается полной редукции, либо изменяется в гласный **ы**. Ср.: *а-та-ла-ра* «входить», *а-т(ы)цI-ра* «выходить», *ата-цIа-ра* «вводиться», *а-т(ы)-хэ-ра* «выводиться»¹¹⁰.

В адыгских языках чередование **э-ы** выполняет основообразующую роль в немногочисленных основах динамических глаголов. К ним относятся основы глаголов: адыг.-каб. *лэ-н*, *пIчIэ-н* «прыгать» (ср.: каб. *йы-лэ-н*, *йы-пIчIэ-н* «впрыгнуть во что-либо», *йы-лэ-н*, *йы-пIчIэ-н* «выпрыгнуть откуда-либо»), адыг.-каб. *лэ-тэ-н* «лететь» (ср.: адыг.-каб. *те-лэ-тэ-н* «взлететь над чем-то», *те-лэ-тэ-н* «слететь с чего-то»), адыг.-каб. *лэ-лэ-н*, каб. *шэ-шэ-н* «ссыпаться» (ср.: адыг.-каб. *те-лэ-лэ-н* «ссыпаться на что-либо», *те-лэ-лэ-н* «осыпаться»), адыг.-каб. *кIуэ-тэ-н* «двигаться» (ср.: адыг.-каб. *те-кIуэ-тэ-н* «надвигаться на что-либо», *те-кIуэ-тэ-н* «сдвинуться с чего-либо»), адыг. *чэ-н*, каб. *жэ-н* «бежать» (ср.: каб. *йы-жэ-н* «вбежать куда-либо», адыг. *йы-чэ-н*, каб. *йы-жэ-н* «выбежать откуда-либо»), адыг.-каб. *плэ-н* «смотреть» (ср.: адыг. *дэ-плэ-н* «заглянуть куда-либо», *дэ-плэ-н* «выглянуть, смотреть откуда-либо»).

¹¹⁰ См.: К. В. Ломтатидзе. К структуре сложно-составных основ в абхазском языке. Сборник «Иберийско-кавказское языкознание», т. IV. Тбилиси, 1953.

Как видим, гласные **э** и **ы** в основе глагола по своей функции напоминают простые основы **-хь(э)** и **-чI(ы)** в глагольных основах, образованных способом включения. Н. Ф. Яковлев рассматривал основообразующее значение («центробежное и центростремительное значение») чередования гласных как древнейшее явление в кабардинском языке¹¹¹. Однако здесь мы имеем дело с инновацией. Это доказывается наличием таких основ, как каб. *хэ-уы-н*, *хэ-уы-чIы-н* «бить откуда-либо», *хэ-уэ-н*, *хэ-уы-хы-н* «бить, ударить куда-либо, во что-либо» наряду с основами типа каб. *хэ-тIы-чIы-н* «выкопать из чего-либо», *хэ-тIы-хы-н* «копаться в чем-либо», в которых противоположные направления выражаются лишь с помощью морфем.

II. АФФИКСЫ ГЛАГОЛЬНОГО ОСНОВООБРАЗОВАНИЯ

§ 121. Дистрибуционная классификация аффиксов глагольного основообразования. Глагол в адыгских языках имеет исключительно сложную структуру. Однако следует признать, что описание глагола только в терминах традиционной лингвистики не дает полного представления о структуре данного класса слов. Это объясняется тем, что при описании морфологии глагола в традиционном плане остаются невыясненными основные модели аранжировки и принципы сочетаемости глагольных морфем. Сама процедура анализа глагольной системы проводится без какой-либо последовательности, основанной на принципе иерархии конститутивных элементов глагола (см. ниже § 123).

Не требует пояснений то обстоятельство, что в описательной грамматике не представляется возможным сформулировать правила всех способов сочетания морфем. Но в описательной грамматике необходимо выявить наиболее типичные ряды морфем, создающие структуру того или иного класса слов. В грамматиках адыгских языков рассматриваются в основном ряды (расположение) положительных аффиксов. Что касается других аффиксов, в том числе и многочисленных аффиксов основообразования, то они не подвергаются анализу с этой точки зрения. Практика показывает, что изучающим адыгские языки по существующим грамматикам не удается проникнуть в структуру глагола. По этим грамматикам оказывается невозможным сформулировать основные правила последовательности аффиксов основообразования и формообразования в пределах глагола. Кроме того, в описательных грамматиках характеристика глагольных морфем, в частности словообразовательных аффиксов, ограничивается описанием одной из алломорф каждого аф-

¹¹¹ Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 81.

фикса. Между тем, как отмечалось выше, многие морфемы имеют ряд позиционно обусловленных алломорф.

Структура глагола в целом определяется дистрибуцией морфем (или алломорф), образующих его основу и парадигматику. Глагольная словоформа может состоять из одной положительной морфемы. Ср. адыг., каб. *шы* «делай!». Но число морфем (или алломорф), используемых в пределах одной глагольной словоформы, может быть и очень большим. Ср.: каб. *у-а-кы-ды-д-е-з-гъэ-шы-жы-ф-а-тэ-кыым-и* «так как я не смог тогда заставить его вывести тебя с ними обратно сюда»; 1. *у-* тебя; 2. *а-* личный префикс косвенного объекта 3 л. мн. числа; 3. *кы-* преверб «сюда»; 4. *ды-* префикс союзности; 5. *д-* преверб «из»; 6. *е-* личный префикс прямого объекта 3 л. ед. ч.; 7. *з-* личный префикс субъекта 1 л. ед. ч.; 8. *гъэ-* каузативный префикс; 9. *-шы-* корневая морфема «вести»; 10. *-жы* суффикс возвратного действия; 11. *-ф* суффикс возможности действия; 12. *-а* суффикс прошедшего времени; 13. *-тэ* суффикс со значением «тогда»; 14. *-кыым* суффикс отрицания; 15. *-и* суффикс со значением «ведь», «же».

Как видно, с корневой морфемой *шы* «вести» одновременно сочетаются четырнадцать аффиксальных морфем. Если бы эти четырнадцать аффиксальных морфем имели свободное расположение в глаголе, то между ними невозможно было бы выразить никаких грамматических отношений. Такой «глагол» представлял бы собой лишь набор пятнадцати морфем (четырнадцать аффиксальных морфем + одна корневая морфема). Последние образуют значимое целое благодаря тому, что они распределяются (осуществляют дистрибуцию) только в определенном положении.

Аффиксальные морфемы в приведенной многокомпонентной форме глагола являются аффиксами основообразования и формообразования. Хотя лингвистический анализ основообразования глагола невозможен в полном отрыве от его парадигматики (формообразования), основообразующие аффиксы имеют свою систему. Так, например, аранжировка личных аффиксов меняется в зависимости от переходности или непереходности глагола, в то время как аранжировка аффиксов основообразования остается устойчивой в переходных и непереходных глаголах. Ср.: каб. *ды-хэ-чы-н* «выходить вместе с кем-, чем-либо», *ды-хэ-дзы-н* «выбросить вместе с кем-, чем-либо», *сы-в-ды-хэ-чл-а-шэ* «я вышел вместе с вами», *в-ды-хэ-з-дэ-а-шэ* «я выбросил что-то вместе с вами». Как отмечалось выше (см. § 2), появление в парадигме тех или иных положительных и нулевых аффиксов словоизменения определяется морфемным строением основы. Поэтому на первой ступени анализа глагола рассматриваются аффиксы основообразования, а на второй — аффиксы формообразования.

Основа глагола, как и словоформа, может быть одноморфем-

ной и многоморфемной. Основообразующие аффиксы в глаголе имеют строгую последовательность. Аффиксы основообразования, хотя и образуют чрезвычайно разнообразные комбинации в сочетании с корневой морфемой, все же ограничены с точки зрения дистрибуции. Ограничения, касающиеся дистрибуции морфем, входящих в глагольную основу, в сущности и создают структуру последней.

Чтобы описать структуру основы адыгского глагола, необходимо прежде всего определить дистрибуцию основообразующих элементов по отношению к корневой морфеме (или производящей основе). Иначе говоря, следует установить ограничения, связанные с порядком расположения морфем, составляющих производную основу. С этой целью мы классифицируем аффиксы основообразования по группам. При этом отдельно классифицируются по группам префиксы и суффиксы основообразования. Каждая группа префиксов или суффиксов имеет свой порядок расположения в последовательности морфем, образующих основу глагола. Аффиксы одного порядка являются взаимоисключающими, т. е. в последовательности морфем не может быть двух аффиксов одного порядка. Если в парадигме слова появляются два морфемных элемента, которые в других парадигмах являются взаимоисключающими (однопорядковыми), то это означает, что в определенных условиях эти морфемные элементы с структурно-функциональной точки зрения составляют одну, хотя и этимологически производную, морфему. Так, взаимоисключающие, однопорядковые локальные превербы *хэ(ы)-*, *флэ-* (каб. *хэ-чы-н* «вырвать», *флэ-чы-н* «сорвать») образуют одну морфему *хыфлэ:* каб. *хыфлэ-дзэ-н* «бросать». Дистрибуционный критерий выделения морфемы в данном случае дополняется также критерием словообразования: *флэдзэн* «вешать» и *хыфлэдзэн* «бросать» не составляют дихотомии, т. е. нельзя сказать, что *флэдзэн* — исходное слово, а *хыфлэдзэн* — производное от него.

Если же морфемные элементы, тождественные по звучанию и происхождению, входят в разные порядки, то в синхронном плане мы квалифицируем их как разные морфемы (омофоны). Так, противопоставление *гъэ-къэбзэ-н* «чистить», *е-гъэ-гъэ-къэбзэ-н* «заставить чистить» позволяет выделить с точки зрения синхронного анализа в слове *е-гъэ-гъэ-къэбзэ-н* префикс каузатива *гъэ-* и префикс фактитива *гъэ-* (ср.: *къабзэ* «чистый»: *гъэ-къэбзэ-н* «чистить»); противопоставление *гъэ-вэ-н* «сварить»: *е-гъэ-гъэ-вэ-н* «заставить сварить» показывает, что в слове *е-гъэ-гъэ-вэ-н* представлены префикс каузатива *гъэ-* после префикса *е-* и префикс транзитива *гъэ-* перед корневой морфемой (ср.: *вэ-н* «свариться»: *гъэ-вэ-н* «сварить»). В описательных грамматиках префикс каузатива *гъэ-* (*гъэ-клуэ-н* «заставить идти»), префикс фактитива *гъэ-* (*гъэ-къэ-бзэ-н* «чистить, делать чистым»), префикс транзитива *гъэ-* (*гъэ-вэ-н* «сварить») рассматриваются

недифференцированно, как одна морфема — префикс каузатива. Термин **каузатив** мы сохраняем лишь за глаголами, образованными от глагольных основ и способными выразить побуждение одного лица другим к выполнению действия (см. § 127). Если же глагол, содержащий префикс **гъэ-**, требует лишь дополнения (каб. *гъэ-вэ-н* «сварить»), то он является не каузативным, а транзитивным. Что касается термина **фактитив**, вслед за Е. Куриловичем, мы применяем его к глаголам, производным от именных основ (см. §§ 124—125).

Дистрибуционный признак остается также одним из основных критериев разграничения словообразовательных аффиксов глагола. Как отмечалось выше, морфема **й(э)-** в последнее время рассматривается адыговцами как словообразовательный префикс (преверб). Ср. адыг., каб. *е-кӀуэ-лӀэ-н* «подойти». Однако дистрибуция этого элемента в последовательности морфем ясно показывает, что он является словоизменительным аффиксом (показателем косвенного объекта), который сочетается со свободными и несвободными основами и может быть живым и омертвелым (см. § 115).

а) Префиксация

Префиксы глагольного основообразования адыгских языков составляют семь порядков, занимающих определенное (фиксированное) место в последовательности морфем.

Порядок — 1 состоит из префиксов фактитива **уы-**, **гъэ-**, которые производят глагольные основы от именных основ. Префиксы порядка — 1 всегда стоят непосредственно перед производящей основой. Ср.: адыг., каб. *уы-шӀэбы-н* «толочь», «истолочь», адыг. *гъэ-фӀэбэ-н*, каб. *гъэ-хуэбэ-н* «нагреть, нагревать».

Порядок — 2 образует префикс каузатива **гъэ-**, который стоит перед префиксами порядка — 1 или непосредственно перед производной основой, когда отсутствуют префиксы первого порядка. Ср.: адыг., каб. *е-гъэ-уы-шӀэбы-н* «заставить толочь, истолочь», адыг. *е-гъэ-гъэ-фӀэбэ-н*, каб. *е-гъэ-гъэ-хуэбэ-н* «заставить подогреть», адыг., каб. *гъэ-кӀуэ-н* «заставить идти». Как видим, возможна модель типа каузативный префикс + свободная корневая морфема. Но невозможна модель типа каузативный префикс **гъэ-** + несвободная (связанная) основа. Каузативный префикс может сочетаться с несвободными корневыми морфемами лишь в окружении с локальным превербом. Каузативный префикс **гъэ-** инкорпорируется в основу типа локальный преверб + несвободная основа. Иначе говоря, в сочетании с несвободными корневыми морфемами каузативный префикс **гъэ-** связан с локальными превербами, которые составляют следующий (третий) порядок расположения.

Порядок — 3 состоит из префиксов, стоящих перед морфемами порядка — 1 и порядка — 2, а при отсутствии послед-

них — непосредственно перед производящей основой. К порядку — 3 относится самая многочисленная группа основообразующих префиксов — локальные превербы. Ср.: адыг., каб. *йы-гъэ-хъэ-н* «внутри (йы-) заставить (гъэ-) идти (хъэ-н)», «заставить войти», *йы-хъэ-н* «войти», *йы-гъэ-ты-н* «заставить находиться внутри», *йы-ты-н* «находиться внутри», *блэ-гъэ-чы-н* «заставить пройти мимо», *блэ-чы-н* «пройти мимо».

Порядок — 4 включает префиксы, которые могут стоять перед морфемами предшествующих порядков или непосредственно перед свободной основой. Этот порядок составляет префиксы союзности, взаимности и совместности действия: Ср.: адыг., каб. *дэ-гъэ-кӀуэ-н* «вместе с кем-, чем-либо (дэ-) заставить (гъэ-) идти (кӀуэ-н)», *дэ-кӀуэ-н* «вместе с кем-, чем-либо идти». Префиксы порядка — 4 не могут сочетаться непосредственно с несвободными корневыми морфемами, поскольку последние употребляются лишь в сочетании с локальными превербами. Ср.: адыг., каб. *ды-хэ-гъэ-ты-н* «заставить находиться внутри вместе с кем-, чем-л.», *ды-хэ-ты-н* «находиться внутри вместе с кем-, чем-л.»; невозможны модели *ды-ты-н*, *ды-сы-н*, *ды-лӀы-н*.

Порядок — 5 составляют релятивные (версионные) префиксы **фэ-||хуэ-** «ради кого-, чего-л.», **шӀуэ-||фӀэ-** «вопреки желанию кого-, чего-л.» и префикс возможности действия **фэ-||хуэ-**. Префиксы порядка — 5 могут стоять перед префиксами предшествующих порядков, а при отсутствии последних — непосредственно перед самостоятельной корневой морфемой. Ср.: адыг. *фы-дэ-гъэ-кӀуэ-н*, каб. *хуы-дэ-гъэ-кӀуэ-н* «для кого-, чего-либо (фы-||хуы-) вместе с кем-, чем-либо (дэ-) заставить (гъэ-) идти (кӀуэ-н)», адыг. *фэ-гъэ-кӀуэ-н*, каб. *хуэ-гъэ-кӀуэ-н* «ради кого-, чего-либо заставить идти», адыг. *фэ-кӀуэ-н*, каб. *хуэ-кӀуэ-н* «ради кого-, чего-либо идти», каб. *хуы-дэ-гъэ-кӀуэ-р-кӀыым* «(он) не может заставить (его) идти вместе с кем-, чем-либо». Префикс возможности действия может стоять перед основой лишь в том случае, если она (основа) является переходной. Поэтому **хуэ-||фэ-**, сочетаясь непосредственно с основой глагола *шӀы-н* «делать» (ср.: адыг. *фэ-шӀы-рӀэп*, каб. *хуэ-шӀы-р-кӀыым* «(он) не может сделать»), может сочетаться лишь с каузативной формой основы глагола *кӀуэ-н* «идти» (ср. адыг. *фэ-гъэ-кӀуэ-рӀэп*, каб. *хуэ-гъэ-кӀуэ-р-кӀыым* «(он) не может заставить его идти»). Как и префиксы порядка — 4, префиксы порядка — 5 не могут стоять непосредственно перед связанными основами. Ср.: адыг. *шӀуы-ды-хэ-гъэ-ты-н*, каб. *фӀы-ды-хэ-гъэ-ты-н* «вопреки желанию кого-, чего-либо (шӀуы-||фӀы-) вместе с кем-, чем-либо (ды-) внутри чего-либо (хэ-) заставить (гъэ-) находиться (ты-н)», адыг. *шӀуы-хэ-гъэ-ты-н*, каб. *фӀы-хэ-гъэ-ты-н* «вопреки желанию кого-, чего-либо внутри чего-либо заставить находиться», адыг. *шӀуы-хэ-ты-н*, каб. *фӀы-хэ-ты-н* «вопреки желанию кого-, чего-либо внутри чего-то находиться»; невозможны мо-

дели *шлуы-ты-н*||*флы-ты-н*, *шлуы-сы-н*||*флы-сы-н*, *шлуы-лзы-*
флы-лзы-н.

Порядок — 6 создают направительные префиксы (превербы) *къэ-* (*кы-, къа-, къ-*) «сюда», *нэ-* (*ны-, на-, н-*) «туда»: *какы-флы-ды-шлэ-гъэ-члы-н* «сюда (*кы-*) вопреки желанию кого-либо (с кем-, чем-либо (*ды-*) из (*шлэ-*) заставить (*гъэ-*) идти (*члы-н*)», «заставить выйти вместе с кем-либо вопреки желанию кого-, чего-либо сюда», *кы-ды-шлэ-гъэ-члы-н* «заставить выйти вместе с кем-, чем-либо сюда», *кы-шлэ-гъэ-члы-н* «заставить выйти сюда», *кы-шлэ-члы-н* «выходить, выйти сюда». Префиксы порядка — 6, т. е. направительные превербы, в отличие от локальных превербов, не сочетаются непосредственно с несвободными корневыми морфемами. Так, возможны модели *къэ-клуэ-н* «идти сюда», *кы-хэ-члы-н* «выходить сюда», но невозможна модель *кы-члы-н*. Исключение составляют несколько корневых морфем, в частности *-сы* (*къэ-сы-н* «прибыть»), *-нэ* (*къэ-нэ-н* «остаться», но невозможна модель *нэ-нэ-н*) и др.

Порядок — 7 включает префикс *зэ-* (*зы-, з-*), с помощью которого образуются возвратные глаголы. Ср.: *каб. зы-кы-хуы-хэ-дзы-н* «для него выброситься отсюда сюда», *зы-хуы-хэ-дзы-н* «для него выброситься», *зы-хэ-дзы-н* «выброситься», *зы-дзы-н* «броситься, бросаться». Возвратный префикс также не может сочетаться непосредственно с несвободными основами, ср. *каб. зы-кы-и-нэ-н* «остаться внутри чего-либо».

Сложные форманты, образованные путем сложения двух разнопорядковых морфем, одновременно относятся к двум порядкам, т. е. занимают место элементов, входящих в их состав. Так, формант *зэль-*, образованный путем слияния префиксов порядка — 4 (*зэ-*) и порядка — 3 (*лъ-*), соответственно занимает место префиксов двух порядков.

б) Суффиксация

Глагольные основообразующие суффиксы образуют четыре порядка в последовательности морфем.

Порядок — 1 включает непродуктивные суффиксы *-т(э)*, *-й(ы)* и др., стоящие непосредственно за производящей основой. Ср.: адыг., *каб. клуэ-тэ-н* «продвинуться, продвигаться» (адыг., *каб. клуэ-н* «идти»), адыг., *каб. луэ-йы-н* «блеять» (адыг., *каб. луы* «рот»).

Порядок — 2 образуют суффиксы *-л(э)*, *-й(э)*||*-й(ы)*, которые следуют за суффиксами первого порядка, а при отсутствии последних — непосредственно за производящей основой. Появление морфемы *-л(э)* в парадигме непременно связано с косвенным объектом. Ср.: адыг., *каб. е-клуэ-тэ-лэ-н* «подойти к кому-, чему-либо»; морфема *-й(ы)* также относится к несвободным, т. е. употребляется только в сочетании с префиксом *д(э)*. Ср.: адыг. *дэ-клуэ-тэ-йэ-н*, *каб. дэ-клуэ-тэ-йы-н* «продви-

таться снизу вверх», адыг. *дэ-клуэ-йэ-н*, *каб. дэ-клуэ-йы-н* «подниматься».

Порядок — 3 составляет суффикс возвратного действия *-жь(ы)*||*-ж(ы)*. Ср.: адыг. *е-клуэ-тэ-лэ-жьы-н*, *каб. е-клуэ-тэ-лэ-жы-н* «подходить, приближаться к кому-, чему-л. снова», адыг. *клуэ-тэ-жьы-н*, *каб. клуэ-тэ-жы-н* «подвигаться снова», адыг. *клуэ-жьы-н*, *каб. клуэ-жы-н* «возвращаться, вернуться, идти обратно».

Порядок — 4 включает суффикс возможности действия *-шъу(ы)*||*-ф(ы)*, суффиксы *-шь(э)*||*-шь(э)*, *-лу(э)*, *-п(э)*. Ср.: адыг. *е-клуэ-тэ-лэ-жьы-шъуы-н*, *каб. е-клуэ-тэ-лэ-жы-фы-н* «суметь подойти к кому-, чему-либо снова», адыг. *е-клуэ-тэ-лэ-шъуы-н*, *каб. е-клуэ-тэ-лэ-фы-н* «суметь подойти к кому-, чему-либо», адыг. *клуэ-тэ-шъуы-н*, *каб. клуэ-тэ-фы-н* «суметь подвигаться», адыг. *клуэ-шъуы-н*, *каб. клуэ-фы-н* «суметь идти»; ср. также: адыг. *е-клуэ-тэ-лэ-жьы-луэ-н* «слишком подойти, приблизиться к кому-, чему-либо снова», *каб. е-клуэ-тэ-лэ-жы-пэ-н* «совсем подойти, приблизиться к кому-, чему-либо снова».

Приведем таблицы, в которых обобщим сказанное выше. (В таблицах 3 и 4 даются примеры из кабардинского языка.)

§ 122. Аранжировка аффиксов глагольного основания

Таблица 1

Порядок — 1	Фактитивные префиксы <i>уы-, гъэ-</i>
Порядок — 2	Каузативный префикс <i>гъэ-</i>
Порядок — 3	Локальные префиксы
Порядок — 4	Префиксы союзности, взаимности, совместности <i>дэ-, зэ-, здэ-</i>
Порядок — 5	Релятивные префиксы <i>фэ- хуэ-, шлуэ- флэ-</i> , префикс возможности (потенциалиса) <i>фэ- хуэ-</i>
Порядок — 6	Направительные префиксы <i>къэ-, нэ-</i>
Порядок — 7	Возвратный префикс <i>зы-</i>

Таблица 2

Порядок — 1	Непродуктивные суффиксы <i>-т(э)</i> , <i>-й(ы)</i> и др.
Порядок — 2	Локальный суффикс <i>-л(э)</i> , направительный суффикс <i>-й(э)</i> <i>-й(ы)</i>
Порядок — 3	Возвратный суффикс <i>-жь(ы)</i> <i>-ж(ы)</i>
Порядок — 4	Суффикс возможности (потенциалиса) <i>-шъу(ы)</i> <i>-ф(ы)</i> , суффиксы <i>-лу(э)</i> , <i>-шь(э)</i> <i>-шь(э)</i> , <i>-п(э)</i>

Таблица 3

Префиксальные образования	Порядок							Корневая морфема	Окончание	
	— 7	— 6	— 5	— 4	— 3	— 2	— 1			
<i>уышгъэбын</i> «делать мягким»								уы-	шгъэбы-	-н
<i>еггъэуышгъэбын</i> «заставить делать мягким»							(е)гъэ-	уы-	шгъэбы-	-н
<i>хэггъэчгъын</i> «заставить выйти»					хэ-	гъэ-			чгъы-	-н
<i>здыхэггъэчгъын</i> «вместе заставить выйти»				зды-	хэ-	гъэ-			чгъы-	-н
<i>хуыздыхэггъэхъэн</i> «ради кого-л. вместе заставить выйти»			хуы-	зды-	хэ-	гъэ-			хъэ-	-н
<i>кгъыхуыздыхэггъэхъэн</i> «сюда ради кого-л. вместе заставить выйти»		кгъы-	хуы-	зды-	хэ-	гъэ-			хъэ-	-н
<i>згъыкгъыхуыздыхэггъэхъэн</i> «сюда ради кого-л. вместе внутрь бросаться»	згъы-	кгъы-	хуы-	зды-	хэ-				дзэ-	-н

Таблица 4

Суффиксальные образования	Префикс косв. объекта	Корневая морфема	Порядок				Окончание инфинитива
			— 1	— 2	— 3	— 4	
<i>кгуэтэн</i>		кгуэ-	тэ-				-н
<i>екгуэтэлэн</i>	е	кгуэ-	тэ-	лэ-			-н
<i>екгуэтэлэжын</i>	е	кгуэ-	тэ-	лэ-	жы-		-н
<i>екгуэтэлэжыгуэн</i>	е	кгуэ-	тэ-	лэ-	жы-	гуэ-	-н

§ 123. Вопрос о последовательности анализа аффиксов глагольного словообразования. Выше отмечалось, что при описании структуры глагола целесообразно рассмотреть сначала аффиксы словообразования, а затем — аффиксы формообразования. Однако этим отнюдь не исчерпывается вопрос о последовательности описания элементов, составляющих структуру глагола. Системный анализ как словообразования, так и формообразования требует последовательной подачи языкового материала внутри каждого раздела. Этот принцип особенно важно соблюдать при характеристике структуры глагола.

Аффиксы глагольного словообразования, рассматриваемые в последней грамматике кабардинского языка («Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». Изд-во АН СССР, М., 1957, стр. 101—136), даются вперемежку с аффиксами словоизменения в такой последовательности: префиксы порядка — 6, часть префиксов порядка — 3 (после них описываются словоизменяемые категории лица, числа, времени и наклонения), префикс порядка — 2, часть префиксов порядка — 5, часть префиксов порядка — 4, один из префиксов порядка — 5, один из префиксов порядка — 3, префикс порядка — 7, один из префиксов порядка — 4. Не говоря уже о том, что в этой грамматике не рассматриваются суффиксы словообразования глагола, а также многие префиксы, в том числе префиксы порядка — 1, в ней нет системности в подаче материала. Необходимо отказаться от «вольной» подачи аффиксов словообразования глагола, принятой в описательных грамматиках. Ниже дается анализ префиксов и суффиксов глагольного словообразования по группам, т. е. в соответствии с их дистрибуцией по отношению к производящей основе.

ПРЕФИКСЫ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Порядок — 1: префиксы фактитива гъэ-, уы-

§ 124. Как отмечалось (см. § 121), термин фактитив мы применяем к глаголам, образованным от основ имен (прилагательных) с помощью префиксов гъэ-, уы-.

С помощью аффикса гъэ- от именных основ образуются глаголы со значением «делать так, как это указано в производящей основе». Ср., например: адыг.-каб. *гъэдэхэн* «сделать красивым» (*дахэ* «красивый»), адыг. *гъэмэчлэн*, каб. *гъэмэшлэн* «уменьшить» (адыг. *мачлэ*, каб. *машлэ* «малый», «немногий»), адыг. *гъэшгъынкъэн*, каб. *гъэпэжын* «оправдать» (адыг. *шгъылкъэ*, каб. *пэж* «правда»), адыг.-каб. *гъэшгъэбэн* «размягчать, смягчать» (адыг.-каб. *шгъабэ* «мягкий»), адыг. *гъэфэбэн*, каб. *гъэхуэбэн* «греть», «обогреть, утеплить» (адыг. *фабэ*, каб. *хуабэ* «теплый»).

Эти глаголы, образованные от именных основ с помощью аффикса гъэ-, нельзя отнести к побудительным глаголам. Здесь

аффикс **гъэ** является средством образования переходных глаголов от именных основ.

§ 125. Префикс **уы-** образуется от именных основ глаголы значением «делать или делаться в соответствии со значением производящей именной основы». Например: адыг. *уышхъуатӀын*, каб. *уышхъуэнтӀын* «синеть, посинеть» (адыг. *шхъуэнтӀ*, каб. *шхъуэнтӀэ* «синий»), адыг. *уышӀуыцӀын*, каб. *уыфӀуыцӀ* «чернеть, почернеть» (адыг. *шӀуыцӀэ*, каб. *фӀуыцӀэ* «черный»). Префикс **уы-** по своему значению близок к префиксу **гъэ**. Однако префикс фактитива **уы-**, за редким исключением, сочетается лишь с теми именными основами, с которыми не сочетается префикс фактитива **гъэ**. Префиксы **уы-**, **гъэ** не совпадают по значению, если даже встречаются в одном и том же окружении. При этом глаголы, образованные с помощью этих префиксов из одной и той же основы, обычно употребляются в разных окружениях. Ср.: каб. *чӀэртӀоф уыкӀэбзын* «чистить картошку», *пӀшантӀэр гъэкӀэбзэн* «чистить двор», *шыгъуыр уышхъэб* «растолочь соль», *шӀыр гъэщӀэбэн* «разрыхлять землю». Как видно из приведенных примеров, образованию глаголов с помощью префикса **уы-** всегда сопутствует изменение конечного гласного **э** в **ы**.

Кроме того, в отличие от префикса **гъэ**, который производит лишь переходные глаголы, префикс **уы-** образует от именных основ как переходные, так и непереходные глаголы. Ср. адыг. *уышӀуынчӀын*, каб. *уыфӀынчӀы-н*, *уынчӀыфӀы-н* «гаснуть (тухнуть)» (неперех.), адыг., каб. *уыпӀцӀэны-н* «раздевать (перех.)».

Многие глагольные основы, образованные посредством префикса **уы-**, являются нейтральными, т. е. выступают как основы переходных и непереходных глаголов без морфологической характеристики. Эти глагольные основы, не дифференцированные в отношении переходности и непереходности, имеют древнюю (лабильную) конструкцию предложения. Ср.: каб. *вабдзэ уыдзэгъуашӀ* «лемех притупился» (номинативная конструкция), *абы вабдзэр иы-уыдзэгъуашӀ* «он притупил лемех» (эргативная конструкция), *шӀлакхъуэр мэ-уышхъыкӀуей* «хлеб крошится», *абы шӀлакхъуэр е-уышхъыкӀуей* «он крошит хлеб», *шӀхъэцы уыбэлзцашӀ* «волосы взлохматились», *абы иышхъэцыр иы уыбэлзцашӀ* «он взлохматил свои волосы».

Префикс **уы-**, имеющий значение «делать или делаться так как указано в производящей основе», возможно, генетически связан с абхазско-абазинской глагольной основой **-у-** в значении «делать». Ср.: абх. *а-у-ра* «делать», адыг.-каб. *уыкӀэбзын* «делать чистым».

§ 126. В современных адыгских языках префикс **уы-** производит глаголы в основном от имен, обозначающих качество предмета. Но в истории адыгских языков рассматриваемый префикс имел более широкое распространение. Это доказывалось нали-

ем в адыгских языках большого количества глагольных основ, оканчиваемых префиксом **уы-**. Анализ этих глагольных основ показывает, что префикс **уы-** в прошлом производил глагол не только от именных основ, но и служил внутривлагольным словообразовательным средством. Ниже дается словообразовательный анализ основ, которые в силу фонетических и семантических изменений срослись с префиксом **уы-**.

Адыг.-каб. **-бэ, -бы:** *уы-бэ-н* «топтать, трамбовать», *уы-бы-н* «толочь». Значение «толочь» — производное, так как основа **бы** является результатом закономерного изменения гласного **э** в **ы**. Более древняя форма **-бэ** возводится к общедыгской основе **-бэ** «многий», которая сохранилась в адыгейском языке. В кабардинском языке слово **бэ** «многий» вытеснено из употребления словом *куэд* «многий», но встречается в фольклорных текстах, а также в качестве одного из компонентов в именных комплексах и сложных словах. Ср.: каб. *Си Хъэцацэу дахэ, бэрэ уыпагэми уылхуыкӀуэуэлшӀ* «Моя прекрасная Хъэцаца, хотя ты очень (букв.: много) гордишься, все же ты из низшего сословия» (из песни «Хъэцацэ»); *цӀыфыбэ* «много людей», *Ӏэхъуамбэ* «палец руки», *лӀэхъуамбэ* «палец ноги». Отсюда мы видим, что адыг.-каб. *уы-бэ-н* «топтать, трамбовать», *уы-бы-н* «толочь» букв. означает «размножить».

Адыг.-каб. **-бгъуы:** *уы-бгъуы-н* «разостлать, расстилать», каб. *алэрыбгъу уыбгъуын* «разостлать ковер».

Адыг. **-жъуынтхэ**, каб. **-бжъытхэ:** адыг. *уы-жъуынтхэ-н*, каб. *уы-бжъытхэ-н*. Первая часть адыг. *жъуынтхэ*, каб. *бжъытхэ*, возможно, возводится к общедыгскому **бзэ** «язык» (ср. каб. *уыбжъытхэн = уыбзытхэн* «плевать»). Вторая часть этой основы восходит к корню **-тхэ:** *уы-тхэ-н* «плескаться».

Адыг.-каб. **-бзэ:** *уы-бзэн* «стараться снискать что-либо расположение, подлизываться, любезничать». Основа **-бзэ** возводится к имени **бзэ** «язык».

Адыг. **-быты**, каб. **-быды:** адыг. *уы-быты-н*, каб. *уы-быды-н* «поймать, схватить, взяться».

Каб. **-вылэ:** *у-вы-лэ-н* «останавливаться, остановиться». Основа **-вылэ** — производная: **-вы + лэ** (*у-вы-н* «вставать, встать» + **лэ** «рука?»).

Адыг.-каб. **-гъуэйы:** *уы-гъуэйы-н* «собирать, сгонять» (в одно место). Основа **гъуэйы** возводится к имени **гъуэйы**, которое сохранилось в адыгейском языке в значении «кучка, груды». Слово **гъуэйы** «кучка, груды» — производное: первая часть восходит к общедыгскому слову **гъуэ** «место», второй элемент **-йы** — окаменелый суффикс.

В кабардинском языке *гъуэй* означает «место, покрытое лесом или кустарником».

Адыг. **-тэрэбжъэ**, каб. **-дэрэбжъэ:** адыг. *уы-тэрэбжъэ-н*, каб. *уы-дэрэбжъэ-н* «онеметь, потерять чувствительность».

Адыг. **-тэрэшхъуэ**, каб. **-дэрэшхъуэ:** адыг. *уы-тэрэшхъуэ-н*,

каб. *уы-дэрэшхъуэ-н* «онеметь, оцепенеть» (например, от холода). Основы *-тэрэбжъэ||-дэрэбжъэ, -тэрэшхъуэ||-дэрэшхъуэ* в своем составе сложные. Происхождение первых частей не ясно. Вторая часть *тэрэшхъуэ||дэрэшхъуэ* происходит от именно основы *шхъуэ||шъхъуэ* «синий». Ср.: адыг. *уышхъуэнт/ы* каб. *уышхъуэнт/ын* «синеть, посинеть».

Адыг. **-жыры**, каб. **-жырэклъы > -жырэч/ы**: адыг. *е-уы-жыры-н*, каб. *е-уы-жы-рэклъы-н > е-уы-жырэч/ы-н* «спешить, торопиться». Основа разлагается на адыг. *-уы + жыры* каб. *-жы + рэ + клъы || жы + рэ + ч/ы*. Первая часть адыг. **-жы**, каб. **-жы**, по-видимому, возводится к общеадыгской глагольной основе *жы||жы* в значении «пойти, отправиться». Ср. адыг. *е-жыэ-н*, каб. *е-жыэ-н* «пойти, отправиться». Элемент **-клъы > -ч/ы** в каб. *-жырэклъы > жырэч/ы* по значению близок к общеадыгской связанной основе **-клъы > -ч/ы** «идти» (*йы-клъы-н > йы-ч/ы-н* «выходить, выйти»).

Каб. **-жыгуы**: *уы-жыгуы-н* «наставлять, учить, укротить». Разлагается на *жы-гуы*. Происхождение первой части *жы* не ясно. Вторая часть *-гуы* не только со звуковой стороны, но и по семантике связывается с общеадыгской глагольной основой *гуы-н* «толочь». Ср. *уы-шъы-гуы-н* «придавить».

Адыг.-каб. **-зы**: *у-зы-н* «болеть». Очевидно, эта основа представлена в глаголах *къуы-зы-н* «сжимать, давить» (адыг.-каб.) *хуы-зы-н* «давить» (каб.), *фызын* «давить» (адыг.).

Адыг.-каб. **-чы**: адыг.-каб. *уы-чы-н* «убить, резать». Эта основа, может быть, восходит к общеадыгской именной основе *клъы > ч/ы* «конец». Ср. русск. «прикончить» (перен.) — «умертвить, добить окончательно».

Адыг.-каб. **-къуэй**: *у-къуэй-н* «линять, вылинять». Структура и семантика глагольной основы *къуэй* близки к общеадыгскому *къуый* «порша», «лысый».

Адыг. **-пллэч/ы**, каб. **-пллэншы**: адыг. *уы-пллэ-ч/ы-н* *уы-пллэншы-н* «складывать, сложить». Первая часть основы **-пллэч/ы||-пллэншы** представляет собой общеадыгское числительное *пллы* «четыре». На стыке двух корней в каб. *пллэ-н шы* согласный **н** — наращение, очень характерное для адыгских языков. Ср.: каб. *уыдэрэшхъуын, уындэрэшхъуын* «онеметь, оцепенеть», *уыдэрэбжъэн, уындэрэбжъэн* «онеметь, потерять чувствительность», адыг. *гъуынджэ, каб. гъуыджэ* «зеркало», адыг. (темирг. д.) *лъэгуанджэ, каб. лъэгуажъэ* «колени». Сближение второй части этой основы **-ч/ы||-шы** с общеадыгской основой глагола *шы-н* «делать», хотя семантически кажется правдоподобным, является неубедительным с фонетической стороны.

Адыг. **-плчы**, каб. **-плшы**: адыг. *пы-уы-плчы-н*, каб. *пы-уы-плшы-н* «отрезать, отрубить, вырубить». Основа *плчы||плшы < плчэ* в значении «полоть» сохранилась в адыгских языках адыг. *плчэ-н*, каб. *плшэ-н* «полоть», адыг. *натрыфыр плчэн*

«полоть кукурузу». Сочетание основы *плчэ||плшэ* с аффиксом *-н* дает новую основу в значении «резать, рубить». Ср.: каб. *пакхъуэр уыплшлэтэн*, адыг. *къэбаскъэр уыплчлэтэн* «резать капусту».

Основа *плчы||плшы* представлена в качестве второго компонента в сложной основе глагола *уытхып/чы-н||уытхып/шы-н* «трясти, встряхнуть, встряхивать». Ср. каб. *шхылэныр уытхып/шы-н* «трясти одеяло». Первый компонент этой основы с суффиксом **у** имеет значение «плескать, брызгать». Ср. адыг. *псы уытхын* «плеснуть водой».

Адыг.-каб. **-псэ, -псы**: *уы-псэ-н* «строгать, брить» (неперех.), *уы-псы-н* «строгать, брить» (перех.). Элемент **псы** встречается в словах: адыг.-каб. *псыгъуэ* «тонкий», адыг. *псынклэ*, каб. *псыншлэ* «легкий, быстрый». Ср. также каб. *псы* «шнурок», «ручка чего-нибудь».

Адыг.-каб. **-хы**: *уы-хы-н* «кончать, заканчивать». Основа **-хы** возводится к существительному в значении «конец». В этом значении основа **-хы** сохранилась в адыгейском языке: адыг. *пыхэ* «его конец»; ср. также в сложных основах: адыг. *псыхэ* «низовые реки», *уэ-х* «низменность, лощина, впадина».

К этому имени генетически восходит также основа глагола *е-хы-н* «спускаться вниз». Эта основа как вторая часть сложных глагольных основ обозначает движение сверху вниз. Ср.: адыг. *е-чъэ-хы-н*, каб. *е-жэ-хы-н* «бежать, спускаться вниз», адыг.-каб. *е-лбы-хы-н* «прыгнуть вниз», *ехъэ-хы-н* «нести вниз», адыг. *е-фэ-хы-н*, каб. *е-хуэ-хы-н* «свалиться, упасть, падать».

Каб. **-фэ**: *уы-фэ-н* «крыть, покрывать». Основа **-фэ**, возможно, возводится к имени **фэ** «поверхность, слой; кожа». К последнему восходит первый компонент глагольной основы **-фэкъы** (*уы-фэкъын* «лишить вида, ободрать, оголить»).

Каб. **-хъуэншы**: *уы-хъуэншы-н* «очищать, очистить что-либо от сучьев, веток». Первая часть этой основы по значению сближается с основой глагола *хъуэ-н* «тереть, потереть»; элемент **н** — фонетическое наращение. По этому типу образования в кабардинском основе *уы-хуэ-н-шы-н* «сеять, просеивать». Происхождение морфемы **-шы** в этих основах не ясно. Ср.: адыг. *уыпллэч/ын*, каб. *уыпллэншы* «складывать, сложить».

Адыг.-каб. **-луэ, -луы**: адыг.-каб. *уы-луэ-н* «клевать» (неперех.), *уы-луы-н* «клевать, поклевать» (перех.). От этой основы образуется глагол *уы-луы-н* «отбивать, отбить (косу)».

Окаменелый префикс **уы-** представлен и в следующих многосложных основах: адыг. *уы-т/уыпшы-н*, каб. *уыт/ыпшы-н* «освободить, отпустить», адыг. *уы-п/ышк/уы-н*, каб. *уы-п/ышъ-к/уы-н* «мять, помять», адыг. *уып/члэ-н*, каб. *уып/шлэ-н* «спросить, спрашивать», каб. *уы-жъыхын* «гаснуть, угасать», каб. *уычлэп/шын* «лупить, очистить», адыг. *уы-къуыдыйын*, каб. *уы-къуэ-дыйын* «растянуть, вытянуть», адыг.-каб. *уы-ч/ытэн* «стесняться, стыдиться», адыг. *уы-тысэн* «рассыпать, рассеять», адыг. *уы-шэ-*

тын «проверить, испытать». Произошло сращение префикса **у-** и с рядом односложных основ открытого типа. Например: адыг. каб. *уы-блэн* «начать, начинать», адыг. *уы-цубын*, каб. *уы-вын* «вставать, встать», адыг.-каб. *уы-сэн* «сочинять, писать песни стихи» (ср. адыг.-каб. *уысэ* «стих»), адыг.-каб. *уы-кбын* «разинуть, разевать (рот, пасть)», адыг.-каб. *уы-лэн* «ранить, подраивать», адыг. *уы-тын* «рушить, трусить». Соответствующая основа в кабардинском языке включает в себя суффиксальный элемент: ср. каб. *уыдыны-н* «рушить, трусить». Возможно, что в данном случае мы имеем дело с переразложением основы, т. е. с перераспределением морфемного состава основы: в результате субстантивации инфинитивный суффикс **-н** стал частью основы, от которой вторично образована форма *уыды-ны-н*. В адыгейском языке, в отличие от кабардинского языка, инфинитив по форме совпадает с именем; ср.: адыг. *уытын* «трусить, рушить», *уытын* «удар», каб. *уыдынын* «трусить, рушить», *уыдын* «удар». Основа *уыды* в кабардинском языке употребляется только с предвербами: каб. *хэ-уыды-н* «выбить, выбивать», *те-уыдын* «сбить, сбиваться с поверхности чего-то».

Помимо окаменелого префикса **у-**, в ряде основ данной группы выделяется также окаменелый суффикс **-йэ||-йы**. Например: адыг. *уы-кгуэрэ-йы-н*, каб. *уы-кгуыры-йы-н* «падать, повалиться», адыг. *гуэ-уы-сэ-йэ-н*, каб. *е-уы-псэ-йы-н* «приставить, прислонить», адыг. *уы-шбы-йэ-н*, каб. *уы-шбы-йы-н* «наставлять, поучать», адыг.-каб. *уы-лбы-йы-н* «ржаветь, заржаветь».

Порядок — 2: префикс каузатива **гъэ-**

§ 127. В адыгских языках каузатив образуется от переходных и непереходных основ с помощью префикса **гъэ-**. Например: адыг.-каб. *е-гъэ-шлын* «заставить сделать что-то», *гъэ-кгуэн* «заставить его идти».

Этим же префиксом образуется каузатив в уبخском языке. Ср. уبخ. *и-с-и-м-гъы-биен* «не заставляй меня на них смотреть». В абхазском и абазинском языках адыгско-уبخскому префиксу каузатива **гъэ-** соответствует префикс **р-**. Ср. абх. *а-р-тгуа-ра* «заставить сесть».

Место префикса каузатива в глаголе определяется структурой основы. Если каузативный глагол образуется от простого производного глагола, то префикс **гъэ-** ставится перед производящей основой. Ср. адыг.-каб. *е-гъэ-тхын* «заставить написать что-то». Если же каузативный глагол образуется от приставочного глагола, то префикс **гъэ-** инкорпорируется внутрь основы, т. е. ставится между словообразовательной приставкой и производящей основой. Ср.: адыг.-каб. *къэ-гъэ-кгуэн* «заставить его идти сюда», *хэ-гъэ-хьэн* «заставить его войти во внутрь чего-то». В простых производных основах каузативный аффикс **гъэ-** стоит непосредственно за аффиксом субъекта. Ср.: адыг. *з-гъэ-*

кгуагъэ, каб. *з-гъэ-кгуашъ* «я заставил его идти», адыг. *къэ-з-гъэ-кгуагъ*, каб. *къэ-з-гъэ-кгуашъ* «я заставил его идти сюда».

Каузативный аффикс имеет лексико-грамматическое значение. С одной стороны, с помощью данного аффикса образуется производный глагол, который обозначает действие, которое совершается вторым побуждаемым лицом в результате воздействия субъекта предложения. Каузативный глагол, лексически отличаясь от соотносительного простого глагола, проходит через всю систему спряжения. Каузативный глагол не имеет особой парадигмы, отличной от парадигмы простого глагола. Следовательно, каузативный аффикс, как и другие словообразовательные аффиксы, выступает в роли основообразующего элемента.

С другой стороны, аффикс каузатива, изменяя природу глагольной основы и тем самым конструкцию всего предложения, обладает грамматическим значением. Каузативный глагол всегда предполагает переходность глагола: при образовании каузативного глагола от непереходного глагола последний становится переходным. Каузативный глагол, как и простой переходный глагол, связан с особой синтаксической (эргативной) конструкцией предложения. Ср.: адыг. *Ар мзэым макгуэ* «Он идет в лес», *Ашь ар мзэым егъакгуэ* «Он заставляет его идти в лес».

При образовании каузативного глагола лицо глагола увеличивается на одно: одноличный глагол становится двухличным (каб. *сотхэ* «пишу» — *согъатхэ* «заставляю его писать»), двухличный — трехличным (каб. *сошэ* «везу что-то» — *ызогъашэ* «заставляю его везти что-то»), трехличный — четырехличным (каб. *ызыот* «даю ему что-то» — *ырызогъэт* «заставляю его отдать ему что-то»). Как видно из примеров, с помощью аффикса **гъэ-** образуется производный глагол с новым грамматическим значением. Словообразование и грамматика в побудительном глаголе органически взаимосвязаны.

Аффикс **гъэ-** в адыгских языках присоединяется к основе любого глагола. Однако не все производные формы с данным аффиксом имеют побудительное значение. Дело в том, что аффикс **гъэ-** во многих случаях может иметь только историческое значение. На данном этапе развития адыгских языков не всегда воспринимается глагол, содержащий аффикс **гъэ-**, как глагол с побудительным значением.

Ср. адыг. *Сэ лыр згъэжъуагъэ* «Я сварил мясо».

С точки зрения носителей данного языка в этом предложении действие совершается самим субъектом. Глагол, имеющий по внешности побудительную форму, теряет значение каузативности, побудительности. В самом деле, в данном случае логически невозможно вмешательство субъекта в действие другого лица, как это имеет место при побудительном глаголе.

Для выражения побудительного действия необходимо наличие в этом глаголе второго аффикса **гъэ-**. Ср. адыг. *Сэ ашь лыр е-з-гъэ-гъэ-жъуагъ* «Я заставил его сварить мясо». С граммати-

ческой точки зрения глагол *гъэжъуэн* «сварить что-то» отличается от соотносительного непроизводного глагола *жъуэн* «свариться» многоличностью и переходностью своей основы. Ср. также каб. *Си пылэр уынэм къэзгъэнашъ* «Я оставил свою шапку дома». Глагол *къэзгъэнашъ* в этом предложении не выражает побудительного значения, но в отличие от одноличного глагола *къэнашъ* «остался» является переходным. Следовательно, в подобных случаях аффикс *гъэ-* не обладает побудительным значением, а выражает функцию формообразования: одноличный непереходный глагол становится двухличным переходным.

§ 128. В адыгских языках имеются глагольные основы, которые употребляются лишь с аффиксом *гъэ-*.

В результате фонетических и семантических изменений многие основы утратили самостоятельность и срослись с аффиксом *гъэ-*. Основные из них следующие: Адыг. *-пlлэ:* *гъэ-пlлэ-* «обмять». Ср.: каб. *уы-пlлэ-нышы-н* «сложить, складывать что-либо вчетверо». Каб. *-нышъкlуы:* *гъэ-нышъкlуы-н* «жевать, разжевывать». Адыг. *-тэкъуэ:* *гъэ-тэкъуэ-н* «рушить» (например, просо, кукурузу). Каб. *-нышы:* *гъэ-нышы-н* «насыщать, насытить, наполнить». Каб. *-шlэхъуы:* *гъэ-шlэхъуы-н* «отказываться, отказать в просьбе». Основу *-шlэхъуы* можно расчленить на *шlэ* (*шlэн* «делать») и *хъуы*. Вторая часть представлена в ряде других слов. Ср.: каб. *сэ-хъуы-н* «отбиться от рук, избаловаться», *бзэ-шъ-хъуы-н* «дать осечку». Каб. *-lуылэ:* *гъэ-lуылэ-* «соблазнять, соблазнить кого-либо».

Адыг.-каб. *-хъэ:* *гъэ-хъэ-н* «преуспевать, ворочать делами, делать, вершить что-нибудь». Ср. каб. *батэр гъэхъэн* «делать что-либо важное». В кабардинском языке основа *-хъэ* является синонимом основы *-шы-*, которая также связана с мертвым лым каузативным префиксом *гъэ-*: каб. *гъэ-шы-н*, *гъэ-хъэн*. Адыг. *-пэ:* *гъэ-пэ-н* «беспокоить, тревожить, мешать». Адыг.-каб. *-тlылы:* *гъэ-тlы-лlы-н* «класть, положить».

Приведенные основы составляют значимое целое лишь в сочетании с префиксом *гъэ-*.

Порядок — 3: локальные префиксы (превербы)

§ 129. Предварительные замечания. Для адыгских языков особенно характерно образование глагольных основ с помощью превербов, выражающих локальные и направительные значения. Как в абхазском и абазинском языках, местные и направительные превербы в адыгских языках по своему составу разнообразны и многочисленны. Но в адыгских языках, в отличие от абхазского и абазинского языков, менее распространены превербы-основы, функционирующие в одних случаях в роли превербов, а в других — в роли основ (носителей основного лексического значения глагола).

Особенностью адыгских языков является то, что выражение места предмета максимально дифференцированно. Ср., например:

- каб. *тепшъэчымы йы-лlы-н* «лежать в тарелке»;
- » *шкaмпlымы дэ-лlы-н* «лежать в шкафу»;
- » *дагъэм хэ-лlы-н* «лежать в масле»;
- » *уынэм шlэ-лlы-н* «лежать в комнате»;
- » *шхылэным klуэцlы-лlы-н* «лежать в одеяле».

Как видно из примеров, положение внутри разных предметов (*тепшъэч* «тарелка», *шкaмпl* «шкаф», *дагъэ* «масло», *уынэ* «комната», *шхылэ* «одеяло») выражается дифференцированно, т. е. разными превербами. Конкретизацией выражения места предмета объясняется наличие множества местных превербов в адыгских языках.

§ 130. Адыг.-каб. *дэ-*, *йы-*, *хэ-*. По своей семантике в одну группу объединяются общеадыгские местные превербы *дэ-*, *йы-*, *хэ-*. Последние входят в группу простых превербов, которые на данном этапе развития адыгских языков генетически не удаётся связывать с той или иной частью речи. Однако теоретически можно предположить, что эти простые местные превербы в адыгских языках восходят к именным основам локального значения. В пользу этого предположения говорит общая тенденция к трансформации однозначных самостоятельных основ с конкретным локальным значением в местные превербы в абхазском адыгских языках. Ср., например: адыг. *чlгъэ-ты-н* «стоять под чем-либо», каб. *шlэ-ты-н* «стоять под чем-либо», абхазск. *а-цlа-гыла-ра* «стоять под чем-либо», адыг. *чlгъэ-хъэ-н* «заходить под что-либо», каб. *шlэ-хъэ-н* «заходить под что-либо», абхазск. *а-цlа-ла-ра* «заходить под что-либо».

Основы приведенных глаголов образованы при помощи преверба адыг. *чlгъэ-*, каб. *шlэ-*, абх. *цl(a)-*, который имеет значение «под». Этот преверб возводится к самостоятельной именной основе в значении «дно»: адыг. *чlгъэ < чlгъэ* «дно», каб. *шlэ < шlэ* «дно», абх. *цl(a) < ацlа* «дно».

Глагольные основы с рассматриваемым превербом с точки зрения исторического словообразования представляют сложные основы, состоящие из именной и глагольной основ.

Адыгским простым местным превербам в близкородственных языках функционально соответствуют отыменные превербы, что делает данное предположение более вероятным.

Так, например, общеадыгскому простому превербу *йы-* в убыхском и абхазском языках могут соответствовать отыменные превербы:

- адыг. *с-и-с* «сиджу внутри чего-то»,
- каб. *с-и-с-шъ* «сиджу внутри чего-то»,
- убых. *си-бла-с* «сиджу внутри чего-то».

В ряде случаев адыгские языки и диалекты допускают замену простых превербов отыменными превербами.

Ср. ад.-каб. *уынэм ыыхьэн* «войти в дом»,
каб. *уынэм шлэ-хьэн* «войти в дом»,
адыг. *уынэм ыы-сын* «сидеть в доме»,
каб. *уынэм шлэсын* «сидеть в доме»,
адыг. *уынэм йытгысхьажьыгъ* «вселиться в дом».

Между адыгскими языками наблюдается соответствие простых превербов отыменным превербам. Ср.:

каб. *нартыхур дэчын* «убрать кукурузу»,
адыг. *натрыфыр гуэчын* «убрать кукурузу».

Все эти факты свидетельствуют об именном происхождении простых местных превербов, которые ныне не представляется возможным связать с самостоятельными основами.

Простые превербы *дэ-*, *йы-*, *хэ-* употребляются с основами как динамических, так и статических глаголов. От основ динамических глаголов с помощью превербов *дэ-*, *хэ-*, *йы-* образуются производные основы, которые обозначают направление действия, движения внутри или изнутри предмета. Основы статических глаголов с этими превербами обозначают положение, пребывание внутри предмета. Ср.:

Дэ-: адыг.-каб. *кьалэм дэ-хьэ-н* «входить, заходить в город», *кьалэм дэ-сы-н* «быть, находиться в городе», адыг. *шьагуым дэ-чы-н*, каб. *пшлантлэм дэ-чы-н* «выходить из двора», адыг. *шьагуым дэ-ты-н*, каб. *пшлантлэм дэ-тын* «находиться, стоять во дворе».

Хэ-: адыг.-каб. *псым хэ-члэ-н* «вливать в воду», *псым хэ-сы-н* «сидеть, находиться в воде», *ятлэм хэ-нэ-н* «застрять, увязнуть в грязи», *уэсым хэ-куэ-н* «повалить в снег», *уэсым хэ-ты-н* «стоять, находиться в снегу», *мэзым хэ-хьэн* «входить, войти в лес», *мэзым хэ-сы-н* «находиться, сидеть в лесу».

Йы-: адыг. *джыбэм ыы-лэхьэ-н*, каб. *жыным ыы-лэхьэ-н* «положить в карман», адыг. *джыбэм ыы-лэты-н* «лежать в кармане», адыг. *бэшэрэбым ыы-члэ-н*, каб. *бытулгчлэм ыы-члэ-н* «налить в бутылку», адыг. *бэшэрэбым ыы-лэты-н*, каб. *бытулгчлэм ыы-лэты-н* «находиться, лежать в бутылке», адыг. *матэм йытэкьуэн*, каб. *матэм йы-кгуытэ-н* «всыпать в корзину», *матэм ыы-сы-н* «сидеть в корзине».

Как видно из примеров, превербы *дэ-*, *хэ-*, *йы-* имеют значение «внутри». Но следует отметить, что эти превербы, хотя и объединяются своей семантикой, все же не являются превербами-синонимами. Дело в том, что каждый из этих превербов закреплен за определенной группой имен существительных. Наличие того или иного преверба со значением «внутри» в глагольной основе обуславливается именем, вступающим в синтаксические связи с глаголом. При этом имена существительные, кото-

рые обозначают понятия, объединяющиеся какими-то общими свойствами, связаны с определенным превербом¹¹². Поэтому отребительность того или иного преверба определяется количеством имен существительных, закрепленных за ним. Наибольшее многочислен круг имен существительных, требующих наличия в глагольной основе преверба *хэ-*. Наличия данного преверба в глагольной основе требуют имена существительные, которые обозначают:

а) предметы, имеющие вещественное значение: адыг.-каб. *сы* «вода», *лы* «мясо», адыг.-каб. *фыгу* «пшено», адыг. *натрыф*, каб. *нартыху* «кукуруза», адыг. *пындж*, каб. *прунж* «рис», адыг. *гуэц*, каб. *гуэдз* «пшеница», адыг. *мылэрыс*, каб. *мылэрысэ* «яблоко», адыг. *кьуыжъы*, каб. *кхьуыжъ* «груши», адыг. *бжьы-ты*, каб. *бжьын* «лук», адыг. *шъуэу*, каб. *фэу* «мед», адыг. *шьы-ты*, каб. *шыгъу* «соль», адыг. *шъуэушьыгъу*, каб. *фэушьыгъу* «сахар», адыг. *бахъсымэ*, каб. *махъсымэ* «мэхсыма» (национальный напиток), адыг. *санэ* «вино», адыг. *сэнашъхь*, каб. *жызуам* «виноград», адыг. *хьалыгъу*, каб. *шлакхъуэ* «хлеб», адыг. *кьуае*, каб. *кхъуей* «сыр», адыг. *шьэ*, каб. *шэ* «молоко», адыг. *гъуычлэты*, каб. *кхъуыш* «железо», адыг.-каб. *дыштэ* «золото», адыг. *жьы*, каб. *жъы* «воздух», адыг. *нэф*, каб. *нэху* «свет», адыг. *уэсы*, каб. *уэс* «снег», адыг. *уэшьхы*, каб. *уэших* «дождь» и т. д.

б) явления, имеющие абстрактное значение: адыг. *гуыкъау*, каб. *гуыкъеуэ* «горе», адыг. *гуышгуагъуэ*, каб. *гуышгуагъуэ* «радость», адыг. *гуыпшыс*, каб. *гуыпсысэ* «дума, мысль», адыг. *шьхын*, каб. *дыхъэшх* «смех», адыг. *чъылэ*, каб. *шлылэ* «холод», адыг. *фабэ*, каб. *хуабэ* «жара», адыг. *мамырныгъ*, каб. *мамырыгъэ* «тишина», адыг. *шьыпкъэ*, каб. *пэж* «правда», адыг.-каб. *пцлэ* «ложь» и т. д.

в) лексическую совокупность чего-либо, однородные предметы и явления, а также предметы, имеющие собирательное значение: адыг. *куып*, каб. *гуып* «группа», адыг. *члэлэгъуал*, каб. *шлэлэгъуалэ* «молодежь», адыг.-каб. *зэххэр* «братья», адыг. *ныбджэгъухэр*, каб. *ныбжэзэгъухэр* «друзья», адыг. *пыххэр*, каб. *биыххэр* «враги», адыг.-каб. *дэз* «армия» и т. д.

Преверб *йы-* закреплен за теми существительными, которые обозначают предметы, имеющие отверстие, углубленное место, покое пространство и т. д. Например: адыг. *бэшэрэб*, каб. *бытулгчлэ* «бутылка», адыг. *мэрчэпыл*, каб. *шаквалэ* «чернильница», адыг. *шьыгъул*, каб. *шьыгъулгэ* «солонка», адыг. *шъуэу-шьыгъуыл*, каб. *фэушьыгъуылгэ* «сахарница», адыг. *джыбэ*, каб. *жып* «карман», адыг.-каб. *уынэ* «дом», адыг. *машэ*, каб. *машгэ* «яма», адыг. *бы*, каб. *гъуэ* «нора, берлога», адыг. *куы*, каб. *гуы* «арба», адыг. *машын*, каб. *машынэ* «машина», адыг. *кьуыхьэ*,

¹¹² З. И. Керашев а. Проблема превербов в адыгских языках. «Ученые записки Адыгейского государственного педагогического института», т. I. Майкоп, 1957.

каб. *кхъуыхъ* «пароход», адыг. *самолет*, каб. *кхъуыхълъатэ* «самолет», адыг. *табэ*, каб. *тебэ* «сковорода», адыг. *шьалъ*, каб. *пгуын* «ведро», адыг. *лагъэ*, каб. *тепшъэч* «тарелка», адыг.-кастэчан «стакан», адыг. *мат*, каб. *матэ* «корзина», адыг. *Галъмэ* «сумка, торба».

По сравнению с превербами *хэ-*, *йы-* реже используется преверб *дэ-*, так как количество имен существительных, закрепленных за ним, не очень многочисленно.

Наличия преверба *дэ-* в глагольной основе требуют такие имена существительные, как адыг. *къуадж*, каб. *къуажэ* «село», адыг.-каб. *къалэ* «город», адыг. *шьагу*, каб. *пшлантлэ* «двор», каб. *ныджэ* «пойма реки, заливной луг», каб. *псыхъуэ* «берег», каб. *уырам* «улица», адыг.-каб. *пхъуантэ* «сундук».

Адыг. *(ы)чъыб*, каб. *(ы)шъыб*, *(ы)шъыбагъ* «позади, за», адыг. *азыфагу*, каб. *языхуаку* «между» требуют также преверба *дэ-*. Примеры: адыг. *Уынэм ычъыб чъыгхэр дэты* «За домом стоят деревья»; каб. *Абы шъыбагъым сьдэсшъ* «Сиджу за ним»; адыг. *А тлум азэфагу ар дэтъысхъагъ* «Он сидит между ними»; каб. *Къалэр пситлым языхуакум дашъыхъашъ* «Между двух рек построили город».

Круг имен существительных, закрепленных за превербом *дэ-*, в диалектах может расширяться. Так, в моздокском диалекте, в отличие от других диалектов, при имени существительного *бэзэр* «базар» употребляется преверб *дэ-* вместо преверба *т-*

мозд. д. *Бэзэрым фызыжъ цъыклу дэст*;
бакс. д. *Бэзэрым фызыжъ цъыклу тест*
«На базаре маленькая старушка сидела».

В одном и том же языке иногда возможна замена одного преверба другим.

Например, в кабардинском языке некоторые имена существительные допускают наличие в глаголе как преверба *йы-*, так и преверба *дэ-*. Ср.:

<i>Ахъшэр сумкэм дэлъшъ</i>	}	«Деньги лежат в сумке».
<i>Ахъшэр сумкэм йылъшъ</i>		
<i>Джанэр ашычым дэлъшъ</i>	}	«Рубашка лежит в ящике».
<i>Джанэр ашычым йылъшъ</i>		

Следует отметить, что в данном случае превербы *йы-*, *дэ-* не являются абсолютными синонимами. Наличие в глаголе того или иного местного преверба при одном и том же имени определяется внешней формой предмета, обозначаемого этим именем. Сумка и ящик по своей форме могут быть закрытыми и открытыми. В предложении *Джанэр ашычым дэлъшъ* «Рубашка лежит в ящике» речь идет именно о закрытом ящике, в отличие от предложения *Джанэр ашычым йылъшъ* «Рубашка лежит в ящике»

где предмет (ящик) может быть не только закрытым, но и открытым.

Нельзя считать синонимами превербы и в таких близких по значению выражениях, как каб. *уэрамым дэтын*, *уэрамым тетын* «стоять, находиться на улице». В выражении *уэрамым тетын* «стоять, находиться на улице» в отличие от *уэрамым дэтын* «стоять, находиться на улице» глагол обозначает положение «на чем-то, на поверхности чего-то». Ср. также каб. *хадэм дэхъашъ*, *хадэм ыхъашъ* «зашел в сад», *огородым дэсшъ*, *огородым ысшъ* «сидит в огороде».

Таким образом, местные превербы *хэ-*, *йы-*, *дэ-* указывают на положение или действие внутри предмета. Каждый из них закреплен за определенной группой имен существительных. Если же при одном и том же имени возможно чередование превербов в глаголе, то оно вызвано внешней формой предмета, обозначаемого именем.

§ 131. Адыг. *чъэ->* каб. *шлэ-*. С помощью преверба *чъэ-||шлэ-* образуются основы статических и динамических глаголов. Преверб *чъэ-||шлэ-* вносит в основу глагола значение «под».

адыг. *Мыжъуэшъуэмычъыр чъэыуым чъэлъ*,
каб. *Мывээфламышъыр шлым шлэлъшъ* «Каменный уголь лежит под землей».

адыг. *Пхъэшъхъэмышъхъэр чъэыуынэм чъалъхъагъ*,
каб. *Пхъэшъхъэмышъхъэр шъыуынэм шалъхъашъ* «Фрукты положили в подвал».

В адыгейском литературном языке имеется фонетический вариант анализируемого местного преверба в виде *члэ-*. Последний представляет собой мягкий вариант преверба *чъэ-*. Ср. лит. адыг. *чъэзы-н=члэзы-н* «отпасть снизу».

В абхазском и абазинском языках превербу *чъэ-||шлэ-* соответствует преверб *цл-*, восходящий также к самостоятельной именной основе *-цла* «дно».

Ср.: абх. *а-цла-гыла-ра* «стоять под чем-то»;
а-цла-жь-ра «бросить, свалить под что-то»;
а-цла-ла-ра «заходить под что-то»;
а-цла-тлу-ра «садиться под чем-то».

Между адыгскими языками наблюдаются расхождения в употреблении преверба *чъэ-||шлэ-*. В значении «внутри» этот преверб более употребителен в кабардинском языке, в котором он может выступать вместо адыгейского *йы-*:

Ср.: каб. *клубым шлэ-сын* «сидеть в клубе»,
адыг. *клубым ы-сын*, *чъэсын* «сидеть в клубе»,
каб. *шэшъым шлэ-тын* «стоять в конюшне»,
адыг. *шэшъым ы-тын*, *чъэтын* «стоять в конюшне».

Аналогичное соответствие местных превербов имеет место между кубанским диалектом и литературным кабардинским языком.

Ср.: куб. д. *Джэдыр джэдэштым ырадза*,
лит. каб. яз. *Джэдыр джэдэштым шладзашь* «Курицу бросили в курятник».

куб. д. *Хэмид курс ештанэм ыс*,
лит. каб. яз. *Хэмид курс ештанэм шлэсш* «Хамид на третьем курсе (сидит)».

Замена преверба *шлэ-* превербом *йы-* в кубанском диалекте, по-видимому, вызвана влиянием адыгейского языка на речь кубанских кабардинцев.

Редко встречается обратное соответствие между адыгскими языками. Ср.:

адыг. *хьапсым члгэсын* «сидеть в тюрьме»,
каб. *хьапсым ысыс* «сидеть в темнице».

Соответствие превербов в данном случае, возможно, обусловлено различным осмыслением предмета, обозначаемого одним словом: адыг. *хьапс* «тюрьма», каб. *хьэпс* «темница».

В адыгейском языке *члгэ-* может соответствовать кабардинскому составному превербу *хьчлгэ-*.

Ср.: адыг. *тутын ешгэуэныр члгэ-дзын* «бросить курить»,
каб. *тутын ефэныр хьчлгэ-дзэн* «бросить курить».

В шапсугском диалекте, в отличие от всех других адыгских диалектов, преверб *члэ-* с огласовкой *ы* или *и* обозначает движение снизу вверх.

Ср.: шап. д. *Ыпшгэ члызыгъ* «Наверх бросил»,
лит. адыг. яз. *Ышгъхагъ дидзыгъ* «Наверх бросил»,
шап. д. *Уашгэуэм члпльыгъ* «На небо посмотрел»,
лит. адыг. яз. *Уашгэуэм дэпльыгъ* «На небо посмотрел»,
шап. д. *Тхым чылгэтыгъ* «Поднялся на гору»,
лит. адыг. яз. *Бгым дэлгэтэягъ* «Поднялся на гору».

§ 132. Адыг.-каб. *т-*. Хотя по значению общеадыгский местный преверб *т-* близок к основе статического глагола *-ты* в значении «стоять» (адыг. *шы-тын*, каб. *шъы-ты-н* «стоять», адыг.-каб. *хэ-ты-н* «стоять в чем-то»), представляется невозможным отнести его к числу так называемых превербов-основ, которые характерны для близкородственных абхазского и абазинского языков.

Местный преверб *т-* употребляется как со статическими, так и с динамическими глаголами. Данный преверб указывает на поверхность предмета:

адыг.-каб. *те-сын* «сидеть на чем-то»,
адыг.-каб. *те-тын* «стоять на чем-то»,

адыг.-каб. *те-лбын* «лежать на чем-то»,
адыг.-каб. *те-члын* «сходить с поверхности чего-то»,
адыг.-каб. *те-хын* «снести с поверхности чего-то».

В отличие от местных превербов *дэ-*, *хэ-*, *йы-*, которые не могут выражать положение или действие внутри всякого предмета независимо от его внешних форм и пространственных границ, преверб *т-* обозначает поверхность любого предмета. Ср., например:

адыг.-каб. *псым те-лбын* «лежать на воде»,
адыг.-каб. *псым хэ-лбын* «лежать в воде»,
адыг.-каб. *матэм те-лбын* «лежать на корзине»,
адыг.-каб. *матэм ы-лбын* «лежать в корзине».

Как видно из примеров, положение на поверхности разных предметов — *псы* «вода», *матэ* «корзина», «корзинка» — выражается превербом *т-*, в то время как положение внутри этих же предметов выражается двумя разными превербами *хэ-*, *йы-*.

Следует отметить некоторые расхождения между адыгскими языками и диалектами в употреблении местного преверба *т-*. В ряде случаев в адыгских языках наблюдается соответствие преверба *т-* превербу *йы-*. Так, например, употребление преверба *т-* в кабардинском языке имеет место там, где в адыгейском применяется преверб *йы-*. Ср.: например:

адыг. *плошьэдым ы-тын* «стоять на площади»,
адыг. *плошьэдым те-тын* «стоять на площади».

В моздокском диалекте преверб *т-* может выступать вместо преверба *шлэ-*. Ср., например:

мозд. д. *тыкуэным те-лбын* «лежать в магазине»,
лит. каб. яз. *тыкуэным шлэ-лбын* «лежать в магазине».

В речи моздокских кабардинцев преверб *т-* в ряде случаев употребляется взамен преверба *хэ-*. Ср., например:

мозд. д. *Клуэн-кээклуэн темыту луэхуыр зыфлэггэклын*,
лит. каб. яз. *Клуэн-кээклуэн хэмыту луэхуыр зэфлэггэклын*
«Закончить дело без того, чтобы идти туда и обратно».

В шапсугском диалекте наблюдается употребление преверба *т-* вместо преверба *йы-*:

шап. д. *уэтэрыгуым тет* «в кругу стоит»,
лит. адыг. яз. *уытыкуым ыт* «в кругу стоит».

§ 133. Адыг. *шы-* > каб. *шъы-*. Этот преверб употребляется с основами статических и динамических глаголов. С его помощью образуется основная лексическая форма основ статических глаголов. Ср.:

адыг. *шысыс*, каб. *шъысыс* «сидеть»,
адыг. *шытын*, каб. *шъытын* «стоять»,
адыг. *шылзын*, каб. *шъылзын* «лежать».

В этих глаголах преверб **шы-**||**шъ-** не всегда выражает локальное значение. Об этом свидетельствует то, что эти статические глаголы, образованные посредством преверба **шы-**||**шъ-**, употребляются в предложении, где не указывается на конкретное-локальное место субъекта. Ср.: каб. *Ар жэшт'лэ куэдр шъысш'э* «Он по ночам долго сидит», адыг. *Сэ непэ сышьыс* «сегодня сижу» (т. е. не работаю, отдыхаю).

Местное значение преверба **шы-**||**шъ-** сохраняется в ряде динамических глаголов. Ср., например: каб. *шъыхуын* «свалиться с поверхности», каб. *шъыдзын* «свалить, сбросить», адыг. *шъыхуэн*, каб. *шъыхуэн* «тереть что-либо», адыг. *шъылтэн*, каб. *шъылтэгъэн* «надеть, одеть». Иногда преверб **шы-**||**шъ-** выступает в качестве субститута сложного преверба *шъхъэш-шъ-*. Ср.: каб. *бгым шъхъэшшъыхуын* = *бгым шъыхуын* «свалиться с горы, с утеса».

С местным превербом **шы-**||**шъ-** генетически связан в адыгских языках версионный аффикс **шы-**||**шъ-**. Ср.: адыг. *ашь шы-штэн*, каб. *абы шъы-штэн* «пугаться, испугаться его». Версионное значение является вторичным¹¹³.

§ 134. Адыг. **шлуэ-** > каб. **флэ-**. С помощью этого преверба образуются основы статических и динамических глаголов. Основы статических глаголов, образованные посредством префикса **шлуэ-**||**флэ-**, обозначают:

а) положение на конечной части предмета:

адыг. *шлуэлъын* «лежать, находиться наверху»,
каб. *йышгъхэм флэлъын* «лежать на голове, наверху»,
адыг. *ыпэм пэшлуэтын* «стоять перед чем-то»,
каб. *ыпэм флэтын* «стоять на передней части»,
адыг. *ычлэм шлуэсын* «сидеть на конце»,
каб. *ычлэм флэсын* «сидеть на конце».

б) положение на поверхности предмета:

каб. *блыным флэлъын* «висеть (букв.: лежать) на стене»,
адыг. *члэпсэм шлуэлъын* «лежать на веревке».

Основы динамических глаголов с превербом **шлуэ-**||**флэ-** обозначают:

а) действие на поверхности или на конечной части предмета:

Ср.: адыг. *шлуэшлэн* «привязать на поверхности, на конечной

часть»
каб. *флэшлэн* «привязать на поверхности, на конечной ча-

сти»
адыг. *шлуэдэн* «пришить на поверхности, на переднюю

часть»
каб. *флэдэн* «пришить на поверхности, на переднюю часть»

адыг. *шлуэсысыхъан* «болтаться, шататься на чем-то»,

каб. *флэсысыхъын* «болтаться, шататься на чем-то»;

¹¹³ См. стр. 185.

б) действие, направляемое на острие, на конец предмета или с конца предмета:

адыг. *шлуэлъхъэн* «насадить, надеть на что-то»,
каб. *флэлъхъэн* «насадить, надеть на что-то».

Как по значению, так и по звуковой форме к рассматриваемому превербу близок убыхский местный преверб **ф-**. Ср.: убых. *с-фас* «сижу, нахожусь в передней части», каб. *сы-флэс-шъ* «сижу, нахожусь в передней части», адыг. *сы-шлуэс* «сижу, нахожусь в передней части».

По своему звуковому облику местный преверб **шлуэ-**||**флэ-** совпадает с общеадыгским превербом **шлуэ-**||**флэ-**, имеющим значение «вопреки, против желания». Ср.: адыг. *шлуэдзын*, каб. *флэдзын* «сбросить с чего-нибудь», адыг. *шлуэдзын*, каб. *флэдзын* «сбросить вопреки желанию кого-, чего-нибудь», адыг. *шлуэдэн*, каб. *флэдэн* «пришить», адыг. *шлуэдэн*, каб. *флэдэн* «шить вопреки желанию кого-, чего-нибудь». Очевидно, здесь мы имеем дело с аффиксами-омонимами, которые совпали в результате звуковых изменений.

§ 135. Каб. **хыфлэ-**. Сложный преверб **хыфлэ-** состоит из простых превербов **хы-** и **флэ-**. Если составляющие его компоненты сочетаются с основами переходных и непереходных глаголов, то сложный преверб **хыфлэ-** сочетается лишь с некоторыми основами переходных глаголов движения. Значение сложного преверба **хыфлэ-** также не соответствует сумме значений составляющих его простых превербов **хы-** и **флэ-**. Ср.: каб. *хыфлэ-хуэ-н* «толкать, толкнуть, швырять» (от основы глагола *хуы-н* «гнать»), *хыфлэ-дзэ-н* «бросить, бросать, швырнуть» (от основы глагола *дзы-н* «бросить»). Как видно, образование глагола с помощью преверба **хыфлэ-** сопровождается изменением гласного основы **ы** в **э**.

§ 136. Адыг.-каб. **пэ-**. Глагольные основы, образованные с помощью данного преверба, обозначают состояние и действие в начале, в передней части предмета. Ср.: адыг.-каб. *пытын* «находиться, стоять в передней части», адыг.-каб. *пысын* «находиться, сидеть в передней части».

Преверб **пэ-** представлен в абхазском и абазинском языках. Ср.:

абх. *а-пылара* «встречаться, идти навстречу»,
адыг. *пэгъуэчлын* «встречаться, идти навстречу»,
каб. *пэжтэн* «встречаться, идти навстречу»,
абх. *а-пырцлра* «отойти спереди»,
адыг.-каб. *пычлын* «отойти спереди».

Ср.: абх. *сара сипылт* «я пошел ему навстречу».

Общеабхазско-адыгский преверб **пэ-** возводится к именной основе **пэ:** адыг.-каб. *пэ*, абх.-абаз. *а-пынцла* «нос, передняя часть чего-то».

По своему значению преверб **пэ-** в адыгских языках близок к превербу **шлуэ-||флэ-**. Эти превербы иногда могут заменять друг друга. Ср.:

каб. *жыгышхьэчлэм пысшъ* «сидит на верхушке дерева»,
жыгышхьэчлэм флэсшъ «сидит на верхушке дерева»,
къуыдамэм пышлэн «привязать к ветке»,
къуыдамэм флэшлэн «привязать к ветке».

§ 137. Адыг.-каб. **пэры-**. В состав этого преверба входят отыменный преверб **пэ-** и элемент **-р-**. Последний представляет собой, очевидно, фонетическое наращение на стыке отыменного преверба и глагольной основы. Как увидим ниже, этот сонорный согласный нередко появляется после местных отыменных превербов. По значению преверб **пэры-** близок к превербу **пэ-**: он указывает на переднюю часть предмета. Ср.: адыг.-каб. *пэрытын* «стоять перед кем-, чем-то».

§ 138. Каб. **пэшлэ-**. Сложный преверб **пэшлэ-** состоит из простых превербов **пэ-** и **шлэ-**. Синхронное значение преверба **пэшлэ-** не соответствует сумме значений составляющих его компонентов. Десемантизация подверглась второй компонент **шлэ-**, этимологическое значение которого сильно поблекло в сочетании с **п(э)-**. Преверб **пэшлэ-** сочетается с основами как переходных, так и непереходных глаголов. Ср.: каб. *пэшлэдзын* «выбрасывать», «выбросить из-под чего-л.», *пэшлэчлын* «отходить, отъезжать от кого-, чего-л.», *пэшлэхын* «убирать, убрать из-под чего-л.», *пэшлэлъэдэн* «подбегать, подбежать к кому-, чему-л.», *пэшлэклүэтэн* «приближаться, приблизиться к кому-, чему-л.», *пэшлэтын* «стоять против кого-, чего-л.».

В кабардинском языке рассматриваемый сложный преверб имеет фонетический вариант **пышлэ-**. Ср.: *пэшлэхуэн*, *пышлэхуэн* «попадаться, встречаться», *пэшлэуывэн*, *пышлэуывэн* «становиться под что-либо», перен. «противопоставить себя кому-л.»

§ 139. Адыг.-каб. **къуэ-**. Глагольные основы с этим местным превербом обозначают состояние и действие за предметом, сзади чего-нибудь, а также направление движения за предмет или из-за предмета.

Ср. адыг.-каб. *къуэлъын* «лежать за каким-нибудь предметом»
адыг.-каб. *къуэсын* «сидеть за каким-нибудь предметом»
адыг.-каб. *къуэтын* «стоять за каким-нибудь предметом»
адыг.-каб. *къуэшлэхын* «сделать что-нибудь за каким-нибудь предметом»

Общеадыгский местный преверб **къуэ-** генетически связывает ся с послелогом **къуэгъ||къуагъ** «угол, место, находящееся за кем-, чем-либо». Ср. адыг. *уынэ къуэгъым*, каб. *уынэ къуагъым* «за домом»; адыг. *ашь ыкъуэгъым*, каб. *ыкъуагъым* «за ним, сзади него». Послелог **къуэгъ||къуагъ** «угол, место за кем-, чем-либо» является производным: адыг. *къуэ-гъ*, каб. *къуа-гъ*

(**<къуэ+гъ**). Первая часть **къуэ-** — именная основа с локальным значением «место за кем-, чем-либо»; элемент **-гъ** представляет собой словообразовательный суффикс, который мы находим также в послелого адыг. *члэгъ*, каб. *шлагъ* «место под кем-, чем-либо», *члэгъ||шлагъ<члгы||шлы* «земля» + **гъ** — суффиксальный элемент. Ср. убых. послелог **-гъа** «под, в».

Ср. также каб. *шъхьэ-гъы-рыт* «прислуживающий во время пира», букв.: «стоящий над головой». Таким образом, преверб **къуэ-** возводится к именной основе **къуэ**, которая сохранила свое лексическое значение в послелого *къуэгъ||къуагъ* «за кем-, чем-либо».

Обращает на себя внимание функциональная близость абхазско-абазинского местного преверба **къу-** к рассматриваемому общеадыгскому превербу **къуэ-**. Ср.: абх. *а-къуца-ра* «отогнать», *а-къу-га-ра* «отвести», *а-къу-па-ра* «отпасть», *а-къу-шьа-ра* «отколотся».

§ 140. Адыг.-каб. **лъы-**. Данный преверб возводится к общеадыгской именной основе **лъэ** «след, нога, нижняя часть чего-то». Посредством преверба **лъы-** в адыгейском языке образуются основы динамических глаголов, которые обозначают действие, движение вслед за кем-, чем-либо. Адыгейскому **лъы-** в кабардинском языке иногда соответствует сложный преверб **члэлъы-(члэ+лъы-)**. Ср.: адыг. *лъыклуэн* «идти вслед за кем-, чем-либо», каб. *члэлъыклуэн* «идти вслед за кем-, чем-либо», адыг. *лъыджэн* «кричать, звать вслед за кем-, чем-либо», каб. *члэлъыджэн* «кричать, звать вслед за кем-, чем-либо», адыг. *лъыдзын* «бросить вслед за кем-, чем-либо», каб. *члэлъыдзын* «бросить вслед за кем-, чем-либо».

Выражение действия и движения вслед за кем-, чем-либо глагольными основами с одним местным превербом **лъы-** в адыгейском языке — наиболее архаичное явление. Перераспределение функции одного преверба **лъы-** между двумя превербами **члэ-** и **лъы-** (**члэлъы-**) в кабардинском языке — явление более позднее. Это доказывается наличием в кабардинском языке параллельных (синонимичных) производных образований. Ср.: каб. *лъышлэхьэн* и *члэлъышлэхьэн* «догнать кого-, что-либо»,
» *лъыклуэтэн* и *члэлъыклуэтэн* «двигаться вслед за кем-, чем-либо»,
» *лъехьэжъэн* и *члэлъехьэжъэн* «понести за кем-, чем-либо».

Этимологическое значение местного преверба **лъы-** сохранилось в таких производных основах, как каб. *лъытлэгъэн* «обувать», букв.: «надеть на ноги», *лъылын* «снять с ног».

Из основ статических глаголов с превербом **лъы-** сочетается лишь основа **-гъ**: адыг. *цуакъэ шыгыгъы*, каб. *вакъэ слъыгъышъ* «я обут», букв.: «мои ноги в обуви». Ср. абх.-абаз. преверб **шьт-**, который восходит также к именной основе **шьта** «след»: абх. *а-шьта-ла-ра* «идти вслед за кем-, чем-либо» («ложиться в по-

стель»), *а-шьта-цла-ра* «отправить кого-либо вперед за кем-либо».

§ 141. Адыг.-каб. **блэ-**. Общеадыгский преверб **блэ-** восходит к именной основе **блэ** «предплечье». С помощью преверба **блэ-** образуются основы динамических глаголов, которые обозначают движение поблизости кого-, чего-либо. Ср.: адыг.-каб. *блэлъэтын* «лететь мимо кого-, чего-то», адыг.-каб. *блэхын* «нести мимо кого-, чего-то», адыг. *блэчтын* «бежать мимо кого-, чего-то», каб. *блэжын* «бежать мимо кого-, чего-то».

§ 142. Адыг.-каб. **гуэ-**. Местный преверб **гуэ-** возводится к именной основе **гуы-** «сердце». Ср. убыхский преверб **гы-**, восходящий к убыхской именной основе **гыы-** «сердце». В отличие от **блэ-** преверб **гуэ-** употребляется с основами как динамических, так и статических глаголов. Основы статических глаголов с превербом **гуэ-** обозначают положение рядом с кем-, чем-либо. Ср.:

адыг.-каб. *гуэсын* «сидеть рядом с кем-, чем-либо»,
адыг.-каб. *гуэтын* «стоять рядом с кем-, чем-либо»,
адыг.-каб. *гуэлъын* «лежать рядом с кем-, чем-либо».

Основы динамических глаголов, образованные с помощью преверба **гуэ-**, обозначают слияние с предметом, отделение от предмета, движение к предмету или от предмета. Ср.:

адыг.-каб. *гуэшлэн* «привязать к кому-, чему-либо»,
адыг.-каб. *гуэдэн* «пришить к кому-, чему-то»,
адыг.-каб. *гуэхъэн* «соединиться с кем-, чем-либо»,
адыг.-каб. *гуэхын* «отделить от кого-, чего-либо».

Между адыгскими языками имеются расхождения в употреблении местного преверба **гуэ-**. В адыгейском языке этот преверб часто употребляется вместо кабардинских превербов

а) **бгъэ-дэ-**:

адыг. *Чалэр лъыжъым гуэуыцагъ.*
каб. *Шалэр лъыжъым бгъэдэуашъ*
«Парень встал рядом со стариком».

б) **п-**:

адыг. *Сымаджэм ылэ гуахыгъ.*
каб. *Сымаджэм ышэр пахашъ*
«У больного отрезали руку».

в) **къы-п-**:

адыг. *Ашь куэм лы гуеуыпчлы.*
каб. *Абы куэм лы къыпеуыпшл*
«Он от туши (бедра) мясо режет».

г) **члэ-р-**:

адыг. *Биболэт ыш тачанкэм гуипхагъ.*
каб. *Биболэт ышыр тэшанчлэм члэрипхашъ*
«Биболэт привязал своего коня к тачанке».

д) **дэ-**:

адыг. *Натрыфым ыгуэчыгъуэ хъуыгъэ.*
каб. *Нартыхуым ыдэчыгъуэ хъуашъ*
«Настал срок уборки кукурузы».

В адыгейском языке преверб **гуэ-** в ряде случаев имеет место там, где в кабардинском языке употребляется префикс **е-**.

Ср.: адыг. *Хъанцэм къазгъырыр гуэуысэягъ.*
каб. *Хъэнцэм белыр еуыпсэяшъ*
«К деревянной лопате приставлена железная лопата».

§ 143. Адыг.-каб. **клуэцлы-**. Данный преверб восходит к основе **клуэцлы** || **клуэцл** «внутренности, нутро». Именная основа **клуэцлы** является производной: **клуэ** + **цлы**. Первая часть **клуэ-** связана с абхазско-абазинской основой **клуа** «пазуха». К этой основе в абхазском и абазинском языках возводится местный преверб **-клуа-**. Ср.: абх. *а-клу-цл-ра* «отделиться от кого-либо», *а-клуа-цла-ра* «ложиться с кем-либо». Происхождение второго компонента адыгского преверба **клуэ-цлы-** не совсем ясно. По семантике и по фонетическому облику элемент **цлы-** напоминает абхазско-абазинский преверб **цла**, восходящий к имени *а-цла* «дно». В этом случае анализируемая основа **клуэцлы** «внутренности, нутро» означает букв. «дно пазухи, под пазухой». С помощью преверба **клуэцлы-** образуются основы статических глаголов, которые обозначают положение внутри предмета. Ср.:

адыг.-каб. *клуэцлытын* «стоять, быть внутри чего-то»,
адыг.-каб. *клуэцлысын* «сидеть, быть внутри чего-то»,
адыг.-каб. *клуэцлылтын* «лежать, быть внутри чего-то».

Основы динамических глаголов с превербом **клуэцлы-** обозначают действие внутри предмета, движение внутрь или изнутри предмета.

Ср.: адыг.-каб. *клуэцлыдэн* «вшить, обшить»,
адыг.-каб. *клуэцлылхъэн* «класть внутрь»,
адыг.-каб. *клуэцлыхын* «взять, извлечь изнутри»,
адыг.-каб. *клуэцлылун* «вогнать внутрь».

§ 144. Адыг.-каб. **клуэцлыры-**. Элемент **ры-** в этом превербе — наращение. С помощью этого преверба образуются основы динамических глаголов, которые обозначают действие, движение через, сквозь предмет. Ср.:

адыг.-каб. *клуэцлырычлын* «пройти сквозь что-то»,
адыг. *клуэцлырычтын* «бежать сквозь что-то»,

каб. *клуэц/ырыжын* «бежать сквозь что-то»,
адыг.-каб. *клуэц/ырылэтын* «смотреть сквозь что-то»,
каб. *клуэц/ырыш/ыч/ын* «проложить, прорвать».

§ 145. Адыг.-каб. **пхы-**. Общеадыгский преверб **пхы-** сочетается только с основами динамических глаголов. Основы, образованные с помощью преверба **пхы-**, обозначают движение через предмет, действие внутри предмета. Ср.: каб. *пхылгэфын* «протаскать», адыг. *пхыутын* «пробить, прорвать», каб. *пхыудын* «пробить, прорвать», адыг.-каб. *пхыхын* «прорубить, просверлить».

Преверб **пхы-** более употребителен (особенно в адыгейском языке) в виде **пхыр-**. Ср.: адыг., каб. *пхырылэтын* «смотреть сквозь что-то», адыг. *пхырышын*, каб. *пхырышын* «провести через что-то», адыг. *пхырызын*, каб. *пхырыхуын* «провалиться», адыг., каб. *пхырытхын* «прорвать», адыг. *пхырыфын*, каб. *пхырыхуын* «пробить».

§ 146. Адыг. **пкыры-**, каб. **пкыры-**. Возводится данный преверб к именной основе *пкы||пкы* «тело» (каб.), «часть тела» (адыг.). Преверб **пкыры-||пкыры-** имеет значение «внутри, внутри», сочетается лишь с некоторыми основами переходных глаголов. Рассматриваемый преверб более употребителен в кабардинском языке. Ср.: адыг. *пкырыхъан*, каб. *пкырыхъэн* «проникнуть, проникать внутрь чего-либо», адыг. *пкырыч/ын*, каб. *пкырыч/ын* «выйти изнутри чего-либо», перен. «пройти, проходить» (о болезни), адыг. *пкырытын*, каб. *пкырытын* «быть, находиться внутри чего-либо», каб. *пкырыт/ысхъэн*, «сесть, попасть внутрь чего-либо».

Преверб **пкыры-||пкыры-** сочетается с превербом **кы-**, который утрачивает свое этимологическое (направительное) значение. Ср.: каб. *кып/пкырыч/ын* «исходить из чего-либо», *кып/пкырыхъэн* «проникать во что-либо». Ср. также переходный глагол *кып/пкырыхын* «взирать, взыскать с кого-либо».

§ 147. Адыг.-каб. **луы-**. Местный преверб **луы-** связан общностью происхождения с основой динамического глагола *луэ-н* «говорить, сказать». Как преверб **луы-**, так и основа глагола *луэн* «говорить, сказать» возводятся к общеадыгской именной основе **луы** «рот».

Основы статических глаголов с превербом **луы-** обозначают положение возле кого-, чего-либо. Ср.:

адыг.-каб. *лутын* «стоять возле кого-, чего-либо»,
лусын «сидеть возле кого-, чего-либо»,
лулэтын «лежать возле кого-, чего-либо».

Основы динамических глаголов с превербом **луы-** обозначают действие возле предмета, движение к предмету или от предмета. Ср.:

адыг. *лууыцуэн* «становиться у кого-, чего-либо»,
каб. *лууывэн* «становиться у кого-, чего-либо»,

адыг.-каб. *луыхын* «убрать, унести»,
адыг.-каб. *луыхъэн* «подойти»,
адыг.-каб. *луыч/ын* «отойти»,
адыг. *луышын* «отвести»,
каб. *луышын* «отвести»,
адыг.-каб. *луылэхъэн* «класть возле кого-, чего-либо».

§ 148. Адыг. **бгъуэдэ-**, каб. **бгъэдэ-**. Данный преверб является составным. Первая часть адыг. **бгъуэдэ-** восходит к именной основе *бгъуы* «бок», а первая часть каб. **бгъэдэ-** восходит к именной основе *бгъэ* «грудь». Вторая часть в этом превербе представляет собой общеадыгский местный преверб **дэ-** (адыг. *шыагуым дэтын*, каб. *пшлант/эм дэтын* «быть во дворе»).

По своему значению преверб **бгъуэдэ-||бгъэдэ-** близок к общеадыгскому превербу **луы-**. Основы статических глаголов с этим превербом обозначают положение в близком расстоянии от предмета. Ср.:

адыг. *бгъуэдэтын* «стоять возле, рядом»,
каб. *бгъэдэтын* «стоять возле, рядом»,
адыг. *бгъуэдэсын* «сидеть возле, рядом»,
каб. *бгъэдэсын* «сидеть возле, рядом»,
адыг. *бгъуэдэлэтын* «лежать возле, рядом»,
каб. *бгъэдэлэтын* «лежать возле, рядом».

Основы динамических глаголов с превербом **бгъуэдэ-||бгъэдэ-** обозначают действие, движение к предмету или от предмета.

Ср.: адыг. *бгъуэдэхъэн* «подойти к кому-, чему-нибудь»,
каб. *бгъэдэхъэн* «подойти к кому-, чему-нибудь»,
адыг. *бгъуэдэч/ын* «отойти от кого-, чего-нибудь»,
каб. *бгъэдэч/ын* «отойти от кого-, чего-нибудь».

Семантика адыг. **бгъуэдэ-**, каб. **бгъэдэ-** близка к семантике общеадыгского преверба **пэры-**. Ср.: адыг. *бгъуэдэсын*, каб. *бгъэдэсын*, каб. *пэрысын* «сидеть перед кем-, чем-либо, возле кого-, чего-либо».

В убыхском языке отыменный преверб **бгъа-** указывает на поверхность предмета. Ср.: убых. *сигбгас* «сизу на чем-то», *сигбгаль* «лежу на чем-то», *сигбгат* «стою на чем-то».

§ 149. Адыг.-каб. **бгъуыры-**. Первая часть этого преверба восходит к **бгъуы** «бок»; элемент **ры-** — наращение. Преверб **бгъуыры-** употребляется с основами статических и динамических глаголов. Основы, образованные с помощью этого преверба, обозначают положение сбоку, рядом или действие, связанное с боковой стороны предмета:

адыг.-каб. *бгъуырысын* «сидеть сбоку, по соседству»,
адыг.-каб. *бгъуырытын* «стоять сбоку, по соседству»,
адыг.-каб. *бгъуырылэтын* «лежать сбоку, по соседству».

Преверб **бгъуыры-** в глаголах движения может выступать как синоним преверба **блэ-**. Ср.: каб. *бгъуырыхын, блэхын* «нести сбоку, мимо», *бгъуырычлын, блэчлын* «идти сбоку, мимо», адыг. *ебгъуычъэн*, каб. *бгъуырыжын*, адыг. *блэчтын*, каб. *блэжын* «бежать около, мимо».

§ 150. Адыг.-каб. **члэры-**. Состоит из отыменной части **члэ** «конец, хвост» и фонетического наращенного **-ры-**. Глагольные основы с этим превербом обозначают состояние и действие на поверхности, на конце, на склоне чего-то, возле чего-нибудь. Ср.: адыг.-каб. *члэрытын* «стоять на поверхности, на склоне», *члэрысын* «сидеть на поверхности, на склоне», *члэрышлэн* «прикрепить к чему-то».

§ 151. В значении местного преверба **члэры-** в адыгейском языке употребителен составной преверб **члэлъыры-** (**-члэ + лъы + ры-**). Ср.: адыг. *дэпкъым члэлъырытын*, каб. *блынм члэрытын* «стоять у стены», адыг. *чэум члэлъырытлыхъэн*, каб. *бжыхым члэрытлыхъэн* «сесть у плетня», адыг. *уынэм члэлъырылгъхъэн*, каб. *уынэм члэрылгъхъэн* «приложить, приставить к дому».

Адыг. **члэлъыр-**, каб. **члэр-** выступают как синонимы адыг. **бгъуэд-**, каб. **бгъэд-**. Ср.: адыг. *члэлъырыхъэн, бгъуэдэхъэн*, каб. *члэрыхъэн, бгъэдэхъэн* «подойти к кому-, чему-то», адыг. *члэлъырычлын, бгъуэдэчлын*, каб. *члэрычлын, бгъэдэчлын* «отойти от кого-, чего-то».

§ 152. Адыг. **жэхэ->** каб. **жъэхэ-**. Первая часть этого преверба возводится к адыг. *жэ*, каб. *жъэ* «рот»; вторая часть — общеадыгский простой местный преверб **хэ-** (адыг.-каб. *псым хэсын* «быть, сидеть в воде»). Семантика составного преверба **жэхэ-||жъэхэ-** близка к семантике превербов **гу-**, **бгъуэдэ-||бгъэдэ-**.

Основы статических глаголов с превербом **жэхэ-||жъэхэ-** обозначают положение перед кем-, чем-либо, вблизи предмета. Ср.:

адыг. *жэхэтын* «стоять перед кем-, чем-либо»,
каб. *жъэхэтын* «стоять перед кем-, чем-либо»,
адыг. *жэхэсын* «сидеть перед кем-, чем-либо»,
каб. *жъэхэсын* «сидеть перед кем-, чем-либо».

Преверб **жэхэ-||жъэхэ-** употребляется также с основами динамических глаголов. Ср.:

адыг. *жэхэхъэн* «подойти вплотную к кому-, чему-либо»,
каб. *жъэхэхъэн* «подойти вплотную к кому-, чему-либо».

§ 153. Адыг.-каб. **шъхъэдэ-**. Первая часть этого сложного преверба восходит к общеадыгской основе *шъхъэ* «верх», «голова», а вторая часть представляет собой простой преверб **дэ-** (адыг. *шьагуым дэтын*, каб. *плшантлэм дэтын* «быть во дворе»).

С помощью преверба **шъхъэдэ-** образуются основы динамических глаголов, которые обозначают движение через какой-нибудь предмет. Ср.:

адыг.-каб. *шъхъэдэхын* «перешагнуть, перелезть через что-либо»,
адыг.-каб. *шъхъэдэдзын* «перебросить через что-либо»,
адыг. *шъхъэдэфын* «перегнать через что-либо»,
каб. *шъхъэдэхуын* «перегнать через что-либо».

§ 154. Адыг.-каб. **шъхъэры-**. Этот преверб указывает на голову, на верхнюю часть предмета. С помощью **шъхъэры-** образуются основы статических и динамических глаголов. Ср.:

адыг.-каб. *шъхъэрысын* «сидеть над кем-, чем-то»,
адыг.-каб. *шъхъэрытын* «стоять над кем-, чем-то»,
адыг.-каб. *шъхъэрылтын* «лежать над кем-, чем-то»,
адыг.-каб. *шъхъэрыхын* «снять с головы».

Элемент **-ры-** в этом превербе — фонетическое наращение.

§ 155. Адыг. **шъхъэшъы->** каб. **шъхъэшъы-** состоит из *шъхъэ* «голова» и простого преверба **шьы-||шъы-**. По своему значению адыг. *шъхъэшъы-*, каб. *шъхъэшъы-* сближаются с превербами *шъхъэдэ-*, *шъхъэры-*. Ср.:

адыг. *шъхъэшъытын* «стоять на верху чего-то»,
каб. *шъхъэшъытын* «стоять на верху чего-то»,
адыг. *шъхъэшъылтын* «лежать на верху чего-то»,
каб. *шъхъэшъылтын* «лежать на верху чего-то».

§ 156. Адыг.-каб. **шъхъэпыры-**. В его состав входят: *шъхъэ* «голова», *пы<пэ* «нос, начало», **р-** — наращение. Преверб **шъхъэпыры-** употребляется с основами динамических глаголов. По значению **шъхъэпыры-** очень близок к адыг. **шъхъэшъы-**, каб. **шъхъэшъы-**. Ср.:

адыг.-каб. *шъхъэпырычлын* «пройти над кем-, чем-то»,
адыг. *шъхъэшъычлын* «пройти над кем-, чем-то»,
каб. *шъхъэшъычлын* «пройти над кем-, чем-то»,
адыг.-каб. *шъхъэпырылгъэтын* «пролететь над кем-, чем-то»,
адыг. *шъхъэшъылгъэтын* «пролететь над кем-, чем-то»,
каб. *шъхъэшъылгъэтын* «пролететь над кем-, чем-то».

§ 157. Адыг. **лэчлэ->** каб. **лэшлэ-**. Этот преверб состоит из двух частей: адыг. **лэ+члэ**, каб. **лэ+шлэ**. Первая часть возводится к общеадыгской основе **лэ** «рука»; вторая часть **члэ-||шлэ-**, надо думать, представляет собой местный преверб адыг. **члэ-**, каб. **шлэ-**, который восходит к именной основе адыг. *члэ*, каб. *шлэ* «дно».

Но в этом случае возникает вопрос: возможно ли в адыгейском языке изменение твердой абруптивной аффрикаты **чл** в мягкую абруптивную аффрикату **чл** в рассматриваемом превербе? Такая возможность доказывается не только общей тенденцией к смягчению твердых шипящих аффрикат в адыгейских диалектах, но и наличием в литературном адыгейском языке таких морфем, как **члэ-**, **члэ** (*члэдагъ* «подшил», *члэшыбыгъ* «вывел»),

которые генетически связываются с той же именной основой **чъэ** «дно».

Сложный преверб адыг. **ІэчІэ-**, каб. **ІэшІэ-** употребляется с основами статических и динамических глаголов. Ср.: адыг. **ІэчІэлъын**, каб. **ІэшІэлъын** «быть в распоряжении, в ведении кого-то», букв.: «лежать под рукой», адыг. **ІэчІэчІын**, каб. **ІэшІэчІын** «освободиться, вырваться из рук», адыг. **ІэчІэхын**, каб. **ІэшІэхын** «взять из рук» (ср. адыг.-каб. **Іыхын** «взять из рук»), адыг. **ІэчІэзын**, каб. **ІэшІэхуын** «уронить из рук», адыг. **ІэчІэлъхъэн**, каб. **ІэшІэлъхъэн** «вложить в руки», адыг. **ІэчІэкъуытэн**, каб. **ІэшІэкъуытэн** «разломаться, разбиться в руках».

§ 158. Адыг.-каб. **Іэпы-**. Общеадыгский **Іэпы-** восходит к сложной основе **Іэпэ-** «палец (на руках)», которая состоит из двух компонентов: **Іэ** «рука», **пы** < **пэ** «нос, начало, передняя часть чего-то». По значению преверб **Іэпэ-** близок к адыг. **ІэчІэ-**, каб. **ІэшІэ-**. Но в отличие от последнего **Іэпы-** употребляется лишь немногочисленными основами динамических глаголов. Ср.:

адыг.-каб. **ІэпычІын** «выйти из подчинения, уйти, бросить»,
адыг.-каб. **Іэпыхын** «взять из рук»,
адыг. **Іэпызын** «уронить из рук»,
каб. **Іэпыхуын** «уронить из рук».

Порядок — 4: префиксы союзности (дэ-), взаимности (зэ-, зэры-), совместности (зэдэ-)

§ 159. Соучастие в реализации какого-нибудь действия адыгских языках выражается префиксом **дэ-**. Префикс взаимности (соучастия) имеет тотальное распространение: он присоединяется ко всем переходным и непереходным, динамическим и статическим глаголам. Ср.: адыг.-каб. **дэхъын** «нести вместе с кем-, чем-либо», адыг.-каб. **дэшІын** «делать вместе с кем-, чем-либо», адыг.-каб. **дэчІуэн** «идти вместе с кем-, чем-либо», адыг. **дышьысын**, каб. **дэшъысын** «сидеть вместе с кем-, чем-либо».

Значение соучастия, очевидно, восходит к более конкретному в частности, локальному значению. В этой связи обращает на себя внимание функциональная близость данного префикса к абхазско-абазинскому префиксу-основе **дэ-**, который в качестве глагольного префикса имеет значение «рядом, около», а как глагольная основа — «находиться рядом», например, **а-д-тІуа-ла-ра** «сесть рядом».

В глаголах с превербами префикс союзности присоединяется непосредственно к превербу. Но исключение составляют глагольные основы, содержащие направительный преверб (**къэ-** или **нэ-**). Последний в основе глагола занимает место впереди префикса **дэ-**. Ср.: адыг.-каб. **дэтхэн** «писать вместе с кем-либо», **къы-дэ-кІуэ-н** «идти сюда вместе с кем-либо», каб. **ны-дэ-кІуэн** «идти туда вместе с кем-либо».

Префикс **дэ-** не влияет на переходность и непереходность глагольной основы. Отсюда падежная форма соучастника действия, выступающего в качестве субъекта в предложении, совпадает с падежной формой подлежащего при обычных, простых переходных и непереходных глаголах. Что касается лица, с которым субъект совершает данное действие, то оно всегда имеет форму эргатива. Ср.: адыг. **Ар лыжъым дэчІуагъ** «Он пошел вместе со стариком». **Ашь уынэр лыжъым дшІыгъ** «Он построил (сделал) дом вместе со стариком».

Отметим особенности спряжения глаголов с префиксом **дэ-**. Глаголы, содержащие данный префикс, являются многоличными, так как само значение «соучастие в осуществлении какого-нибудь действия» связано с увеличением количества лиц в глаголе. Для глаголов с префиксом **дэ-** характерно отсутствие морфологического показателя косвенного объекта 3 л. ед. числа. Ср.: адыг. **Уэ ашь уы-дэчІуэ** «Ты с ним идешь». **Уэ сэ ашь сы-дэ-уэ-шьэ** «Ты меня с ним везешь». Но если показатель косвенного объекта 3 лица стоит во множественном числе, то он (как и показатели косвенного объекта других лиц) морфологически выражается в глаголе. Ср.: адыг. **Уэ ахэм у-а-дэ-кІуэ** «Ты с ними идешь». **Уэ сэ ахэм с-а-дэ-уэ-шьэ** «Ты меня с ними везешь».

Некоторые особенности наблюдаются в диалектах. Так, в абадзехском диалекте двухличные непереходные глаголы с префиксом **дэ-** имеют необычный порядок расположения личных аффиксов. Ср.: абадз. д. **уы-з-дэ-кІуэ** вместо **сы-б-дэ-кІуэ** «я с тобой иду», **шъуы-з-дэ-кІуэ** вместо **сы-жъу-дэ-кІуэ** «я с вами иду», **уы-д-дэ-кІуэ** вместо **ты-б-дэ-кІуэ** «мы с тобой идем». В адыгских языках такое расположение личных аффиксов (на первом месте показатель объекта, а на втором — показатель субъекта) характерно лишь для двухличных переходных глаголов: адыг. **уэ-сэ-шьэ**, каб. **уы-з-о-шэ** «я тебя везу». Поэтому в абадзехском диалекте перемещение личных аффиксов в двухличных непереходных глаголах с префиксом **дэ-**, видимо, произошло под влиянием двухличных переходных глаголов, т. е. под действием грамматической аналогии¹¹⁴.

§ 160. Глаголы взаимной формы обозначают обоюдное, взаимное действие двух или нескольких лиц. Глаголы взаимного действия образуются от непереходных основ префиксом **зэ-**, а от переходных — его разновидностью **зэры-**. Ср.: адыг. **зэчІуычІэн**, каб. **зэчІуышІэн** «встречаться, встретиться», адыг. **зэшъыхъэн**, каб. **зышъыхъэн** «ссориться, поссориться», адыг.-каб. **зэрылъа-гъуын** «видеться, повидаться», адыг. **зэрэшІэн**, каб. **зэрышІэн** «знать друг друга», адыг.-каб. **зэрылыгъын** «держаться друг за друга», **зэрызехъэн** «суетиться».

¹¹⁴ См.: З. Ю. Кумахова. Особенности абадзехского диалекта (продолжение). «Ученые записки КБНИИ», т. XIV. Нальчик, 1958, стр. 200—201.

Глаголы взаимного действия выступают только как переходные глаголы, хотя они образуются от переходных и непереходных основ. Дело в том, что префикс **зэры-**, образующий глаголы взаимного действия от переходных основ, переводит последние в непереходные основы. Ср.: каб. *Шалэм ар ецлыху* «Юноша знает его» и *Шалэхэр зэроцлыхухэр* «Юноши знают друг друга». Соответственно изменяется и порядок расположения личных аффиксов в глаголах взаимного действия.

Показатели субъектов в глаголах взаимного действия, образованных от переходных и непереходных глаголов, занимают одинаковое место. Ср.: адыг. *шъуы-зэ-гуычлагъ*, каб. *фы-зэ-гуышлагъ* «вы встретились», *шъуы-зэрэлъэгъуыгъ*, каб. *фы-зэры-лъэгъуашъ* «вы виделись».

На базе значения взаимности у префикса **зэры-** возникает значение совместности в переходных глаголах, обозначающих движение. Напр., каб. *зэрыхын* «бежать, нестись всем вместе» (адыг. *дээрэхын*), каб. *зэрыдэшин* «выходить, выйти всем вместе» (адыг. *дээрэхын*), каб. *зэрыдэхын* «умчаться, унесться всем вместе», каб. *зэрыгуышын* «уходить всем вместе».

Нередки случаи, когда затемняется значение префикса **зэ-** и происходит его сращение с основой глагола. Ср., например, адыг.-каб. *зэуэн* «воевать, сражаться», букв.: «бить друг друга».

В синхронном плане нельзя смешивать с префиксом взаимности префикс **з-** в таких глаголах, как адыг.-каб. *зеклуэн* «ходить», адыг. *зешьэн*, каб. *зешэн* «возить, водить», адыг.-каб. *зехьэн* «носить», адыг. *зечъэн*, каб. *зежэн* «бегать, носиться». Здесь префикс **з-** вносит в глагол значение длительности и повторяемости действия. Префикс **з-** образует глаголы длительного и повторяемого действия лишь от небольшой группы переходных и непереходных глаголов, обозначающих движение. Очевидно, префикс **з-** со значением длительности и повторяемости генетически связан с префиксом взаимного значения.

§ 161. Префикс совместности действия **зэдэ-** (**зыдэ-**) исторически представляет собой сочетание префикса соучастия **дэ-** и префикса взаимности **зэ-**. Префикс **зэдэ-** (**зыдэ-**) имеет широкое распространение: он сочетается с основами переходных и непереходных, динамических и статических глаголов. Ср.: адыг., каб. *зэдэ-клуэн* «совместно идти», *зэдэшлын* «совместно делать», *зэдэтхын* «совместно писать», *зэдэхьын* «совместно нести», *зэдеджэн* «совместно учиться», адыг. *зэдэлэжъэн*, каб. *зэдэлэжъэн* «совместно работать», *зэдышьысын* || *зэдэшъысын* «совместно сидеть».

В адыгских языках морфологическая дифференциация выражения союзного и совместного действия, несомненно, относится к инновациям. Сложный префикс **зэдэ-**, имеющий значение совместности действия, отсутствует в бжедугском и шапсугском диалектах. В этих диалектах как союзное, так и совместное

действие выражаются одним префиксом **дэ-**; ср.: бжед., шапс. *дэчэн*, темирг., абадз. *дэшъэн*, каб. *дэшэн* «везти вместе с кем-либо»; бжед., шапс. *дэчэн*, темирг., абадз. *зэдэшъэн*, каб. *зэдэшэн*, *зыдэшэн* «везти кого-, что-л. с собой».

Порядок — 5: релятивные префиксы **фэ-||хуэ-**, **шлуэ-||флэ-**; префикс. потенциалиса **фэ-||хуэ-**

§ 162. Адыг. **фэ-||хуэ-**. Посредством данного префикса образуются глаголы, которые обозначают действие, совершаемое для кого-либо. Ср.:

адыг. *фэхьын*, каб. *хуэхьын* «нести для кого-, чего-либо», адыг. *фэшлын*, каб. *хуэшлын* «делать для кого-, чего-либо», адыг. *фэклуэн*, каб. *хуэклуэн* «идти для кого-, чего-либо», адыг. *фэтхэн*, каб. *хуэтхэн* «писать для кого-, чего-либо», адыг. *фышьысын*, каб. *хуэшьысын* «сидеть для кого-, чего-либо».

В этом значении префикс **фэ-||хуэ-** сочетается с основами динамических и статических, переходных и непереходных глаголов.

Префикс **фэ-||хуэ-** также производит глаголы, выражающие направление действия в сторону кого-, чего-либо. Ср.:

адыг. *фэклуэн*, каб. *хуэклуэн* «идти в сторону кого-, чего-либо», адыг. *фэдзын*, каб. *хуэдзын* «бросать в сторону кого-, чего-либо», адыг. *фэплъэн*, каб. *хуэплъэн* «смотреть в сторону кого-, чего-либо».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в абхазском языке версионные аффиксы **з-** и **цэ-** также имеют направительное значение. Ср.: абх. *и-лзы-згойт* «то для нее (к ней) несут», *и-лцуы-згойт* «то у нее (от нее) отнимаю» (К. В. Ломтатидзе).

В направительном значении префикс **фэ-||хуэ-** менее продуктивен. Однако надо предположить, что более распространенное версионное значение у префикса **фэ-||хуэ-** является производным от направительного значения. Это объясняется, во-первых, закономерным развитием в языке более абстрактного (версионного) значения из конкретного (направительного) значения. Во-вторых, в пользу этого предположения говорит значение других аффиксов, в частности, местного преемства **шьы-||шъы-**, который в адыгских языках получил и версионное значение. Ср. адыг. *шьысын*, каб. *шъы-сын* «сидеть», адыг. *ашъ шьыгуыгъын*, каб. *абы шъыгуыгъын* «надеяться на него». Следует отметить, что версионное значение оказывается производным и в других языках. Например, высказано мнение, что в грузинском языке направительно-указательные префиксы **и** и **у** были использованы для выражения версионного значения¹¹⁵.

¹¹⁵ См.: К. В. Ломтатидзе. Из грузинско-абхазской грамматической встречи. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории», т. XXVIII. Сухуми, 1957, стр. 318.

В зависимости от лексического значения глагольной основы в адыгских языках префикс **фэ-||хуэ-** может иметь и другие значения. Так, отыменные глаголы с префиксом **хуэ-||фэ-** выражают проявление признака по отношению к косвенному объекту. Ср.: адыг. *фэбзэджэн*, каб. *хуэбзэджэн* «быть злым, жестоким по отношению к кому-, чему-либо»; адыг. *фэхьэзырын*, каб. *хуэхьэзырын* «быть готовым к кому-, чему-либо»; адыг. *фэбыхъуын*, каб. *хуэбыхъуын* «быть широким кому-, чему-либо».

Место префикса **фэ-||хуэ-** в глаголе зависит не только от переходности и непереходности основы, но и от его словообразовательной структуры:

а) в бесприставочных непереходных глаголах префикс **фэ-||хуэ-** присоединяется непосредственно к основе глагола: адыг. *сы-п-фэ-кӀуагъ*, каб. *сы-п-хуэ-кӀуашъ* «я ходил для тебя»;

б) в бесприставочных переходных глаголах префикс **фэ-||хуэ-** инкорпорируется между аффиксами объекта и субъекта: адыг. *п-фэ-с-хьыгъ*, каб. *п-хуэ-с-хьашъ* «я нес для тебя»;

в) если основа глагола содержит местный преверб, то префикс **фэ-||хуэ-** ставится впереди этого преверба: адыг. *п-фы-те-с-лъхьагъ*, каб. *п-хуы-те-с-лъхьашъ* «я положил сверху для тебя», адыг. *сы-п-фы-те-с*, каб. *сы-п-хуы-те-сшъ* «я сижусь сверху для тебя»;

г) если основа глагола осложнена направительным превербом **къэ-** или **нэ-**, то префикс **фэ-||хуэ-** вклинивается внутрь основы: адыг. *къы-п-фэ-с-тхыгъ*, каб. *къы-п-хуэ-с-тхашъ* «я написал сюда для тебя», адыг. *сы-къы-п-фэ-кӀуагъ*, каб. *сы-къы-п-хуэ-кӀуашъ* «я пришел сюда для тебя»;

д) префикс **фэ-||хуэ-** всегда предшествует аффиксам побудительности, союзности, взаимности и совместности: адыг. *фэ-гъэ-кӀуэн*, каб. *хуэ-гъэ-кӀуэн* «заставить для него идти», адыг. *фы-дэ-кӀуэн*, каб. *хуы-дэ-кӀуэ-н* «идти вместе с кем-нибудь для него», адыг. *фы-зэ-ӀуычӀэн*, каб. *хуы-зэ-ӀуышӀэн* «встретиться для него, ради него», адыг. *фы-дэ-лэжъэн*, каб. *хуы-дэ-лэжъэн* «работать с кем-нибудь ради кого-нибудь».

Префикс **фэ-||хуэ-** употребляется с основами, которые значительно отошли от первоначального, значения. Ср.: адыг. *фэшъуэжэн*, каб. *хуэфэшъэн* «быть достойным кого-, чего-либо» букв.: «быть нарядом, платьем для кого-то» (адыг. *шъуашъ*, каб. *фашъэ* «платье, наряд, костюм»), адыг. *фэшӀуын*, каб. *хуэфӀын* «подходить кому-, чему-либо по размеру», букв.: «быть хорошим для кого-, чего-либо» (от **шӀуы-||фӀы-** «хороший»), адыг. *филъын* «нагрубить, накричать, наброситься на кого-что», каб. *хуэлъэн* «быть неласковым с кем-либо, быть подверженным к чему-то» (от **лъэ-н** «прыгать, броситься»), адыг. *фэлэн*, каб. *хуэлэн* «нуждаться в ком-, чем-либо, испытывать жажду» (от **лэн** «умереть»), адыг. *фэзэн*, каб. *хуэзэн* «встретиться с кем-чем-либо» (ср. **гъэ-зэн** «поворачиваться»). В адыгских языках нередко случаи сращения префикса **хуэ-||фэ-** с основами. Ср.

адыг. *фычӀэн*, каб. *хуышӀын* «мыть голову» (ср. адыг. *тхьа-чӀын*, каб. *тхьэшӀын* «мыть»); адыг. *фэгъэгъуын*, каб. *хуэгъэгъуын* «простить» (о проступках, грехах и т. п.). Сращение префикса **фэ-||хуэ-** с основой отмечается во многих статических глаголах, образованных от субстантивированных слов. Таковы, например, адыг. *фэдэн*, каб. *хуэдэн* «походить на кого-либо» от адыг. *фэд*, каб. *хуэдэ* «подобный, похожий», адыг. *фитын*, каб. *хуитын* «быть свободными, иметь право на что-то», адыг. *фит*, каб. *хуит* «свободный», каб. *хуэшъын* «быть удачливым в чем-либо» от *хуэшъ* «удачливый».

§ 163. Адыг. **шӀуэ->** каб. **фӀэ-**. Посредством этого аффикса образуются глаголы от глагольных и именных основ. Префикс **шӀуэ-||фӀэ-** относится к многозначным глагольным префиксам.

Производные глаголы, образованные с помощью данного префикса от глагольных основ, обозначают действие вопреки желанию, помимо воли другого лица.

Ср.: адыг. *шӀуэкӀуэн*, каб. *фӀэкӀуэн* «идти вопреки желанию кого-то», адыг. *шӀуэтхын*, каб. *фӀэтхын* «писать вопреки желанию кого-то», адыг. *шӀуэхьын*, каб. *фӀэхьын* «нести вопреки желанию кого-нибудь», адыг. *шӀуэшхын*, каб. *фӀэшхын* «съесть вопреки желанию кого-нибудь».

Префикс **шӀуэ-||фӀэ-** присоединяется также к основам первичных статических глаголов. Ср.: адыг. *шӀуышьысын*, каб. *фӀэшъысын* «сидеть вопреки желанию кого-либо», адыг. *шӀуышьытын*, каб. *фӀэшъытын* «стоять вопреки желанию кого-либо», адыг. *шӀуэӀыгъын*, каб. *фӀэӀыгъын* «держат в руках вопреки желанию кого-либо».

Но префикс **шӀуэ-||фӀэ-** не может входить в основу таких статических глаголов, как *хуейын* «желать», адыг.-каб. *ӀыӀэн* «иметь», адыг. *шьыгъын*, каб. *шъыгъын* «быть одетым на ком-либо», адыг.-каб. *гуыгъэн* «казаться».

Глаголы с префиксом **шӀуэ-||фӀэ-** могут иметь формы каузатива, соучастия, возвратности и взаимности. Место префикса **шӀуэ-||фӀэ-** в названных производных глаголах иллюстрируют следующие примеры: адыг. *пӀ-шӀуэ-з-гъэ-кӀуагъ*, каб. *пӀ-фӀэ-з-гъэ-кӀуашъ* «против твоего желания заставил его идти», адыг. *сы-пӀ-шӀуы-дэ-кӀуагъ*, каб. *сы-пӀ-фӀы-дэ-кӀуашъ* «против твоего желания я пошел с ним», адыг. *пӀ-шӀуы-дэ-с-хьыгъ*, каб. *пӀ-фӀы-дэ-с-хьашъ* «против твоего желания я нес что-то с ним», адыг. *зы-пӀ-шӀуэ-с-тхьэчӀыгъ*, каб. *зы-пӀ-фӀэ-с-тхьэшӀашъ* «против твоего желания я умылся», адыг. *с-шӀуы-зэ-ӀуычӀагъ*, каб. *с-фӀы-зэ-ӀуышӀашъ* «против моего желания они встретились», адыг. *с-шӀуы-зэры-лӀагъуыгъ*, каб. *с-фӀы-зэры-лӀэгъуашъ* «против моего желания они виделись».

Порядок расположения личных аффиксов в глаголах с префиксом **шӀуэ-||фӀэ-** совпадает с порядком расположения этих суффиксов в версионно-направительных образованиях: каб. *с-фӀэ-пӀ-шӀашъ* «ты сделал против моего желания», *с-хуэ-пӀ-*

-*шашъ* «ты сделал ради меня», *уы-с-флэ-клуашъ* «ты пошел против моего желания», *уы-с-хуэ-клуашъ* «ты пошел ради меня».

От именных основ посредством префикса **шлуэ-||флэ-** образуются статические глаголы, которые выражают мнение, представление, впечатление о предмете, о другом лице.

Ср.: адыг. *Ар сшлуэдах*, каб. *Ар сфлэдахэшъ* «То (он, она) мне кажется красивым», адыг. *Ар пшлуэйын*, каб. *Ар уы-флэйыншъ* «То (он, она) тебе кажется большим, великим», адыг. *Ар ашь шлуэцлыклу*, каб. *Ар абы флэцлыклушъ* «То ему кажется маленьким», адыг. *Ар ашлуэкъин*, каб. *Ар яфлэгуыгъушъ* «То им кажется трудным». Это значение у префикса **шлуэ-||флэ-** является вторичным. В этой связи обращает на себя внимание динамический глагол *шлуэшлын||флэшлын* «казаться», который сохраняет связь производного, вторичного значения с историческим значением. Ср.: адыг. *Ар гээшлэгъуэнэу сшлуэшлы*, каб. *Ар гээшлэгъуэн сфлэшл* «Это мне кажется интересным». Современное значение *сшлуэшлы||сфлэшл* «мне кажется то» развилось из значения «против моего желания делается то».

§ 164. Формы потенциалиса выражаются посредством префикса **фэ-||хуэ-** (адыг. **фэ-** < каб. **хуэ-**). Например:

адыг. *фэхъышьт*, каб. *хуэхъынушъ* «он сумеет, сможет нести», адыг. *фэшлышьт*, каб. *хуэшлынушъ* «он сумеет, сможет сделать», адыг. *фэтхышьт*, каб. *хуэтхынушъ* «он сумеет, сможет написать».

В адыгских языках значение потенциалиса в глаголе выражается также суффиксом **-шьу||-ф** (адыг. **-шьу** > каб. **-ф**). Например: *е-хъы-шьу*, каб. *е-хъыф* «он умеет, имеет возможность нести», адыг. *мэклуэшъу*, каб. *мэклуэф* «он умеет, имеет возможность идти» (см. § 185).

Префикс потенциалиса **фэ-||хуэ-** генетически связан с префиксом версияно-направительных форм **фэ-||хуэ-**. Взаимосвязь между значениями версии и потенциалиса подтверждается также данными убыхского языка. В убыхском языке потенциалис выражается суффиксом **-ф**. Ср. убых. *сымкльа-фы-н* «я не могу идти». Элемент **-ф** в убыхском языке имеет также версиянное значение. Ср.: убых. *алахъ гъафа* «ради бога», *схъатыр гъафа* «ради меня».

Особенностью префикса потенциалиса является то, что сфера его действия весьма ограничена. С помощью его образуются производные формы лишь от переходных глаголов. Причем глаголы с данным префиксом в адыгских языках не обладают полной системой спряжения переходных глаголов. Префиксальный потенциалис более употребителен в отрицательной форме: адыг. *уысфэлэтырэн*, каб. *уысхуэлэтыркъым* «я не могу тебя поднять», адыг. *уысфэшэрэн*, каб. *уысхуэшэркъым* «я не могу тебя вести», адыг. *уысфэхъырэн* «я не могу тебя нести». Префиксальный потенциалис не имеет всех форм спряжения трехличного пе-

реходного глагола. Ср., например, оба варианта в отрицательной форме: каб. *схуэтакъым, естыфакъым* «я не мог отдать ему что-либо», только суффиксальный вариант в положительной форме: *уэстыфаишъ* «я смог отдать тебе что-либо», *къызылтыфаишъ* «ты смог отдать мне что-либо».

Префиксальный потенциалис не образуется от глаголов версияно-направительного или взаимного значения. Потенциалис от таких приставочных глаголов образуется суффиксальным способом: адыг. *сфэлшлышьуышьт*, каб. *схуэлшлыфынушъ* «ты для меня сможешь сделать», адыг. *уысфэклуэшъуышьт* «ты для меня сможешь идти», адыг. *зэлуычлэшъуышьт*, каб. *зэлуышлэфынушъ* «они смогут встретиться».

Префиксальный потенциалис имеет формы побудительности, союзности, совместности. В основе глагола префикс потенциалиса **фэ-||хуэ-** ставится впереди аффиксов побудительности, союзности и совместности: адыг. *сфэгэклуэшът*, каб. *схуэгэклуэнушъ* «смогу его заставить идти», адыг. *сфыдэшхышьт*, каб. *схуыдэшхынушъ* «смогу вместе с чем-нибудь есть что-то», адыг. *сфыздэхъышьт*, каб. *схуыздэхъынушъ* «смогу с собой нести». В возвратных глаголах префикс потенциалиса стоит за аффиксом возвратности: адыг. *зыфэгэхъазырышьтэн*, каб. *зыхуэгэхъэзырынукъым* «он не сможет готовиться».

Префикс потенциалиса **фэ-||хуэ-** влияет на грамматическое значение глагола. Данный префикс переводит переходные глаголы в непереходные: адыг. *етхы*, каб. *етх* «он пишет» — перех., адыг. *фэтхы*, каб. *хуотх* «он умеет писать» — неперех.

Префикс **фэ-||хуэ-** изменяет порядок расположения личных аффиксов в глаголе. Если к приставочным переходным глаголам присоединяется префикс потенциалиса, то меняется место показателя субъекта: ср.: адыг. *те-с-лэхъагъ*, каб. *те-с-лэхъашъ* «я положил сверху», но адыг. *с-фы-телъ-хъагъ*, каб. *с-хуы-телъ-хъашъ* «я смог положить сверху».

В многочисленных глаголах с префиксом потенциалиса независимо от структуры основы происходит перестановка показателя объекта; ср.: адыг. *у-е-з-гъэ-шьагъ*, каб. *у-е-з-гъэ-шашъ* «я заставил его вести тебя», но адыг. *уы-с-ф-е-гъэ-шьагъэн*, каб. *уы-с-ху-е-гъэ-шакъым* «я не смог заставить его вести тебя».

Таким образом, префиксальный потенциалис, оказывая влияние на систему спряжения, а также изменяя грамматическое значение основы, тесно связан с категориями словоизменения глагола. Но из сказанного также видно, что в адыгских языках префиксальный потенциалис, хотя и представляет собой более древнее образование по сравнению с суффиксальным потенциалисом, все же выступает как пережиточное явление. Об этом ярко свидетельствует не только невозможность образования префиксального потенциалиса от непереходных и многих приставочных глаголов, но и тот факт, что глаголы с префиксом потенциалиса **фэ-||хуэ-** не выдерживают полной системы спряжения

многочисленных переходных глаголов. Префиксальный потенциал вытесняется из употребления суффиксальным потенциалом, охватывающим все переходные и непереходные глаголы. Образованию и широкому распространению суффиксального потенциала, возможно, способствовала омонимичность префикса потенциала *фэ-||хуэ-* и версионно-направительного префикса *фэ-||хуэ-*.

Порядок — 6: направительные префиксы (превербы)

§ 165. Адыг.-каб. *кэ-*. Общеадыгский преверб *кэ-* употребляется с основами как динамических, так и статических глаголов. С помощью этого преверба образуются глагольные основы, которые обозначают направление к говорящему (оттуда сюда). Например: адыг.-каб. *кэ-кгуэн* «идти сюда», *кэ-сын* «прибыть сюда», каб. *кэ-жэн* «бежать сюда», адыг.-каб. *кэ-тхэн* «писать сюда».

Преверб *кэ-* может образовать от имени глагольную основу, которая обозначает направление действия к говорящему. Ср., например: каб. *гуэху* «дело», *кы-зо-гуэху* «сообщаю, передаю сюда», *кы-о-гуэху* «сообщаешь, передаешь сюда», *кэ-гуэху* «сообщает, передает сюда».

Представляется возможным связать общеадыгский преверб *кэ-* с абхазским послелогом *-кэа*, имеющим значение места. Ср.: абх. *агуыны* «дом», *агуыны-кэа* «домой». Такое предположение подкрепляется не только взаимосвязью многих превербов и послелогов в абхазско-адыгских языках, но и семантикой самого преверба *кэ-*.

Основной функцией преверба *кэ-* является не только выражение направления действия. По своей семантике рассматриваемый преверб многозначен. Именно многозначность преверба *кэ-* дала повод Л. Г. Лопатинскому рассматривать глаголы с данным превербом как видовые формы¹¹⁶.

В динамических глаголах префикс *кэ-* может не выражать направительного значения. Ср.: адыг.-каб. *кэ-нэн* «остаться где-либо», адыг. *кэ-хуын* «рождаться, вырасти»; каб. *кэ-хуын* «возникать, вырасти».

Направительное значение префикса *кы-* затемняется в производных динамических глаголах, образованных с помощью местных превербов. Ср.: адыг.-каб. *кы-бгъуы-ры-нэн* «оставлять рядом»; адыг.-каб. *кы-гуэ-нэн* «оставлять сбоку, рядом»; адыг.-каб. *кы-гуэ-члын* «отделяться от кого-либо, от чего-нибудь».

Преверб *кэ-* образует основы глаголов, которые обозначают результативность и полноту действия. Ср., например: адыг. *гуыпшысэн* «думать», *кэ-гуыпшысын* «придумать, что-нибудь».

каб. *гуыпшысэн* «думать», *кэ-гуыпшысын* «придумать что-нибудь».

С основами статических глаголов преверб *кэ-* имеет конкретно-локальное значение — «рядом, около, со стороны». Ср.:

адыг. *кы-шысын* «сидеть рядом, со стороны»,
каб. *кы-шкысын* «сидеть рядом, со стороны»,
адыг. *кы-шытын* «стоять рядом, со стороны»,
каб. *кы-шкытын* «стоять рядом, со стороны».

Между адыгскими языками имеются расхождения в употреблении преверба *кэ-*.

Следует отметить, что глагольные основы с превербом *кэ-* в адыгейском языке встречаются чаще, чем в кабардинском языке. Непроизводным, бесприставочным глаголом кабардинского языка нередко соответствуют глаголы с превербом *кэ-* в адыгейском языке. Ср., например:

адыг. *нэф кэ-штын* «рассветать, светать»,
каб. *нэху штын* «рассветать, светать»,
адыг. *Джанэр нысэм кы-дыгъ* «Рубашку сшила невестка»,
каб. *Джанэр нысэм йыдашъ* «Рубашку сшила невестка».

В адыгейском языке преверб *кэ-* встречается в производных глаголах, которые в кабардинском языке употребляются без этого преверба. Ср.:

адыг. *Иыгуышыылэ кыуыыхыгъ* «Свое выступление закончил»,
каб. *Иысалгэ иыуыхашъ* «Свое выступление закончил».

Реже наблюдается обратное явление, т. е. отсутствие в адыгейском языке преверба *кэ-* и наличие последнего в кабардинском языке. Ср.:

адыг. *Машэр стыггэ* «Я выкопал яму»,
каб. *Машэр кэсташъ* «Я выкопал яму».

В редких случаях обнаруживается соответствие преверба *кэ-* в адыгейском языке местным превербам в кабардинском языке. Ср.:

адыг. *Пальтом чылу кыридагъ* «Пришила пуговицу к пальто»,
каб. *Бэльтон шылу иыридашъ* «Пришила пуговицу к пальто»,
адыг. *Чэмы пчгаггэм кэххуын фэе* «Количество коров должно

увеличиться»,
каб. *Жэм бжыггэм хэххуэн хуейшъ* «Количество коров должно увеличиться».

В употреблении преверба *кэ-* имеется некоторый разнобой между диалектами. Так, в кубанском диалекте преверб *кэ-* иногда употребляется в тех случаях, в которых он обычно отсутствует в других кабардинских диалектах. Ср.:

куб. д. *Уыкыштыкылачлэ тлэклу кыштыс* «Раз пришел, посиди немного»,

¹¹⁶ См.: Л. Г. Лопатинский. Краткая грамматика кабардинского языка. СМОПК, вып. XII, отдел II. Тифлис, 1891, стр. 29.

бакс. д. *Уыкъыштыкыуачлэ тлэклу штыс* «Раз пришел, посиди
немного»,

куб. д. *Зэдачэр абы къышлыну сигуыгъа* «Я думал, что он решит
задачу»,

бакс. д. *Зэдачэр абы ышлыну сигуыгъашъ* «Я думал, что он ре-
шит задачу».

Аналогичное явление отмечается в моздокском диалекте:
мозд. д. *Уырысыбзэр фыуэ къэпшлэ* «Русский язык хорошо
изучил?»

бакс. д. *Уырысыбзэр фыуэ пшлэ* «Русский язык хорошо изу-
чил?»

В этих диалектах имеет место и обратное явление — отсут-
ствие преверба *къэ-* там, где он обычно употребляется в других
кабардинских диалектах. Ср.:

куб. д., мозд. д. *Сыт хъуар?* «Что случилось?»

бакс. д. *Сыт къэхъуар?* «Что случилось?»

Итак, преверб *къэ-* имеет не только направительное, но и
конкретно-локальное значение, что подтверждает его генетиче-
скую связь с абхазским послелогом *къа-*.

§ 166. Адыг.-каб. *нэ-*. С помощью данного преверба обра-
зуются глагольные основы, которые обозначают направление
действия от говорящего (отсюда туда):

каб. *сы-нэ-плъашъ* «я смотрел туда»,

адыг. *сы-нэ-сыгъ* «я прибыл туда»,

каб. *сы-нэ-сашъ* «я прибыл туда».

Направительный преверб *нэ-* представлен в абхазском и аба-
зинском языках. Ср.:

абх. *а-на-га-ра* «нести туда»,

абаз. *а-на-г-ра* «нести туда».

Ср. также в чанском языке: *си нулур* «ты идешь» (туда);
хъеа иа н-улун «он (она, оно) идет» (туда)¹¹⁷.

Предполагают, что чанский язык заимствовал преверб *нэ-* из
абхазского языка¹¹⁸.

Общеабхазско-адыгский преверб *нэ-*, очевидно, генетически
связан с основой абхазского наречия *а-на* «там». В адыгских
языках направительный преверб *нэ-* более употребителен в ка-
бардинском языке. Глагольным основам, образованным с помо-
щью данного преверба в кабардинском языке, в адыгейском язы-
ке функционально могут отвечать соответствующие простые, не-
производные основы. Ср.:

адыг. *Уадэжь сэ-клуэ* «Я иду к тебе»,

каб. *Уи деж сы-но-клуэ* «Я иду к тебе».

¹¹⁷ См.: Арн. Чико бава. Морфологические встречи абхазского языка
с картвельскими языками. «Известия ИЯИМК», т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 160.

¹¹⁸ Там же, стр. 160—161.

Порядок — 7: возвратный префикс *зэ-(зы-)*

§ 167. В адыгских языках возвратные глаголы образуются
с помощью префикса *зэ-(зы-)*. Глаголы возвратного значения вы-
ражают действие, которое направлено на само действующее ли-
цо, т. е. на производителя данного действия.

Ср.: адыг. *зытхъачлын*, каб. *зытхъэшлын* «умыться, умыть-
ся», адыг. *зылгъэчлын*, каб. *зылгъэшлын* «утираться, утереться»,
адыг. *зыфэпэн*, каб. *зыхуэпэн* «одеваться, одеться», адыг. *зытлэ-
члын*, каб. *зытлэшлын* «раздеться, раздеваться».

Возвратные глаголы с помощью префикса *зэ-(зы-)* образуют-
ся от немногочисленных основ переходных глаголов. Но в адыг-
ских языках очень продуктивно образование глаголов возврат-
ного действия префиксально-аффиксальным способом. В таких
случаях образование возвратного глагола с помощью приставки
зэ- сопровождается одновременным присоединением к гла-
гольной основе общеадыгского суффикса *-жь||-ж*. Ср.: адыг.
зышлэжьбын, каб. *зышлэжьын* «знать, помнить себя», адыг. *зы-
лгъэгъуыжьбын*, каб. *зылгъэгъуыжьын* «видеть себя», адыг. *зэплъы-
жьбын*, каб. *зэплъыжьын* «смотреть на себя». В адыгских языках
суффикс *-жь||-ж*, по-видимому, является рефлексом суффик-
са *-й* (см. § 184). Последний представлен в убыхском
языке. Ср. убых. *склбан* «иду», *сыкльайин* «иду обратно». Зако-
номерность изменения *й* в *жь||ж* подтверждается наличием
таких слов, как адыг. *дэжь*, каб. *деж* < *дэй* «к» (послелог),
каб. *Жынус* || *Юнус*, *жэрымычлэ* < «ярмарка» (Г. В. Рогава). Осо-
бенностью адыгских языков является то, что присоединение аф-
фикса (или аффиксов) возвратного действия к глаголу не влияет
на переходность и непереходность глагольной основы. Двухлич-
ные переходные глаголы в возвратной форме становятся одно-
личными, но не теряют значение переходности. Например, при
возвратных глаголах *зытхъэчлын* || *зытхъэшлын* «умыться», букв.
«мыть, помыть себя», *зыфэпэн* || *зыхуэпэн* «одеться», букв. «одеть
себя», как и при простых переходных глаголах *тхъачлын* || *тхъэ-
шлын* «мыть, помыть», *фэпэн* || *хуэпэн* «одеть, одевать», подлежа-
щее выражается формой эргатива и налицо префикс субъекта
третьего лица, который отсутствует в непереходных глаголах. Ср.
адыг. *Члэедэжаклуэм з-и-фэпагъ*, *з-и-тхъэчлыгъ* «Ученик оделся,
умылся».

В переходных глаголах префикс возвратности ставится перед
аффиксом субъекта. Напр., адыг. *зы-с-тхъачлыгъ*, каб. *зы-с-
-тхъэшлашъ* «я умылся», адыг. *зы-п-тхъэчлыгъ*, каб. *зы-п-тхъэ-
-шлашъ* «ты умылся». От непереходных глаголов глаголы воз-
вратного действия образуются обычно префиксально-суффик-
сальным способом. Префикс возвратности в непереходных
глаголах стоит за аффиксом субъекта. Напр., адыг. *сы-зэ-уып-
члгъыжьы*, каб. *уы-з-о-уып-шлыж* «я себя спрашиваю», адыг. *уы-
-зэ-уыпчлгъыжьы*, каб. *уы-з-о-уыпшлыж* «ты спрашиваешь себя».

СЛОЖНЫЕ ПРЕФИКСЫ

Рассмотренный выше префикс взаимности *зэ-* (см. § 160) входит в состав ряда сложных аффиксальных морфем. Как уже отмечалось, сложные аффиксальные морфемы в парадигме глагола занимают место составляющих их элементов.

§ 168. Адыг.-каб. *зэхэ-* (<зэ+местный преверб *хэ-*). Глаголы с префиксом *зэхэ-* выражают:

а) совместное положение, совместное действие; например адыг.-каб. *зэхэтын* «стоять вместе», *зэхэлтын* «лежать вместе», *зэхэсын* «сидеть вместе», адыг. *зэхэггэлыбжээн*, каб. *зэхэггэлыбжээн* «поджарить вместе», адыг. *зэхэпшэн*, каб. *зэхэпшэ* «сместить вместе», адыг. *зэхэхьаджэн*, каб. *зэхэхьэжэн* «размолоть вместе»;

б) полноту действия; например: адыг., каб. *зэхэцлэн* «испачкать» (целиком), каб. *зэхэцтхэн* «разорвать» (все).

Иное значение вносит префикс *зэхэ-* в глаголы типа *зеклуэн* «ходить». Ср.: каб. *зэхэзеклуэн* «ходить в разных направлениях», *зэхэзежэн* «бежать в разных направлениях».

§ 169. Адыг. *зэчлэ-*, каб. *зэшлэ-* (<зэ+местный преверб *члэ-*||*шлэ-*<*члэ-*). Префикс *зэчлэ-*||*зэшлэ-*, который вносит в глаголы значение полноты, интенсивности и совместности действия, более продуктивен в кабардинском языке. Ср.: адыг. *зэчлэхьэнчлэн*, каб. *зэшлэхьэнчлэн* «замести», адыг. *зэчлэуыгъуэн* «собрать», адыг. *зэчлэкъуэн* «кончать», каб. *зэшлэкъуэн* «собрать, сгрести», *зэшлэчлэн* «зарастать», *зэшлэдыен* «остывать», *зэшлэлэн* «красить», *зэшлэлээн* «разогреться», *зэшлэхьэен* «всколыхнуться, прийти в движение», *зэшлэшэсэн* «сесть на коней» (о многих), *зэшлэбэсэн* «опухнуть» (целиком).

§ 170. Адыг. *зэфэ-*, каб. *зэхуэ-* (<зэ+версионно-направительный аффикс *фэ-*||*хуэ-*). Префикс *зэфэ-*||*зэхуэ-* выражает движение с разных сторон к одной точке. Ср.: адыг. *зэфэсын*, каб. *зэхуэсын* «собраться», адыг. *зэфэклуэн*, каб. *зыхуэклуэн* «идти навстречу друг другу», адыг. *зэфэуынтлэн*, каб. *зыхуэуынтлэн* «направиться навстречу друг другу». Такую же структуру имеют адыг. *зэфэтхьэуысыхэн*, каб. *зыхуэтхьэуысыхэн* «жаловаться друг другу», адыг. *зэфэуыпсэн* «быть заботливым друг к другу», каб. *зэхуэуыпсэн* «одарить друг друга», адыг. *зэфэсын*, каб. *зэхуэсын* «собраться», адыг. *зэфэсэн*, каб. *зэхуэсэн* «встретиться друг с другом».

Отсутствие в возвратно-версионных глаголах показателя косвенного объекта 3 лица ед. числа создает грамматическую омонимию. Ср.: каб. *зы-хуы-з-о-шл* — 1) «для него готовлюсь» (букв.: «для него делаю себя»), 2) «для себя делаю»; *зы-хуы-б-о-шл* — 1) «для него готовишься» (букв.: «для него делаешь себя»), 2) «для себя делаешь»; *зы-ху-е-шл* — 1) «для него готовится» (букв.: «для него делает себя»), 2) «для себя делает».

Такие омонимичные возвратно-версионные формы образуются от немногих переходных глагольных основ.

§ 171. Адыг., каб. *зэбгыры-* (<зэ+именная основа *бгы* «поясница, талия»).

Глаголы с префиксом *зэбгыры-* обозначают:

а) движение от центра, движение в разные стороны, направления, напр.: адыг. *зэбгырычтын*, каб. *зэбгырыжын* «разбегаться, разбежаться», адыг.-каб. *зэбгырыклуэтын* «раздвигаться, раздвинуться», *зэбгырычлэн* «расходиться», *зэбгырылгэлтын* «распасться, распадаться».

б) рассредоточение, распространение действия в разные стороны и направления. Ср., напр.: адыг.-каб. *зэбгырыдзын* «разбросать, разбрасывать», *зэбгырытхьуын* «разгрести, разгрести», *зэбгырыхын* «разносить, растащить».

§ 172. Каб. *зэлты-* (<зэ+местный преверб *лты-*). Префикс *зэлты-* сочетается обычно с основами динамических глаголов, образованных с помощью префикса *луы-*. Глаголы с префиксом *зэлты-* по значению близки к глаголам с префиксом *зэбгыры-*. Ср.: каб. *зэлтылуычлэн* «разойтись», *зэлтылуыдзын* «разбросать», *зэлтылуытхьуын* «разгрести, разгрести», *зэлтылуыклуэтын* «раздвинуться». Ср.: адыг. *зэлтылуычлэн* «уходить один за другим», адыг.-каб. *зэлтылуыхын* «убрать» (напр., комнату).

§ 173. Адыг. *зэпкыры-*, каб. *зэпкыры-* (<зэ+местный преверб *пкыры-*||*пкыры-*). Глаголы с этим сложным префиксом обозначают:

а) деление на части, например: адыг. *зэпкырыыхын*, каб. *зэпкырыыхын* «разобрать», адыг. *зэпкырыуытын*, каб. *зэпкырыуыдын* «разбить на части»;

б) соединение из частей, например: адыг. *зэпкырылгьхэн*, каб. *зэпкырылгьхэн* «собрать», каб. *зэпкырыуычлэн* «сколотить».

Префикс *зэпкыры-*||*зэпкыры-* сочетается также с основами статических глаголов (*шбы-*-*ты-н*||*шты-*-*ты-н* «стоять», *шбы-*-*лты-н*||*шты-*-*лты-н* «лежать», ср. адыг. *зэпкырытын*, каб. *зэпкырытын*, адыг. *зэпкырылтын*, каб. *зэпкырылтын* «состоять из частей».

Рассматриваемый префикс более продуктивен в кабардинском языке.

§ 174. Адыг., каб. *зэлы-* (<зэ+местный преверб *лы-*<*лу-*). По значению общеадыгский сложный префикс *зэлы-* близок к адыг. *зэпкыры-*, каб. *зэпкыры-*, но отличается от него большей продуктивностью. Ср.: адыг., каб. *зэлытхьын* «разорвать», адыг. *зэлышын*, каб. *зэлышын* «растянуть», адыг. *зэлыфын* «разносить», каб. *зэлытлэтын* «расползтись», адыг. *зэлыдзын* «разбросать», каб. *зэлыуыдын* «разбивать», адыг. *зэлыбзычлэн* «разрезать», каб. *зэлыхын* «разделявать».

§ 175. Каб. *зэфлэ-* (<зэ+местный преверб *флэ-*). Ср.: *зэфлэмэхэн* «падать в обморок», *зэфлэдыкхэн* «окоченеть, застыть». Тип малопродуктивный.

ложиться», адыг. *гъуэлъы-жьы-н*, каб. *гъуэлъы-жы-н* «ложиться спать».

Соответствие адыгейского мягкого шипящего спиранта ж кабардинскому полумягкому шипящему спиранту ж имеет место в двух морфемах — в суффиксе **-жь(ы)||-ж(ы)** и послелого **дэжь||деж**. В остальных случаях адыгейскому **-жь** в кабардинском отвечает шипяще-свистящий спирант **жь**. Элемент **-жь||-ж** в послелого **дэжь||деж** восходит к полугласному **й**. Более архаичная форма **дэй, дый** сохранилась в адыгейских и кабардинских диалектах. В этой связи возникает также вопрос: не является ли рассматриваемый суффикс **-жь(ы)||-ж(ы)** рефлексом **-й(ы)**? Данные адыгских языков не позволяют восстановить исконную форму суффикса **-жь(ы)||-ж(ы)**, хотя в этих языках наблюдается изменение полугласного **й** в звонкий шипящий спирант в ряде слов¹¹⁹. Однако наличие в убыхском языке суффикса **-й** в значении адыгского **-жь(ы)||-ж(ы)** наводит на мысль о йотированном происхождении последнего. Ср. убых. *склан* «иду», *склайын* «я возвращаюсь».

Порядок — 4: суффикс потенциалиса **-шъу(ы)||-ф(ы)**; суффиксы **-шь(э)||-шъ(э)**, **-п(э)**

§ 185. Адыг. **-шъу(ы)** > каб. **-ф(ы)**. Этот суффикс служит для выражения возможности осуществления действия, например: адыг. *сэ-хьы-шъу(ы)*, каб. *со-хьы-ф* «я могу нести», адыг. *уэ-шлы-шъу(ы)*, каб. *уо-шлы-ф* «ты можешь делать», адыг. *мэ-кIуэ-шъу(ы)*, каб. *мэ-кIуэ-ф* «он может идти». Суффикс **-шъу(ы)||-ф(ы)** синонимичен префиксу **-шъу||-ху**, выражающему также потенциалис. Ср. адыг. *с-фэ-тхы*, каб. *с-ху-о-тх*, адыг. *сэ-тхы-шъу(ы)*, каб. *с-о-тхы-ф* «я могу писать».

В отличие от префиксального потенциалиса, который образуется только от основ переходных глаголов, суффиксальный потенциалис в адыгских языках охватывает все переходные и непеходные глаголы.

§ 186. Адыг. **-шь(э)** > каб. **-шъ(э)**. В глаголы этот суффикс вносит значение чрезмерности и избыточности действия, например: адыг. *кIуэ-тэ-шьэн*, каб. *кIуэтэ-шъэн* «продвинуться слишком», адыг. *шьысы-шьэн*, каб. *шьысы-шъэн* «сидеть слишком долго». Суффикс **-шь(э)||-шъ(э)** сочетается с основами всех глаголов. Но характерным для основ с суффиксом **-шь(э)||-шъ(э)** является то, что они не имеют полной словоизменительной парадигмы глагола. Например, в кабардинском языке от основ с рассматриваемыми суффиксами не образуются формы давнопрошедшего совершенного времени. Так, *сокIуэташъэ* «я

слишком продвигаюсь», *сыкIуэтэшъашъ* «я слишком продвинулся», *сыкIуэтэшъэнущъ* «я слишком продвинусь» относятся к употребительным и живым формам, в то время как ожидаемая форма *сыкIуэтэшъэ-гъат* (ср. *сыкIуэтэгъат* «я тогда продвинулся») является искусственной формой. В адыгейском языке суффикс **-шь(э)||-шъ(э)** в ряде случаев имеет свободную сочетаемость, занимая место то впереди, то после временного аффикса. Ср. *шьыуы-швагъ* — *ышьыуыгъ-ашъ* «(он) переселил».

§ 187. Адыг., каб. **-Iу(э)**. По значению и сочетаемости этот суффикс сближается с суффиксом **-шь(э)||-шъ(э)**. Например: адыг., каб. *шхэ-Iуэ-н* «переесть», адыг., каб. *ехы-Iуэ-н* «спуститься слишком», адыг. *дэкIуэе-Iуэ-н*, каб. *дэкIуэйы-Iуэ-н* «подняться слишком», адыг. *шьыты-Iуэ-н*, каб. *шъыты-Iуэ-н* «стоять дольше, чем положено».

Суффикс **-Iу(э)** восходит к **-къу(э)**. В этой форме этот суффикс сохранился еще в кабардинском языке в единичных словах, ср. каб. *шхэ-къуэ-н* «переесть».

Как и суффикс **-шь(э)||-шъ(э)**, общеадыгский суффикс **-Iу(э)** образует основы, которые обладают неполной словоизменительной парадигмой глагола. От основ, включающих в свой состав **-Iу(э)**, обычно не образуются формы давнопрошедшего совершенного. Ср. также адыг. *шьыуы-Iуа-гъ* — *ышьыуы-гъа-Iу* «(он) переселил», *дэкIуэе-Iуа-гъ* — *дэкIуэе-гъа-Iу* «(он) слишком поднялся».

§ 188. Адыг.-каб. **-п(э)**. Данный суффикс вносит в глаголы значение безвозвратности и окончательной завершенности действия, например: адыг., каб. *шлы-пэ-н* «сделать совсем, окончательно», адыг., каб. *шлы-пэ-н* «написать окончательно», *ды-пэ-н* «сшить окончательно». По своей сочетаемости суффикс **-п(э)** сближается с суффиксом **-шь(э)||-шъ(э)**, **-Iу(э)**. Для основ образованных с помощью этого суффикса, характерны неполные парадигмы; суффикс **-п(э)** также может стоять после временного аффикса в адыгейском языке. Ср. *ытхы-па-гъ* — *ытхыгъа-п* «он написал уже», *ыхьы-пэ-шьт* — *ыхьышьты-п*.

§ 189. Таким образом, в адыгских языках, как и в других языках абхазско-адыгской группы, для образования глагольных основ широко применяется префиксация. Особенно многочисленны и разнообразны в этих языках местные и направительные превербы. Превербы (первичные и вторичные) исторически вводятся к именным основам локального значения, т. е. генетически они представляют собой результат грамматизации именно того компонента синтаксической единицы. К основам локального значения, очевидно, восходят также более абстрактные префиксальные образования, в частности, образования версии, потенциалиса и соучастия. Все глагольные словообразовательные элементы, за редкими исключениями, восходят к общеадыгскому языку — основе, больше того — многие из них оказываются общими для всей группы абхазско-адыгских языков.

¹¹⁹ См.: Г. В. Рогова. К истории шипящих спирантов в кабардинском языке. «Сообщения Академии наук Грузинской ССР», т. XX, № 5, 1958.

Глава четвертая

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 190. Типы местоимений. В адыгских языках все слова, относящиеся к местоимениям, по значению делятся на следующие типы (или разряды): 1) личные, 2) указательные, 3) притяжательные, 4) вопросительные, 5) определительные и 6) неопределенные.

§ 191. Личные местоимения. Личные местоимения, которые представлены в адыгских языках только формами первого и второго лица единственного и множественного числа, представляют собой корневые слова:

Адыг. язык

сэ
уэ
тэ
шбуэ

Каб. язык

сэ — «я»
уэ — «ты»
дэ — «мы»
фэ — «вы»

Как и в ряде других горских кавказских языков, для выражения третьего лица единственного и множественного числа в адыгских языках используются указательные местоимения.

Между адыгскими языками и диалектами нет расхождений в личных местоимениях. Фонетические соответствия в первом и втором лице множественного числа вполне закономерны.

В адыгских языках личные местоимения принадлежат к общеабхазско-адыгскому лексическому фонду. Во всей группе абхазско-адыгских языков личные местоимения, несмотря на значительные различия, обнаруживают генетическое тождество:

Адыг. яз.

сэ
уэ
тэ
шбуэ

Каб. яз.

сэ
уэ
дэ
фэ

Убых. яз.

сыгъуа
угъуа
шыгъуа
шъуыгъуа

Абхаз.-абаз.

сара
уара
бара
хъара
шуара

«я»
«ты»
«мы»
«вы»

Как видно, адыгские личные местоимения в отличие от соответствующих местоимений других абхазско-адыгских языков, являются односложными.

В данном случае исходную форму сохраняют убыхский, абхазский и абазинский языки. Односложность адыгских личных местоимений является результатом сложного процесса развития, обусловившего утрату исходного детерминативного суффикса, сохранившегося в других абхазско-адыгских языках¹²⁰. Обращает на себя внимание, что утраченный детерминативный суффикс в личных местоимениях адыгских языков восстанавливается в их падежных, послеложных и предикативных формах; ср.: адыг.-каб. сэ-р-члэ «мною», адыг.-каб. уэ-р-члэ «тобою», адыг. тэ-ры-члэ, каб. дэ-р-члэ «для нас», адыг. сэ-ры, каб. сэ-р-шъ «я есмь», адыг. уэ-ры, каб. уэ-р-шъ «ты еси», адыг. тэры, каб. дэ-р-шъ «мы есмы», адыг. шбуэ-ры, каб. фэ-р-шъ «вы есте».

Восстанавливаемый в личных местоимениях адыгский детерминант -р (<рэ) соответствует абхазско-абазинскому -ра и убыхскому -гъуа: ср. адыг.-каб. сэ-р-члэ «мною», абх.-абаз. са-ра, убых. сыгъуа «я». Убыхская форма рассматриваемого детерминанта — наиболее древняя: адыг.-каб. -р (<рэ), абх.-абаз. -ра < убых. -гъуа (<-гъа)¹²¹. Для звукового перехода -гъ > р ср.: груз. დგე «день», დრო «время», გამე «ночь», მრული «темный»¹²².

Данные абхазского и абазинского языков свидетельствуют о том, что как в убыхском, так и в адыгских языках личные местоимения исторически различались по классам¹²³. В частности, можно предположить, что местоимение второго лица единственного числа уэ||уэрэ (адыгск.), угъуа (убыхск.) «ты» употреблялось лишь для обозначения мужчин, как ныне в абхазском языке. Но с отпадением категории грамматических классов в этих языках исчезло личное местоимение второго лица для класса женщин, а местоимение для класса мужчин стало употребляться для обозначения и мужчин и женщин, т. е. для выражения вообще второго лица независимо от пола.

Личные местоимения третьего лица не сохранились в адыгских языках. Однако от них остались лично-притяжательные префиксы йэ-, йы-, йа- (каб.), йэ-, ы-, а- (адыг.); ср.: адыг.-каб. йэ-шлэ «он знает», каб. йа-шлэ, адыг. а-шлэ(х) «они знают», адыг.-каб. йы-тхылъ «его книга», йа-тхылъ «их книга» и т. д.

¹²⁰ См.: Г. В. Рогова. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.

¹²¹ См.: К. В. Ломтатидзе. Некоторые вопросы истории фонетической системы абхазско-адыгских языков. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.

¹²² См.: К. В. Ломтатидзе. К чередованию -гъ||-р в основах картвельских языков. Тезисы докладов XIV научной сессии Института языкознания АН Груз. ССР, 10—13 июня 1957 г.

¹²³ См.: Г. В. Рогова, указ. соч.

Как будет показано во второй части «Морфологии», эти префиксальные элементы обнаруживают материальное сходство с местоимениями и местоименными префиксами третьего лица в родственных языках.

§ 192. Притяжательные местоимения. Прежде всего необходимо отграничить притяжательные местоимения от притяжательных аффиксов.

В существующих научных и школьных грамматиках абхазско-адыгских языков до сих пор по данному вопросу принимается усларовская трактовка без существенных изменений и дополнений. А точка зрения П. К. Услара по рассматриваемому вопросу заключается в том, что к разряду притяжательных местоимений относятся не только притяжательные местоимения, но и особые морфологические элементы, выражающие категорию принадлежности.

Но в последние годы некоторые адыговеды выдвигают точку зрения, согласно которой в адыгских языках вообще отсутствуют притяжательные местоимения. Эти авторы исходят из того, что слова типа *сэсый||сысей* выполняют предикативную функцию. Эта точка зрения, как и традиционная (усларовская) точка зрения, является односторонней.

В отличие от индоевропейских языков в абхазско-адыгских языках принадлежность предмета выражается двумя способами: морфологическим и лексическим. Русскому выражению *мой дом* в адыгейском языке соответствует *сиуын*. В русском языке принадлежность предмета выражена синтаксически (*мой* — местоимение, т. е. лексическая единица), а в адыгейском — морфологически, т. е. аффиксом принадлежности. Но русскому выражению *этот дом мой* в адыгейском языке соответствует *а уынэр сэсый*. Принадлежность предмета в данном случае выражена как в русском, так и в адыгейском языке лексическим способом — притяжательным местоимением: *сэсый* по значению и употреблению вполне соответствует русскому притяжательному местоимению *мой* в выражении *этот дом мой*. Ср. также каб. *Мы тхылгыр уыуей?* «Эта книга твоя?».

Как мы видим, притяжательным местоимениям русского языка (да и индоевропейских языков вообще) в адыгских языках соответствуют не только собственно притяжательные местоимения, но также и особые морфологические элементы, выражающие принадлежность предмета. В описательных грамматиках префиксы принадлежности по традиции рассматриваются как притяжательные местоимения. Не следует, однако, забывать, что отнесение аффиксальных элементов, выражающих категорию принадлежности предмета, к местоимениям ведет к смешению лексических и морфологических явлений, поскольку местоимение как самостоятельная часть речи относится к лексическим единицам, а притяжательные аффиксы — к морфологическим единицам.

Лексические средства выражения принадлежности предмета должны быть отграничены от собственно морфологических средств выражения принадлежности предмета. В подобном разграничении различных языковых единиц, выражающих идею принадлежности предмета одному из трех лиц, нет ничего необычного. Ведь выражение одного и того же понятия разными языковыми единицами — явление обычное в языке. Например, для обозначения одного и того же понятия сплошь и рядом используются лексические и синтаксические единицы, которые эквивалентны с функциональной точки зрения. Для выражения однотипных грамматических значений одинаково могут быть использованы, например, падежные формы (морфологические средства) и послеложные конструкции (синтаксические средства). С другой стороны, едва ли правомерно исключить из рядов местоимений слова *сэсый||сысей* «мой», *уэуый||уыуей* «твой» и т. д. на том основании, что последние выполняют предикативную функцию. Русское *мой* в контексте *этот дом мой* также является предикативным членом, хотя предикация в данном случае (как в адыгейском языке) выражена нулевой морфемой. В этой связи следует также напомнить, что многие слова, не являющиеся глаголами, выступают исключительно в качестве сказуемого. Например, слова типа русск. *можно, нельзя, налицо* употребляются лишь как сказуемые, хотя они не относятся к классу глаголов, а составляют самостоятельную часть речи. Что касается притяжательных местоимений, то они не только с функциональной, но и с словообразовательной точки зрения никак не сводимы к статическим глаголам от личных местоимений. Ср.: адыг., каб. *сэ* «я», адыг. *сэсый*, каб. *сысей* «мой». Кроме того, в адыгских языках вообще отсутствуют соотносительные личные местоимения 3 л. ед. и мн. числа. Иначе говоря, невозможно в синхронном плане *йый||йэй* «его», *йай* «их» свести к личным местоимениям.

В адыгских языках имеются следующие притяжательные местоимения:

Адыг. яз.

сэсый
уэуый
йый
тэтый
штэуэштэуый
йай

Каб. яз.

сысей «мой»
уыуей «твой»
йэй «его»
дыдей «наш»
фыфей «ваш»
йай «их»

Существуют различные точки зрения на структуру и происхождение притяжательных местоимений в адыгских языках. Г. М. Борукаев рассматривал притяжательные местоимения как личные формы, образованные якобы от глагола *йэйын* «принадлежать кому-либо». В этой связи он пишет, что «эти слова

(притяжательные местоимения.— М. К.) являются глаголами, происходящими от корня *йэйын* (*jejын*) и образовавшимися, как личные слова, путем присоединения соответствующих им личных местоимений, как это явление существует во всех глаголах»¹²⁴. В то же время Т. М. Борукаев относил к притяжательным местоимениям посессивные префиксы в кабардинском языке.

В грамматике Г. Ф. Турчанинова и М. Цагова высказано мнение, что притяжательные местоимения в кабардинском языке «представляют слияние самостоятельных личных местоимений 1-го и 2-го л. со спрягаемой формой глагола *ейын* «принадлежать кому-либо». По мнению этих авторов, исключение представляет форма 3-го л. ед. и мн. числа, где в силу отсутствия личных местоимений 3-го л. спрягаемая глагольная основа является и местоименно-притяжательной формой¹²⁵. В работе «О кабардинской грамматике Ш. Б. Ногмова», предпосланной второму тому филологических трудов Ш. Б. Ногмова, Г. Ф. Турчанинов, подтверждая ранее высказанное им мнение о глагольном происхождении притяжательных местоимений, пишет: «Самостоятельные притяжательные местоимения в кабардинском языке генетически связаны с основой глагола *еин* («йейын») «принадлежать кому-либо»¹²⁶.

Как мы видим, Т. М. Борукаев и Г. Ф. Турчанинов сходятся в одном: они считают, что *изй* «его» в кабардинском языке восходит к глаголу *йэйын* «принадлежать кому-либо». Отсюда Т. М. Борукаев делает вывод, что личные формы глагола *йэйын* выступают в роли притяжательных местоимений, а Г. Ф. Турчанинов полагает, что личная форма этого глагола выступает в качестве притяжательного местоимения лишь в третьем лице. Притяжательные местоимения первого и второго лица Г. Ф. Турчанинов, в отличие от Т. М. Борукаева, рассматривает как слияние соответствующих личных местоимений с тем же глаголом *йэйын*.

Думается, что как Т. М. Борукаев, так и Г. Ф. Турчанинов в данном случае первичное явление приняли за вторичное. Дело в том, что форма *йэйын* «принадлежать кому-либо» образована от местоименной основы *йэй* «его», восходящей к абхазско-адыгскому единству. Подобные формы статических глаголов в адыгских языках образуются от всех именных частей речи, в том числе местоимений. Ср.: каб. *сэршэ*, букв.: «я емь»; *сысейшэ*, букв.: «мой есть»; *йэйшэ*, букв.: «его есть»; «ему принадлежит»; *аршэ*, букв.: «он есть» и т. д.

¹²⁴ Т. М. Борукаев. Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1932, стр. 47.

¹²⁵ См.: Г. Ф. Турчанинов, М. Цагов. Грамматика кабардинского языка. «Известия АН СССР». М.—Л., 1940, стр. 77.

¹²⁶ Г. Ф. Турчанинов. О кабардинской грамматике Ш. Б. Ногма (Ш. Б. Ногма. Филологические труды, т. II. Нальчик, 1959, стр. 44).

Поскольку вторичность глагола *йэйын* «принадлежать кому-либо» совершенно очевидна, мнение о глагольном происхождении притяжательных местоимений оказывается ошибочным.

Во всех абхазско-адыгских языках притяжательные местоимения образуются от личных местоимений. В адыгских языках очень прозрачна этимология притяжательных местоимений первого и второго лица единственного и множественного числа.

Притяжательные местоимения первого и второго лица обоих чисел в адыгских языках образованы посредством сочетания удвоенных основ соответствующих личных местоимений и притяжательного префикса третьего лица *из*:

Адыг. яз.

сэ + сэ + йэ > сэсый
уэ + уэ + йэ > уэуый
тэ + тэ + йэ > тэтый
шъуэ + шъуэ + йэ > шъуэ-шъуый

Каб. яз.

сэ + сэ + йэ > сысей «мой»
уэ + уэ + йэ > уыуей «твой»
дэ + дэ + йэ > дыдей «наш»
фэ + фэ + йэ > фыфей «ваш»

Н. Ф. Яковлев, который правильно объяснял структуру притяжательных местоимений первого и второго лица, ошибочно полагал, что притяжательное местоимение третьего лица образовалось без удвоения корня: *йэй* ← *й + йэ* = «его»¹²⁷. В действительности притяжательное местоимение *йый*||*йэй* «его» образовано путем редупликации морфемы (притяжательного префикса) *йэ*, восходящего к личному местоимению третьего лица. Ср.: адыг. *йэ + йэ > йый*, каб. *йэ + йэ > йэй* «его».

Общеадыгская форма *йай* «их» состоит из двух местоименных элементов: *йа + йэ = йай*.

Редупликация корневых элементов личных местоимений — общий способ образования притяжательных местоимений в абхазско-адыгских языках; ср.: абаз. *сасчлуы*, *сарасчлуы* «мой», *уаучлуы*, *уараучлуы* «твой» (для класса мужчин), *бачлуы*, *бараучлуы* «твой» (для класса женщин). Однако можно предположить, что редупликация личных местоимений не является первоначальным способом образования притяжательных местоимений в этих языках. В пользу этого предположения говорит то, что в некоторых абхазско-адыгских диалектах сохраняется более простой и, очевидно, древний способ образования притяжательных местоимений путем присоединения к корню личного местоимения притяжательного элемента. Так, в шапсугском диалекте наряду с формами типа *сэсый* «мой», *уэуый* «твой» встречаются формы *сые* (< *сэ + йэ*) «мой», *уые* (< *уэ + йэ*) «твой», *чашуые* (< *шъуэ + йэ*) «ваш», *тые* (< *тэ + йэ*) «наш»¹²⁸. Подобные

¹²⁷ См.: Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. «Известия АН СССР». М.—Л., 1948, стр. 68.

¹²⁸ См.: З. И. Керашева. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957, стр. 62—63.

формы притяжательных местоимений зафиксированы также Ш. Б. Ногмовым; ср.: *сье* (*сьйэ*) «мой», *уье* (*уьйэ*) «твой», *дые* (*дыйэ*) «наш», *фые* (*фыйэ*) «ваш»¹²⁹.

Ср. также в абазинском формы *счлуы* «мой», *учлуы* «твой» (для класса мужчин), *бчлуы* «твой» (для класса женщин), *йчлуы* «его» (для класса мужчин), *лчлуы* «ее» (для класса женщин), *ачлуы* «его, ее» (для класса вещей), *хчлуы* «наш», *шучлуы* «ваш», *рчлуы* «их» наряду с формами типа *сасчлуы*, *сарасчлуы* «мой», *бачлуы*, *барачлуы* «твой» (для класса женщин).

В адыгских языках притяжательные местоимения выступают в роли подлежащего, сказуемого и дополнения, но никогда не могут быть определениями при именах существительных. Роль притяжательных местоимений, выступающих в русском языке как определения, в адыгских языках (вообще во всей группе абхазско-адыгских языков) выполняют морфологические элементы (притяжательные префиксы)¹³⁰.

§ 193. Указательные местоимения. Указательные местоимения в адыгских языках и диалектах, за исключением бжедугского и шапсугского, представлены формами *а*, *мы*, *мо*. В бжедугском и шапсугском диалектах вместо указательного местоимения *мо* представлена более древняя форма *уы*, исчезнувшая в других диалектах адыгских языков.

Разграничение указательных местоимений на «самостоятельные и несамостоятельные» или на «зависимые и независимые» в описательных и школьных грамматиках основано лишь на том, что *а*, *мы*, *мо* (*уы*) в качестве определения всегда имеют исходную, неопределенную форму, а как заменители слов-названий принимают падежную (определенную) форму: адыг.-каб. *ар*, *мыр*, *мор* (бжед., шапс. *уыр*) — форма именительного падежа, адыг. *ашь*, *мышь*, *мошь* (бжед., шапс. *уышь*), каб. *абы*, *мыбы*, *мобы* — форма эргативного падежа.

Указанные местоимения противопоставляются по признаку «близкий — далекий».

Между адыгскими языками не наблюдается расхождений в употреблении указательных местоимений.

Местоимение *а* указывает на видимый и находящийся поблизости предмет, или на невидимый, но известный, определенный предмет. Например:

адыг. яз. *а тхылъэу уызаджэрэр* «эта книга, которую ты читаешь»,

каб. яз. *а хьэпшып столым телъыр* «эта вещь, которая лежит на столе»,

адыг. яз. *а мафэшлухэр* «эти хорошие дни»,

¹²⁹ См.: Ш. Б. Ногма. Филологические труды, т. II. Нальчик, 1959, стр. 68—70.

¹³⁰ Притяжательные префиксы рассматриваются во второй части «Морфологии».

каб. яз. *а цыклу мыбы шьылахэр* «эти дети, которые были здесь»,

адыг. лит. яз. *мо къуаджэр* «то село»,

шапс. д. *уы уашъуэр* «то небо»,

каб. яз. *мо жыгхэр* «те деревья».

Местоимение *а* восходит к общеабхазско-адыгскому языку — основе; ср.: абх. *абри*, *ари*, абаз. *ара*, *ари* «этот». По значению и по форме с адыгским указательным местоимением *а* «этот» генетически связывается абхазско-абазинско-убыхский аффикс определенности *а*- в именах; ср.: абаз. *дзы* «вода» (исходная, неопределенная форма), *адзы* «вода» (определенная форма) — «эта вода». Очевидно, П. К. Услар был прав, когда высказал предположение о взаимосвязи в абхазском языке именного префикса определенности *а*- и глагольного префикса третьего лица единственного числа для класса вещей *а*-¹³¹.

Бжедугско-шапсугская форма *уы* «то» по сравнению с темиргоевско-кабардинской формой *мо* «то» наиболее архаичная и обнаруживает генетическое тождество с убых. *уэ* и первой частью абх. *уы-бри* «тот». Во всех адыгейских диалектах общеабхазско-адыгский местоименный элемент третьего лица сохранился в качестве субъекта в желательном наклонении (*уэрэ-клуэ* «пусть он пойдет») и в образованиях типа *уэ-клуэ-фэ* «пока он идет». Рассматриваемая древняя форма указательного местоимения третьего лица оставила свои следы и в кабардинском языке: от него сохранился в некоторых устойчивых сочетаниях префикс третьего лица субъекта; ср.: каб. *уыклуэ* «пусть он (она, оно) идет» во фразеологических выражениях (*ар*) *зэпыту уы-клуэ*, *зэпытрэ зэчлэсу уы-клуэ* в знач. «скатертью ему (ей) дорога».

Г. В. Рогава высказал мнение, что бжедугско-шапсугское местоимение *уы* «то» и восходящий к нему глагольный префикс третьего лица *у*- в адыгских диалектах генетически связаны с корневым элементом местоимения второго лица единственного числа *уара* (абх.-абаз.), *уыгъуа* (убых.), *уэ* (адыг.-каб.) «ты»¹³².

Семантически адыг.-каб. *мы* «этот» совпадает с убых. *йы* «этот». Ср. адыг. *мы псым*, убых. *йы-бзы* «эта река».

§ 194. Вопросительные местоимения. Двум семасиологическим классам имен существительных в адыгских языках соответствуют два вопросительных местоимения. К классу человеческого относится общеадыгское вопросительное местоимение *хэт* «кто». Что же касается вопросительного местоимения класса вещей, то

¹³¹ См.: П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языковедение, I. Абхазский язык. Тифлис, 1887.

¹³² См.: Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956, стр. 59.

оно в адыгских языках и диалектах представлено различными формами:

адыг. лит. яз., абадз. д.	<i>сыд, да</i>	«что»,
каб. лит. яз.	<i>сыт</i>	«что»,
бжед. д., шапс. д.	<i>шъыд</i>	«что»,
бесл. д.	<i>сти, си</i>	«что».

Местоимение класса вещей может относиться к ребенку каб. *Сыт а фызым къылъхуар?*, букв.: «Что эта женщина родила?»¹³³.

Нетрудно заметить, что все формы, употребляющиеся в адыгских языках и диалектах в значении вопросительного местоимения «что», представляют собой лишь фонетические варианты одного и того же слова.

Необоснованным и ошибочным является мнение Н. Ф. Яковлева, что местоимение *хэт* «кто» происходит от глагольного корня *хэ-т*, букв.: «стоящий среди (людей), находящийся среди (людей)»¹³⁴. По своей структуре адыг.-каб. *хэт* «кто», каб. *сыт* «что», адыг. *сыд*, *шъыд* «что» являются составными. Можно предположить, что эти вопросительные местоимения объединяются общностью второго компонента, несмотря на соответствие адыгейского звонкого *д* кабардинскому глухому *т* в местоимении *сыд*, *шъыд* (адыг.), *сыт* (каб.) «что» при наличии одной общеадыгской формы *хэт* «кто». Второй компонент рассматриваемых вопросительных местоимений, который связан, очевидно, с адвербиальным корнем *тэ||дэ-нэ* «где», обнаруживает материальное сходство с известным абхазско-абазинским вопросительным суффиксом для класса человека *-да*: ср. абх. *икъазцло-да?* «кто делает?», абаз. *йынхауа-да?* «кто работает?».

Что же касается первых компонентов анализируемых местоимений, то Г. В. Рогава предполагает, что в вопросительном местоимении *сыт*, *сыд*, *шъыд* «что» элемент *с||ш-* является префиксальным, имеющим генетическую общность с древним показателем грамматического класса вещей *с||шъ*, который встречается в адыгских и картвельских языках. Адыгское местоимение *сыт*, *сыд*, *шъыд* «что» Г. В. Рогава сближает также с груз. *сад(а)*, мегр. *соде* «где», «куда»¹³⁵.

Первый компонент *сыт*, *сыд*, *шъыд* «что», несомненно, находится в генетической связи с убыхским *са* «что», «зачем, почему». Элемент *са-* в качестве вопросительной частицы в убыхском языке представлен также в глаголе: ср. *са-у-биен-и* «ты что смотришь?».

Другие вопросительные местоимения в адыгских, как и во многих других иберийско-кавказских языках, являются производными, в основном от вопросительных местоимений класса человека и класса вещей.

Производные вопросительные местоимения в адыгских языках следующие:

Адыг. язык

тары
тарары
сыд фэд
хэт йый
(*хэт ыи*)
сыдым йый
(*сыдым йы*)

Каб. язык

дара «который, какой»
дэтхэнэ » »
сыт хуэдэ «какой»
хэт йэй «чей»
(*хэт йы*) »
сытым йэй «чей»
(*сытым йы*) »

От диалектальных форм бжедугского и шапсугского *шъыд* «что», бесленеевского *сти* «что» соответственно образуются *шъыд фэд* «какой», *шъыдым ыи* «чей», *стихуэдэ* «какой» и т. д.

Вопросительное местоимение *дэтхэнэ* «который, какой» в кабардинском языке состоит из трех частей: *дэ* + *хэт* + *нэ*. Считается, что это составное местоимение образовано путем включения общеадыгского местоимения *хэт* «кто» в состав кабардинского наречия *дэнэ* «где, куда»¹³⁶.

Это мнение, которое принадлежит Н. Ф. Яковлеву, является общепринятым. Нам представляется, что местоимение *дэтхэнэ* (<*дэтхэнэ*) образовано не путем инкорпорирования, а сложноположенным способом словообразования, т. е. путем основосложения в сочетании с суффиксацией. В местоимении *дэтхэнэ||дэтхэнэ* можно выделить адвербиальный корень *дэ* (ср.: каб. *да-ри* «какой, который», *да-уэ* «как, каким образом»), общеадыгское указательное местоимение *хэт* «кто» и адвербиальный суффикс *нэ*, который представлен как в кабардинском *дэнэ* «где», «куда», так и в диалектных формах наречий типа *джыпстунэ* «сейчас», *ыуыужъынэ* «после».

Вопросительное местоимение *тары||дара*, «который, какой» представляет собой слияние корневого элемента вопросительного наречия *тэ||дэ-нэ* «где» и указательного местоимения *а* в падежно-предикативной форме: адыг. *тэ* «где» + *ары* «это (есть)» > *тары*, каб. *дэ* «где» + *ара* «это (есть)» > *дара* «который, какой».

Из сочетания вопросительного местоимения *сыд||сыт* «что» и самостоятельного слова *фэд||хуэдэ* «подобный, такой» образовано местоимение *сыд фэд||сыт хуэдэ* (шапс. д., бжед. д. *шъыд-фэд*) «какой».

¹³⁶ См.: Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 69.

¹³³ В тех языках, в которых имеются грамматические классы, ребенок (а иногда несовершеннолетний) нередко попадает в класс вещей.

¹³⁴ См.: Н. Ф. Яковлев, Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 305.

¹³⁵ См.: Г. В. Рогава, указ. соч., стр. 44.

От вопросительного местоимения *хэт* «кто» и притяжательного местоимения *йый*||*йэй* «его» образовано местоимение *ийый*||*хэт йэй* «чей», выражающее вопрос о принадлежности предмета человеку: ср.: адыг. *Хэт йый мы уынэр?* «Чей это дом?». Каб. *Хэт йэй мы сабийр?* «Чей этот ребенок?».

Вопрос о принадлежности предмета не членам общества обозначается местоимением *сыдым йый, шъыдым йый*||*сытым йый* «чей», образованным путем сочетания вопросительного местоимения *сыд, шъыд*||*сыт* «что» в форме эргативного падежа притяжательного местоимения третьего лица *йый* «его», ср.: адыг. *Мы къуыпшъхэр сыдым йый?* «Это кость чья?», каб. *Сытым йэй мы шэрхъыр?* «Чье это колесо?».

Как мы видим из сказанного, между адыгскими языками диалектами не наблюдается различий в словообразовательной структуре вопросительных местоимений. Некоторые расхождения, которые отмечаются во внешней звуковой форме этих местоимений, обусловлены фонетическими изменениями, имевшим место после распада общеадыгского языка-основы. Что же касается двух основных вопросительных местоимений *хэт* «кто», *сыт, сыд*||*шъыд* «что», то их компоненты обнаруживают параллели в других языках абхазско-адыгской группы.

§ 195. **Определительные местоимения.** В адыгских языках определительные местоимения по своему происхождению разнородны. Определительные местоимения образованы от местоименных, именных и глагольных основ. В качестве определительных местоимений в адыгских языках употребляются следующие

Адыг. язык	Каб. язык	
<i>йэжь</i>	<i>йэзы</i>	«сам»
<i>ышъхьэчIэ</i>	<i>йышъхьэчIэ</i>	«сам лично» (о человеке)
<i>пстэу, псэу</i>	<i>псэу</i>	«весь»
<i>зэчIэ</i>	<i>зэчIэ</i>	«весь»
<i>шъхьадж</i>	<i>шъхьэж</i>	«каждый»
<i>къэс</i>	<i>къэс</i>	«каждый»
<i>пэпчъ</i>	—	«каждый»
<i>хэти</i>	<i>хэти</i>	«всякий, любой, каждый» (о классе человека)
<i>хэтрэ</i>	—	«всякий, любой, каждый» (о классе человека)
<i>сыди, шъыди</i>	<i>сыти</i>	«всякий, любой, каждый» (о классе вещей)
<i>сыдрэ, шъыдрэ</i>	—	«всякий, любой, каждый» (о классе вещей)
<i>тэтхэнэрэ</i>	—	«каждый, любой, всякий»

В определительном местоимении *йэжь*||*йэзы* «сам» первая часть *йэ-* представляет корневой элемент местоимения третьего лица, которое, как отмечалось выше, не сохранилось в адыгских

языках, но представлено в других языках абхазско-адыгской группы. Н. Ф. Яковлев вторую часть адыг. *йэ-жь* возводил к глагольному суффиксу *-жь*, выражающему обратное действие («*кIуэ-жьын* «обратно идти») ¹³⁷, а вторую часть каб. *иэ-зы* к числительному *зы* «один» ¹³⁸. На ошибочность такого толкования этимологии второго компонента местоимения *иэ-жь*||*йэ-зы* справедливо указывает Г. В. Рогава ¹³⁹. Г. Дюмезиль отождествляет *жь-* в адыг. *йэ-жь* с суффиксом *-жьы* в прилагательных типа *фыжьы* «белый», *плъыжьы* «красный», *гъуэжьы* «желтый» ¹⁴⁰. Следует отметить, что элементы *-жь*, *-зы* в анализируемом местоимении восходят к одному источнику. Более вероятно, как нам кажется, связь *-жь*||*-зы* с общеадыгским аффиксом возвратного значения *зы-*: адыг. *зы-тхьэчIын*, каб. *зы-тхьэ-шIын* «думаться, умываться»; ср. для звукового перехода каб. *залым*, адыг. *жъалым*.

Местоимение *зэчIэ* (э)||*зэчIэ* «весь» состоит из двух частей: *зэ+чIэ*. Первая часть *зэ* возводится к числительному *зы* «один», вторая часть *чIэ* <*кIэ* <*кIэ* по форме и по значению сближается с союзной частицей *ычIи*||*йычIи* «и».

Местоимение *шъхьэдж*||*шъхьэж*, которое употребляется в значении «каждый», также состоит из слова *шъхьэ* «голова» и суффикса *-дж*||*-ж*. Примеры: адыг. *Шъхьадж йыуынэ уэрэклэжь* «Пусть каждый домой идет»; каб. *Шъхьэж къылъысыр къишъ-ташъ* «Каждый взял, что ему положено».

В адыгейском *пэпчъ* «каждый» выделяется преверб *пэ* и основа глагола *пчы-н* «читать». Общеадыгское *къэс* «каждый» состоит из преверба *кэ* и связанной глагольной основы *с*; ср. послелог *кэс* «до» <*кэсын* «прибыть сюда».

В кабардинском языке, где отсутствует местоимение *пэпчъ* «каждый», синонимическое *кэс* имеет более широкое употребление, чем в адыгейском языке: ср. адыг. *мафэ кэс* «каждый день»; но: *нэбгрэ пэпчъ* «каждый человек»; каб. *махуэ кэс* «каждый день», *нэрыбгэ кэс* «каждый человек».

Местоимение *ышъхьэчIэ*||*йышъхьэчIэ* «сам лично» (обычно о человеке) возводится к падежно-притяжательной форме имени существительного *шъхьэ* «голова» ¹⁴¹. Примеры: адыг. *Ар-ышъхьэчIэ кэклэуэгъ* «Он сам лично пришел»; каб. *Сэ сишъхьэчIэ слъэгъуашъ* «Я сам лично видел».

¹³⁷ См.: Н. Ф. Яковлев, Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 206.

¹³⁸ См.: Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 69.

¹³⁹ Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956, стр. 46.

¹⁴⁰ См.: Dumézil G. Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (Morphologie). Paris, 1932.

¹⁴¹ См.: Г. Турчанинов, М. Цагов. Грамматика кабардинского языка. Изд. АН СССР.

Местоимения *хэти* «любой, всякий, каждый» (о классе человека), *сыди, шъыди||сыти* «любой, всякий, каждый» (о классе вещей) образованы путем присоединения соединительной частицы *и* к вопросительным местоимениям *хэт* «кто», *сыди, шъыди||сыт* «что». Примеры: адыг. *Ар хэти ышъышъуышът* «Эт каждый (всякий, любой) сможет сделать»; каб. *Хэти къыре къуэ!* «Пусть любой придет!»; адыг. *Сыдми хъуышът, къысфахъ* «Все (всякое) можно, принеси мне!»; каб. *А тыкуэным сытты къышъыбгъуэтынушъ* «В этом магазине все найдешь!»

В адыгейском языке, кроме соединительной частицы *и* в определительном значении используется и суффикс *рэ*, генетически восходящий к форманту категории определенности *хэтрэ* «любой, всякий, каждый» (о классе человека), *сыдрэ, шъыдрэ* «любой, всякий, каждый» (о классе вещей), *тэтхэнэрэ* «любой, всякий, каждый»; ср. *-рэ* в слове *адрэ* «другой, тот».

§ 196. Неопределенные местоимения. Неопределенные местоимения в адыгских языках представлены формами *гуэрэ||гуэр*, *зыгуэрэ||зыгуэр*. Они обозначают «некий, нечто, некто, кто-то, что-то, кто-нибудь, какой-то, какой-нибудь».

Форма *загуара* в этом же значении представлена в убыхском языке. Первая часть этого адыгско-убыхского неопределенного местоимения восходит к числительному *зы* (адыг.-каб.), *зэ, зэ* (убых.) «один». Сближение А. Дирром второй части убыхского *за-гуара* с груз. *гвари* «вид, род, природа» представляется малоубедительным¹⁴².

В адыгских языках форма *гуэрэ||гуэр* употребляется с определяемым словом; ср.: адыг. *зыгуэрэ къэкъуагъ* «кто-то пришел», *зыгуэрэ сэлъэгъуы* «кого-то, что-то вижу»; но: *хъэчлэ гуэрэ* — *зы хъэчлэ гуэрэ* «какой-то гость», каб. *зыгуэр къокъуэ* «кто-то, что-то сюда идет», *зыгуэр сошлэ* «что-то знаю», но *лы гуэр* = *зы лы гуэр* «какой-то мужчина».

К неопределенным местоимениям иногда относят слова *зыкъом* (каб.), *зыбжанэ* (каб.), *зызауыл* (адыг.-каб.) «несколько». Однако эти слова по значению примыкают либо к наречиям, либо к неопределенно-количественным числительным. Ср., например: каб. *цъыху зыкъом* «несколько человек», *зыкъом дэчлауэ* «несколько позже».

В заключение кратко остановимся на так называемых отрицательных местоимениях в адыгских языках. Наряду с другими разрядами местоимений в описательных и школьных грамматиках адыгских языков выделяются и отрицательные местоимения. Следует подчеркнуть, что отрицательные местоимения, обозначающие отрицание того общего значения, которое заключено в самом местоимении, в адыгских языках отсутствуют. В качестве отрицательных местоимений неправильно рассматриваются

слова, употребляющиеся с отрицательной формой глагола. Например, слово *зи||зыри*, образованное от числительного *зы* «один» с помощью суффикса *-и*, при отрицательной форме глагола переводится как «никто, ничто». Например: адыг. *зи слъэгъуырэп* «никого (ничего) не вижу», букв.: «и одного не вижу»; каб. *зыри къэкъуакъым* «никто не приходил», букв.: «и один не приходил». Как мы видим, отрицание заключено не в формах *зи, зыри*, а в глагольных формах *слъэгъуырэп* «я не вижу», *къэкъуакъым* «(он) не приходил».

¹⁴² См.: Adolf Dirr. Die Sprache der Ubychen. Caucasia, fasc. 4. Leipzig, 1927. стр. 81.

Глава пятая

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 197. Основные разряды числительных. По своему значению в адыгских языках числительные подразделяются на следующие основные группы: 1) количественные, 2) кратные, 3) порядковые, 4) разделительные и 5) дробные.

§ 198. Способы образования числительных. Образование числительных происходит разными способами. В адыгских языках можно выделить следующие способы словообразования числительных:

1. Словосложение, например: адыг. *пшшыкыуызы*, каб. *пшшыкыуыз* «одиннадцать», адыг. *пшшыкыуытфы*, каб. *пшшыкыуытху* «пятнадцать», адыг. *тлочы*, каб. *тлош* «двадцать», адыг. *шьэчы*, каб. *шьэш* «тридцать».

2. Редупликация основы, например: адыг.-каб. *зырыз* «по одному», адыг.-каб. *зырызэ* «по одному разу», адыг. *шырышь*, каб. *шьырышь* «по три», адыг. *шьэрышьэ*, каб. *шьэрышьэ* «по три раза», адыг. *пшшыкыуытлу* — *пшшыкыуытлу*, каб. *пшшыкыуыт* — *пшшыкыуыт* «по двенадцати», адыг. *пшшыкыуыт* — *пшшыкыуытлуэ*, каб. *пшшыкыуыт* — *пшшыкыуытлрэ* «по двенадцать раз».

3. Суффиксальный, например: адыг. *шьанэ*, каб. *шьанэ* «одна третья», адыг. *тфанэ*, каб. *тхуанэ* «одна пятая», каб. *тлошлрэ* «двадцать раз», адыг.-каб. *минрэ* «тысяча раз».

4. Суффиксально-префиксальный, например: адыг. *япшланэ* — *япшланэ*, каб. *епшланэ*, *епшланэрей* «четвертый», адыг. *яханэ*, каб. *еханэ*, *еханэрей* «шестой», адыг. *япшшыкыуышьанэ*, каб. *епшшыкыуышьанэ*, *епшшыкыуышьанэрей* «тринадцатый», адыг. *ятлочанэ*, каб. *етлошланэ*, *етлошланэрей* «двадцатый».

5. Морфолого-синтаксический (аффиксация и сочетание слов), например: адыг. *тлочлрэ зырэ*, каб. *тлошлрэ зырэ* «двадцать один», бесл. *тлочлрэ пчлырэ*, каб. *тлошлрэ пшшырэ* «тридцать».

6. Фонетический, т. е. осуществляемый с помощью чередования **ы — э** в основе, например: адыг.-каб. *зэ* «один раз» (адыг.-

каб. *зы* «один»), адыг. *шьэ*, каб. *шьэ* «три раза» (адыг. *шьы*, каб. *шьы* «три»), адыг. *пшшыкыуызэ* «одиннадцать раз» (адыг. *пшшыкыуызы* «одиннадцать»).

7. Фонетико-морфологический, т. е. осуществляемый с помощью чередования гласных и аффиксации, например: адыг. *пшшыунай*, каб. *пшшыунай* «четыре раза» (адыг.-каб. *пшшы* «четыре»), адыг. *тхуэнай*, каб. *тхуэнай* «пять раз» (адыг. *тфы*, каб. *тхуы* «пять»).

Один и тот же словообразовательный способ применяется для образования разных групп числительных. Так, суффиксальный способ используется для образования кратных и дробных числительных (адыг. *пшшыкыуызрэ*, каб. *пшшыкыуызрэ* «одиннадцать раз», адыг.-каб. *бланэ* «одна седьмая»). С другой стороны, образование отдельных групп числительных охватывает разные словообразовательные способы. Например, для образования кратных числительных, помимо суффиксального способа, используются фонетический и фонетико-морфологический способы (адыг.-каб. *хэ* «шесть раз», адыг. *хэунай*, каб. *хэней* «шесть раз»), а для образования количественных числительных — словосложение и морфолого-синтаксический способ (адыг. *пшшыкыуышьы*, каб. *пшшыкыуышь* «тринадцать», адыг. *шьэчлрэ тфырэ*, каб. *шьэшлрэ тхуырэ* «тридцать пять»).

Поэтому в отличие от словообразования имен и глаголов словообразование числительных, как и словообразование местоимений, целесообразно рассматривать отдельно по группам, а не по способам их образования.

§ 199. Количественные числительные. В адыгских языках нет единой системы исчисления. В этих языках имеет место как десятиричная, так и двадцатиричная система исчисления. Десятиричная система исчисления более характерна для кабардинского языка. Однако в диалектах, где нередко наблюдается смешанная система исчисления, составные и сложные количественные числительные отличаются разнообразием своей словообразовательной структуры.

Первообразные количественные числительные в адыгских языках следующие:

Адыг. яз.

зы
тлу (шап. д. *тлклъуы*)
шьы
пшшы
тфы
хы
блы
йы
бгъуы
пшшы

Каб. яз.

зы «один»
тлу «два»
шьы «три»
пшшы «четыре»
тхуы «пять»
хы «шесть»
блы «семь»
йы «восемь»
бгъуы «девять»
пшшы «десять» (бесл. д. *пчлы*)

Отличия одного языка от другого (например, адыг. *шбы*, каб. *штбы* «три», адыг. *тфы*, каб. *тхуы* «пять») строго подчиняются определенным правилам звукосоответствий.

Адыгские первообразные количественные числительные обнаруживают наибольшее сходство с соответствующими числительными убыхского языка. Количественные числительные от 1 до 10 включительно в адыгейском, кабардинском и убыхском языках либо совпадают по форме, либо возводятся к общему источнику. Более того, большинство адыгских первообразных числительных восходит к общеабхазско-адыгскому лексическому фонду.

Адыг.-каб. *зы* «один» — общеабхазско-адыгское числительное: ср. убых. *за* «один», абаз. *за-*: *за-джуы* «один» (для класса человека), *за-кы* «один» (для класса вещей). В абхазском числительного «один» сохранился лишь гласный элемент: абх. *а-дзуы* «один» (для класса человека), *а-кы* «один» (для класса вещей). Следы числительного «один» в абхазском языке, остались в словах *зын* «один раз, однажды», *жуеиза* «одиннадцать» (букв.: «десять» + «один»), *зеги* «все» (ср. адыг.-каб. *зэч* «все»), а также в синтаксических единицах типа *сы-э-напкы* «одна из моих рук»¹⁴³.

Адыг.-каб. *ты* < *тл-ту* < шапс. д. *тккыуы* «два» — адыгско-убыхское числительное: ср. убых. *тккыуа* «два». Это адыгско-убыхское числительное, очевидно, стоит в генетической связи с абхазско-абазинским *гту(ы)*:- абх. *гтуы-джа-*, абаз. *гтуы-джа-* «два» (для класса человека), абх.-абаз. *гту-ба* «два» (для класса вещей).

Адыг. *шбы* > каб. *штбы* «три» — адыгско-убыхское числительное: ср. убых. *ша* «три». С фонетической стороны это адыгско-убыхское числительное сопоставимо с абхазско-абазинским *х-х-гтуы* «три» (для класса человека), *х-на* «три» (для класса вещей). Ср. для звукового перехода каб. *махуз*, абх. *а-мыш* «день», каб. *хуы*, абх. *а-шы* «просо».

Адыг.-каб. *пллы* «четыре» — адыгско-убыхское числительное. Ср. убых. *пллы* «четыре».

Числительное *пллы* восходит к *плзы*, последнее соответствует абх.-абаз. *пшь-*: *пшь-гтуы* «четыре» (для класса человека), *пшь-ба* «четыре» (для класса вещей).

Ср.: адыг.-каб. *плгэн*, убыхск. *плгэ-*, абх.-абаз. *а-пшра* «смотреть», адыг.-каб. *плзы-*, абх.-абаз. *кба-пшы* «красный».

Адыг. *тфы* < каб. *тхуы* «пять»; ср.: убых. *шыхы*, абх.-абаз. *ху-*: *ху-гтуы* «пять» (для класса человека), *ху-ба* «пять» (для класса вещей). Если учесть тенденцию к отпадению согласных

в начале основы в абхазском и абазинском языках (ср.: абх. *а-кы*, абаз. *за-кы* «один», абх. *а-хъуа* «серый», «зола», абаз. *а-хъуа* «зола», адыг. *шхъуз*, каб. *штхъуз* «серый», «стальной», абаз. *а-хъы*, адыг.-каб. *штхъэ* «голова» и пр.), то абхазско-абазинский корень *ху-* оказывается сопоставимым с адыг. *тфы*, каб. *тхуы* «пять».

Адыг.-каб. *хы* «шесть», ср. убых. *фы*; абх. *ф-гтуы*, абаз. *ц-гтуы* «шесть» (для класса человека), абх. *ф-ба*, абаз. *ц-ба* «шесть» (для класса вещей).

Адыг.-каб. *блы* «семь» — адыгско-убыхское числительное: ср. убых. *блы* «семь». Адыгско-убыхскому *блы* соответствует абх. *бжь-*, абаз. *быжь-*: абх. *бжь-гтуы*, абаз. *быжь-гтуы* «семь» (для класса человека), абх. *бжь-ба*, абаз. *быжь-ба* «семь» (для класса вещей). Ср. для звукового перехода абаз. *а-жыы*, адыг.-каб. *лы* «мясо».

Адыг.-каб. *йы* «восемь». В убыхском это числительное представлено в виде *гъуа*. Соответствие адыгского *йы* убыхскому *гъуа*, по мнению Г. Дюмезиля, является загадочным. Однако указанное соответствие с фонетической стороны представляется вполне возможным при наличии таких примеров, как адыг.-каб. *йы*, убых. *гъэ* «его, ее»; ср. каб. *йынапэ*, убых. *гъафала*, адыг. *йычлэрахъу*, каб. *йычлэрахъуз* < *йыкльэрахъуз*, убых. *гъакльарахъу* «его пистолет», каб. *Адыгей*, убых. *Адыгагъа* «Адыгея» и т. д.

С убых. *гъуа* «восемь» сближается по своей форме абаз. *аг1-*: *аг1-гтуы* «восемь» (для класса человека), *аг1-ба* «восемь» (для класса вещей). В абхазском языке в корне *аг1* гласный *г1* закономерно изменился в гласный *а*: ср. абх. *аа-гтуы* «восемь» (для класса человека), *аа-ба* «восемь» (для класса вещей). Изменение фарингальных согласных в гласный *а* не чуждо и адыгским языкам: ср. адыг. *стхыгъэр*, каб. *стхар* «то, что мною написано».

Как мы видим, общеадыгское числительное *йы* «восемь» с фонетической стороны сопоставимо с соответствующим числительным в других абхазско-адыгских языках.

Адыг.-каб. *бгъуы* «девять» — адыгско-убыхское числительное, ср. убых. *бгъы* «девять». Соответствующий корень в абхазском и абазинском языках представлен в виде *жу-*: *жу-гтуы* «девять» (для класса человека), *жу-ба* «девять» (для класса вещей).

Адыг.-каб. *плшы* «десять». Архантная форма этого числительного сохранилась в диалекте: ср. бесл. *плчлы* «десять».

Количественные числительные от 11 до 19 в адыгских языках образованы при помощи соединительного элемента *кы-* от числительного *плшы* «десять» и соответствующих единиц до девяти включительно:

¹⁴³ См.: Dumézil G. Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (Morphologie). Paris. 1932, стр. 124; К. В. Ломтатидзе. Категория единичности и образующие ее аффиксы в абхазском языке. ИЯМК т. X. Тбилиси, 1941.

Адыг. яз.

пшшыкшудызы
пшшыкшудытш
пшшыкшудышыбы
пшшыкшудыпшшлы
пшшыкшудытфы
пшшыкшудыхы
пшшыкшудыблы
пшшыкшудыыйы
пшшкшудыбггьы

Каб. яз.

пшшыкшудыз «одиннадцать»
пшшыкшудытш «двенадцать»
пшшыкшудышыш «тринадцать»
пшшыкшудыпшшлш «четырнадцать»
пшшыкшудытху «пятнадцать»
пшшыкшудых «шестнадцать»
пшшыкшудыбл «семнадцать»
пшшыкшудыый «восемнадцать»
пшшыкшудыбггьу «девятнадцать»

Как мы видим, образование сложных количественных числительных в кабардинском языке в отличие от адыгейского сопровождается фонетическими изменениями: абруптивный шипящий спирант *шш* в первом компоненте сложных числительных от 11 до 19 изменяется в шипяще-свистящий спирант *шш*, при слиянии числительного *пшшлы* «десять» с первообразными числительными конечный гласный последних редуцируется (ср. адыг. *пшшыкшудызы* > каб. *пшшыкшудыз* «одиннадцать», адыг. *пшшыкшудышыбы* > каб. *пшшыкшудыш* «тринадцать» и т. д.).

Аналогичным образом образуются числительные от 11 до 19 в уبخском, абхазском и абазинском языках. В этих языках, как и в адыгских, к числительному «десять» присоединяются единицы первого десятка, причем в абхазском и абазинском числительные с «одиннадцати» теряют характерный для них показатель класса вещей, а для класса человека удерживается классный показатель. Ср.: уبخ. «одиннадцать» *жуыза* «десять» + *за* «один», абх. *жуеиза* (для класса вещей) < *жуа* «десять» + *и* — соединительный элемент + *за* — исконная форма числительного «один», *жуейзагшуды* (для класса человека), «восемнадцать», уبخ. *жуыггьуа* < *жуы* «десять» + *ггьуа* «восемь», абх. *жуаа* (для класса вещей) < *жуа* «десять» + *аа* «восемь», *жуаа-гшуды* (для класса человека).

Адыг. *пшшлы*, каб. *пшшлш* «двадцать». Первый компонент восходит к *тш* «два», а второй — к *пшшлы* < *пшшлы* «десять». Ср. абх.-абаз. *гшужуа* «двадцать» (для класса вещей), букв.: «дважды десять»; уبخ. *тшкьуатшуды* «двадцать».

Соответствие общеадыгской формы числительного *пшшлы* «десять» второму компоненту адыг. *пшшлы*, каб. *пшшлш* «двадцать» с фонетической стороны не является закономерным. Но здесь мы имеем дело с исключением из правил звукосоответствий в общей для обоих языков форме числительного *пшшлы* «десять»; шипяще-свистящий спирант *шш* является вторичным, т. е. восходит к аффрикате *чш*, которая сохранилась в адыгейской форме сложного числительного *пшшлы* «двадцать». Отсюда в адыгейском вместо ожидаемой формы *пшшлы* представлено, как и в кабардинском, *пшшлы* «десять».

При образовании количественных числительных от 21 до 29

в адыгских языках к числительному *пшшлы* || *пшшлш* «двадцать» прибавляются соответствующие единицы до девяти включительно. При этом оба компонента сложного числительного оформляются соединительной частицей *-рэ*:

Адыг. яз.

пшшлы
пшшлырэ зырэ
пшшлырэ тшурэ
пшшлырэ шыырэ
пшшлырэ пшшлырэ
пшшлырэ тфырэ
пшшлырэ хырэ
пшшлырэ блырэ
пшшлырэ йырэ
пшшлырэ бггьырэ

Каб. яз.

пшшлш «двадцать»
пшшлшрэ зырэ «двадцать один»
пшшлшрэ тшурэ «двадцать два»
пшшлшрэ шыырэ «двадцать три»
пшшлшрэ пшшлырэ «двадцать четыре»
пшшлшрэ тхуырэ «двадцать пять»
пшшлшрэ хырэ «двадцать шесть»
пшшлшрэ блырэ «двадцать семь»
пшшлшрэ йырэ «двадцать восемь»
пшшлшрэ бггьырэ «двадцать девять»

Таким же образом образуются числительные от 21 до 29 в уبخском языке. Ср.: уبخ. *тшкьуатшудала зала* «двадцать один», букв.: *тшкьуатшуды* «двадцать» + *ала* — соединительная частица + *за* «один» + *ала* — соединительная частица; *тшкьуатшудала* «двадцать два», букв.: *тшкьуатшуды* «двадцать» + *ала* — соединительная частица + *тшкьуа* «два» + *ала* — соединительная частица.

Адыгская соединительная частица *-рэ*, которой оформляются компоненты составных количественных числительных, не только функционально соответствует уبخской *-ала*, но и, по-видимому, связана с последним и генетически. Ср.: уبخ. *сыггьуа-ла*, *уггьуа-ла*, адыг.-каб. *сэ-рэ*, *уэ-рэ* «я и ты». Для звукового перехода ср. груз. *асули*, чанск. *осури* «дочь».

Опорой для образования наименований десятков от 30 до 90 служит либо «десять», либо «двадцать». Однако в адыгских языках и диалектах, как отмечалось выше, нет последовательной системы исчисления. Разнообразием форм образования наименований десятков особенно отличается кабардинский язык. Не только в диалектах и говорах кабардинского языка, но и в кабардинском литературном языке наряду с десятичной системой встречается и двадцатиричная система.

Адыг. *шшэчлы* > каб. *шшэшл* «тридцать» (трижды десять). В кабардинском языке широко употребительна также форма *пшшлшрэ пшшлырэ* «тридцать» (двадцать и десять). Этот тип образования числительного «тридцать» является общеабхазско-адыгским, ср. уبخ. *тшкьуатшудала жуала*, абх. *гшужуеижуа-ба*, абаз. *гшужуижуа-ба* «тридцать» (двадцать и десять). Ср. также абаз. *хжуаба* «тридцать» (по десятичной системе).

В кубанском диалекте представлены три формы числительного «тридцать»: *пшшлшрэ пшшлырэ* «двадцать и десять», *пшшлшш* — букв.: «десять три», *шшэшл* «трижды десять».

В грамматике Ш. Б. Ногмова дается лишь одна форма —

tlošlrə nšlbyrə, букв.: «двадцать и десять». Свыше тридцать счет ведется по-разному: адыг. *шъэчырэ зырэ* (тридцать один), каб. яз. *шъэшлрэ зырэ* (тридцать и один), *tlošlrə nšbyklyuzrə* (двадцать и одиннадцать), куб. д. (наряду с формой *tlošlrə nšbyklyuzrə*) *nšlšyšgərə zyrə* (трижды десять один) «тридцать один» и т. д.

Адыг. *tločlutly* (дважды двадцать), каб. *nllyšl* (четырежды десять) «сорок». Ср.: куб. д. *tlošlutl* (дважды двадцать) *nšlunlšl* (четыре десятка), бел. д. *tločlutl* (дважды двадцать) «сорок».

Числительные «сорок» в убыхском, абхазском и абазинском языках образуется, как и в адыгейском, по принципу двадцатиричной системы: ср. убых. *ткъуамчла — ткъуатлуы*, абх.-абаз. *гьынгъуажуа* «сорок» (дважды двадцать). Ср. также: абаз. *ншьжуаба* «сорок» (по десятиричной системе). Свыше сорока адыг. *tločlutlyrə zyrə* (дважды двадцать и один), каб. *nllyšlrə zyrə* (четырежды десять и один), куб. д. *tločlutlrə zyrə* (дважды двадцать и один), *nšlunlšlrə zyrə* (четырежды десять и один), бел. д. *tločlutlrə zyrə* (дважды двадцать и один) «сорок один» и т. д.

Адыг.-каб. *шъэныкъуэ* «пятьдесят», букв.: «полсотня», ср. убых. *шуазаджа*, «пятьдесят», букв.: «сто—один—половина». В кабардинском языке встречается и форма *тхуышл* «пятьдесят».

В кубанском диалекте наряду с *шъэныкъуэ* представлены формы *nšlšutxu* «пять раз десять», *tlošlutlrə nšlbyrə* «сорок и десять».

Тип образования числительного «пятьдесят» по двадцатиричной системе оказывается общим для всех абхазско-адыгских языков; ср.: убых. *ткъуамчла — ткъуатлуала жуала*, абаз. *гьынгъуажуи жуаба*, абх. *гьынгъуажуей жуаба* «пятьдесят» (дважды двадцать и десять); ср. также: абаз. *хужуаба* «пятьдесят» (по десятиричной системе). Ср. у Ш. Б. Ногмова: *nllyšlrə nšlbyrə* «пятьдесят» (четырежды десять и десять). Свыше пятидесяти: адыг.-каб. *шъэныкъуэрэ зырэ* (полсотня и один), каб. *тхуышлрэ зырэ* (пять раз десять и один), куб. д. (наряду с формой *шъэныкъуэрэ зырэ*) *tlošlutlrə nšbyklyuzrə* (дважды двадцать и один) «пятьдесят один» и т. д.

Адыг. *tločlišь* (трижды двадцать), каб. *хышл* (шесть раз десять) «шестьдесят». Ср.: куб. д. *шъэныкъуэрэ nšlbyrə* (полсотни и десять), *tlošlišь* (трижды двадцать), *nšlšux* (шесть раз десять) бел. д. *tločlišь* (трижды двадцать), у Ш. Б. Ногмова: *хышл*, *nšlšux* (шесть раз десять) «шестьдесят». Тип образования числительного «шестьдесят» по двадцатиричной системе является общим для абхазско-адыгских языков; ср. убых. *шамчла-ткъуатлуы*, абх.-абаз. *хынгъуажуа* «шестьдесят» (трижды двадцать); ср. также абаз. *цжуаба* «шестьдесят» (по десятиричной системе). Свыше шестидесяти: адыг. *tločlišьрэ зырэ*

(трижды двадцать и один), каб. *хышлрэ зырэ* (шесть раз десять и один), куб. д. *шъэныкъуэрэ nšbyklyuzrə* (полсотня и одиннадцать), *tlošlišьгərə zyrə* (шесть раз десять и один), бел. д. *tločlišьрэ зырэ* (трижды двадцать и один) «шестьдесят один» и т. д.

Адыг. *tločlišьрэ nšlbyrə* (трижды двадцать и десять), каб. *блышл* (семь раз десять), *хышлрэ nšlbyrə* (шесть раз десять и десять) «семьдесят».

Куб. д. *tlošlišьгərə nšlbyrə* (трижды двадцать и десять), бел. д. *tločlišьрэ nšlbyrə* (трижды двадцать и десять), у Ш. Б. Ногмова: *хышлрэ nšlbyrə* (шесть раз десять и десять), *nšlšubl* (семь раз десять) «семьдесят».

В убыхском, абхазском и абазинском языках форма числительного «семьдесят» образуется по двадцатиричной системе; ср.: убых. *шамчла — ткъуатлу-ала жуа-ла*, абх. *хынгъуажуей жуаба*, абаз. *хынгъуажуи жуаба* «семьдесят» (трижды двадцать и десять); ср. также абаз. *бжьжуаба* «семьдесят» (по десятиричной системе). Свыше семидесяти: адыг. *tločlišьрэ nšbyklyuzrə* (трижды двадцать и одиннадцать), каб. *хышлрэ nšbyklyuzrə* (шесть раз десять и одиннадцать); *блышлрэ зырэ* (семь раз десять и один), куб. д. *tlošlišьгərə nšbyklyuzrə* (трижды двадцать и одиннадцать), *nšlšublрэ зырэ* (семь раз десять и один), бел. д. *tločlišьрэ nšbyklyuzrə* (трижды двадцать и одиннадцать) «семьдесят один» и т. д.

Адыг. *tločlunlšl* (четырежды двадцать), каб. *nšlšey*, *йышл* (восемь раз десять) «восемьдесят».

По двадцатиричной системе образуется числительное «восемьдесят», в кубанском и беленеевском диалектах: ср. куб. д. (наряду с формой *nšlšuy* «восемь раз десять») *tlošlunlšl*, бел. д. *tločlunlšl* (четырежды двадцать) «восемьдесят». Тип образования числительного «восемьдесят» по двадцатиричной системе представлен в убыхском, абхазском и абазинском языках; ср.: убых. *nllyšmčlatkъуатлуы*, абх. *ншьынгъуажуа*, абаз. *ншьынгъуажуа* (наряду с формой *агъваба* «восемь раз десять») «восемьдесят» (четырежды двадцать). Свыше восьмидесяти: адыг. *tločlunlšlrə zyrə* (четырежды двадцать и один), каб. *nšlšeyрэ зырэ*, *йышлрэ зырэ* (восемь раз десять и один), куб. д. *nšlšuyрэ зырэ* (восемь раз десять и один), *tlošlunlšlrə zyrə* (четырежды двадцать и один) «восемьдесят один» и т. д.

Адыг. *tločlunlšlrə nšlbyrə* (четырежды двадцать и десять), каб. *бгъуышл* (девять раз десять), *nšlšeyрэ nšlbyrə* (восемь раз десять и десять) «девяносто».

Куб. д. *nšlšuyрэ nšlbyrə* (восемь раз десять и десять), *nšlšibgъу* (девять раз десять), *tlošlunlšlrə nšlbyrə* (четырежды двадцать и десять), бел. д. *tločlunlšlrə nšlbyrə* «девяносто». Ср.: убых. *nllyšmčla — ткъуатлуала жуа-ла*, абх. *ншьынгъуа*

жуей жуаба, абаз. *пшынгуажуи жуаба* «девяносто» (четырежды двадцать и десять); ср. также абаз. *жжуаба* «девяносто» (десятеричной системе).

Свыше девяноста: адыг. *тлочунлрэ пшлыкыузрэ* (четырежды двадцать и одиннадцать), каб. *бгъуышлрэ зырэ* (девять раз десять и один), *пшлейрэ пштыкыузрэ* (восемь раз десять и одиннадцать), куб. д. *пшлийрэ пшлыкыузрэ* (восемь раз десять и одиннадцать), *тлошунлрэ пшлыкыузрэ* (четырежды двадцать и одиннадцать), *пшубгъурэ зырэ* (девять раз десять и один), бел. д. *тлочунлрэ пчлыкыузрэ* (четырежды двадцать и одиннадцать) «девяносто один» и т. п.

Числительное «сто» в адыгских языках обозначается общим адыгским словом *шгэ*. В диалектах кабардинского языка встречается форма этого числительного, образованная по типу двадцатиричной системы: например, куб. д. *тлошлутху* «сто» (пять раз двадцать).

Адыг.-каб. *шгэ* «сто» восходит к абхазско-адыгскому лексическому фонду: ср. убых. *шуа*, абх.-абаз. *шу-кгы* (для класса вещей), *шу-ггы* (для класса человека) «сто».

Названия десятков от 30 до 100 в адыгских языках:

Адыг. яз.	Каб. яз.
30 — <i>шбэчгы</i>	<i>шгэшл, тлошлрэ пшлырэ</i> , (куб. д.) <i>пшлшшгъ</i> ,
40 — <i>тлочлутгу</i>	<i>пшлгышл</i> , (бел. д.) <i>тлочлутл</i> , (куб. д.) <i>тлошлутл, пшлунлл</i>
50 — <i>шгэныкгуэ</i>	<i>шгэныкгуэ, тхуышл</i> , (куб. д.) <i>тлошлутрэ пшлырэ, пшлутху</i>
60 — <i>тлочлшшь</i>	<i>хышь</i> , (бел. д.) <i>тлочлшшь</i> , (куб. д.) <i>шгэныкгуэрэ пшлырэ, тлошлшшь, пшлшх</i>
70 — <i>тлочлшшьрэ пшлырэ</i>	<i>блышл, хышлрэ пшлырэ</i> , (бел. д.) <i>тлочлшшьрэ пчлырэ</i> , (куб. д.) <i>тлошлшшьрэ пшлырэ; пшлшбл.</i>
80 — <i>тлочлунлл.</i>	<i>пшлей, йышл</i> , (бел. д.) <i>тлочлунлл</i> , (куб. д.) <i>пшлий, тлошлунлл,</i>
90 — <i>тлочлунллрэ пшлырэ</i>	<i>бгъуышл, пшлейрэ пшлырэ</i> , (бел. д.) <i>тлочлунллрэ пчлырэ</i> , (куб. д.) <i>пшлурэ пшлырэ, тлошлунллрэ пшлырэ, пшлшбгъу,</i>
100 — <i>шгэ</i>	<i>шгэ</i> , (куб. д.) <i>тлошлутху</i>

Итак, в адыгских языках имеет место как десятеричная, так и двадцатиричная система исчисления. Двадцатиричная система, хотя и непоследовательно, представлена в адыгейском языке и в двух кабардинских диалектах — беленеевском и кубан-

ском. В последнем наряду с двадцатиричной бытует и десятеричная система количественных числительных. Следует, однако, отметить, что в кубанском диалекте десятеричной системой сче-та преимущественно пользуются представители старшего поколения, что свидетельствует о вторичности двадцатиричной системы в этом диалекте. В двух кабардинских диалектах — кубанском и беленеевском — развитие системы исчисления количественных числительных идет по разным направлениям: в кубанском диалекте под влиянием адыгейского языка наблюдается тенденция к вытеснению десятеричной системы двадцатиричной системой, а в беленеевском, наоборот, под влиянием кабардинского литературного языка двадцатиричная система вытесняется десятеричной системой.

В других кабардинских диалектах и говорах, в том числе в диалекте, легшем в основу кабардинского литературного языка, система исчисления в основном десятеричная.

По типу образования количественных числительных с адыгейским языком и беленеевским диалектом наибольшее сходство обнаруживают убыхский и абхазский языки, в которых используется двадцатиричная система исчисления. С кабардинскими диалектами (за исключением беленеевского) сближается абазинский язык, где наряду с двадцатиричной системой исчисления употребляется и десятеричная система исчисления.

Как мы видим из сказанного, двадцатиричная система исчисления представлена во всех языках абхазско-адыгской группы (исключение составляют лишь некоторые диалекты кабардинского языка). Поэтому тип образования числительных по двадцатиричной системе для этих языков оказывается общим. Отсюда, естественно, делать вывод, что двадцатиричная система исчисления была характерна для общеабхазско-адыгского языка-основы. Но вытекает ли отсюда, что двадцатиричная система исчисления является исходной и более древней по сравнению с десятеричной системой исчисления. Нам представляется, что в языке-основе наряду с двадцатиричной системой исчисления могла иметь место и более простая и, возможно, древняя десятеричная система исчисления, которая ныне сохранилась в кабардинском и абазинском языках.

Десятеричное исчисление в кабардинских диалектах представлено двумя формами, например: куб. д. *пшлунлл*, *пшлгышл* «сорок». В первом случае (*пшлунлл*) берется корень числительного *пшлы* «десять» и к нему прибавляются соответствующие единицы. Во втором случае (*пшлгышл*) принцип образования числительного противоположен первому: к единицам (2, 3, 4, 5...) прибавляется элемент *шл* — усеченная форма корня числительного *пшлы* «десять». Не только с фонетической стороны, но и с точки зрения синтаксической связи компонентов более архаичны формы типа *пшлгышл* — 40, *тхуышл* — 50, *хышл* — 60. По типу образования последних образованы соответ-

ствующие корни числительных в абазинском языке: ср. абаз. *пшьжуа-ба* — 50, *хужуа-ба* — 50, *цжуа-ба* — 60, *бжьжуа-ба* — 70 и т. д.

От 100 до 199 числительные образуются путем сочетания *штэ* «сто» с соответствующими количественными числительными от 1 до 99, причем компоненты составного числительного оформляются соединительной частицей *-рэ*: адыг.-каб. *штэрэ зырэ* «сто один», адыг. *штэрэ пльыклуытфырэ*, каб. лит. яз. бакс. д. *штэрэ пшьыклуытхуырэ* «сто пятнадцать», адыг., беспл. д. *штэрэ тлоцлутрэ*, каб. лит. яз., бакс. д. *штэрэ пльышлрэ* куб. д. *штэрэ тлошлутрэ* «сто сорок», каб. лит. яз., бакс. д. *штэрэ пльышлрэ штырэ*, куб. д. *штэрэ тлошлутрэ штырэ* «сто сорок три», адыг.-каб. *штэрэ шэныктуэрэ хырэ*, каб. лит. яз. бакс. д. *штэрэ тхуышлрэ хырэ*, куб. *штэрэ тлошлутрэ пшьыклуыхрэ*, *штэрэ пльытхуырэ хырэ* «сто пятьдесят шесть», адыг. *штэрэ тлоцлуплрэ пльырэ*, беспл. д. *штэрэ тлоцлуплрэ пльырэ*, каб. лит. яз., бакс. д. *штэрэ пшьейрэ пльырэ*, куб. д. *штэрэ тлошлуплрэ пльырэ*, *штэрэ пльийрэ пльырэ* «сто девяносто», адыг. *штэрэ тлоцлуплрэ пшьыклубгэурэ*, беспл. *штэрэ тлоцлуплрэ пльыклубгэурэ*, каб. лит. яз., бакс. д. *штэрэ бгэуышлрэ бгэуырэ*, *штэрэ пшьейрэ пшьыклубгэурэ*, куб. *штэрэ тлошлуплрэ пшьыклубгэурэ*, *штэрэ пльийрэ пшьыклубгэурэ*, *штэрэ пльыбгэурэ бгэуырэ* «сто девяносто девять».

Числительное «двести» образуется из сочетания *штэ* «сто» и *тлу*||*тлыу* «два» с помощью соединительной частицы *и*: адыг. *шты+и+тлу* > *штитлу*, каб. *штэ+и+тлыу* > *штитл* «двести». По типу образования *штитлу*||*штитл* «двести» образуются названия других сотен в адыгских языках, например: адыг. *штыш* (<*штэ+и+шы*>), каб. *штыш* (<*штэ+и+шы*>) «триста», *штупллы*||*штуплл* (<*штэ+и+пллы*>) «четыреста», адыг. *штитфы* (<*штэ+и+тфы*>), каб. *штитху* (<*штэ+и+тху*>) «пятсот», *штыхы*||*штых* (<*штэ+и+хы*>) «шестьсот», *штыблы*||*штыбл* (<*штэ+и+блы*>) «семьсот», *штыйы*||*штый* (<*штэ+и+йы*>) «восемьсот», *штыбгэуы*||*штыбгэу* (<*штэ+и+бгэуы*>) «девятьсот». Как мы видим, при образовании этих числительных в адыгейском и кабардинском языках в первом слове гласный *э* перед соединительной частицей *и*, а в кабардинском и конечные гласные в простых числительных редуцируются.

В абхазском и абазинском языках названия сотен образуются без соединительной частицы, причем в этих языках, как и в убыхском, числительное «сто» выступает в качестве второго компонента; ср.: убых. *ткэуа-шуа*, абх.-абаз. *глыу-шу* (для класса вещей), абх. *глыушуглыу*, абаз. *глыушуглыу* (для класса человека) «двести», букв.: «два — сто», убых. *шашуа* (*ша+шуа* = три+сто) «триста», абх.-абаз. *хышу* (для класса вещей), абх. *хышуглыу*, абаз. *хышуглыу* (для класса человека) «триста», букв.: «три сто». Образование сотен по типу убых. *ткэуашуа*,

абх.-абаз. *глыушу* «двести» является более древним по сравнению с образованием соответствующих сотен на базе словосочетаний обратной синтаксической связи, что характерно для адыгских языков. По убыхско-абхазскому типу в адыгских языках образуется *зыштэ* «одна сотня», букв.: «одно — сто».

Числительное *мин* «тысяча» в адыгских языках, как и в убыхском и ряде других горских кавказских языках, заимствовано из тюркских языков. Ср.: адыг.-каб., убых. *мин*, балк., ногайск., азерб. *мин* «тысяча».

К разновидностям количественных числительных относятся приблизительные числительные, выражающие приблизительное, не вполне точное количество предметов. Приблизительные числительные образуются посредством сложения трех количественных числительных, причем в качестве первого компонента всегда выступает адыг.-каб. *зы* «один». Ср.: адыг. *зы-тлу-шь*, каб. *зы-тлу-шь* «около двух-трех», букв.: «один—два—три», адыг. *зы-шы-плл*, каб. *зы-шы-плл* «около трех-четырёх», букв.: «один—три—четыре», адыг. *зы-тфы-х*, каб. *зы-тхуы-х* «около пяти-шести», букв.: «один—пять—шесть», адыг.-каб. *зы-хы-бл* «около шести-семи», букв.: «один—шесть—семь», адыг.-каб. *зы-бгэуы-плл* «около девяти-десяти»; букв.: «один—девять—десять».

Указанные числительные очень употребительны в адыгских языках. Но данная словообразовательная модель не охватывает всех количественных числительных до десяти. Так, например, в адыгских языках не встречаются приблизительные числительные этого типа со значением «около четырех-пяти», «около восьми-девяти» (ср. искусственные образования: адыг. *зыпллытф*, каб. *зыпллытху* «около четырех-пяти», адыг.-каб. *зыыбгэу* «около восьми-девяти»).

Для адыгейского языка характерны также приблизительные числительные типы *зытлу-зышь* «два-три», букв.: «один-два+один-три», *зышь-зыплл* «три-четыре», букв.: «один-три+один-четыре», *зытф-зых* «пять-шесть», букв.: «один-пять+один-шесть», *зых-зыбл* «шесть-семь», букв.: «один-шесть+один-семь», *зыбл-зый* «семь-восемь», букв.: «один-семь+один-восемь», *зый-зыбгэу* «восемь-девять», букв.: «один-восемь+один-девять», *зыбгэу-зыплл* «девять-десять», букв.: «один-девять+один-десять».

§ 200. **Кратные числительные.** В адыгских языках кратные числительные образуются от количественных числительных двумя способами: фонетическим и фонетико-морфологическим.

Фонетический способ образования кратных числительных заключается в том, что конечный гласный в количественных числительных (за исключением адыг.-каб. *тлу* «два») изменяется в краткий гласный *э*: ср.: адыг.-каб. *зы* «один» > *зэ* «один раз», адыг. *шы* «три» > *шэ* «три раза», каб. *шы* «три» > *шэ* «три раза», адыг.-каб. *пллы* «четыре» > *пллэ* «четыре раза», адыг.

тфы «пять» > тфэ «пять раз», каб. тхуы «пять» > тхуэ «пять раз», адыг.-каб. хы «шесть» > хэ «шесть раз», адыг.-каб. блы «семь» > блэ «семь раз», адыг.-каб. йы «восемь» > йэ «восемь раз», адыг.-каб. бгъуы «девять» > бгъуэ «девять раз», адыг.-каб. нлшл (бесл. д. нлчл) «десять» > нлшлэ (бесл. д. нлчлэ) «десять раз», адыг. нлшыклуызы «одиннадцать» > нлшыклуызыэ «одиннадцать раз», адыг. нлшыклуышы «тринадцать» > нлшыклуышыэ «тринадцать раз».

От адыг.-каб. тлу «два» кратная форма будет тло «два раза дважды».

Фонетическим способом кратные числительные в кабардинском языке образуются только от простых количественных числительных (от 1 до 10 включительно), а в адыгейском языке — от простых и составных количественных числительных.

При образовании кратных числительных от количественных числительных фонетико-морфологическим способом чередование гласной основы сочетается с суффиксацией: ср.: адыг. тлоунай, каб. тлоней «два раза, дважды», адыг. шъэунай, каб. шъэней «три раза, трижды», адыг. нллэунай, каб. нллэней «четыре раза, четырежды», адыг. тфэунай, каб. тхуэней «пять раз», адыг. хэунай, каб. хэней «шесть раз», адыг. блэунай, каб. блэней «семь раз», адыг. йэунай, каб. йэней «восемь раз», адыг. бгъуэунай, каб. бгъуэней «девять раз», адыг. нлшлэунай, каб. нлшлэней «десять раз», адыг. нлшыклуызыэунай «одиннадцать раз», адыг. нлшыклуышыэунай «тринадцать раз», нлшыклуыбгъуэунай «девятнадцать раз».

В адыгейском языке фонетико-морфологическим способом кратные числительные образуются как от простых, так и составных количественных числительных, а в кабардинском языке — лишь от простых количественных числительных (от 1 до 10 включительно).

Суффикс -унай||ней в кратных числительных по своей структуре сложный: первая часть -н<-нэ (элемент у в адыг. -унай — наращение) представляет собой общеабхазско-адыгский суффикс кратности: ср.: абх.-абаз. зны, знык «однажды», абаз. глан «дважды», хын «трижды», бжыын «семь раз»; вторая часть этого сложного суффикса по происхождению — притяжательный суффикс (ср.: адыг. къэбэргай, каб. къэбэрдей «кабардинец»).

В качестве морфологического эквивалента притяжательного суффикса ай||ей в кратных числительных абхазского языка выступает элемент -тлу, являющийся также аффиксом притяжательности¹⁴⁴, ср.: абх. глунтлу «дважды», хынтлу «трижды», пшыбынтлу «четырежды». Мнение К. В. Ломтатидзе о том, что в абхазско-абазинских диалектах в кратных числительных нтлу является суффиксом более позднего образования по сравнению с

его вариантом н(ны), поддерживается разложимостью соответствующего суффикса -унай||ней в адыгских языках.

Таким образом, суффикс -н (<-нэ), который используется в адыгских языках для образования кратных числительных, является общим для абхазско-адыгских языков словообразовательным элементом. Осложнение рассматриваемого суффикса элементом притяжательности в адыгских языках (как и в абхазском языке) — явление вторичное.

Наличие в адыгских языках двух форм кратных числительных с одинаковой огласовкой корневого элемента (ср.: адыг.-каб. хы «шесть», адыг.-каб. хэ «шесть раз», адыг. хэ-унай, каб. хэ-ней «шесть раз») объясняется, по-видимому, тем, что в этих языках фонетико-морфологический тип образования кратных числительных (адыг. хэ-унай, каб. хэ-ней «шесть раз») исторически предшествует собственно фонетическому типу словообразования (адыг.-каб. хэ «шесть раз»). Иначе говоря, можно предположить, что в адыгских языках кратные числительные типа адыг.-каб. тло «два раза», адыг. шъэ, каб. шъэ «три раза», адыг.-каб. нллэ «четыре раза» представляют собой усеченные (краткие) формы кратных числительных типа адыг. тло-унай, каб. тло-ней «два раза», адыг. шъэ-унай, каб. шъэ-ней «три раза», адыг. нллэ-унай, каб. нллэ-ней «четыре раза».

В кабардинском языке составные кратные числительные образуются лишь с помощью суффикса -рэ. В адыгейском языке суффиксальное образование составных числительных представлено наряду с указанными двумя способами словообразования (фонетическим и фонетико-морфологическим). Ср.: адыг. нлшыклуызырэ, каб. пшыклуызырэ «одиннадцать раз», адыг. нлшыклуытыуырэ, каб. пшыклуытырэ «двенадцать раз», нлшыклуышырэ, каб. пшыклуышэрэ «тринадцать раз», нлшыклуынллырэ, каб. пшыклуынллырэ «четырнадцать раз», адыг. нлшыклуытыфырэ, каб. нлшыклуытыхурэ «пятнадцать раз», адыг. нлшыклуыхырэ, каб. нлшыклуыхрэ «шестнадцать раз», адыг. нлшыклуыблырэ, каб. пшыклуыблрэ «семнадцать раз», адыг. нлшыклуыыйрэ, каб. пшыклуыыйрэ «восемнадцать раз», адыг. нлшыклуыбгъуырэ, каб. пшыклуыбгъуэрэ «девятнадцать раз».

По этому типу кратные числительные образуются также от названий десятков, ср.: адыг. шъэчлырэ, каб. шъэшлрэ «тридцать раз», адыг. тлочлтырэ, каб. нллышлрэ «сорок раз», адыг.-каб. шъэныктыуэрэ «пятьдесят раз», адыг. тлочлышэрэ, каб. хышлрэ «шестьдесят раз», адыг. тлочлунллырэ, каб. нлшлейрэ «восемьдесят раз», адыг.-каб. шъэрэ «сто раз». Если же в названиях десятков в качестве последнего компонента выступает адыг.-каб. нлшы «десять», то при образовании кратных числительных в этом слове происходит чередование ы-э, ср.: каб. тлошлрэ нлшлэ «тридцать раз», куб. д. тлошлтырэ нлшлэ «пятьдесят раз», адыг. тлочлышэрэ нлшлэ, бесл. д. тлочлышэрэ нлчлэ «семьдесят раз», куб. д. тлошлунллырэ нлшлэ, бесл. д. тло-

¹⁴⁴ См.: К. В. Ломтатидзе. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944.

члунлрэ нлчэрэ, адыг. *тлочлунлрэ нлшэрэ* «девятью раз».

Сложные кратные числительные по своей форме отличаются от соотносительных количественных числительных лишь огласовкой корня последнего слова: ср.: адыг. *тлочырэ зырэ*, каб. *тлошрэ зырэ* «двадцать один», адыг. *тлочырэ зэрэ*, каб. *тлошрэ зэрэ* «двадцать один раз», адыг. *тлочлрэ шьырэ*, каб. *тлошлрэ шьырэ* «двадцать три», адыг. *тлочлрэ шьэрэ*, каб. *тлошлрэ шьэрэ* «двадцать три раза», адыг. *тлочлутлрэ нллырэ*, каб. *нллышлрэ нллырэ* «сорок четыре», адыг. *тлочлутлрэ нллэрэ*, каб. *нллышлрэ нллэрэ* «сорок четыре раза», адыг. *тлочлунлрэ хырэ*, каб. *нлшлейрэ хырэ* «восемьдесят шесть», адыг. *тлочлунлрэ хэрэ*, каб. *нлшлейрэ хэрэ* «восемьдесят шесть раз». Подобная перегласовка корня имеет место лишь тогда, когда последним компонентом сложного числительного является простое числительное (от 1 до 10). В тех случаях, когда в качестве последнего компонента выступают составные числительные (от 11 до 19), кратные числительные по своей форме совпадают с количественными числительными: ср.: каб. *цыху тлошлрэ ншгыклуытхурэ* «тридцать пять человек», *тлошлрэ ншгыклуытхурэ сыклуашэ* «я ходил тридцать пять раз».

В адыгских языках кратные числительные образуются также от приблизительных количественных числительных с помощью суффикса *-рэ*. Ср.: адыг. *зы-тлу-шь-рэ*, каб. *зы-тлу-шь-рэ* «около двух-трех раз», адыг. *зы-шьы-нл-рэ*, каб. *зы-шьы-нл-рэ* «около трех-четырёх раз», адыг. *зы-тфы-х-рэ*, каб. *зы-тхуы-х-рэ* «около пяти-шести раз», адыг.-каб. *зы-хы-бл-рэ* «около шести-семи раз», адыг.-каб. *зы-бгъуы-нлш-рэ* «около девяти-десяти раз». Как видно из примеров, в последнем компоненте кратного числительного гласный *ы* редуцируется.

В адыгейском языке кратные числительные образуются от приблизительных количественных числительных и фонетическим способом. Ср.: адыг. *зышьэ-зынлэ* «три-четыре раза» (*зышь-зынл* «три-четыре»), *зытфэ-зыхэ* «пять-шесть раз» (*зытф-зых* «пять-шесть»), *зыхэ-зыблэ* «шесть-семь раз» (*зых-зыбл* «шесть-семь»), *зыблэ-зые* «семь-восемь раз» (*зыбл-зые* «семь-восемь»), *зые-зыбгъуэ* «восемь-девять раз» (*зые-зыбгъу* «восемь-девять»), *зыбгъуэ-зынлшэ* «девять-десять раз» (*зыбгъу-зынлш* «девять-десять»).

§ 201. **Порядковые числительные.** Во всей группе абхазско-адыгских языков для образования порядковых числительных используется притяжательный префикс: адыг. *я-(йа-)*, каб. *е-(йэ-)*, абх. *а-*, абаз. *й-(ы-)*, убых. *агъа*.

В адыгских языках (как и в абхазском и убыхском) при образовании порядковых числительных префиксация сочетается с суффиксацией. Порядковые числительные образуются от соотносительных количественных числительных в адыгейском языке с помощью префикса *я-(йа-)* и суффикса *-анэрэ*, а в кабардин-

ском — с помощью префикса *е-(йэ-)* и суффиксов *-анэ*, *-анэрей*: адыг. *ятлонэрэ*, каб. *етлуанэ*, *етланэ*, *етлуанэрей* «второй», адыг. *яшьанэрэ*, каб. *ешъанэ*, *ешъанэрей* «третий», адыг. *ялшланэрэ*, каб. *еплшланэ*, *еплшланэрей* «десятый», адыг. *ялшлыклуытфанэрэ*, каб. *епшгыклуытхуанэ*, *епшгыклуытхуанэрей* «пятнадцатый», адыг. *ятлочанэрэ*, каб. *етлошланэ*, *етлошланэрей* «двадцатый». Ср.: абх. *а-глуба-тлу* (для класса вещей), убых. *агъа-ткъуа-х* «второй», абх. *а-хпатлу* (для класса вещей), убых. *агъа-ша-х* «третий» и т. д.

В сложных порядковых числительных морфологическую форму порядковых числительных принимает лишь последний компонент, причем суффиксальный элемент в адыгских языках представлен единообразно как по своему составу, так и по своему звуковому оформлению.

От сложных количественных числительных порядковые числительные в адыгских языках образуются по типу адыг. *тлочырэ язанэрэ*, каб. *тлошлрэ езанэрэ* «двадцать первый», адыг. *тлочлутлрэ ятфанэрэ*, каб. *нллышлрэ етхуанэрэ* «сорок пятый» и т. д.

Префикс *я-(йа-)*||*е-(йэ-)* возводится к местоименному аффиксу третьего лица. Суффикс *-анэрэ*, *-анэрей* — составной: элемент *(а)нэ* — тот же самый общеабхазско-адыгский словообразовательный суффикс, который встречается в кратных числительных; *-рэ* — причастный суффикс, генетически связанный с формантом именительного падежа и категории определенности; каб. *-анэрей* представляет собой не что иное, как осложнение составного (адыгейского) суффикса *-анэрэ* притяжательным аффиксом *й-(йэ-)*. Как мы видим, притяжательный аффикс *йэ-* (восходящий к общеабхазско-адыгскому местоименному аффиксу 3 лица) в кабардинском языке используется в порядковых числительных не только как префикс, но и входит в состав сложного суффикса *-анэрей*.

В адыгских языках, как и в ряде других родственных языках, в значении порядкового числительного «первый» употребляются прилагательные *а-нэ-рэ* (адыг. лит. яз.), *иы-нэ-рэ* (шапс. д.), *я-нэ*, *я-нэ-рей* < *я-нэ-рэ* + *йэ* (каб. яз.), образованные от общеадыгской именной основы *нэ* «нос, передняя часть». Ср.: абх. *анх'атлу*, абаз. *йанх'ахахауа* «первый» (для класса вещей), от абх. *анх'а*, абаз. *анх'а* «перед».

Итак, в адыгских языках порядковые числительные образуются комбинированным (префиксально-суффиксальным) способом. Образование порядковых числительных комбинированным способом относится к более поздней эпохе. Исторически, т. е. в абхазско-адыгском языке-основе, для образования порядковых числительных применялся лишь префиксальный способ, в частности притяжательный префикс 3 лица. Это доказываются данными как адыгских, так и родственных языков, ср. каб. *я-нэ*, *я-нэ-рей* «первый», ср. также в абхазском языке на-

ряду с префиксально-суффиксальным типом и более архаичны префиксальный тип образования порядковых числительных: абх. *а-глыджьа* (для класса человека), *а-глуба-тлу* (для класса вещей) «второй», *а-хглык* (для класса человека), *а-хпа-тлу* (для класса вещей) «третий».

§ 202. **Разделительные числительные.** Редупликация количественных числительных — единый способ образования разделительных числительных в абхазско-адыгских языках. Ср.: адыг. *тлу-ры-тлу*, каб. *тлу-ры-тл*, убых. *тлкгуаба — тлкгуаба*, абх. абаз. *глуба-глуба* (для класса вещей), абх. *глыджьа-глыджьа*, абаз. *глыджь-глыджь* (для класса человека) «два».

В адыгских языках разделительные числительные образуются от простых числительных путем редупликации последних соединительной частицей **ры**, причем гласный **ы** во втором компоненте редуцируется:

Адыг. яз.	Каб. яз.
<i>зы-ры-з</i>	<i>зы-ры-з, зэ-ры-з</i> «по одному»
<i>тлу-ры-тлу</i>	<i>тлу-ры-тл</i> «по два»
<i>шьы-ры-шь</i>	<i>шьы-ры-шьэ</i> «по три»
<i>нллы-ры-нлл</i>	<i>нллы-ры-нлл</i> «по четыре»
<i>тфы-ры-тф</i>	<i>тхуы-ры-тху</i> «по пяти»
<i>хы-ры-х</i>	<i>хы-ры-х</i> «по шести»
<i>блы-ры-бл</i>	<i>блы-ры-бл</i> «по семи»
<i>йы-ры-й</i>	<i>йы-ры-й</i> «по восьми»
<i>бгъуы-ры-бгъу</i>	<i>бгъуы-ры-бгъу</i> «по девяти»
<i>нлшы-ры-нлш</i>	<i>нлшы-ры-нлш</i> «по десяти»

От составных количественных числительных разделительные числительные образуются без соединительного элемента **ры**:

Адыг. яз.	Каб. яз.
<i>нлшыкгуыз — нлшыкгуыз</i>	<i>ншгыкгуыз-ншгыкгуыз</i> «по одиннадцать»
<i>нлшыкгуытф — нлшыкгуытф</i>	<i>ншгыкгуытху — ншгыкгуытху</i> «по пятнадцать»
<i>тлоч — тлоч</i>	<i>тлош — тлош</i> «по двадцати»
<i>шьэч — шьэч</i>	<i>шьэш — шьэш</i> «по тридцати»
<i>тлочлты — тлочлты</i>	<i>нллыш — нллыш</i> «по сорока»
<i>тлочлшь — тлочлшь</i>	<i>хыш — хыш</i> «по шестидесяти»
<i>тлочлнл — тлочлнл</i>	<i>нлшей — нлшей</i> «по восьмидесяти»
<i>шьитлу — шьитлу</i>	<i>шьитл — шьитл</i> «по двести»
<i>шьишь — шьишь</i>	<i>шьишь-шьишь</i> «по триста»
<i>шьитф — шьитф</i>	<i>шьитху — шьитху</i> «по пятистам»
<i>мин — мин</i>	<i>мин — мин</i> «по тысяче»

Разделительные числительные образуются от адыг.-каб. *шьэ* «сто» посредством сочетания последнего с разделительным числительным *зы-ры-з, зэ-рыз* «по одному»: адыг. *шьэ-зы-рыз*, каб. *шьэ-зэ-рыз* «по одной сотне», ср. также: адыг. *мин-зырыз*, каб. *мин-зэрыз* «по одной тысяче», адыг. *мелуан-зырыз*, каб. *мелуан-зэрыз* «по одному миллиону».

От сложных количественных числительных разделительные числительные образуются по типу адыг. *тлоч-тлочлрэ зырызрэ*, каб. *тлош-тлошлрэ зэрызрэ* «по двадцати одному», адыг. *шьэч-шьэчлрэ тфырытфрэ*, каб. *шьэш — шьэшлрэ тхуырытхурэ*, *тлош-тлошлрэ ншгыкгуытху-ншгыкгуытхурэ* «по тридцать пять», адыг. *тлочлшь-тлочлшьрэ шырышьрэ*, каб. *хыш — хышлрэ шьырышьрэ* «по шестьдесят три» и т. д.

В адыгских языках разделительные числительные образуются также от кратных числительных. От простых кратных числительных разделительные образуются путем редупликации и соединительного элемента **рэ**. Ср.: адыг.-каб. *зэ-ры-зэ* «по одному разу» (адыг.-каб. *зэ* «один раз»), адыг. *шьэ-ры-шьэ*, каб. *шьэ-ры-шьэ* «по три раза» (адыг. *шьэ*, каб. *шьэ* «три раза»); адыг.-каб. *нллы-ры-нллы* «по четыре раза» (адыг.-каб. *нллы* «четыре раза»); адыг. *тфэ-ры-тфэ*, каб. *тхуэ-ры-тхуэ* «по пять раз» (адыг. *тфэ*, каб. *тхуэ* «пять раз»), адыг.-каб. *хэ-ры-хэ* «по шесть раз» (адыг.-каб. *хэ* «шесть раз»), адыг.-каб. *нлшэ-ры-нлшэ* «по десять раз» (адыг.-каб. *нлшэ* «десять раз»).

Кратные формы составных разделительных числительных образуются путем сложения количественных и кратных числительных. Ср.: адыг. *нлшыкгуыз — нлшыкгуызрэ, нлшыкгуыз — нлшыкгуызрэ*, каб. *нлшыкгуыз — ншгыкгуызрэ* «по одиннадцать раз», адыг. *нлшыкгуытф — нлшыкгуытфрэ, нлшыкгуытф — нлшыкгуытфрэ*, каб. *ншгыкгуытху — ншгыкгуытхурэ* «по пятнадцать раз», адыг. *тлоч — тлочлрэ*, каб. *тлош — тлошлрэ* «по двадцать раз», адыг. *шьэч — шьэчлрэ*, каб. *шьэш — шьэшлрэ* «по тридцать раз», адыг. *тлочлты — тлочлтылрэ*, каб. *нллыш — нллышлрэ* «по сорок раз», адыг. *тлочлшь — тлочлшьрэ*, каб. *хыш — хышлрэ* «по шестьдесят раз» и т. д.

§ 203. **Дробные числительные.** Дробные числительные в адыгских языках образуются от количественных числительных с помощью суффикса **-анэ**. При образовании дробных числительных перед суффиксом **-анэ** конечный гласный **ы** в количественных числительных редуцируется. Ср.: адыг. *шьанэ* (<шьы-анэ), каб. *шьанэ* (<шьы+анэ) «одна третья», адыг.-каб. *нлланэ* (<нллы+анэ) «одна четвертая», адыг. *тфанэ* (<тфы+анэ), каб. *тхуанэ* (<тхуы+анэ) «одна пятая», адыг.-каб. *ханэ* (<хы+анэ) «одна шестая», адыг.-каб. *банэ* (<блы+анэ) «одна седьмая», адыг.-каб. *йанэ* (<йы+анэ) «одна восьмая», адыг.-каб. *бгъуанэ* (<бгъуы+анэ) «одна девятая», адыг.-каб. *нлшанэ* (<нлшы+анэ) «одна десятая», адыг. *нлшыкгуытфанэ* (<нл-

ш1ык1уытфы+анэ), каб. *пш1ык1уытхуанэ* «одна пятнадцатая», адыг. *т1о1анэ* (<*т1о1ы+анэ*), каб. *т1ош1анэ* «одна двадцатая».

Суффикс *-анэ*, с помощью которого образуются дробные числительные, по происхождению тот же общеабхазско-адыгский суффикс, который представлен в кратных и порядковых числительных. Ср.: адыг.-каб. *п1л1анэ* «одна четвертая», адыг. *п1л1эунай*, каб. *п1л1эней*, абаз. *пшыын* «четыре раза», адыг. *яп1л1анэрэ*, каб. *еп1л1анэ*, *еп1л1анэрэй* «четвертый». Однако сравнение адыгских дробных числительных с соответствующими числительными родственных языков показывает, что образование данной группы числительных суффиксальным способом относится лишь к общеадыгскому единству, т. е. древний суффикс *-анэ* использован адыгскими языками в дробных числительных после распада общеабхазско-адыгского языка-основы.

Глава шестая

НАРЕЧИЕ

§ 204. Основные разряды наречий. В адыгских языках наречия по своему значению можно разделить на следующие основные разряды:

а) Наречия места, например: адыг.-каб. *мыдэ* «сюда, здесь», адыг.-каб. *модэ* «туда, там», адыг.-каб. *адэ* «там, далеко», адыг. *та*, *тыдэ*, *тэдэ*, каб. *дэнэ* «куда, где» и т. д.

б) Наречия времени, например: адыг. *сыдигъу*, каб. *сытш1ыгъуэ* «когда», адыг. *непэ*, каб. *нобэ* «сегодня», адыг. *тыгъуас*, каб. *дыгъуасэ* «вчера», адыг. *неуышь*, каб. *пш1эдей* «завтра», адыг. *неуышьмыч1*, каб. *пш1эдеймыш1к1э* «послезавтра», адыг. *пчыхъэм*, каб. *пш1ыхъэш1хъэм* «вечером», адыг. *пчыхъаш1хъэ*, каб. *пш1ыхъаш1хъэ* «сегодня вечером», адыг. *пчэдыжьбы*, каб. *пш1эджыж1* «завтра утром», адыг. *чшыьым*, каб. *жшыьым* «ночью», адыг. *мафэм*, каб. *махуэм* «днем», адыг.-каб. *мыгъэм* «в этом году», адыг. *гъэрек1уэ*, каб. *нэгъабэ* «в прошлом году», адыг. *джы*, каб. *йыджы* «теперь, ныне» и т. д.

в) Качественные наречия, например: адыг.-каб. *дахэу* «красиво», адыг. *дэу*, каб. *гейуэ* «плохо», адыг. *псынч1эу*, каб. *псынш1эу* «быстро», адыг. *лэш1уэу*, каб. *лэф1уу* «сладко», адыг. *дыджэу*, каб. *дыджыу* «горько» и т. д.

г) Количественные наречия, например: адыг. *мач1эу*, каб. *маш1эу* «мало», адыг. *бэрэ*, каб. *куэдрэ* «часто», «много раз» и т. д. К количественным наречиям по значению примыкают образования типа адыг. *шъэ*, каб. *шъэ* «трижды», адыг.-каб. *п1л1э* «четырежды», адыг.-каб. *зырыз*, «по одному», адыг. *шырышь*, каб. *ш1ырышь* «по три», адыг.-каб. *зэрызэ* «по одному разу», адыг. *ш1эрышьэ*, каб. *ш1эрышьэ* «по три раза», адыг. *зыт1ушьрэ*, каб. *зыт1ушьрэ* «два-три раза», адыг. *зышьэ-зып1л1э* «три-четыре раза» и т. д.

§ 205. Способы образования наречий. По своей словообразовательной структуре класс слов, относящихся к наречиям, очень разнообразен. Этимологически наречия происходят от всех ча-

стей речи. Важным источником образования наречия являются также словоизменительные формы слов, которые в результате переосмысления подвергаются адвербиализации.

Основными способами образования наречий являются:

а) суффиксальный, например: адыг. *члэчлэу*, каб. *члэшлы* «коротко» от адыг. *члэчлы*, каб. *члэшл* «коротко», адыг. *мачлэзэ*, каб. *машлэурэ* «понемногу» от адыг. *мачлэ*, каб. *машлэ* «малый».

б) сложение основ или форм слов, например: адыг. *неуышь* «завтра вечером» < *неуышь* «завтра» + *пчыхъэ* «вечер» каб. *дыгъуэпшышь* «вчера вечером» < *дыгъуасэ* «вчера» + *пшыхъэ* «вечер», *джаушьтэу* «так, таким способом» < *джы* «теперь» + *ау* — обстоятельственная форма местоимения а «этот, тот» + *шьтэу* — деепричастия от глагола *шытын* «стоять, быть»;

в) сложно-аффиксальный, например: адыг. *шъхъаф-шъхъафэу*, *шъхъаф-шъхъафызэ*, каб. *шъхъэхуэ-шъхъэхуэу*, *шъхъэхуэ-шъхъэхуэрэ* «отдельно». Ср.: адыг. *шъхъафы*, каб. *шъхъэхуэ* «отдельный»;

г) адвербиализация, например: адыг.-каб. *лыгъэклэ* «на сильно», послеложная форма *лыгъэчлэ* «мужеством», адыг. *мафэм*, каб. *махуэм* «днем» от *мафэ* || *махуэ* «день».

§ 206. Этимологический анализ структуры сложных и сложно-производных наречий. Словообразование относится к наиболее древним типам словообразования наречий. Путем сложения основ или форм слов образована значительная часть наречий места, времени, образа или способа действия. Характерным признаком этих наречий является то, что они обнаруживают генетическую связь с местоимениями.

Ниже дается анализ структуры сложных и сложно-производных наречий в адыгских языках.

Адыг.-каб. *адэ* «там» состоит из двух частей: *а* + *дэ*. Первая часть восходит к местоимению *а*, указывающему на отдельный невидимый предмет. Ср.: адыг.-каб. *а уынэр* «тот дом». Вторая часть *-дэ* возводится к основе послеложного слова *дэжь* || *дежь* «к», «у».

Адыг.-каб. *модэ* «там, туда» (о видимом месте) образовано из сочетания указательного местоимения *мо* «тот» (видимый предмет) и основы того же послелога *дэжь* || *дежь* «к», «у». Ср. шаг.-бжед. *уыдэ* «там, туда».

Адыг.-каб. *мыдэ* «тут, здесь» < *мы* — местоимение в значении «этот» + *дэ* < *дэжь* «к», «у».

Как мы видим, общеадыгские наречия места *адэ*, *модэ* (бжед.-шап. *уыдэ*), *мыдэ* указывают на различную степень дальности, что выражается первыми компонентами, восходящими к указательным местоимениям *а*, *мо*, *мы*. Эти же наречия объединяются общностью второго компонента *-дэ*. Последний непосредственно восходит не к современной форме *дэжь* || *дежь*, а к более архаичной форме *дэй* || *дей* (< *дэй*).

Адыг. *адэжь*, *ашьдэжь*, в диалектах: *айдэжь* (< *ай* — ди-

лектальная форма эргатива местоимения *а* + *дэжь*), *адый* (< *а* + *дый* < *дэйэ*), каб. *абдей* (< *абы* + *дей*), *абдежь* (*абы* + *дежь*) «там, возле, около».

Адыг. *мыдэжь*, *мышьдэжь*, в диалектах: *мыдый* (< *мы* + *дый* < *дэйэ*), каб. *мыбдей* (*мыбы* + *дей*), *мыбдежь* (< *мыбы* + *дежь*) «здесь, тут, рядом».

Адыг. *модэжь*, *мошьдэжь*, в диалектах: *модый* (< *мо* + *дый*, *мы* + *дый* < *дэйэ*), каб. *мобдей* (*мобы* + *дей*), *мобдежь* (< *мобы* + *дежь*) «там».

Адыг. *мочл* (< *модчлэ* < *модэчлэ*), каб. *мотчлэ* (< *модчлэ* < *модэчлэ*) «туда».

Каб. *атчлэ* (< *адчлэ* < *адэчлэ*) «туда»; *мытчлэ* (< *мыдчлэ* < *мыдэчлэ*) «сюда».

Адыг. *мычл*, *мычлы* (< *мы* «это» + *члы* «зима») «этой зимой», адыг.-каб. *мыгъэ* (< *мы* «это» + *гъэ* «год») «в этом году».

Адыг. *тэдэ*, *тыдэ*, каб. *дэнэ* «куда, откуда, где» разлагается на две части: адыг. *тэ* + *дэ*, *ты* + *дэ*, каб. *дэ* + *нэ*. Наряду с *тэдэ*, *тыдэ* в адыгейском языке представлена наиболее простая и в то же время древняя форма этого наречия в виде *тэ*, т. е. без осложнения вторым компонентом *-дэ*. Ср., например, *Тэ уышылагъ адэ джы нэсым?* «Где же ты был до сих пор?»

От производного наречия *тэ* || *дэ* «где, куда, откуда» образовано адыг. *тау*, каб. *дауэ* «как» (*та* || *да* < *тэ* || *дэ* корень + *у* || *уэ* — адвербиальный суффикс; ср. адыг.-каб. *дахэ-у* «красиво»). Ср. также: адыг. *тэчл* «куда, откуда».

Этот же корневой элемент мы находим в адыг. *тарары*, каб. *дара* «который, какой», адыг. *тхъаши*, каб. *дапшэ* «сколько».

Генетически адвербиальный корень *тэ* || *дэ* (адыг. *тэ*, *тэ-дэ*, каб. *дэ-нэ*), возможно, связан с основой вопросительного местоимения *сыд* < *сы* + *дэ*, *да* < *дэ* (адыг.), *сыт*, *сы-тэ* (каб.) «что».

Правда, соответствие как звонкого *д* глухому *т* в адыгейском (*та*, *тэ-дэ* «куда, где», *сы-д* < *сы-дэ*, *да* «что»), так и глухого *т* звонкому *д* в кабардинском (*сы-т* < *сы-тэ* «что», *дэ-нэ* «куда, где») не является закономерным. Однако с фонетической стороны это предположение подкрепляется наличием других примеров, которые также не укладываются в рамки закономерных звукосоответствий. Ср., например: адыг. *уатэ*, каб. *уадэ* «молот», но: адыг.-каб. *лэдэ* «клещи». Что же касается второй части адыг. *тэ-дэ*, *ты-дэ*, каб. *дэ-нэ* «куда, откуда, где», то здесь мы имеем дело с генетически разными морфемами. В адыг. *тэ-дэ*, *ты-дэ* второй элемент *-дэ*, по-видимому, восходит к вышеупомянутой послеложной основе *дэ* < *дэйэ* «к, у». (Для семантики ср. русск. «где» < *къде*.) Его морфологический эквивалент *-нэ* в каб. *дэ-нэ* «куда, откуда, где» представляет собой архаичный адвербиальный суффикс, который и в ряде других наречий встречается в диалектах. Ср., например, куб. *д. ныджыпсту-нэ*, *джыпсту-нэ* «сейчас, теперь», *йыуыжъы-нэ* «после» и т. д.

Адыг. *пчыхэм, пчыхаштхэ, каб. пшыхэштхэ* «вечер, вечером». Более древней формой является адыг. *пчыхэ*. В кабардинском языке краткая форма в виде *пшыых* «вечер» сохраняется в сложных словах, например: *дыгъуэпшыых* «вчера вечером». Новообразование *пчыхэштхэ||пшыхэштхэ* представляет собой сочетание *пчыхэ||пшыхэ* с общеадыгской основой *штхэ* «голова».

Исходная форма *пчыхэ* состоит из двух частей: *пчы+хэ*. С элементом *пчы-* (каб. *пшы-*) может быть генетически связана общеадыгская основа *пштэ* «вверх». Ср.: каб. *йыпштэ* «верхний, южный», букв.: «его верх», адыг. *псыпштэ* «верховье реки».

Вторая часть *пчы-хэ* «вечер, вечером» фонетически и семантически сближается с морфемой *хэа-в* абх. *йа-хэа* «вчера вечером». Абхазско-адыгская морфема *хэа, хэ* в наречиях возводится к абх. *а-хэы*, адыг.-каб. *шт-хэ* «голова». Каб. *пштэдей* «завтра» разлагается на две части: *пштэ<пшыэ* (ср. куб. д. *пшы-хэ* «вечер») *<пчы+дей*. Второй компонент *-дей* восходит к послелогу *дей* «к, у». Ср. также: каб. *пштэдемыштчлэ* (*<пштэ-дей* «завтра» + *мыштчлэ<нэмышлчлэ* «кроме, другой»), адыг. *неуышьмычл* (*<неуышь* «завтра» + *мычл<пэмычл* «кроме, другой») «послезавтра».

Адыг. *пчэдыжэ, каб. пштэджыжэ* «завтра утром». Первый компонент *пчэды||пштэд* возводится к *пчэдэй||пштэдэй* «завтра», второй компонент *жэ||жэ* связан с *жы||жы* «ранний». Элемент *джы* (*<гы<гы*) в каб. *пштэд-джы-жэ* — наращение.

Адыг. *тыгъуас, каб. дыгъуасэ* «вчера» состоит из трех частей: адыг. *ты+гъуа+сэ*, каб. *ды+гъуа+сэ*. Происхождение первого элемента *ты||ды* неясно. Возможно, элемент *ты||ды* находится в генетической связи с первой частью *ты-дэ||дэ-нэ* «где, куда». Вторая часть *-гъуэ* восходит к общеадыгской основе *йы-гъуэ* «время», которая без притяжательных аффиксов встречается лишь в составе сложных образований, ср. *шхэгъуэ* «время еды». Последний элемент *-сэ* семантически и фонетически сближается в абхазско-абазинской морфемой *цы-* в производном наречии *йа-цы* «вчера».

Адыг. *тыгъуэпчыхэ, каб. дыгъуэпшыыхэ* «вчера вечером». Первая часть *тыгъуэ||дыгъуэ* представляет усечение *тыгъуас||дыгъуасэ* «вчера» (ср. параллельные формы *тыгъуаспчыхэ||дыгъуэспшыыхэ* «вчера вечером»); вторая часть *пчыхэ||пшыыхэ* из *пчыхэ* «вечер», адыг. *тыгъуэсчэшь* (*тыгъуас* «вчера» + *чэшь* «ночь»), каб. *дыгъуэсжэшь* (*дыгъуасэ* «вчера» + *жэшь* «ночь») «вчера ночью», адыг. *тыгъуаснахып* (*<тыгъуас* «вчера» + *нахып* «раньше»), каб. *вэсмахуэ, вэсмахуэ* (*<вэс?+махуэ* «день») «позавчера», каб. *вэспшыыхэ* (*<вэс+пшыыхэ*) «позавчера вечером».

Адыг. *непэ, каб. нобэ* «сегодня», адыг. *нычэпэ, каб. ныжэбэ* «сегодняшней ночью» (прошлой или предстоящей), каб. *нышт-*

хэбэ «сегодня вечером», каб. *нычэдибэ* «сегодня утром», каб. *нэгъабэ* «в прошлом году».

Как мы видим, этимологически эти наречия объединяются общностью первого (*нэ-, ны-, н-*) и последнего (*-пэ||-бэ*) компонентов.

По происхождению первого компонента с ним сближаются также адыг. *неуышь* «завтра», *ныпчыхэ* «сегодня вечером». Н. Ф. Яковлев предполагает, что первый элемент *нэ-, ны-, н-* является фонетическим вариантом общеадыгского указательного местоимения *мы*, а последний *-пэ||-ба* — окончанием эргативного падежа указательных местоимений *-бэ*, которое представлено в кабардинском языке (ср. каб. *мобы* «тот», *мыбы* «этот») ¹⁴⁵. Однако для такого предположения нет достаточных оснований.

Дело в том, что в каждом из этих сложных наречий, помимо указанных двух компонентов, выделяется еще один (средний) компонент, который никак не может оказаться между основой и словоизменительным аффиксом указательного местоимения. Ср.: адыг. *чэ<чэшь*, каб. *жэ<жэшь* «ночь» в слове *ны-чэ-пэ||ны-жэ-бэ* «сегодня ночью», каб. *штхэ* «верх», «голова» в слове *ны-штхэ-бэ* «сегодня вечером», каб. *штэди* «адыг. *пчэдыжэ* «утро, утром» в слове *ны-штэди-бэ* «сегодня утром», каб. *гэа<гэ* «год» в слове *нэ-гэа-бэ* «в прошлом году» ¹⁴⁶. Эти самостоятельные слова (*чэшь||жэшь* «ночь», *штхэ* «верх», *пчэды(жэ)* «утро, утром», *гэа* «год») морфологически не могут быть включенными между основой и окончанием эргативного падежа указательного местоимения (*мы-бы* «этот»). Следует также отметить, что связь между наречной морфемой *-пэ||-бэ* и окончанием эргатива указательных местоимений *бы* невозможна и с фонетической точкой зрения, так как современная форма *-пэ||-бэ* является результатом утраты общеадыгского преруптива, сохранившегося лишь в двух диалектах — бжедугском и шапсугском. Ср.: бжед. д., шапс. д. *непэ<* абадз. д., темирг. д. *непэ* каб. яз. *нобэ* «сегодня».

Адыг. *нахэ, каб. нэхэ* «более». Путем сложения *нахэ||нэхэ* «более» со словами *бэ* «многий», *мачлэ||машлэ* «малый» образуются наречия *нахыбэ||нэхыбэ* «больше», *нахэмачлэ||нэхэмашлэ* «меньше».

В наречии *нахэ||нэхэ* (*<нэхэ*) первая часть, вероятно, восходит к местоименному элементу *йы* (ср. каб. *йыуыжэ, нэуыжэ* «после»), а вторая часть к основе *шт-хэ* «голова, верх». Более

¹⁴⁵ См.: Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 117; Н. Ф. Яковлев, Д. Ашхамов. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 395.

¹⁴⁶ В слове *н-е-пэ||н-о-бэ* «сегодня» средний компонент *-е||-о-* подвергся лезтимологизации. Мнение Н. Ф. Яковлева, что в каб. *н-о-бэ* элемент *-о-* восходит к *уз* «воздух», опровергается данными адыгейского языка, в котором вместо *-о-* в этом слове представлен элемент *-е-*.

архаичная форма, видимо, сохранилась в абхазском языке. Ср. абх. *йа-хьа* «более».

Для адыгских языков очень характерно образование наречий путем лексикализации синтаксических единиц. Продуктивным вторым компонентом таких сложных наречий является адыг. *шьтэу* (<*шьытэу*) — деепричастие настоящего времени от статического глагола *шьыты-н* «стоять, быть».

Адыг. *сыдэушьтэу* (<*сыдэу* — обстоятельственная форма *сыда?* «что?» + *шьытэу*); адыг. *ашьтэу, аушьтэу* (<*ау* — обстоятельственная форма а «тот» + *шьтэу* <*шьытэу*); куб. д. *аушьтэу* (<*ауэ* + *шьытыу*) «как, каким образом».

Адыг. *мошьтэу, моушьтэу* (<*моу* + *шьытэу*), куб. д. *мошьтэу, моушьтэу* (<*моуэ* + *шьытыу*) «так, таким образом».

Адыг. *арэшьтэу, арэушьтэу* (<*арэу* + *шьытэу*), куб. д. *арэшьтэу, арэушьтэу* (<*арэу* + *шьытыу*) «так, таким образом». Ср. также: адыг. *ташьтэу, таушьтэу* (<*тау* + *шьытэу*) «как», *джашьтэу, джаушьтэу* (<*джы* «теперь» + *ау* «так» + *шьытэу*), куб. д. *джашьтэу, джаушьтэу* (<*джы* + *ауэ* + *шьытыу*).

Адыг. *сыдигъу* (<*сыда* «что» + *йы* — притяжательная частица «его, её» + *гъуэ* «время»), каб. *сытшьыгъуэ* (*сыт* «что» + *шьы-гъуэ* «время») «когда», адыг. *ашьыгъуым* (<*ашь* + *ыгъуэм*), каб. *апшьыгъуэм* (*абы* + *шьыгъуэм*), адыг. *джашьыгъуым* (*джы* + *ашь* + *ыгъуэм*) «тогда».

В адыгских языках продуктивным способом образования наречий является словосложение в сочетании с аффиксацией. По своей структуре выделяются следующие два основных типа сложно-производных наречий:

а) Редупликация имени в сочетании с суффиксами -зэ, -эу (адыг.), -у, -урэ (каб.). Например: адыг. *тлэклу-тлэклуызэ, тлэклу-тлэклуэу*, каб. *тлэклу-тлэклуэу* «малый, немногий», адыг. *дахэ-дахэзэ, дахэдахэу*, каб. *дахэ-дахэу, дахэ-дахэурэ* «хорошо, как следует» (ср. адыг.-каб. *дахэ* «хороший, красивый»), адыг. *зэгъуэ-зэгъуэзэ, загъуэ-загъуэрэ* «время от времени» (ср. адыг. *загъуэ* «иногда»), адыг. *шъхьаф-шъхьафызэ, шъхьаф-шъхьафэу*, каб. *шъхьэхуэ-шъхьэхуэу, шъхьэхуэ-шъхьэхуэурэ* «отдельно» (ср. адыг. *шъхьафы*, каб. *шъхьэхуэ* «отдельный»).

б) Редупликация местоимения в сочетании с суффиксами -эу, -зэ (адыг.), -у, -урэ (каб.). Например: адыг. *сэр-сэрэу, сэр-сэрзэ* «я сам», адыг. *уэр-уэрэу, уэр-уэрзэ*, каб. *уэр-уэру, уэр-уэрурэ* «ты сам», адыг. *ежьыр-ежьырэу*, каб. *езыр-езыру, езыр-езырурэ* «он сам», адыг. *тэр-тэрэу, тэр-тэрзэ*, каб. *дэр-дэру, каб. дэр-дэрурэ* «мы сами», адыг. *шъуэр-шъуэрэу, шъуэр-шъуэрзэ*, каб. *фэр-фэру, фэр-фэрурэ* «вы сами».

§ 207. Адвербиальные суффиксы. В адыгских языках суффиксы, образующие наречия, очень немногочисленны. Очевидно, суффиксальное образование наречий относится к более поздней эпохе. Об этом свидетельствует тот факт, что адвербиальные

аффиксы генетически связаны с аффиксами словоизменительных категорий (см. об этом ниже).

Адыг. -эу, -у, каб. -уэ, -у. Посредством этого высокопродуктивного суффикса образуются определительные наречия от именных основ. Например: адыг.-каб. *дахэу* «красиво» (адыг.-каб. *дахэ* «красивый»), адыг. *дэуэ*, каб. *лейуэ* «плохо» (адыг. *дэйы*, каб. *лей* «плохой»), адыг. *йынуэ*, каб. *йынуэ* «сильно, громко, велико» (адыг. *йыны*, каб. *йын* «большой»), адыг. *мэчлэу*, каб. *машлэу* «мало» (адыг. *мачлэ*, каб. *машлэ* «незначительный, малый»), адыг. *члыхъэу*, каб. *члыхъу* «длинно» (адыг. *члыхъэ*, каб. *члыхъ* «длинный»), адыг. *члэчлэу*, каб. *члэшлэу* «коротко» (адыг. *члэчлэ*, каб. *члэшлэ* «короткий»), адыг.-каб. *лъагъэу* «высоко» (адыг.-каб. *лъагэ* «высокий»), адыг. *лъхъанчэу*, каб. *лъахъшэу* «низко» (адыг. *лъхъанчэ*, каб. *лъахъшэ* «низкий»).

Рассматриваемый словообразовательный суффикс по происхождению — это тот же словоизменительный суффикс -эу, -у, -уэ, с помощью которого образуются деепричастие и обстоятельство-превратительные формы имен в адыгских языках. Например: адыг. *клуэу*, каб. *клуэуэ* «идя» (адыг.-каб. *клуэ-н* «идти»), адыг.-каб. *лыуэ* «как мужчина», адыг. *цлыфэу*, каб. *цлыхууэ, цлыхууэ* «как человек». Ср. каб. *Арэгъэджаклуэу мэлажъэ* «Он работает учителем».

Данный суффикс генетически связан с абхазским суффиксом деепричастия настоящего времени -уэ¹⁴⁷.

Ср.: адыг. *ар клуэу* «он идя»,
каб. *ар клуэуэ* «он идя»,
абх. *дыцауа* «он (человек) идя».

У Ш. Ногмова, Гюльденштедта, Л. Г. Лопатинского, П. Тамбиева и других анализируемый суффикс представлен в виде -гуэ.

Ср.: *дахаго* (*дахэгуэ*) «красиво», *фыго* (*флыгуэ*) «хорошо», *хомго* (*хуэмгуэ*) «медленно»¹⁴⁸, *псеуго* (*псэуэуэ*) «целиком», *кодъсего* (*куэдышьъуэ*) «слишком»¹⁴⁹. Суффикс -гуэ ныне встречается в адыгских диалектах. Ср. абадз. д. *кбылуэ-гуэрэ, кбылуэ-гуэ-зэ, кбылуэ-гуэ-зэ-рэ* «говоря».

Суффикс -гуэ Л. Г. Лопатинский неправильно связывал с основой *гуэрэ* (адыг. *зы-гуэрэ*, каб. *зы-гуэр*, «какой-то, что-то»¹⁵⁰). Л. Г. Лопатинский, а за ним Г. Ф. Турчанинов и

¹⁴⁷ См.: Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956, стр. 101.

¹⁴⁸ См.: Ш. Ногма. Филологические труды, т. II. Нальчик, 1959.

¹⁴⁹ См.: Л. Г. Лопатинский. Русско-кабардинский словарь. СМОМПК, вып. XII. Тифлис, 1891.

¹⁵⁰ См.: Л. Г. Лопатинский. Краткая кабардинская грамматика. СМОМПК, вып. XII, отдел II. Тифлис, 1891, стр. 46; Г. Турчанинов, И. Цагов. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 149.

М. Цагов¹⁵¹ из анализируемых двух вариантов одного и того же суффикса наиболее архаичным считают **-гуэ**. По мнению же Г. В. Рогава, **-гуэ** «является, наоборот, вторичным явлением, результатом наращения заднеязычного **г** перед губно-губным **уэ > гуэ**»¹⁵².

Правда, в адыгских языках не встречается других примеров, подтверждающих закономерность такого фонетического процесса. Более того, в этих языках наблюдается обратное явление: изменение лабиализованного заднеязычного **гу** в губно-губной **у**. Ср.: лит. адыг. яз. *шыагу* > абазд. д. *шыау* «двор». Тем не менее факт наличия интересующего нас аффикса в том же фонетическом варианте (**-уэ**) в абхазском языке говорит в пользу предположения, высказанного Г. В. Рогава.

Адыг.-каб. **-рэ**. Этот суффикс, восходящий к падежно-определятельному аффиксу **р** < **рэ**, в адыгских языках используется для образования наречий от разных частей речи. Наречия, образованные с помощью суффикса **-рэ**, выражают количество или повторяемость действия или способа действия.

При этом исходной основой могут служить:

а) имена существительные, например, адыг. *мафэрэ* «днем», *чэшьрэ* «ночью», *пчэдыжьрэ* «утром».

Ср.: адыг. *Чэшьырэ зешушу, мафэрэ зешыхы* (поговорка)

«Ночью выпрямляется, днем свертывается».

Чэшьырэ кьэлъэхы, пчэдыжьырэ мэлъэжьы (посл.)
«Ночью прыгает вниз, утром прыгает вверх»;

б) имена, обозначающие количество, величину, объем предмета, например: адыг. *бэрэ*, каб. *бэрэ* (в фольклорных текстах) «долго, часто».

Ср.: адыг.-каб. *бэ* «многий», каб. *куэдрэ* «долго, часто», каб. *куэд* «многий», адыг. *мачлэрэ*, каб. *машлэрэ* «редко», адыг. *мачлэ*, каб. *машлэ* «малый, незначительный»;

Морфема **-рэ** представлена в кратных числительных, которые близки по своей функции к наречиям, ср.: адыг. *пшыкылуырэ*, каб. *пшыкылуырэ* «одинадцать раз», адыг. *пшыкылуытфрэ*, каб. *пшыкылуытхурэ* «пятнадцать раз», адыг. *тлочлрэ*, каб. *тлошлрэ* «двадцать раз», адыг.-каб. *шэныкьуэрэ*, каб. *тхуышлрэ* «пятьдесят раз», адыг.-каб. *шээрэ* «сто раз».

Каб. **-урэ**, **-уэрэ**. В кабардинском языке с суффиксом **-у|** **-уэ** синонимичен составной суффикс **-урэ**, **-уэрэ** (< **уэ** + **рэ**). Например: каб. *шэыху-шэыхуурэ* «тайно» (каб. *шэыху* «тайный»), *дахэ-дахэурэ* «красиво» (каб. *дахэ* «красивый»).

§ 208. Адвербиализация. Под адвербиализацией чаще всего понимают переход разных частей речи в наречия. В адыгских

языках адвербиализация является одним из основных способов образования наречий. Понятие адвербиализации в этих языках не исчерпывается переходом других лексико-грамматических разрядов слов в категорию наречий. В адыгских языках в наречия переходят: а) самостоятельные слова без каких-либо адвербиальных элементов (имена в неопределенной форме), б) словоизменяемые формы имен (падежно-оформленные имена, имена в падежно-притяжательной форме), в) формы деепричастия и г) синтаксические единицы.

1) Имена существительные *пчэдыжьы* || *пшыэдджыжъ* «утро», *пчыхъэшхьэ* || *пшыхъэшхьэ* «вечер» без каких-либо аффиксов (в неопределенной форме) переходят в наречия. Ср., например: адыг. *Сыдэу пчэдыжьы шлагъуа!* «Какое утро прелестное!»; каб. *Пшыхъэшхьэбзухэм я усэм...* «Щебет вечерних птиц...»; *Пшыхъэшхьэ дыдежь кьышлэхэ* «Сегодня вечером заходи к нам»; *Пшыэдджыжъ сожъэ* «Завтра утром уезжаю».

Интересно отметить, что адвербиализация указанных существительных сопровождается также семантическими изменениями. Ср.: *пчыхъэшхьэ* || *пшыхъэшхьэ* «вечер», *пчыхъэшхьэ* || *пшыхъэшхьэ* «сегодня вечером», *пчэдыжь* || *пшыэдджыжъ* «утро», *пчэдыжь* || *пшыэдджыжъ* «завтра утром». Ср. семантические соотношения между русск. «вечер» и «вчера» (род. п. «вечера», «ввчера») ¹⁵³.

2) Имена существительные, обозначающие отрезок времени, в эргативном падеже переходят в наречия. Например: адыг. *Мафэм шымэ луэфышлэ тарыклуэшьтти тыкьэжьэжьыгъ* «Днем на лошадях нужно было ехать на работу, и поэтому мы отправились обратно в путь» (Е. А.); каб. *Жэштым ыгъэжъа гьуэмылэр пшыэдджыжъым кьэлътмакъ зэпедзэчым ырылэхьэри... сешъашъ* (Щ. А. Тхыгъэхэр) «Харчи, которые она (мать) ночью испекла, положила (она) утром в сумку, и я отправился».

Ср.: *пчыхъэшхьэ* || *пшыхъэшхьэ* «вечер», *пчыхъэшхьэ* || *пшыхъэшхьэ* «сегодня вечером», *пчыхъэшхьэм* || *пшыхъэшхьэм* «вечером», *пчэдыжьы* || *пшыэдджыжъ* «утро», *пчэдыжьым* || *пшыэдджыжъым* «утром».

Более широк круг имен существительных, которые переходят в наречия в форме послеложного падежа: Ср.: адыг. *мафэчлэ*, каб. *махуэчлэ* «днем», адыг. *чэшьчлэ*, каб. *жэшьчлэ* «по ночам», адыг. *пчэдыжьчлэ*, каб. *пшыэдджыжъчлэ* «по утрам», адыг. *пчыхъэчлэ*, *пчыхъэшхьэчлэ*, каб. *пшыхъэшхьэчлэ* «по вечерам», адыг.-каб. *лыгъэчлэ* «насиленно», каб. *жэрыгъэчлэ* «бегом».

Как выше отмечалось, обстоятельственные формы имен существительных, которые обычно рассматриваются как формы падежа (обстоятельного или превратительного), отграни-

¹⁵¹ См.: Г. Турчанинов, М. Цагов. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., Изд.-во АН СССР, 1940, стр. 149.

¹⁵² См.: Г. В. Рогава, указ. соч., стр. 101.

¹⁵³ См.: А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1958, стр. 119.

чиваются от определительных наречий лишь в лексико-синтаксическом плане. Ср.: каб. *уынэу сшлар* «то, что я сделал как дом или в качестве дома», *дахэу сшларш* «я красиво сделал». Однако лексико-синтаксические границы между обстоятельственными формами имен и категорией наречий не очень устойчивы. Имена существительные, обозначающие отрезок времени с суффиксом *-эу, -у||-уэ, -у*, легко подвергаются контекстуальной адвербиализации. Ср., например: адыг. *Къуэлэжгъхэри, пчыхъэу къэблаггъэрэм игуымэчы хэтхэу, зэрэггаджэхэу ятгысынлэ быбыжъышьтыгъэх* (К. Т. Насыпым игъогу) «И вороны, обеспокоенные приближающимся вечером, каркая, летели обратно в свое место»; *Пчыхъэу комбайнэр мээ Туышгъуэм Туылгъ куэцым хэхъагъ* (Е. А. Тыгъэр ташъхъагъ) «Вечером комбайн вошел в пшеничное поле, расположенное на опушке».

В первом предложении *пчыхъэу* имеет субстантивное значение, а во втором предложении омонимичная с ним форма *пчыхъэу* выступает как наречие времени. Ср. также: адыг. *гъэмафэу къаклуэ* «летом приезжай», каб. *шлымахуэу зыгъэхъэзыр* «готовься зимой».

В наречия превратились адыг. *лъэсэу*, каб. *лъэсу* «пешком» (адыг. *лъэсы*, каб. *лъэс* «пеший»), адыг. *шыуэу*, каб. *шыууэ* «верхом» (адыг.-каб. *шыу* «всадник»).

Имена существительные в падежно-притяжательной форме также переходят в наречия. Например: адыг. *ауыжгъым, ауыжынкъэм*, каб. *иууыжгъым* «после, впоследствии, потом», адыг. *апэм*, каб. *япэм, йыпэклэ, йыжгъым* «раньше, прежде, в старину»; каб. *дяпэчлэ* «в дальнейшем; в будущем» и т. д.

Ср.: адыг. *Ауыжыпкъэм Хъаджэри гужыты Иван фэмыежъыхэу, неуышы шычылдзагъэу Туиггъэчыжъынэу пытагъэ ышлышьтыгъэх* (К. Т. Насыпым игъогу) «Потом Хаджи сердился и утверждал, что с завтрашнего дня уволит Ивана...»; *Туыжгъым, нэхъ йынылуэ сызэхъуым... къызгуырыуагъ* (Е. А. Сшынахъыжъ) «После, когда я немного вырос... я это понял».

Суффикс *-эу, -у||-уэ, -у* образует не только наречие, но и деепричастие, которое совмещает в себе признаки глагола и наречия. В ряде случаев в адыгских языках деепричастие, утрачивая свойственную ему категорию лица, т. е. признаки, сближающие его с глаголом, становится наречием. Адвербиализации подвергаются главным образом деепричастия от статических глаголов. Ср., например: каб. *Уэ шысыу уотхэ* «Ты сидя пишешь»; *Дэ шыты доуэ* «Мы стоя стреляем».

3) Сфера адвербиализации не ограничивается областью одной лишь лексики. В наречия переходят не только самостоятельные слова (лексические единицы) и различные формы слов, но и синтаксические единицы языка. Само собой разумеется, что при адвербиализации синтаксических единиц последние ста-

новятся лексическими единицами, т. е. самостоятельными словами. Например, сочетание адыг.-каб. *зы* «один» с адыг. *мафэ*, каб. *махуэ* «день» в одном контексте дает синтаксическую единицу, а в другом — лексическую единицу.

Ср., например: адыг. *Зы мафэ тешилэмэ тыклуэшьт* «Мы пойдем через один день»; *Ар зымафэ къэклуэгъэ бзылгъыгъэр ары* «Это та самая женщина, которая приходила сюда на днях».

Глава седьмая

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

§ 209. **Лексико-грамматическая характеристика.** Понятие служебного слова до сих пор остается в языкознании довольно расплывчатым. Адыговеды при выделении служебных частей речи основывались на грамматиках русского языка. Между тем, в русском языкознании еще отсутствует удовлетворительное и однозначное решение вопроса о служебных словах. Во многих работах, посвященных грамматическому строю русского языка, к служебным частям речи причисляются знаменательные слова, не утратившие собственной грамматической и лексической характеристики. Эта точка зрения, выдвинутая еще Ф. И. Буслаевым¹⁵⁴, имеет широкое хождение как среди русистов, так и среди многочисленных исследователей языков народов СССР. Так, рассматривая союзы в современном русском языке, В. А. Трофимов вслед за Ф. И. Буслаевым пишет: «Остальные союзы представляют собой иные части речи в союзной функции»¹⁵⁵. Ср. также определение Л. И. Жиркова: «В грамматическом строе лакского языка наречия и послелого мы могли объединить, указав на то, что послелого являются в этом языке в сущности наречиями, употребляемыми в функции послелогов, т. е. служебных слов»¹⁵⁶. Нетрудно заметить, что эти формулировки теоретически очень уязвимы: если знаменательные слова («иные части речи» — В. А. Трофимов, «наречия» — Л. И. Жирков) способны выступать в роли союзов и послелогов, то последние должны терять служебный характер, т. е. их нельзя назвать служебными частями речи. Иначе говоря, нет оснований причислять в синхронном срезе одно и то же слово к разным частям речи.

¹⁵⁴ См.: Ф. И. Буслаев. Опыт исторической грамматики русского языка, ч. II, Синтаксис. 1858, стр. 96.

¹⁵⁵ В. А. Трофимов. Современный русский язык. Изд. Ленинградского университета. 1957, стр. 266.

¹⁵⁶ Л. И. Жирков. Лакский язык. Фонетика и морфология. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 131.

Как увидим ниже, на тех же принципах основываются адыговеды при классификации служебных слов. К сказанному следует добавить, что определение той или иной служебной части речи, которое дается в грамматиках русского языка, механически переносится в грамматики языков, относящихся к иной языковой группе. Так, в академической грамматике русского языка частицы определяются как «служебные слова, которые служат в речи для выражения различных смысловых оттенков отдельного слова или целого предложения»¹⁵⁷. То же самое определение тождественно повторяется во многих грамматиках языков народов СССР. Ср., например, определение частиц в «Грамматике литературного кабардино-черкесского языка»: «Частицы служат для выражения различных смысловых оттенков отдельного слова или же предложения»¹⁵⁸. Между тем, это стереотипное определение нельзя признать точным даже применительно к русскому языку. В русском языке частицы выражают не только смысловые оттенки слова или предложения, но также служат и для образования новых слов. Ср.: что — что-нибудь, что-либо, что-то; знание — незнание; известный — неизвестный; далеко — недалеко. В адыгских языках, как будет показано ниже, частицы очень разнородны с функциональной и морфологической точки зрения.

К служебным частям речи в адыгских языках относятся послелого, союзы и частицы, которые по своей функции противостоят знаменательным частям речи. В отличие от самостоятельных полнозначных слов служебные слова выражают лишь синтаксические связи между членами предложения. Служебные слова занимают как бы промежуточное положение между полнозначными словами и аффиксальными морфемами. Однако с этой точки зрения служебные слова не однородны. Как увидим ниже, степень десемантизации различных служебных слов неодинакова. Кроме того, в адыгских языках роль служебных слов, в частности союзов, выполняют некоторые аффиксальные элементы (см. ниже).

В лингвистической литературе становится общепринятым деление служебных слов с семантико-функциональной точки зрения. Так, послелого в кабардинском языке делятся на девять групп: пространственные, временные, определительно-ограничительные, количественно-определятельные, генетивные и т. д.¹⁵⁹

Однако подобные классификации имеют существенные недостатки. При попытках распределить послелого по семантико-функциональным признакам им нередко приписывается то, что свойственно не самим послелогам, а контексту, в котором они употребляются. Например, в кабардинском языке послелог

¹⁵⁷ «Грамматика русского языка», т. I, М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 639.

¹⁵⁸ «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 157.

¹⁵⁹ См.: «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 150—152.

йыкӀуэцӀцӀэ рассматривается как пространственный и как временной, в зависимости от контекста¹⁶⁰. Ср. *Кавказым йыкӀуэцӀцӀэ* «на Кавказе», *мазэм йыкӀуэцӀцӀэ* «в течение месяца». Между тем, послелог *йыкӀуэцӀцӀэ*, если его взять вне конструкции, не является многозначным. Послелог *кӀэсчӀэ* «до» (сюда) в сочетаниях типа *нобэм кӀэсчӀэ* «до сегодняшнего дня» рассматривается как временной, а послелог *нэс* «до» (туда) в сочетаниях типа *Бородино нэс* «до Бородина» как определительно-ограничительный¹⁶¹. Но нетрудно установить, что эти послелоги по своим семантико-функциональным признакам не могут быть отнесены к разным группам. То же самое можно сказать о других послелогах, которые попадают одновременно в разные группы. Поэтому принятое в литературе деление послелогов на пространственные, временные и т. д. является неточным.

Служебные слова, в частности все послелоги, генетически возводятся к знаменательным словам. Поэтому естественно, что границы между служебными и знаменательными частями речи не являются резко очерченными. Кроме того, в адыгских языках некоторые служебные слова имеют материальное сходство с полнозначными словами. Тем не менее не следует смешивать служебные и знаменательные слова.

Послелоги отличаются от тождественных по звучанию наречий тем, что они не способны выступать в предложении самостоятельно, а употребляются всегда в сочетании с существительным или местоимением. Ср.: каб. *ЙыуыжӀым зыхуигӀазри елӀгӀуашӀ чӀарзинчӀэр зыдихьыну* (Ш. Ад. София т и г ь а т х э) «А затем она обратилась к своей дочери и попросила ее взять с собой корзинку»; адыг. *АуыжычӀэ шыӀэ куыхэр апӀчӀэ шыӀэмэ атехъшьтыгӀгӀэх...* (Е. А. ТыгӀэр ташӀхьагӀ) «Телеги, которые находились позади, вплотную были придвинуты к тем, которые были впереди».

В этих предложениях *ыуыжӀчӀэ*, *ауыжычӀэ*, *апӀчӀэ* представляют собой наречия, причем в первом предложении *ыуыжӀчӀэ* является наречием времени, а *ауыжычӀэ*, *апӀчӀэ* во втором предложении — наречиями места. Омонимичные послелоги не имеют лексической и синтаксической самостоятельности. Ср. каб. *МухӀэмэд ыуыжӀчӀэ псори ежӀашӀ* «После Мухамеда отравились все».

Существует мнение, что послелоги типа каб. *йыпӀчӀэ* «до», «прежде» (сюда относятся *ыуыжӀчӀэ*, *ыгуыпӀчӀэ*, *ышӀыбчӀэ* и др.) происходят от омонимичных наречий типа *йыпӀчӀэ* «раньше, в старину»¹⁶². Между тем, здесь мы имеем дело с обратным языковым процессом. Наречия типа *йыпӀчӀэ* «раньше, в старину» возникли из послеложных форм. Это ясно показывает фор-

ма наречий данного типа, в которых элемент *йы-* служил грамматическим средством выражения связи послелога с именем или местоимением. Ср., послелог *йыпӀчӀэ* в выражении *Мэжид йыпӀчӀэ* «до Мажида» и наречие *йыпӀчӀэ* в выражении *йыпӀчӀэ псэуа цӀыхухэр* «люди, жившие в старину». В наречии *йыпӀчӀэ* элемент *йы-*, хотя и выделяется морфологически, утратил свою грамматическую функцию. Иначе говоря, наречие, сохраняя послеложную форму, приобретает лексическую и синтаксическую самостоятельность, характерную для знаменательных слов.

Генетически и фонетически совпадают также многие слова, относящиеся к различным разрядам служебных слов.

Ср. послелог *шӀхьэчӀэ* «для, ради, из-за, о» и союз *шӀхьэчӀэ* «хотя» в кабардинском языке: *Мы товаришым зыгуэр кӀыхьэчӀынушӀ, куэду гуырыхушӀ, егӀэджэн хуейшӀ» — жӀэт абы шӀхьэчӀэ* (Ш. Ад. София т и г ь а т х э) «Из этого товарища толк выйдет, (он) очень способный, его нужно заставить учиться, — говорили о нем»; *Ар еджа шӀхьэчӀэ зыми хуэгӀэса хӀуакӀым* «Хотя он учился, (но) ничему не научился».

Ср. союз *атӀэ* «но» и частицу *атӀэ* «да» в кабардинском языке: *ТекӀуэныгӀгӀэр Россие кӀубейдӀерткӀым кӀызыхуихьар уырысӀдзэм, атӀэ Наполеон гӀуышӀ лӀэхьу быдӀэ зырыльхьа ЕвропӀэр хуит кӀишӀыжат абы* (Ш. А. Бгырысхэр) «Не только России принесла победу русская армия, но она также освободила и Европу, которую заковал Наполеон в крепкие кандалы»; *КӀызыбырунми? — шӀоуыпӀшӀэ аргуэру шӀалэр. АтӀэ, Валентина Панкратьевнэ йы медпунктым* (Ш. Ад. София т и г ь а т х э). «В Кызбурун?» — снова спрашивает парень. «Да, в медпункт Валентины Панкратьевны».

Ср. также союз *нахь* «хотя» и частицу *нахь* «более» в одном и том же предложении в адыгейском языке: *Мы хьаджашӀгуэр уэдыӀуэ нахь, хьэджашӀгуэ дахь, — ыӀуи нахь чӀэлэ ӀуышыӀуэу ахӀтым сызэришӀлагӀ* (Адыгэ пшысэхэр) «Эта борзая собака хотя и слишком худая, она красивая борзая собака», — сказал более умный парень среди них и подвел меня к себе. Как видно, многие служебные слова оказываются тождественными по звучанию. В таких случаях обычно говорят, что одни служебные слова выполняют функцию других. Так, принято считать, что послелоги адыг. *шӀхьэчӀэ*, каб. *шӀхьэчӀэ*, *nanшӀэ*, *nanшӀэчӀэ*, адыг. *пае*, *фӀшӀычӀэ* «для, ради, из-за, о» выполняют функцию союзов в адыгских языках¹⁶³. Это мнение следует считать ошибочным, так как оно основано на смешении синхронии

¹⁶⁰ См.: Н. Ф. Яковлев. Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 402; Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 120; «Грамматика литературного кабардино-черкесского языка». М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 156.

Ср. определение Ф. И. Буслаева: «К союзам же принадлежат частицы: *то, ста, ка*» («Опыт исторической грамматики русского языка», ч. II, Синтаксис. 1858, стр. 98).

¹⁶⁰ См.: «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 150—151.

¹⁶¹ Там же, стр. 151—152.

¹⁶² Там же, стр. 153.

и диахронии. Одно и то же слово (не основа!) не может одновременно находиться в пределах двух частей речи. Послелог *шъхъчлэ* по своей семантике и сочетаемости в синхронном плане не имеет ничего общего с союзом *шъхъчлэ*, точно так же противительный союз *атлэ* и утвердительная частица *атлэ* входят в разные разряды слов.

С точки зрения способности к грамматическому изменению служебные слова делятся на неизменяемые и изменяемые. Большинство служебных слов, в том числе все союзы и частицы, не имеет форм словоизменения. Грамматическими формами обладают лишь некоторые послелогои. Последние имеют формы притяжательности, ср. каб. *суплэчлэ* «вместо меня», *упулэчлэ* «вместо тебя» и т. д.

Существует мнение, что послелогои именного происхождения склоняются, другие же, подобно глаголу, спрягаются¹⁶⁴. Однако о полной парадигме склонения и спряжения послелогов в адыгских языках не может быть и речи. При решении этого вопроса в описательных грамматиках также смешивается история языка с его синхронным состоянием. Так, в кабардинском языке *пшлондэчлэ*, *дежчлэ* рассматриваются как падежные формы послелогов *пшлондэ*, *деж*¹⁶⁵. Но с этим мнением нельзя согласиться, так как оно основано на смешении живых и застывших языковых явлений. В кабардинском языке *паншлэчлэ*, *пшлондэчлэ* невозможно квалифицировать как форму послеложного падежа от *паншлэ*, *пшлондэ*, так как в синхронном плане между ними нет функциональных различий, существующих между неопределенной формой и послеложным падежом. Ср.: *цыхуым паншлэ*, *цыхуым паншлэчлэ* «для человека», *нобэ пшлондэ*, *нобэ пшлондэчлэ* «до сегодняшнего дня». *Паншлэчлэ*, *пшлондэчлэ* представляют собой застывшие формы. В современном языке они являются фонетическими вариантами *паншлэ*, *пшлондэ*, а не их живыми падежными формами.

В отличие от них *деж* и *дежчлэ* различаются в функциональном плане. Ср.: *абы деж шъылэшт* «у него находится», *абы дежчлэ ар фышъ* «для него это хорошо». Тем не менее *дежчлэ* нельзя считать падежной формой *деж*. Здесь мы имеем дело с двумя послелогоми, которые отличаются друг от друга как с формальной, так и с функциональной точки зрения.

§ 210. Послелогои. Все послелогои являются вторичными, т. е. исторически возводятся к различным частям речи. Но с точки зрения современных словообразовательных связей послелогои можно разделить на простые и производные. Простые послелогои малочисленны. К ним относятся: адыг. *дэй*, *дэжъ*, каб. *дей*, *деж* «к, от, у, около», адыг. *пае*, *фэшл*, каб. *паншлэ* «для, ради,

из-за», каб. *лъандэрэ* «с», *гуыгъу* «о», *пшлондэ* «до», *шъыгъуэ* «в», «во время», адыг. *шъышъ*, каб. *шъышъ* «из».

Хотя простые послелогои утратили связь с лексическими единицами, от которых они исторически произошли, в некоторых из них этимологически выделяются значимые морфологические элементы. Так, послелог *фэшл* состоит из двух элементов: *фэ+шл*. Морфема *фэ* представляет собой версионный аффикс, который показывает, для кого, ради кого совершается действие: ср. *п-фэ-сэ-тхы* «для тебя пишу»; элемент *шл*, возможно, восходит к основе глагола *шлы-н* «делать».

Послелог *пае* можно расчленить на *па+е*. Морфема *-е* увязывается с притяжательным префиксом третьего лица *е (йэ)* «его, её». Есть основания полагать, что этот же элемент входит в состав послелога *дэ-й||де-й*, который впоследствии дал форму *дэжъ||деж* (Г. В. Рогава).

Послелог *шъыгъуэ* образован из *шъы+гъуэ*. Морфема *-гъуэ*, несомненно, восходит к основе *(йы)-гъуэ* «время» (в этом значении она сохраняется в слове *шъэджагъуэ||шэджагъуэ* «полдень, обед»); морфема *шъы-* сближается с обстоятельственной частицей *шъы-*; ср. *шъыклуэм* «когда он идет».

Примеры:

Къарбэч ежъи пшъаштэр зэршъэлэгъэ ныбджэгъуым дэжъ клуагъэ (Адыгэ пшысэхэр) «Карбеч отправился к другу, к которому он отвез девушку».

Лъэпшт маклуэ Сатэней деж (Нартхэр) «Тлепш идет к Сатаней».

Зыш пае шшштэ псы ештэуэ (поговорка)

«Из-за одного коня сто коней пьют воду».

Ашь фэшл уадэжъ сыккъэклуагъ

«Ради него к тебе я пришел».

Уысаклуэр ынародым паншлэ псэуашт

«Поэт жил для своего народа»

Ар а тлуми шъышъу къышлэчлынкъым

(Ш. Ад. Софият и гъатхэ) «Он, по-видимому, также не из этих двух».

С точки зрения словообразования, производные послелогои разнородны. Они образованы на основе существительных, глаголов и наречий. Послелогои пополняются за счет утраты лексической и синтаксической самостоятельности других слов, в особенности имен существительных, имеющих локальное значение. Ниже приводятся наиболее употребительные производные послелогои:

Каб. *шъхъчлэ*, разг. *шъхъа* «для, ради, из-за», ср. адыг.-каб. *шъхъэ* «голова»; адыг. *ыклуэцл*, каб. *йыклуэцл* «внутри», адыг. *ыклуэцлычлэ*, каб. *йыклуэцлчлэ* «на, в, в течение», ср. адыг.-каб. *клуэцл* «внутренность»; адыг. *ычлыб*, каб. *йышлыб* «позади», ср. адыг. *члыб*, каб. *шлыб* «спина»; адыг. *ыпэчлэ*, каб. *йыпэчлэ* «впереди, до», ср. адыг.-каб. *пэ* «нос»; адыг. *ыуыжы*, каб. *йыуыжъ*

¹⁶⁴ См.: «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 153.

¹⁶⁵ Там же.

«за», ср. *уыжы*, каб. *уыжъ* «след, следом»; адыг. *ычъэгъ*, каб. *ышлагъ* «под», ср. адыг. *чъэ*, каб. *шъэ* «дно»; адыг. *ыкъуэгъ*, каб. *ыкъуагъ* «за, сзади», ср. адыг. *къуэгъу*, каб. *къуагъ* «угол»; адыг. *фэдиз*, каб. *хуэдиз* «около», состоит из *фэдэ||хуэдэ* «подосный» и *зы* «один»¹⁶⁶, адыг., каб. *къэс*, *къэсчъэ* «до» («сюда»), ср. *къэсы-н* «доходить сюда»; *нэс* «до» (туда), ср. *нэсы-н* «доходить туда» (ср. абх. *ндза* «до» от глагола *анадзара* «доходить»); каб. *къыхэчъэ* «исходя, из-за», ср. *къыхэчы-н* «исходить», адыг.-каб. *адэчъэ* «за, дальше», ср. *адэ* «там»; адыг., каб. *мыдэчъэ* «до, ближе», ср. *мыдэ* «сюда».

В адыгских языках, как и в других абхазско-адыгских языках, некоторые послелоги обнаруживают генетическую общность с превербами. Ср., например:

послелог	преверб	имя
каб. <i>шъэчъэ</i> «для, ради»	каб. <i>шъхъэ(р)</i> - «над»	<i>шъхъэ</i> «голова»
<i>ы-чъэ-гъ йы-шлагъ</i> «под»	<i>чъэ- шъэ-</i> «под»	<i>чъэ шъэ</i> «дно»
<i>ы-нэ-чъэ йы-нэ-чъэ</i> «до, впереди»	<i>нэ-</i> «на»	<i>нэ-</i> «нос»
<i>ы-кыуэчъэ йы-кыуэчъэ</i> «на, в, внутри, в течение»	<i>кыуэчъэ-</i> «в, внутри»	<i>кыуэчъэ</i> «внутренность»

Материальные различия, существующие между приведенными послелогом и превербами, объясняются тем, что превербы возводятся непосредственно к основам имен, а послелоги к грамматическим формам этих имен.

§ 211. Союзы. В адыгских языках функцию союзов выполняют не только служебные слова, но и морфологические элементы. Так, для выражения соединительной связи используются аффиксальные элементы, в частности, адыг. *-и*, каб. *-ри* (адыг. *сыкыуи слъагъуыгъ*, каб. *сыкыуэри слъагъуашъ* «я сходил и посмотрел»), адыг.-каб. *-и...-и*, *-ичъ...-ичъ*¹⁶⁷ (*чыкыуи йыни*, *чыкыуичъ йыничъ* «от мала до велика», букв.: «и маленький и большой»), адыг.-каб. *-рэ... -рэ* (*Зайнабрэ Саидэрэ* «Зайнаб и Саида»). Морфологическими средствами выражаются не только сочинительные связи, но и подчинительные. Ср.: адыг. *ар зъкыуэм*, каб. *ар шъыкыуэм...* «когда он идет...», адыг. *ар зыдакыуэрэм...*, каб. *ар зэдыкыуэм...* «куда он идет», каб. *ар шъэкыуэм...* «почему он идет», *ар кыуэху...* «пока он пойдет...» Вопрос о средст-

¹⁶⁶ В слове *фэдиз||хуэдиз* сохраняется также соединительный элемент и, характерный для сочетаний типа имя + количественное числительное: адыг. *чыфытыу*, каб. *чыхуцъ* «два человека»; адыг. *чыфышь*, каб. *чыхуышь* «три человека».

¹⁶⁷ Союзный аффикс *-ичъ* восходит к союзу *ычъ||йычъ* «и». С последним, по-видимому, связывается также более абстрагированный соединительный аффикс *-и*.

вах выражения подчинительных связей, естественно, входит в проблему сложного предложения. Мы не будем останавливаться на этом вопросе, но отметим, что единицы, образованные с помощью аффиксальных морфем, с грамматической точки зрения неправомерно относить к области синтаксиса, рассматривая их как особые придаточные предложения.

Что касается союзов, то они в адыгских языках немногочисленны. С точки зрения словообразования союзы, как и послелоги, делятся на простые и производные. В группу простых союзов входят: адыг. *ычъ*, каб. *йычъ*, *аби* «и», адыг. *ау*, каб. *ауэ* «но, однако», каб. *атъэ* «но», адыг.-каб. *е* «либо», *е...е* «либо...либо», адыг. *хъаумэ*, каб. *хъэмэ* «или», *пэтми*, *пэтмичъ*, *панлъэ* «хотя» и др.

Союз *хъаумэ||хъэмэ* «или» этимологически, очевидно, состоит из двух морфем: отрицательной частицы *хъау||хъэуэ* «нет» и суффикса наклонения *-мэ* «если».

Соединительный союз *ычъ||йычъ* употребляется исключительно редко в адыгских языках. Причина редкого употребления соединительной частицы *ычъ||йычъ* ясна: этот союз не может конкурировать с весьма продуктивным соединительным аффиксом *-и*. В разговорном кабардинском языке более употребителен соединительный союз *аби*. Ср. *Мэжид къалэм кыуэшь аби тхылъ кыуэд къышъэхуашъ* «Мажид поехал в город и купил много книг».

Производные союзы разнообразны по происхождению. Они возводятся к грамматическим формам полнозначных слов и различным словосочетаниям. По словообразовательной структуре производные союзы очень прозрачны. Наиболее употребительные из них следующие: адыг. *шъхъай*, *шъхъаем*, *шъхъачъэ*, *ары шъхъачъэ*, каб. *аршъхъэчъэ* «но, однако», каб. *шъхъэчъэ* «хотя», адыг. *сыда пкъэмэ*, каб. *сыту жыпкъэмэ*, *сыт шъхъэчъэ жыпкъэмэ*, *сыт панлъэчъэ жыпкъэмэ* «ибо, потому что», каб. *абы къыхэчъэчъэ* «исходя из этого», адыг. *зэ...зэ* «то...то» (<зэ «один раз»), каб. *йытланычъ* «однако» (<йытланэ «потом» + *ычъ* «и») и др.

Некоторые союзы проливают свет на формирование сложных предложений в адыгских языках. В этой связи интересно отметить, что значение союза *шъхъэчъэ* «хотя» в кабардинском языке является вторичным. Первичное значение сохранилось в адыгейском языке, где *шъхъачъэ*, *шъхъай*, *шъхъаем* служит противительным союзом в значении «но, однако» и употребляется также после синтаксических единиц с законченной мыслью, в то время как в кабардинском языке союз *шъхъэчъэ* способен употребляться только после инфинитивных образований. Ср., например: адыг. *Сыкъэгъуышьэн слъэчъырэп шъхъачъэ, къысылуэрэр зэхэсшъычъышь сэгуышыуэ* (Адыгэ пшысэхэр) «Я не могу разговаривать, но то, что он мне говорит, я понимаю и радуюсь».

Тхъэмэтитыу тил шъхъаем, зи къыуалуэн фитыхэп, къызыуалуэчъэ — зэуычъэ пшынба уыгуыбжынышь! (Е. А. Тыгъэр

та шъ хъ а гъ) «Мы имеем двух председателей, но они не имеют права что-нибудь тебе сказать, если скажут тебе — ты сделаешь собрание и будешь сердиться!»

§ 212. Частицы. В адыгских языках имеются собственно частицы (частицы-слова) и частицы-прилепы (агглютинативные частицы). Последние являются постпозитивными и по своей природе тяготеют к аффиксам формообразования. Частицы-прилепы, например, *-ба* (адыг.) *-(р)кэ* (каб.) выражают в глаголе отношения действия или состояния к действительности. Например: *Агуагъэбэ пасэм: Бэ зыгъэшлагъэ нахы, бэ зылбагъуыгъ* (К. Т. Насыпым игъогу) «Сказали же в старину: много видевший, чем много проживший». *Зэхэпхакъэ абы жилэр уэ, Дзыгъуанэ?* (А. З. Пьесэхэр) «Слышал ли ты, Дзугана, что он говорит?»

Эти частицы-прилепы сочетаются не только с глагольной формой, но и с другими членами предложения. Например: адыг. *Мухътарба къэкгуагъэр!*, каб. *Мухътаркэ къэкгуар!* «Ведь Мухтар же пришел!», точнее: «Ведь пришедший есть Мухтар!», адыг. *Мухътар мор!*, каб. *Мухътаркэ мор!* «Ведь тот есть Мухтар!» Именная основа с *-ба||-(р)кэ* и глагольная основа с *-ба||-(р)кэ* функционально неидентичны. Не совпадают эти формы и по своей сочетаемости. Именная основа с *-ба||-(р)кэ* конструктивно связана, т. е. сочетается обычно с основой, включающей словоизменяемый аффикс *-р*. Как видно, функция частицы *-ба||-(р)кэ* не исчерпывается выражением различных смысловых оттенков слов или предложения. Эта частица в зависимости от основы, с которой она сочетается, служит для выражения предикативности, отношения говорящего к действительности и т. д. Однако о частице *-ба||-(р)кэ*, как и о других частицах-прилепах, уместнее говорить в разделе морфологии, посвященном формообразованию.

К собственно частицам относятся:

1. Утвердительные: адыг. *ары*, каб. *атлэ*, *нтлэ*, *ае* «да», адыг. *хъуын*, *хъушьт*, каб. *хъуыншъ* «ладно».

Частицы *ары*, *атлэ*, *нтлэ*, *ае* обычно препозитивны и употребляются после вопроса. Эти частицы употребляются также при ответе на сообщение, которое вызывает недоверие, несогласие, удивление. Например: *Арти, сегуыпшысыгъ: сыда шъуитокы ахэр екгуалэмэ шъышъышьтыр? Ары, ахэр пфекгуэлэных!* — *ышлошъ хъуыгъэп Рэмзаны* (Е. А. Тыгъэр ташъ хъ а гъ) «Итак, я подумал: что случится, если они (машины) подъедут к вашему току? — «Да, они подъедут!» — не верил этому Рамазан».

В кабардинском языке очень употребительна утвердительная частица *ы*, *ы-ы*. Ср., например:

Гуашъэри зыдэфшэжыну? Ы-ы. Амал йылэкъым (К. А. Хъуапсэгъуэ нур) «И княгиню повезете вместе с вами?» — «Да, обязательно». *Зэгуышлэ шъылам цыхуыбзхэм*

лэ ялэта? — жилэри гуашъэр шлэуыпшлашъ. Ы—ы, ялэташъ (К. А. Хъуапсэгъуэ нур) «На собрании женщины голосовали?» — спросила княгиня: «Да, голосовали». *Уятэ ар шыхэбзэгъышъ, — янэ къызырелуэм, — хъуышьт — ылуи... ежъагъ* (Теуцожъ) «Когда сказала мать: «Твой отец не имел такой привычки», — «Ладно», — сказал он и...отправился».

Къедалуэ зэрышъытым. Хъуыншъ, сынодалуэ (А. З. Пьесэхэр) «Послушай об этом. Ладно, слушаю». Частица *ае* встречается в основном в речи черкесов, т. е. кабардинцев, проживающих на территории Карачаево-Черкесской автономной области.

2. Отрицательные: адыг. *хъау*, каб. *хъэуэ*, *алэ* «нет». Например: *Хъау, хъау, си Нафисэт, шъайи сыфаеп.* (К. Т. Насыпым игъогу) «Нет, нет, моя Нафисет, я не хочу чая». *Хъэуэ, Дисэ, дыкгуэжынкъым...* А. З. (Дахэнагъуэ) «Нет, Диса, мы не пойдем домой». Отрицательная частица *алэ* в кабардинском языке характерна для обиходно-разговорной речи женщин. Например: *Алэ, алэ, зы лажъэ силэжкъым, нанэ!* (Щ. Ад. Софийт и гъатхэ) «Нет, нет, нана, я совсем здорова».

3. Вопросительные: каб. *плэрэ* «ли», адыг. *шлэ*, *шлуа*, каб. *штэ* «же, что же, как же». Эти частицы всегда постпозитивны, причем их сочетаемость обусловлена морфологически. Частица *плэрэ* сочетается лишь с грамматической формой слова, образованной при помощи аффикса *-у(э)*. Ср.: *Хъэсэнуплэрэ?* «Хасан ли?», *Шыхуыуплэрэ?* «Человек ли?», *Дахэуплэрэ?* «Красивый ли?», *Кгуэуплэрэ?* «Идет ли?», *Кгуауэ плэрэ?* «Ходил ли?», *Кгуэну плэрэ?* «Пойдет ли?», *Йылэуплэрэ?* «Имеет ли?», *Йылауэ плэрэ?* «Имел ли?». Кабардинская частица *штэ* более употребительна по сравнению с адыгейской *шлэ*. Каб. *штэ* сочетается с глаголами, именами и местоимениями. При этом препозитивный глагол должен обязательно быть в форме условного наклонения с суффиксом *м(э)*. Ср.: *йытхым штэ?* «если же пишет?», *йытхум(э) штэ?* «если же написал?», *йытыным(э) штэ?* «если же напишет?».

По своей форме вопросительные частицы близки к агглютинативным частицам.

Хэт ар? Мы Амырхъануплэрэ? (Гуашъ хъэм ахуэ) «Кто он, не Амирхан ли?». *Псы шылэ тлэклу уефэмэ мынэхъыфлу плэрэ?* (Гуашъ хъэм ахуэ) «Не лучше ли, если ты выпьешь немного холодной воды?».

Зэ плээлъ, — ылауэ Мураты, лэ ышлу. — Ари мэшгуэкуым макгуэмэ шлэ? (Е. А. Тыгъэр ташъ хъ а гъ) «Смотри-ка, — сказал Мурат, подняв руку. — А если и тот идет к поезду?»

Атланэ, атланэ штэ? (А. З. Пьесэхэр) «Затем, затем что же еще?»

А лыжъ цыкгуыр штэ (Щ. Ад. Софийт и гъатхэ) «А как же этот маленький старик?» Как показывают примеры,

вопросительные частицы тесно связаны с категорией наклонения.

4. Указательные: адыг. *мары* «вот этот», *муары* «вон тот», каб. *мис* «вот», *мес* «вон», *мисри* «вот же», *месри* «вон же». Например: *Мары председателыр, — кыпидзэжьыгъ чла-лэми бзылфыгъэм Iапэ фишлу* (К. Т. Насыпым игъогу) «Вот этот председатель», — ответил парень, указав пальцем на женщину». *Аргуэрыжъти, а ныбжъэгъухэ, мис си хэкуыр, дыздогуыфлэр* (А. З. Пьесэхэр) «Как всегда, друзья мои, вот мое отечество, вместе радуемся». *Мес — жи-Iашъ Хъэжрэт, — а сэ жыслар зэрыпэжым йышгъыхъату мазэм йыныктуэр гуэтIкыуычлашъ* (Щ. Ад. Софият и гъатхэ). «Вон, — сказал Хажрет, — в подтверждение моих слов половина луны растаяла».

5. Усилительные: адыг. *адэ*, каб. *атлэ*, *нытлэ*, *нтлэ*, *тлэ* «ну, же, разве», каб. *уеблэмэ* «даже», «на», «же». Эти частицы, за исключением формы *тлэ*, не имеют постоянного места в предложении. Каб. *тлэ* всегда занимает в предложении постпозицию, что способствует переходу ее в агглютинативную прилепу.

Адэ, Нафисэт, сыда сэ ашь фэдизу уыгу кыызэрэсбгъагъэр? (К. Т. Насыпым игъогу) «Ну за что же ты на меня так сильно обиделась, Нафисет?»

Сыт атлэ абы нэхърэ нэхъ Iуэхуыжу шъылэр? (А. З. Пьесэхэр) «Что же имеетсЯ более важное, чем это?»

Уеблэмэ сэ ар къэсцIыхуыжакъым «Я его даже не узнал».

Сыт на, ДисцIыкIу, жыпIэ телъыджэр? (Iу а щ хъ э м а х у э) «Что же за странности говоришь ты, Дисцук».

Усилительные частицы приобретают также обстоятельственное значение. Например: *Сыт тлэ тIшIэнур?* (Iу а щ хъ э м а х у э) «Что же в таком случае мы будем делать?» *Нытлэ абы хэм шгъхэ сомыгъасэр?* (Iу а щ хъ э м а х у э) «Зачем же тогда ты меня не учишь этому?»

6. Побудительные: адыг. *еу*, каб. *еуэ* «давай, ну», каб. *йылэ* «давай», адыг. *еуэлъ*, каб. *йылэт*, каб. *йылэ-зэ*, *йылэт зэ* «давай же». Побудительные частицы обычно препозитивны, но иногда они могут быть и постпозитивными. Ср.: каб. *еуэ, ефэ!* «давай пей!», *йылэ, дывгъэтэджи дывгъэлажътэ!* «давайте, встанем и поработаем!», *йылэ, тхы!* «давай пиши!», *тхы, йылэ* «пиши давай!».

7. Частицы, употребляемые в качестве вежливого обращения или просьбы: каб. *кхъылэ* «пожалуйста». Например:

Кхъылэ, емыкIу къысхуумыш, сызэфIэтыфыркъым, сшIэр-къым къысшIышлар... (Iу а щ хъ э м а х у э) «Пожалуйста, извините меня, я не могу держаться на ногах, не знаю, что со мной случилось...»

В адыгейском языке в значении этой частицы употребляются личные формы, например: *Сыуэлтэлу, къакIуэ садэжь* «Прошу тебя, приди ко мне».

Как отмечалось выше, некоторые частицы материально соотносимы с союзами. Ср.: каб. *атлэ* «но» (союз), *атлэ* «да» (утвердительная частица). Частицы имеют также генетическую связь с другими частями речи. Некоторые частицы фонетически совпадают с местоимениями, наречиями и другими знаменательными словами.

Адыг. *адэ*, каб. *атлэ*, *нтлэ*, *тлэ* представляют собой фонетические варианты одной формы. Можно думать, что в частице *нтлэ* элемент *н*-фонетическое наращение; форма *тлэ* получена в результате отпадения начального *а* или *н* в постпозиции. Ср. каб. *кIуэ атлэ, кIуэ нтлэ, кIуэ-тлэ!* «тогда иди же!». По значению элемент *а* в частицах *адэ, атлэ, ае* сближается с указательным местоимением *а*.

Утвердительная частица *ары* «да» в адыгейском языке возводится к предикативной форме указательного местоимения *а* «тот».

Вопросительная частица *плэрэ*, очевидно, возводится к вопросительной форме глагола *жылэн* «говорить». Ср. *жыпIэрэ?* «ты говоришь ли?»¹⁶⁸.

К предикативной форме указательного местоимения восходят также частицы *муары* «вон тот», *мары* «вот этот». С указательным местоимением связаны по происхождению частицы *мис* «вот здесь», *мес* «вот там».

В усилительной частице *уеблэмэ* «даже» элемент *мэ* исторически представляет собой глагольный аффикс, выражающий условное наклонение.

Совершенно очевидна связь адыг. *еу*, каб. *еуэ, йылэ* «давай», адыг. *еуэлъ*, каб. *йылэт* «давай же» с формами повелительного наклонения глаголов *еуэ-н* «бить, ударить», *елэ-н* «тянуть, потягивать». От формы будущего времени глагола *хъуын* «стать, быть» происходит также частица *хъуын, хъуышът||хъыншъ* «ладно».

¹⁶⁸ См.: Б. Х. Балкаров. Язык бесленеевцев. Нальчик, 1959, стр. 63.

Глава восьмая

МЕЖДОМЕТИЯ И МИМЕО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

§ 213. Междометия. В описательных грамматиках в разделе «Междометие» нередко рассматриваются собственно междометия и так называемые звукоподражательные слова¹⁶⁹. Между тем, междометные и звукоподражательные слова различаются как с семантической, так и с словообразовательной точки зрения.

Междометия — это особый класс слов, отличающихся от знаменательных, служебных и звукоподражательных слов. Междометия служат для выражения эмоций и побуждения говорящего. Класс слов, относящихся к междометиям, не имеет ни номинативной функции, ни грамматических форм.

По способам образования междометия делятся на простые (первичные) и производные. К первичным относятся междометия, которые не связаны генетически с другими классами слов. Характерно, что многие первичные междометия, служащие для выражения эмоций и волевых импульсов, совпадают или почти совпадают в языках различных морфологических типов. Ср., например: адыг., каб. *a* = русск. *a*, адыг., каб. *ей* = русск. *эй*, адыг., каб. *уай* = русск. *ой*, *ай*, каб. *аһа*, *Іһа* = русск. *ага*, адыг., каб. *Іхь* = русск. *ох*, каб. *Іагъ* = русск. *ого*, адыг. *уэх*, каб. *уэху* = русск. *ух*, *уф*.

Семантической особенностью некоторых первичных междометий является их многозначность. Эти междометия остаются двусмысленными без словесного контекста или фактической ситуации. Так, междометие *уэху* в кабардинском языке в зависимости от контекста или ситуации употребляется для выражения скорби, боли, облегчения, удовлетворения и злорадства.

¹⁶⁹ См., например: «Грамматику осетинского языка», т. I. Орджоникидзе, 1963; «Грамматику финского языка». Изд. АН СССР, 1958; «Грамматику современного удмуртского языка». Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

С точки зрения образования наиболее характерной чертой первичных междометий является то, что они могут употребляться в удвоенной или в утроенной форме. Ср. каб. *уай-уай* «ой-ой».

Ар зэшхьыр пшлэрэ уэ? — Хэтыт?

— *Уэ уэшхьыркъабзэт, хьэжьи! — Пу-пу! Имани, дини зими! Пу-пу* (Ш. А. Бгырысхэр). «Ты знаешь, на кого он похож?» — «На кого же?» — «На тебя очень похож, хаджи!» — «Тфу, тфу! Неверующий человек! Тфу, тфу».

Уэ-уэ-уэу мыгъуэ. Си закъуэ дауэ уынэм сшылэсыну (К. А. Хъуапсэгъуэ нур) «Ой-ой-ой, как же я один буду сидеть дома».

Для адыгских языков характерны междометия с начальным гласным *a*: адыг., каб. *ады-дыд*, адыг. *ады-дыд гуышь*, каб. *ады-дыд гуыштэ* (удивление, неприязнь), каб., адыг. *ана*, *ана-а*, адыг. *аны-нын гуышь*, *ана-а гуыштэ* (изумление, неодобрение, несогласие), адыг., каб. *аһаа*, *аһы*, адыг. *аууэуей* (сожаление, печаль), адыг.-каб. *а-а* (презрение), адыг. *ал* (удивление), каб. *аууей*, *аууей* (скепсис, игнорирование). Интересно отметить, что некоторые из этих междометий, в частности *ады-дыд гуыштэ*, *ана*, *ана-а*, *ана гуыштэ*, употребляются только исключительно в речи женщин. Мужчины не используют эти междометия, зато в обиходной мужской речи встречаются собственно «мужские» междометия. К ним относятся, например, *Іагъ*, *Іэу*, *Іау* (удивление, неожиданность).

А, Уыцэ, ана. Джэд шгъэчІэ тхъэуысыхакІуэ уыкъэкІуа? — жиІэри фыз гуэр къеуыпшІаштэ (К. А. Хъуапсэгъуэ нур) «Ой, Уца, из-за курицы пришла жаловаться?» — сказала и спросила какая-то женщина».

Іау, жинхэм яхъауэ пІэрэ — тіэ? — йыфІэшты шІоупшІэ шэ-шэн старшина Бей-Булат (Ш. А. Бгырысхэр) «Ого, джины (духи) унесли, что ли?» — серьезно спрашивает старшина чеченец Бей-Булат».

Іэу, сытым уыкъыхъа, Нафисэт? — жиІэри Астемыр жей-башгъхъуэу къеуыпшІаштэ (К. А. Хъуапсэгъуэ нур) «Ого, что же тебя принесло сюда, Нафисат?» — сказал и спросил просонья Астемир».

К производным (или вторичным) относятся междометия, связанные этимологически с знаменательными и служебными словами. Многие из них имеют прозрачную этимологию. Так, междометие *алыхь-алыхь*, *алахь-алахь*, выражающее восторг, восхищение, а иногда досаду или насмешку, восходит к заимствованному слову *алахь*||*алыхь* «аллах». В основе кабардинского междометия *зиуынагъуэрэ*, выражающего досаду, удивление, восторг, лежит слово *уынагъуэ* «семья». Но само междометие *зиуынагъуэрэ* непосредственно связывается с идиомой *зиуынагъуэрэ бэгъуэн*. К полнозначным словам и словосочетаниям восходят междометия, обозначающие приветствие, благодарность, прощание и т. д. Ср.: адыг. *фэсыжь апыш*, каб. *фІохъусыжь*,

кбѡхъусыж «с приездом», адыг. тхъуегъэпсэу, тхъэгъэпсо, каб. тхъэм уигъэпсо «спасибо!», флѡхъуыс апышѡи «здравствуй, здравствуйте, пожалуйста», адыг. гъуэгъу маф, каб. гъуэгъу махуэ «в добрый путь», адыг. хъярчлэ, каб. флѡчлэ «до свидания». Междометия, обозначающие приветствие, часто сопровождаются междометиями, выражающими радость, удивление, неожиданность. Ср. Уэ флѡхъуыс апышѡи, Хъыжъокъуэ Шужъей! (Н а р т х э р) «О, здравствуйте, Хижоко Шужей!»

§ 214. Мимео-изобразительные слова. Термин «мимео-изобразительные слова» мы применяем вслед за В. И. Абаевым¹⁷⁰ к словам типа: адыг.-каб. гуы- гуы-гу, гуыр-гуыр-гу «гром, грохот, вспышка огня», пыф-сыф «пыхтенье» и т. д. По семантике этих слов, по способу их образования адыгские языки во многом сближаются с иранскими¹⁷¹, тюркскими¹⁷² и финно-угорскими¹⁷³ языками. Семантика мимео-изобразительных слов очень многообразна. Мимео-изобразительные слова, в отличие от междометий, служат для максимального, образного и эмоционального воспроизведения звука, шума, движения и других явлений.

С точки зрения образования для адыгских языков характерны трехсложные мимео-изобразительные слова типа: адыг., каб. шышыш «шум проливного дождя, большой струи», шъышъыш «движение, шелест», а также мимео-изобразительные слова с частичной редупликацией типа: адыг., каб. члѡкъ-сыкъ «скрип» (арбы), гъым-сым «гнусавое произношение».

Мимео-изобразительные слова нередко становятся базой для образования других классов слов. Особенно заметна роль мимео-изобразительных слов в образовании глаголов. Ср., например: адыг.-каб. гъуэгъуэ-н «гремять», сысы-н «качаться», къэ-къэ-н «кудахтаться», лъэлъэ-н «рассыпаться, расколоться», каб. шъэшъэ-н «разбиться, рассыпаться», адыг. быбы-н «летать», адыг. цлэцлэн «ругаться», каб. цлэцлэн «болтать», адыг. шыышъы-н, каб. шъышъы-н «ржать», каб. члэчлэ-н «трещать, щебетать» (о птице), адыг. чэчэ-н «трещать» (о сороке), каб. чэчэ-н «блеять» (о козе, овце).

К мимео-изобразительным словам ближе всего стоят слова, употребляемые в обращении к животным. С функциональной точки зрения эти слова делятся на три группы.

Слова, входящие в первую группу, употребляются для того, чтобы понукать рабочий скот. Ср., например: адыг. *но*, *цуоб*, каб. *но*, *гъуэш* (о волах), адыг. *ноу*, каб. *нуа* (о лошади) и др.

¹⁷⁰ См.: В. И. Абаев. Мимео-изобразительные слова в осетинском языке. «Труды Института языкознания АН СССР», т. VI. М., Изд. АН СССР, 1956.

¹⁷¹ См.: В. И. Абаев, указ. соч.: М. Ф. Фазылов. Изобразительные слова в современном таджикском языке. Автореферат диссертации. Л., 1950.

¹⁷² См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 368—371.

¹⁷³ См. Д. В. Бубрих. К проблеме изобразительной речи. «Ученые записки Карело-Финского университета», т. 3, вып. 1. Петрозаводск, 1948.

Во вторую группу входят слова, с помощью которых отгоняют животных. К ним относятся: каб. *ней* (о лошади), *но*, *но-мыжъ*, *мыжъ* (о корове), *но-хъэрэ*, *хъэрэ* (о буйволе), *тыхъ*, *клуышъ* (о кошке), *ыш*, *шу* (о курах, о воробьях), *къышъ*, *къас* (о гусях), *гуыр* (об индейках), *но* (о волах), *но-хъэрэ*, *хъэрэ* (о буйволе), *кэц* (о козе), *ыр*, *ыра* (о собаке), *уу-уй* (о хищных птицах).

Третью группу составляют слова-призывы, которые употребляются в удвоенной или утроенной форме. Например: адыг. *кос-кос*, каб. *пио-пио* (о лошади), каб. *мыжъэ-мыжъэ*, *мыжъ-мыжъ* (о корове), *бышэ-бышэ* (о буйволе), адыг. *хъуышъ-хъуышъ*, каб. *тлэхъу-тлэхъу* (об овце), *кэцэ-кэцэ* (о козе), адыг. *абыклуэ*, каб. *клышэ-клышэ* (о теленке), адыг. *пыцыу-пыцыу*, *кыцыу-кыцыу*, каб. *мэ-мэ*, *мышъэ-мышъэ* (о собаке, ср. *мышъэ* «медведь»), *клуышъэ-клуышъэ*, *клуышъ-клуышъ* (о кошке), *кзуырт-кзуырт* (о курах), *уылэ-уылэ* (о больших, крупных утках), *шырэ-шырэ* (о маленьких утках), *къас-къас* (о гусях), *гуырэ-гуырэ* (об индейках), *дзыуэ-дзыуэ* (о цыплятах).

Эти слова, представляющие не только лингвистический, но и культурно-исторический интерес, к сожалению, не вошли в существующие словари.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. О принципах этимологического исследования. Сб. «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков» М., 1956.
- Абитов М. Л. Инкорпорация в кабардино-черкесском языке. «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. VIII, вып. 3. М.—Л., 1949.
- Абитов М. Л. Сложные слова (composita) в кабардино-черкесском языке. Кандидатская диссертация. Нальчик, 1946 (рукопись).
- Аврорин В. А., Будагов Р. А., Дешериев Ю. Д., Серебренников Б. А., Убрятова Е. И., Шведова Н. Ю. Вопросы составления описательных грамматик. ВЯ, № 4. М., 1953.
- Ашмаф Д. А. Краткий обзор адыгейских диалектов. Майкоп, 1939.
- Ахманов О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1960.
- Балкаров Б. Х. Особенности бесленеевского диалекта кабардинского языка. Кандидатская диссертация. М., 1952 (рукопись).
- Балкаров Б. Х. Значение и употребление аффикса уә||у в кабардинском языке. «Ученые записки КНИИ», т. V. Нальчик, 1950.
- Бокарев Е. А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959.
- Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1958.
- Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. Сб. «Вопросы теории и истории языка». М., Изд. АН СССР, 1959.
- Виноградов В. В. О формах слова. «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. III, вып. 3.
- Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. Избранные труды по русскому языку. М., 1959.
- Генко А. Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. М., 1955.
- Генко А. Н. Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков. «Труды Абхазск. инст. яз., лит. и истории», т. XXVIII. Сухуми, 1957.
- «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». М., 1957.
- Дешериев Ю. Д. Бадбийский язык. М., 1953.
- Джанашия С. Н. Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии. «Сообщ. Груз. филиала АН СССР», т. I, № 8. Тбилиси, 1937.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- Карданов Б. М. Краткий грамматический очерк кабардинского языка. Приложение к «Кабардинско-русскому словарю». М., 1957.
- Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958.
- Кварцелия А. А. Глагольное словообразование в абхазском языке. Кандидатская диссертация. М., 1953 (рукопись).
- Керашева З. И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957.
- Керашева З. И. Проблема превербов в адыгских языках. «Ученые записки Адыг. гос. пед. инст.» т. I. Майкоп, 1957.

- Куашева Т. Х. Терские говоры кабардинского языка. «Ученые записки КБНИИ», т. XIII. Нальчик, 1957.
- Кумахов М. А. Морфологические особенности кубанского диалекта кабардинского языка. «Ученые записки КБНИИ», т. XVI. Нальчик, 1959.
- Кумахов М. А. Местонахождение в адыгских языках в сравнительном освещении. «Ученые записки КНИИ», т. XI. Нальчик, 1957.
- Кумахов М. А. К проблеме сложного слова. «Известия Академии наук СССР», Отделение литературы и языка, т. XXII, вып. 1, 1963.
- Кумахов М. А. О месте словообразования в описательной грамматике. Сб. «Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана». Нальчик, 1963.
- Кумахов М. А. О так называемом аналитическом глаголообразовании. Тезисы докладов, посвященных аналитическим формам и аналитическим конструкциям. Л., 1963.
- Кумахов М. А. Соотношение словообразования и морфемного строения слова. (К вопросу о границах применения метода непосредственно составляющих.) Ж. «Вопросы языкознания», № 6, 1963.
- Кумахов М. А. О задачах и принципах составления сравнительного словаря абхазско-адыгских языков. Лексикографический сборник, 1963, № 3.
- Кумахов М. А. Проблема типологии слова в полисинтетических языках Западной Кавказа. Типология восточных языков. Тезисы докладов. М., 1963.
- Левковская К. А. О словообразовании и его отношении к грамматике. Сб. «Вопросы теории и истории языка». М., Изд. АН СССР, 1952.
- Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954.
- Ломтатидзе К. В. Вопросительные формы глагола в абхазском языке. «Сообщ. АН Груз. ССР», т. III, № 9. Тбилиси, 1942.
- Ломтатидзе К. В. Грамматический обзор тапантского диалекта абхазского языка. Тбилиси, 1944.
- Ломтатидзе К. В. Категория единичности и образующие ее аффиксы в абхазском языке. «Изв. ИЯИМК», т. X. Тбилиси, 1941.
- Ломтатидзе К. В. Категория потенциалиса (возможности) и произвольности в абхазско-абазинском глаголе. «Сообщ. АН Груз. ССР», т. XVI, № 3. Тбилиси, 1955.
- Ломтатидзе К. В. Категория каузатива в абхазском языке. «Сообщ. АН Груз. ССР», т. IV. Тбилиси, 1945.
- Ломтатидзе К. В. К вопросу о генезисе основы ка «быть», «существовать» в абхазском языке. «Труды Абхазск. ин-та языка, лит. и истории», т. XXVII. Сухуми, 1956.
- Ломтатидзе К. В. К вопросу о структуре некоторых наречий в абхазско-абазинских диалектах. ИКЯ, т. VI. Тбилиси, 1954.
- Ломтатидзе К. В. К структуре сложно-составных глагольных основ в абхазском языке. ИКЯ, т. IV. Тбилиси, 1953.
- Ломтатидзе К. В. Об историческом единстве указательных местоимений и наречий места в абхазском языке. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории», т. XXV. Сухуми, 1954.
- Ломтатидзе К. В. О функции редупликации в абхазском языке. «Известия ИЯИМК», т. V—VI. Тбилиси, 1942.
- Лопатинский Л. Г. Краткая кабардинская грамматика. СМОМПК, вып. XII, отд. II. Тифлис, 1891.
- Лопатинский Л. Г. Русско-кабардинский словарь с указателем. СМОМПК, вып. XII, отд. II. Тифлис, 1891.
- Майтинская К. Е. Венгерский язык, ч. II. Грамматическое словообразование. М., 1959.
- Март Н. Я. Абхазско-русский словарь. Л., 1926.
- Мещанинов И. И. Глагол. М.—Л., 1948.
- Ногма Ш. Б. Филологические труды, т. I. Нальчик, 1956.
- Ногма Ш. Б. Филологические труды, т. II. Нальчик, 1959.
- Пизани В. Этимология. М., 1956.

- Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914.
- Рогава Г. В. Абхазско-убыкско-адыгейский суффикс *privativum ga* в мегрельском. «Сообщ. АН Груз. ССР», т. III, № 6. Тбилиси, 1942.
- Рогава Г. В. Динамические и статические глаголы в адыгских языках. ИКЯ, т. VIII. Тбилиси, 1956.
- Рогава Г. В. К вопросу о структуре именных основ и категории грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.
- Рогава Г. В. К истории шипящих спирантов в кабардинском языке. «Сообщения АН Груз. ССР», т. XX, № 5. Тбилиси, 1958.
- Рогава Г. В. Четверичная система смычных в адыгских языках. «Сообщения АН Груз. ССР», т. IV, № 3. Тбилиси, 1943.
- Рогава Г. В. Шипящие аффрикаты в нижеадыгейском языке. «Известия ИЯИМК», т. XII. Тбилиси, 1942.
- Рогава Г. В. Профессор Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. Изд. АН СССР, 1948 (рецензия). Труды Кутаисского госпединститута им. А. Цулукидзе, т. IX. Кутаиси, 1949.
- Севортян Э. В. Словообразование в тюркских языках. Сб. «Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков, т. II. Москва, 1956.
- Севортян Э. В. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. Сб. «Вопросы узбекского языкознания». Ташкент, 1954.
- Серебрянников Б. А. Залог в финно-угорских и тюркских языках. «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР». Уфа, 1956.
- Сердюченко Г. П. О словообразовании в яфетических языках Западного Кавказа. «Ученые записки КНИИ», т. V. Нальчик, 1950.
- Сердюченко Г. П. Язык абазин. «Труды инст. национальных школ АПН РСФСР и Черкесского НИИ», вып. 67.
- Сердюченко В. П. Основные грамматические особенности языков Западного Кавказа. М., 1955.
- Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»). Сб. «Вопросы теории и истории языка». М., Изд. АН СССР, 1952.
- Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
- Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933.
- Степанова М. Д. Словообразование немецкого языка. М., 1953.
- Турчанинов Г. Ф. и Цагов М. Грамматика кабардинского языка, I. М.—Л., 1940.
- Турчанинов Г. Ф. Материалы по диалекту моздокских кабардинцев. «Ученые записки КНИИ», т. I. Нальчик, 1946.
- Турчанинов Г. Ф. О категории вида в черкесских языках. «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. VIII, вып. III. М.—Л., 1949.
- Турчанинов Г. Ф. О кабардинской грамматике Ш. Б. Ногма. (Ш. Б. Ногма. Филологические труды, т. II. Нальчик, 1959.)
- Услар П. К. Абхазский язык. Этнография Кавказа. «Языкознание», т. I. Тифлис, 1887.
- Услар П. К. О языке убыхов. Этнография Кавказа. «Языкознание», I. Тифлис, 1887.
- Чикобава А. С. Введение в языкознание, ч. I. М., 1953.
- Чикобава А. С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942.
- Чикобава А. С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. «Известия ИЯИМК», т. XII. Тбилиси, 1942.
- Шагиров А. К. Наречия в кабардинском языке. «Ученые записки КНИИ», т. XI. Нальчик, 1957.
- Шакрыл Е. П. Взаимоотношение послелогов с превербами, обстоятельственными и другими частицами в абхазском языке. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории», т. XXVII. Сухуми, 1956.
- Шакрыл Т. П. Числительные в абхазском языке. М., 1954 (автореферат).
- Шакрыл К. С. О системе счета в абазинском и абхазском языках. «Труды Черкесского НИИ», вып. II. Черкесск, 1954.
- Шанидзе А. Г. Основы грузинской грамматики. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).
- Шанский Н. М. Основы словообразовательного анализа. М., 1953.
- Шарданов А. X. Категория потенциалиса и версии (в системе спряжения адыгских языков). Автореферат канд. диссертации. Тбилиси, 1955.
- Шинкуба Б. В. Именные основы-превербы в абхазском глаголе. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории», т. XXV. Сухуми, 1954.
- Шинкуба Б. В. Сопряженные корни с превербами в абхазском глаголе. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории», т. XXVIII. Сухуми, 1957.
- Шинкуба Б. В. Удвоение в абхазском языке. «Труды Абхазского института литературы, языка и истории», т. XXVII. Сухуми, 1956.
- Щерба Л. В. Очередные проблемы языкознания. «Известия АН СССР», ОЛЯ, № 4, 5, 1945.
- Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941.
- Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., 1948.
- Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. Краткая грамматика адыгейского (кяхско-го) языка. Краснодар, 1930.
- Яковлев Н. Ф. Материалы для кабардинского словаря, вып. I. «Словарь односложных корневых слов и корней типа открытого слога. М., 1927.
- Allen W. S. Structure and System in the Abaza verbal Complex. Transactions of the Philological Society (Hertford), 1956.
- Bloch B.—Trager G. Outline of linguistic analysis. Baltimore, 1942.
- Greenberg J. H. A quantitative approach to the morphological typology of languages. «International Journal of American Linguistics», vol. XXVI № 3, 1960.
- Harris Z. Methods in structural linguistics, Chicago, 1951.
- Harris Z. Distributional structure. «Linguistics today», N. Y., 1954.
- Hockett Ch. Problems of morphemic analysis. «Language», vol. 23, 1947.
- Hockett Ch. A course in modern linguistics. N. Y., 1958.
- Dirr A. Die Sprache der Ubychen, Leipzig, 1928.
- Dumézil G. La langue des Oubykhs. Paris, 1931.
- Dumézil G. Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (Morphologie), Paris, 1432.
- Dumézil G. Racines oubykhs et tcherkesses à u—préfixé. Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, t. 39, 1938.
- Kuipers A. Phoneme and Morpheme in Kabardian. (Eastern Adyghe). (Janua Linguarum, no VIII), 1960.
- Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation. A synchronic-diachronic approach, Otto Harrassowitz, Wiesbaden, 1960.
- Mészáros J. von, Die Päkhy—Sprache, Chicago, 1934.
- Nida E. Morphology: the descriptive analysis of words. Ann Arbor, 1946.
- Pike K. Taxemes and immediate constituents. «Language», vol. 19, 1943.
- Wells R. S. Immediate constituents. «Language», vol. 23, 1947.

**СПИСОК ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
В ПЕРВОЙ ЧАСТИ «МОРФОЛОГИИ»¹**

- Адыгэ гушыгъэхэр. Мыекъуапэ — 1957
 Адыгэ орэдыжъэхэр. Мыекъуапэ — 1946.
 Адыгэ пшысэхэмрэ тхыдэжъэхэмрэ, Мыекъуапэ — 1955
 Къэбэрдей псалъэжъэхэр. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, т. I, Нальчик — 1946.
 Къэбэрдей псалъэжъэхэр. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, т. II, Нальчик — 1957.
 Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык — 1951.
 Гуащхэмахуэ (журнал на кабардинском языке за разные годы).
 А. З. Акъсырэ-Залымхъан. Пьесэхэр. Налшык — 1957.
 Е. А. Еутых Аскэр. Тыгър ташъхагъ, Мыекъуапэ — 1952.
 КИ. Т. КИэраш Тембот. Насыпым игъогу. Мыекъуапэ — 1954.
 КИ. А. КИшокуэ Алим. Хъуапсэгъуэ нур. Налшык, 1960.
 КИу. Б. КИуащ БетГал. Тхыгъэхэр. Налшык — 1958.
 Т. Хь. Теунэ Хъэчим. Дышэплъ пцэдджыжъ. Налшык — 1956.
 Т. Ц. Теуцожь Цыгъу, Блусыгъэхэм ашыщых. Мыекъуапэ — 1947.
 Ш. А. Шортэн Аскэрби. Бгырыхэр, Налшык — 1954.
 Ш. А. ШоджэнцIыкIу Алий. Тхыгъэхэр, Налшык — 1956.
 Ш. Ад. ШоджэнцIыкIу Адэм. Софият и гъатхэ, Налшык — 1956.

¹ С указанием принятых в тексте сокращений.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ВВЕДЕНИЕ	
Раздел I. Некоторые вопросы морфологии и теории слова	
I. Предмет морфологии и принципы ее построения	
§ 1. Вопрос о предмете морфологии в современном языкознании	7
§ 2. Вопрос о месте словообразования в кругу других лингвистических дисциплин	10
II. Некоторые вопросы морфологической типологии	
§ 3. Замечания о морфологической классификации языков	16
§ 4. Слово как типологическая единица в полисинтетических языках. Понятие полисинтетизма	19
§ 5. К понятию агглютинации в абхазско-адыгских языках	21
III. К проблеме устойчивости морфологического строя языка	
§ 6. К постановке проблемы	23
§ 7. Соотношение развития аффиксов словоизменения и словообразования	24
IV. Соотношение морфемного и словообразовательного строения	
§ 8. Словообразовательная модель и морфемное строение слова. Границы применения метода непосредственно составляющих	25
V. О разграничении словообразовательных и смежных языковых единиц. О границах сложного слова	
§ 9. Существует ли универсальный лингвистический критерий выделения слова вообще и сложного слова в частности?	34

§ 10. Недостатки предложенных критериев выделения сложного слова. Критерий морфологической цельноформленности (О. Есперсен, Н. Ф. Яковлев, А. И. Смирницкий). Семантический критерий (Г. Пауль и др.)	35
§ 11. Функциональные и структурные признаки сложных имен	40
§ 12. Устойчивые сложные слова	43
§ 13. О так называемом аналитическом словообразовании	44
§ 14. Проблема инкорпорации в адыгских языках в связи с определением границ сложного слова: а) «Глагольные инкорпоративные комплексы»; б) «Именные инкорпоративные комплексы»	48
§ 15. Критерии разграничения словосложения и аффиксации	54
§ 16. Необходимость учета соотношения синхронии и диахронии при выделении сложного слова	56

VI. Взаимосвязанность словообразовательных и формообразовательных категорий

§ 17. Вопрос о разграничении словообразовательных и формообразовательных категорий	58
§ 18. Связь словообразования с другими грамматическими категориями в адыгских языках. Различные взгляды на природу префиксальных образований	60
§ 19. Синкретизм префиксальных образований	62
§ 20. Словосложение и грамматика	63

Раздел 2. Из истории изучения словообразования адыгских языков

§ 21. Разработка вопросов словообразования в описательных грамматиках и специальных исследованиях советских и зарубежных лингвистов	64

СТРУКТУРА СЛОВА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Глава первая. Основа, её структура и специфика

I. Понятие основы

§ 22. Вариантные формы основы	71
II. Фонетическая структура основы	
§ 23. Вопрос об исходной основе глагольных форм в адыгских языках	74
§ 24. Типы простых основ, представленных в адыгских языках	76
§ 25. Типы общеадыгских простых основ	77
§ 26. Звуковые комплексы в простых основах	78

III. Морфологические типы основ

§ 27. Основные типы основ	80

IV. Связанные (несвободные) основы

§ 28. Связанные основы первичных статических глаголов	83
§ 29. Связанные основы динамических глаголов	86

V. Нейтральные основы. Безаффиксальное словообразование

§ 30. Выделение частей речи по парадигматическим признакам	88
§ 31. Сущность конверсии как способа словообразования в адыгских языках. Основы слов, соотносительных по конверсии	90

VI. Соотношение производных и непроизводных основ

§ 32. Разграничение синхронии и диахронии при решении вопроса. Два направления в понимании древнейшей структуры основы в адыгских языках	96
§ 33. Изменения в морфологической структуре основы. Различия между адыгскими языками в синхронном строении основы	98

VII. Основные способы образования основ

§ 34. Способы образования основ	100
Глава вторая. Имя. (Существительное и прилагательное)	
§ 35. Вводные замечания	103

I. Образование сложных имен

§ 36. Вопрос о классификации сложных слов в советском языкознании	105
§ 37. Способы образования сложных слов	105

II. Структурные типы сложных имен

§ 38. Сочетание основ существительного и глагола	108
§ 39. Сочетание основ существительного и глагола с соединительным элементом <i>-ры-</i>	112
§ 40. Сочетание глагольной основы с именной основой	113
§ 41. Сочетание двух основ существительных	114
§ 42. Сочетание основ существительного и прилагательного	115
§ 43. Сочетание основ прилагательного и существительного	116
§ 44. Сочетание основ двух прилагательных	116
§ 45. Сочетание основ прилагательного и глагола с соединительным элементом <i>-ры-</i>	117
§ 46. Сочетание имени существительного с субстантивированным причастием настоящего времени	117
§ 47. Сочетание двух простых (непроизводных) основ существительных	117
§ 48. Сочетание двух производных существительных, образованных одним и тем же словообразовательным суффиксом	118
§ 49. Сочетание двух основ существительных, содержащих возвратно-взаимный префикс <i>э-</i>	118
§ 50. Сочетание двух основ существительных с отрицательным аффиксом	118

§ 51. Сочетание двух основ причастий настоящего времени, выражающих противоположные направления.	118
§ 52. Сочетание двух субстантивированных причастий настоящего времени	118
§ 53. Сочетание двух субстантивированных причастий будущего времени	118
§ 54. Сочетание двух атрибутивных комплексов с редупликацией определяющего слова	118
§ 55. Сочетание двух атрибутивных комплексов с редупликацией определяемого слова	119
§ 56. Сочетания типа <i>бзаджэ-наджэ</i>	119
§ 57. Сочетания типа <i>ІэпцІэ-лэапцІэ</i>	119
§ 58. Сочетания типа <i>ныкгуэ-дыкгуэ</i>	119
§ 59. Сочетание двух незначащих компонентов с редупликацией конечного согласного или конечного слога первого компонента	119
§ 60. Сочетание двух незначащих компонентов с редупликацией начального слога первого компонента	119
§ 61. Сочетание двух звукоподражательных слов с редупликацией конечного согласного или конечного слога	119

III. Аффиксальное словообразование имен

§ 62. Суффикс <i>-гээ</i>	120
§ 63. Суффикс <i>-агэ</i>	121
§ 64. Суффикс <i>-чІэ</i>	121
§ 65. Суффикс <i>-гэу</i>	122
§ 66. Суффикс <i>-й, -е, -и(-йэ)</i>	122
§ 67. Суффикс <i>-шэ -шэ</i>	123
§ 68. Суффикс <i>-кІу(э) -кІуэ</i>	124
§ 69. Суффикс <i>-лэ(э) -лээ</i>	124
§ 70. Суффикс <i>-мэ</i>	125
§ 71. Суффикс <i>-т(э), -д(э) -дэ</i>	125
§ 72. Суффикс <i>-б, -рб -мб</i>	125
§ 73. Суффикс <i>-тэ, -нтэ</i>	125
§ 74. Суффикс <i>-у</i>	126
§ 75. Суффикс <i>-ф -хуэ</i>	126
§ 76. Суффикс <i>-рэ -рей (-рэйэ)</i>	126
§ 77. Суффикс <i>-рый(э) -рей (-рэйэ)</i>	127
§ 78. Суффикс <i>-бэ(э)</i>	128
§ 79. Суффикс <i>-л(э) -лэ</i>	128
§ 80. Суффикс <i>-лы</i>	128
§ 81. Суффикс <i>-рыл(э) -рилэ</i>	128
§ 82. Суффикс <i>-рын(э) -ринэ</i>	129
§ 83. Суффикс <i>-лх -х</i>	129
§ 84. Суффикс <i>-нчэ(э) -ншэ</i>	129
§ 85. Суффикс <i>-куэ -гуэ</i>	130
§ 86. Суффикс <i>-дж(э) -джэ</i>	130
§ 87. Суффикс <i>-й(э) -й</i>	131

§ 88. Суффикс <i>-чІай(э) -чІей (-чІэй)</i>	131
§ 89. Суффикс <i>-гэай(э) -гэей</i>	132
§ 90. Суффикс <i>-е(-йэ)</i>	132
§ 91. Суффикс <i>-(а)блэ</i>	132
§ 92. Суффикс <i>-ц(э)</i>	132
§ 93. Суффикс <i>-шьэ -шэ</i>	133
§ 94. Суффикс <i>-кгуэ, -Іу(э)</i>	133
§ 95. Суффикс <i>-зэ</i>	133
§ 96. Суффикс <i>-ндж</i>	133
§ 97. Суффикс <i>-жэый -жэей (-жээйэ)</i>	134
§ 98. Суффикс <i>-нау -нитІэ</i>	134
§ 99. Суффикс <i>-шху(э) -шхуэ</i>	134
§ 100. Суффикс <i>-кэ(э)</i>	134
§ 101. Суффикс <i>-хэу</i>	135
§ 102. Суффикс <i>-тІ(э) -тІэ</i>	135
§ 103. Суффикс <i>-гэуай(э) -гэуей(-гэуэйэ)</i>	135
§ 104. Суффикс <i>-гэуашІу(э) -гэуафІэ</i>	135
§ 105. Суффикс <i>-жэ(ы) -жэ</i>	136
§ 106. Суффикс <i>-нтІэ(э) -нтІэ, -тІэ</i>	136
§ 107. Суффикс <i>-пчэ -бжэ</i>	136
§ 108. Суффикс <i>-гэ</i>	136
§ 109. Суффикс <i>-сэ</i>	136
§ 110. Суффикс <i>-пІцІэ, -мІцІэ</i>	136
§ 111. Суффикс <i>-ш -шэ</i>	136
§ 112. Суффикс <i>-лэ</i>	136
§ 113. Краткие выводы	136

Глава третья. Глагол

§ 114. Вводные замечания	138
I. Способы образования глагольных основ	
§ 115. Основосложение	139
§ 116. Инкорпорирование	143
§ 117. Префиксальный способ	146
§ 118. Суффиксальный способ	146
§ 119. Комбинированный способ	147
§ 120. Фонетический способ	147
II. Аффиксы глагольного словообразования	
§ 121. Дистрибуционная классификация аффиксов глагольного словообразования	149
§ 122. Аранжировка аффиксов глагольного словообразования	155
§ 123. Вопрос о последовательности анализа аффиксов глагольного словообразования	157
Префиксы глагольного словообразования	
Порядок 1: префиксы фактитива <i>гээ-, уы-</i>	157
§ 124. Префикс <i>гээ-</i>	157

§ 125. Префикс <i>уы-</i>	158
§ 126. Анализ застывших форм, образованных с помощью префикса <i>уы-</i>	158
Порядок 2: префикс каузатива <i>гэ-</i>	162
§ 127. Префикс <i>гэ-</i>	162
§ 128. Застывшие формы, содержащие префикс <i>гэ-</i>	164
Порядок 3: локальные префиксы (превербы)	164
§ 129. Предварительные замечания	164
§ 130. Превербы <i>дэ-, йы-, хэ-</i>	165
§ 131. Преверб <i>ч/гэ- ш/э-</i>	169
§ 132. Преверб <i>т-</i>	170
§ 133. Преверб <i>шыы- шгы-</i>	171
§ 134. Преверб <i>шыуэ- ф/э-</i>	172
§ 135. Преверб <i>хыф/э-</i>	173
§ 136. Преверб <i>нэ-</i>	173
§ 137. Преверб <i>нэры-</i>	174
§ 138. Преверб <i>нэш/э-</i>	174
§ 139. Преверб <i>кэуэ-</i>	174
§ 140. Преверб <i>лгы-</i>	175
§ 141. Преверб <i>блэ-</i>	176
§ 142. Преверб <i>гуэ-</i>	176
§ 143. Преверб <i>к/уэц/ы-</i>	177
§ 144. Преверб <i>к/уэц/ыры-</i>	177
§ 145. Преверб <i>пхы-</i>	178
§ 146. Преверб <i>пкгыры- п/кгыры-</i>	178
§ 147. Преверб <i>луы-</i>	178
§ 148. Преверб <i>бггыэдэ- бггэдэ-</i>	179
§ 149. Преверб <i>бггыыры-</i>	179
§ 150. Преверб <i>ч/эры-</i>	180
§ 151. Преверб <i>ч/элгыры- ч/элгы-</i>	180
§ 152. Преверб <i>жэхэ- жгэхэ-</i>	180
§ 153. Преверб <i>шгхэдэ-</i>	180
§ 154. Преверб <i>шгхэры-</i>	181
§ 155. Преверб <i>шгхэшыы- шгхэшгы-</i>	181
§ 156. Преверб <i>шгхэпыры-</i>	181
§ 157. Преверб <i>лэч/э- лэш/э-</i>	181
§ 158. Преверб <i>лэны-</i>	182
Порядок 4: префиксы союзности (<i>дэ-</i>), взаимности (<i>зэ-, зэры-</i>), совместности (<i>зэдэ-</i>)	182
§ 159. Префикс <i>дэ-</i>	182
§ 160. Префикс <i>зэ- (зэры-)</i>	183
§ 161. Префикс <i>зэдэ-</i>	184
Порядок 5: релятивные префиксы <i>фэ- хуэ-, шыуэ- ф/э-</i> ; префикс потенциалиса <i>фэ- хуэ-</i>	185
§ 162. Префикс <i>фэ- хуэ-</i>	185
§ 163. Префикс <i>шыуэ- ф/э-</i>	187
§ 164. Префикс <i>фэ- хуэ-</i>	188

Порядок 6: направительные префиксы (превербы)	190
§ 165. Префикс <i>кгэ-</i>	190
§ 166. Префикс <i>нэ-</i>	192
Порядок 7: возвратный префикс <i>зэ- (зы-)</i>	193
§ 167. Префикс <i>зэ- (зы-)</i>	193

Сложные префиксы

§ 168. Префикс <i>зэхэ-</i>	194
§ 169. Префикс <i>зэч/э- зэш/э-</i>	194
§ 170. Префикс <i>зэфэ- зэхуэ-</i>	194
§ 171. Префикс <i>зэбгыры-</i>	195
§ 172. Префикс <i>зэлгы-</i>	195
§ 173. Префикс <i>зэпкгыры- зэп/кгыры-</i>	195
§ 174. Префикс <i>зэ/ы-</i>	195
§ 175. Префикс <i>зэф/э-</i>	195

Суффиксы глагольного основообразования

§ 176. Предварительные замечания	196
Порядок 1: непродуктивные суффиксы	196
§ 177. Суффикс <i>-т(э)</i>	196
§ 178. Суффикс <i>-й(ы)</i>	196
§ 179. Суффикс <i>-пхэ(ы)</i>	196
§ 180. Суффикс <i>-шггы(э) -шгггы(ы)</i>	196
§ 181. Суффикс <i>-хгы(ы)</i>	196
Порядок 2: суффиксы <i>-л(э), й(э) -й(ы)</i>	197
§ 182. Суффикс <i>-л(э)</i>	197
§ 183. Суффикс <i>-й(э) -й(ы)</i>	197
Порядок 3: возвратный суффикс <i>-жы(ы) -ж(ы)</i>	197
§ 184. Суффикс <i>-жы(ы) -ж(ы)</i>	197
Порядок 4: суффикс потенциалиса <i>-шгы(ы) -ф(ы)</i> ; суффиксы <i>-шы(э) -шг(э), -лу(э), -п(э)</i>	198
§ 185. Суффикс <i>-шгы(ы) -ф(ы)</i>	198
§ 186. Суффикс <i>-шы(э) -шг(э)</i>	198
§ 187. Суффикс <i>-лу(э)</i>	199
§ 188. Суффикс <i>-п(э)</i>	199
§ 189. Краткие выводы	199

Глава четвертая. Местоимение

§ 190. Типы местоимений	200
§ 191. Личные местоимения	200
§ 192. Притяжательные местоимения	202
§ 193. Указательные местоимения	206
§ 194. Вопросительные местоимения	207
§ 195. Определительные местоимения	210
§ 196. Неопределенные местоимения	212

Глава пятая. Числительное

§ 197. Основные разряды числительных	214
§ 198. Способы образования числительных	214
§ 199. Количественные числительные	215
§ 200. Кратные числительные	225
§ 201. Порядковые числительные	228
§ 202. Разделительные числительные	230
§ 203. Дробные числительные	231

Глава шестая. Наречие

§ 204. Основные разряды наречий	233
§ 205. Способы образования наречий	233
§ 206. Этимологический анализ структуры сложных и сложно-производных наречий	234
§ 207. Адвербиальные суффиксы	238
§ 208. Адвербиализация	240

Глава седьмая. Служебные части речи

§ 209. Лексико-грамматическая характеристика	244
§ 210. Послелог	248
§ 211. Союзы	250
§ 212. Частицы	252

Глава восьмая. Междометия и мимео-изобразительные слова

§ 213. Междометия	256
§ 214. Мимео-изобразительные слова	258
Специальная лингвистическая литература	260
Список источников, использованных в первой части «Морфологии»	264

Мухадин Абубекирович Кумахов

МОРФОЛОГИЯ АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ, I

Редактор *Б. Х. Балкаров*

Редактор издательства *К. Ш. Балкаров*

Художественный редактор *И. Г. Абрамов*

Технический редактор *С. С. Кумукова*

Корректоры: *М. В. Василенко* и *Л. А. Лачинова*

Слано в набор 3/1 1964 г. Подписано к печати 10/V 1964 г.

Бумага 60×90^{1/16}. Печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 17,6

Тираж 1000 экз. Заказ № 7816.

Цена 1 р. 20 к.

Кабардино-Балкарское книжное издательство

Нальчик, проспект им. Ленина, 33

Типография им. Революции 1905 года
Управления по печати при Совете Министров КБАССР
Нальчик, проспект им. Ленина, 33